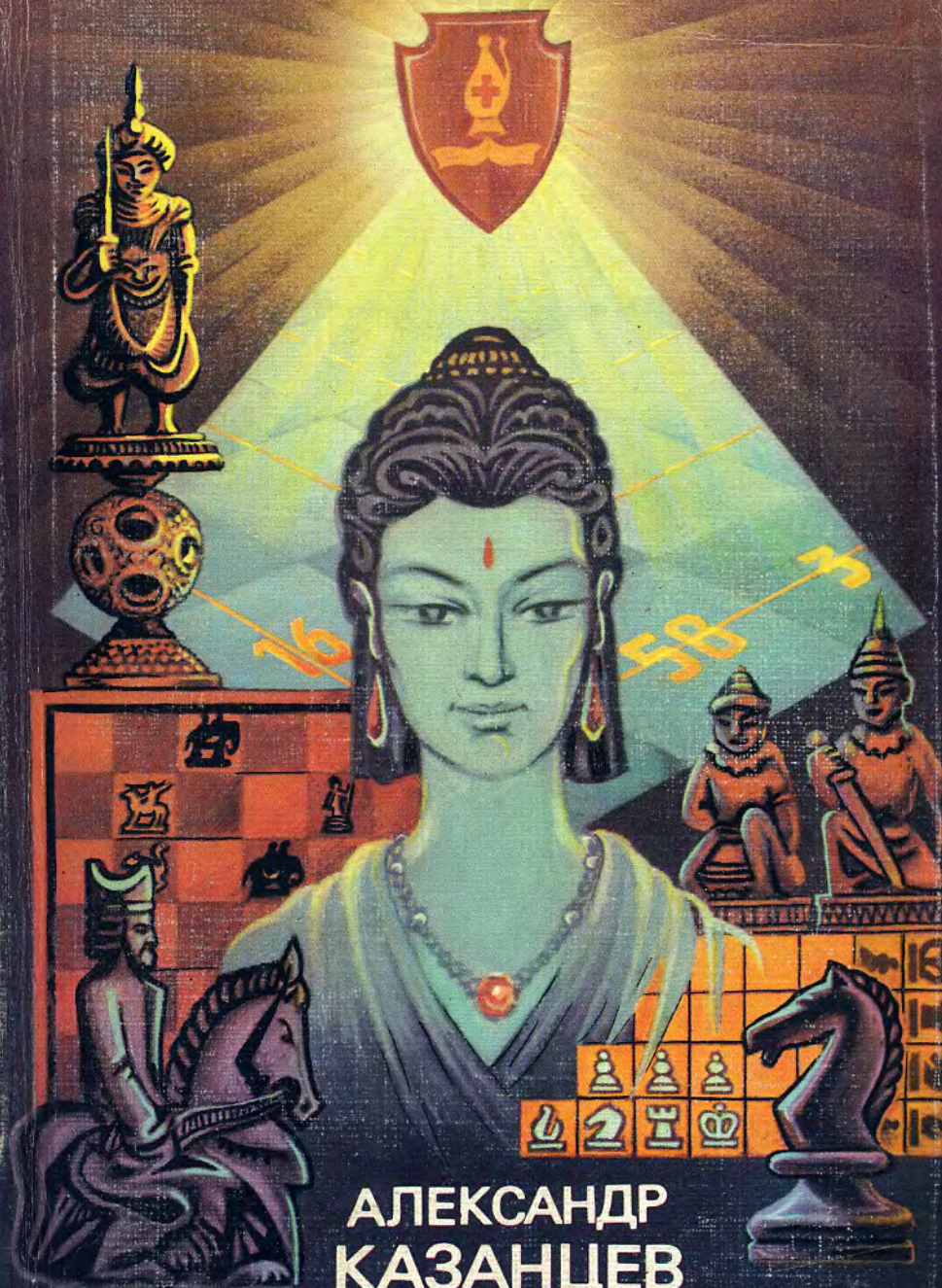

АЛЕКСАНДР КАЗАНЦЕВ ДАР КАИССЫ

АЛЕКСАНДР
КАЗАНЦЕВ

ДАР КАИССЫ

*Борьба сурова. Жизнь жестка.
И вдруг
Среди великой бури
Два человека и досна
И деревянные фигуры.*

*А. Бельменский.
«Шалматы»*

Давно я, фантаст и этюдист, мечтал совместить фантастику и шахматы в одной книге. Читатель, следя за судьбой героев, мог бы открыть красоту шахматной борьбы и заметить схожесть приемов мышления за доской и в жизни. «Твори, выдумывай, пробуй!» — изобретательская заповедь Маяковского применима и на шестидесяти четырех клетках, которыми якобы воспользовалась богиня шахмат Каисса для своего подарка людям. И вот книга, включившая в себя мои избранные этюды, написана. Мне хотелось, чтобы ее мог читать и не шахматист. Читателю судить, как удалось это. Но если он, не искушенный в шахматах, заинтересуется мудрой игрой, я буду счастлив.

А. Карасин

АЛЕКСАНДР
КАЗАНЦЕВ

ДАР КАИССЫ

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЕ
ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

2-е ИЗДАНИЕ
дополненное

МОСКВА
«ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ»
1983

ББК 75.581

К 14

Казанцев А. П.

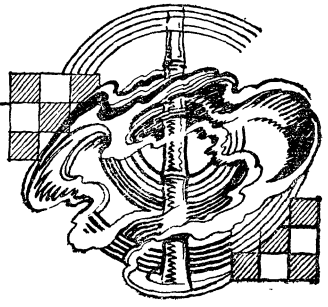
К 14 Дар Каиссы: Повести и рассказы.— 2-е изд.—
М.: Физкультура и спорт, 1983.— 271 с., ил., портр.,
факс.

Во 2-е издание книги известного писателя-фантаста А. Казанцева «Дар Каиссы», кроме указанной повести и рассказов, опубликованных в 1975 г., вошли повести «Шахматная тайна колодца», «Узник Бастилии», рассказы «Щит короля Артура», «Тринадцатый подвиг Геракла», «Подарок Шамбалы», «Блестящий проигрыш». В литературные произведения органически вплетены шахматные этюды писателя, являющегося мастером шахматной композиции.

Расчитана на любителей шахматных этюдов, но может быть расчитана и на любителей научно-фантастической литературы.

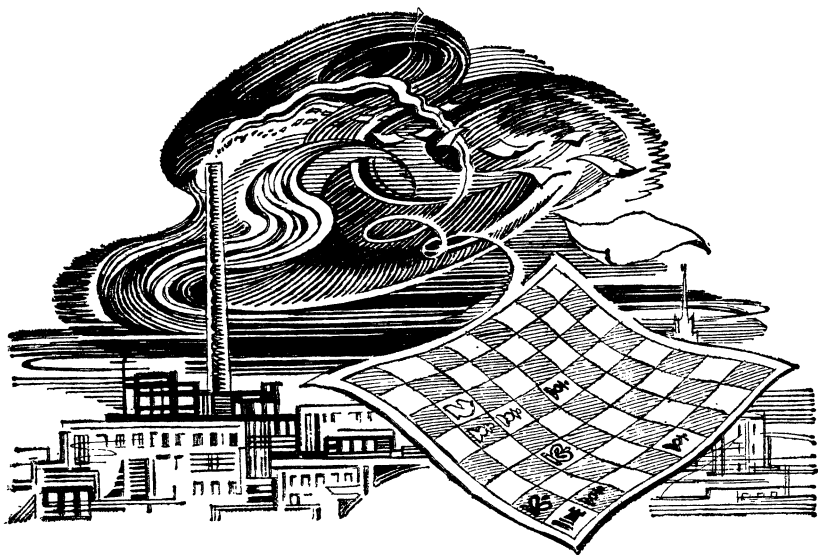
К 4202000000—159
009(01)—83 КБ 13—30—1983

ББК 75.581
7А9.1

**ДАР
КАИССЫ**

ПРОЛОГ

Жадеи разум человеческий. Он не может ни остановиться, ни пребывать в покое, а прорывается все дальше.

Ф. Бекон

Ветер пронесся над городом. Он столбами закручивал пыль на немощеных улицах, белыми чайками. никогда сюда не залетавшими, гнал над речкой бумажки. В печных трубах домов, не переведенных еще на центральное отопление, нечистой силой выл, как в старых русских сказках.

Деревья в городском саду гнулись, трепеща ветками. За далеким лесом на том берегу громыхало. Но дождь не начинался.

Железную урну в городском саду повалило и покатило по чисто выметенной дорожке. За ней гнались два листка бумаги. Один из них застрял на скамейке с изрезанной перочинными ножами спинкой.

Капитан милиции Гусаков тяжелым шагом вошел в кабинет.

— Так вот, капитан,— майор Степин поднял глаза от новой папки с тремя одинаковыми бумажками.— Дело нешуточное. Как-то в погранотряде взяли мы нарушителя. Смотрел ясными глазами и клялся международной солидарностью. И обнаружили при нем всего лишь шахматную задачку. Был у нас один мастак по шахматам, вроде вас, Гусаков. Знаю, вы у заезжего сеансера партию выиграли. Позраничник решил задачку, и кодом она секретным оказалась. Вот так. Понятно?

— Ясно, товарищ майор. Посмотреть бы ее.

— Другую задачку покажу. Для того и вызвал. Чепе!

Офицер Гусаков был по партийной линии направлен из армии на следовательскую работу и слыл уже в новом деле докой.

— Вот,— сказал Степин, вынимая из дела бумажку.— Изучите. Потом куда следует передадим.

В городском саду было по-утреннему тихо, безлюдно. Ничто не напоминало вчерашнего ветра. Дворники подметали дорожки и косились на капитана милиции, грузно шагавшего к обрыву.

В воздухе несло с реки рыбой и чуть пахло дымком. Это от заводской трубы на том берегу. В глубине сада ее не увидишь из-за разросшихся деревьев, которые сажал здесь в пионерские годы сам же Ваня Гусаков.

Внизу плескались в воде ребяташки, вырвавшиеся на лето из школы. Вот и скамеечка с вырезанными на спинке именами: «Ваня + Катя», «Маша с Юрой». Вечерами здесь сидят влюбленные парочки. Гусаков устроился на скамейке и погрузился в изучение «листочка».

Листок ученической тетради по арифметике. На клеточках старательно заштрихована доска и нарисованы шахматные фигуры¹. Детским почерком сообщалось, что «белые начинают и делают ничью», а также по какому адресу следует прислать правильное решение и отзыв на произведение.

Иван Тимофеевич еще некоторое время посидел, внимательно изучая «листочку», потом направился по указанному в ней адресу.

Дверь открыл мальчик лет тринадцати, с подвижным лицом и поразительно живыми карими глазами.

— Каникулы, значит,— сказал Гусаков, здороваясь.

Мальчик тряхнул запущенными волнистыми волосами.

— Та-ак,— тянул Иван Тимофеевич, оглядываясь вокруг.— Человек я у вас новый, временный. Кто у вас тут проживает, кто прописан и все такое?

— Здесь Куликовы живут. А я — Костя, в седьмой класс перешел.

— Это хорошо,— кивнул Иван Тимофеевич, осматриваясь в передней.— Адрес тут ваш дан... и будто бы ничью можно сделать.

Мальчик вспыхнул:

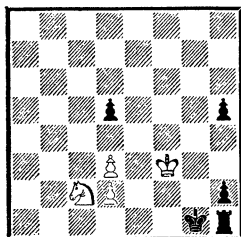
— Неужели вы из-за этого? Вы первый! Честное пионерское. Еще никто не решил. Я не думал, что так трудно.

— А там ничьей вовсе и нет,— заявил Гусаков.

— Как так нет? — запротестовал мальчик.— Давайте я сейчас вам покажу. Вы проходите в комнату, я шахматы мигом расставляю...

Иван Тимофеевич сел на стул, рассматривая обстановку чисто

1

прибранной комнаты, Темная полированная мебель. А кровать совсем светлая. Над ней фотография летчика.

Мальчик расставил на шахматной доске знакомую Гусакову позицию:

— Вот смотрите. Черного короля надо запереть, чтобы он не выпустил свою ладью, — **1. Ke3!**

— Это мы понимаем, — кивнул Иван Тимофеевич. — А мы твоего коня пешечкой турнем — **1. . . d4!** Не угодно ли убраться?

— Так в этом все и дело. Теперь белые играют **2. Kf5.**

Мальчик залез обеими ногами на стул. Встал на коленки.

— Ишь, какой хитрый. Хочет меня на вилку подцепить. Не выйдет, молодой человек. У нас еще есть порох... на базе снабжения. Пожалуйста: **2. . . h4!**

Костя даже подскочил от возбуждения и с размаху поставил коня на g3.

— В этом соль! После **3. Kg3** вам нечего делать ².

— Как нечего? Взять коня можно, а можно и мимо пешкой проследовать.

— И прекрасно! Если пройдет пешкой, я возьму ладью конем, вы заберете коня, а я встану королем на f2, и вам пат. Заметьте, черным пат! А если возьмете коня пешкой — **3. . . hg**, то **4. Kpe2!**, и теперь любой ход черных ведет к пату или белым или черным. Еще два пата, всего три! Смотрите: **4. . . g2** **5. Kpe1**, и черным еще раз пат. А если **4. . . Kpg2**, то сразу пат, но белым!

Гусаков некоторое время смотрел на доску.

— Так... взаимопат, говоришь? А теперь, чтобы мы с тобой взаимно пат получили и с ничьей разошлись, скажи-ка мне, друг Костя, зачем ты эти листовки придумал?

— Как зачем? — удивился Костя. — Чтобы люди знали. А если бы я картину нарисовал в нескольких экземплярах и по воздуху пустил? Это тоже плохо?

— Вот это мы сейчас и разберем. Выходит дело, устроил ты собственную воздушную газету с бесплатным распространением. Что ж, тебе подписных изданий мало?

— Я боялся в журнал послать. Забракуют еще...

— Ишь, ты! С гонором мы! Неудач боимся!

Иван Тимофеевич подметил, как быстро меняется у мальчика выражение лица. Смущенный, тот поспешно складывал шахматы.

— А я думал, вы решили.

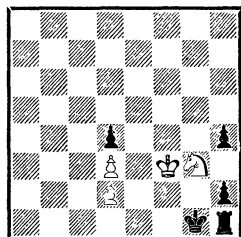
— Я и решил. Еще на скамейке в саду решил. Но не все.

— Решили? Так чего же я вам показывал? Вы уже знали?

— Знал, да не все. А чтобы узнать, и сказал, будто ничьей тут нет. Подзадорил тебя малость.

В передней хлопнула входная дверь. В комнату с кошелкой в руке быстро вошла худощавая, начинающая седеть женщина с усталым лицом, но такими же живыми глазами, как у Кости.

2

— Здравствуйте, гражданка Куликова. Я ваш новый участковый уполномоченный. Зашел познакомиться.

— Пожалуйста, садитесь, я сейчас... — и она засуетилась.

— Ты что же, задачку эту сам сочинил? — обратился к Косте Иван Тимофеевич.

— Сам, — признался Костя и встряхнул шевелюрой.

— Постричься бы следовало, — заметил Гусаков.

— Я уж твержу ему, твержу! Прямо не знаю, что делать. Мода какая-то дикая....

— Стариннейшая, — отозвался Гусаков. — В средние века так щеголяли. И в прошлом веке так носили... и в каменном тоже. А вот в армии не положено. Потому... гигиена...

— Я голову часто мою! — вступил Костя. — А стричься сам буду. В парикмахерскую ни за что не пойду: там окромсают — уши потом торчать будут.

— Вот ведь почему парикмахеры нынче простаивают, — вздохнул Иван Тимофеевич.

— Ну вот я и освободилась, товарищ уполномоченный. Чем могу быть вам полезной? Я — Куликова Серафима Ивановна, учительница. Живем вдвоем с сыном.

— А он в дымоход кирпичного завода лазает. Маме потом питаны, рубашку стирать... А вот ботинки самому бы надо очистить от глины. В передней два дня, поди, ждут.

Костя стоял оторопелый, опустив голову. Серафима Ивановна прижала руки к подбородку и с укором смотрела на сына.

— Я знала, что так кончится, что эти его выдумки...

— Выдумка здесь есть, это верно, — согласился Гусаков.

— Как вы узнали? — прошептал Костя.

— Видишь ли, Костя, сидел я на скамеечке в парке и сразу две задачки решал: одну шахматную, а другую — откуда твои листки вылетели и как их ветром понесло? И тут дымком потянуло, понимаешь?

— Из кирпичной трубы! — воскликнул Костя.

— Вот именно. — подтвердил Иван Тимофеевич. — Иногда ветер дым к земле жмет, в том же самом месте, где листовку в парк занес. Листовки в воздух вчера вылетели. Завод эти дни не работал. Ветер в воскресенье был с той стороны. Листовки свободно могли через речку перелететь.

— Ничего не понимаю, — призналась Серафима Ивановна.

— Вы костюмчик ему чистили вчера?

— Чистила. Как трубочист перемазался.

— Еще бы. В дымоход ведь надо было забраться.

— Зачем?! Зачем?! — в ужасе воскликнула Серафима Ивановна.

— Трубы почему длинными делают? Чтобы тяга в них была. И даже когда завод стоит, в трубе тяга все равно есть. Особенно в ветреный день. За счет разности температур воздуха на вершине трубы и у ее основания. Это потому, что теплый столб воздуха, наполняющий трубу, легче такого же столба снаружи. И если теп-

лый воздух наполнит трубу, то наружный его и вытолкнет вверх. Попросту — тяга.

— Откуда вы все это знаете? — удивилась учительница, рассматривая пожилого милиционера.

Иван Тимофеевич улыбнулся:

— От отца знаю. В партизанах он был. Из этой же самой кирпичной трубы завода он листовки в город через речку по ветру пускал. Никак гитлеровцы не могли догадаться, откуда они летят. Эсэсовцы из себя выходили. Об этом потом писали. Вы могли прочитать.

— Я не читал! — воскликнул Костя.

— Значит, на выдумку ты мастак, друг Костя. Взаимопат ты отменный выдумал. И с использованием тяги знатно у тебя получилось. А если до тебя люди так делали, ты гордиться этим должен. Выходит, правильно выдумал! И не вздумай тужить, если этюд твой с предшественником окажется или с побочным решением. И еще я тебе скажу: от проигрышей в шахматы человек сильнее может стать. Закалять характер шахматами надо, вот что! «Характер состоит в энергичном стремлении к достижению целей, которые каждый себе указывает». Это Гёте сказал, великий поэт и знаток людей.

— Сначала я думал, вы — шахматист, потом — что Шерлок Холмс, а вы, оказывается...

— Ну что я! О тебе речь идет. Выдумка — великая вещь. Когда отец мой в Великую Отечественную из кирпичной трубы прокламации против фашистов запускал, его выдумка была отличной, потому что нужна была. А твоя выдумка вроде бы та же самая, а зачем, спрашивается? Чтобы слабость твою прикрыть? В шахматный журнал этюд свой послать не решаешься, ветру судьбу вверяешь — пусть, мол, люди листовки поймают и шахматные задачки решают. Нет, брат. Если хочешь тягу использовать, то как-нибудь по-другому, чтобы людям польза была побольше.

— Там в трубе тяга такая сильная, что вентилятор закрутится.

— Вот это славно, сынок. Вентилятор — это уже машина! А машины людям служат. Так извините меня, граждане хорошие. Разрешите откланяться.

Прощаясь в передней, Иван Тимофеевич спросил Костю:

— Так сколько ты «листовок» через трубу запустил?

— Сто семь штук.

— А ответов кроме моего, значит, нет?

— А мне больше и не надо! Спасибо вам. Большое спасибо!

— Это за что же? Что не штрафую?

— Нет, за тягу.

— Ах, за тягу! Ну, давай, давай! Растите сыночка, Серафима Ивановича. Будьте здоровы.

И капитан милиции Гусаков тяжелым шагом вышел из квартиры Куликовых, не подозревая, какой переворот совершил в юной душе.

Серафима Ивановна, сама не зная почему, заплакала, по-матерински отгадав значение случившегося для судьбы сына.

Часть первая ТЯГА

*Шахматная игра — это говорящая
грамматика человеческого сердца.*

*Карел Крутецкий,
польский пропагандист
шахмат*

Глава первая ПЕРЕПОЛОХ НА НЕБЕ

Вращавшийся зал ресторана рывком остановился. Вика даже качнулась вперед. Она видела, как перепуганные люди вскакивали с мест, даже опрокидывали стулья. Вика посмотрела в окно, и ей стало жутко. Далеко внизу сквозь туманную сетку дождя неясно проступал как бы архитектурный макет города с многоэтажными коробочками домов.

Настольные лампы вдруг зажглись, потом тревожно замигали и все разом погасли.

Люди бросились к выходу. Началась давка. Очевидно, лифты не работали. Вике стало совсем не по себе. Она вдруг ощутила, что находится на огромной высоте, что до земли сотни метров! Ей тоже хотелось вскочить, но было совестно соседей по столу. Конечно, Останкинскую телебашню ветер, так дувший внизу, теперь отчаянно раскачивает, валит, сейчас ломает!.. Хорошо, хоть Кати нет: она совсем бы перетруснула!

Вика посмотрела через окно вниз. Ей показалось, что она летит на снижающемся самолете и сейчас врежется в едва различимые в тумане дома.

Какая-то женщина истерически закричала.

Все началось неудачно еще внизу. Вике Нелидовой надоело ждать и всматриваться в прохожих, чтобы еще издали увидеть Катю. Подружки не было. Вика металась по панели, перепрыгивая через рябые от порывов ветра лужи.

Ветер становился таким сильным, что Вика непроизвольно запрокинула коротко стриженную голову, чтобы убедиться, не раскачивается ли Останкинская телевизионная башня. Капюшон, накиннутый от дождя, сполз на затылок. Низкие облака неслись пенным потоком, скрывая шпили башни.

Все положенные сроки прошли, а Катя не появлялась. У Вики характер был решительный, и ее поступки, особенно в плохую погоду, не прогнозировались. Она разорвала в клочья Катин билет в ресторан «Седьмое небо». Обрывки билета, который можно было бы кому-нибудь отдать, подхватило и понесло над лужами, а Вика «наперекор стихии», запахнув свой плащик, направилась в башню.

Ветер сразу исчез. Но Вика была слишком раздражена. Ну что это за подъем на огромную высоту в «герметически закрытом» лифте? Как будто к себе домой на четырнадцатый этаж! Внизу вошла, вверх вышла — не поверишь, что до земли сотни метров. Вот в Париже, говорят, на Эйфелевой башне, хоть она и пониже Останкинской, ощущений будто бы больше. Пересаживаешься из одного открытого лифта в другой. Через решетчатые фермы все видно, голова кружится, и пятишься на соседей. А здесь что? Вышла из лифта и шагнула... в зал ресторана. Ветра никакого. Скатерти на столиках, официанты с подносами, снедь пахнет. Одно утешение, что зал этот круглый и вращается. А через окна (только через окна!) можно смотреть вниз. Вообще-то это здорово, если бы вместе с Катей! Сидишь за столиком и медленно едешь, как в вагоне. Смотришь на Москву, как с облаков (вот уж верно — с «седьмого неба!»). И будто на макет города. Тут Вика вовсе расстроилась. Макет города с коробочками домов она не видела. Во-первых, из-за туманной мглы и сетки дождя, а во-вторых — место ее было у самого прохода. Хорошо, какой-то юнец с запущенными волосами (платице бы на него натянуть!) уступил ей место у окна. Правда, скоро выяснилось, что сделал он это не ради Вики и ее смородиновых глаз и даже не из воспитанности, а из-за того, что ему нужно было сесть рядом с седым дядькой, чтобы — тут уж Вика едва не задохнулась от возмущения — играть в ресторане Останкинской телебашни в шахматы!

Четвертым за их столиком оказался какой-то турист. Его привел важный метрдотель с угодливыми движениями. Был турист опрятным, выутюженным, в модном пестром галстуке и с диковинным значком на пиджаке без лацканов. У него было надменно-

серьезное лицо. Он с почтительной улыбкой поздоровался и сказал, отчетливо произнося слова:

— Покорнейше благодарю. Сочту за честь разделить трапезу.

Он заинтересовался карманными магнитными шахматами в изящной книжечке, развернутой на скатерти длинноволосым. Но Вике познаний в шахматах не хватало, чтобы оценить красоту, скрытую в расставленной на доске позиции. Вика почувствовала себя на положении глухой на симфоническом концерте, которая только и видит, что движение смычков, раздвижных труб и взлетающих медных тарелок.

— Ну, друг Костя, порадовал этой встречей. Хорошо ты меня разглядел, а я тебя ни за что бы не узнал. Ишь, как вымахал!

— Акселерация, Иван Тимофеевич. Папа мой невысокий был, но летал высоко. А маму вы видели.

— Акселерация, говоршь? И то верно. Только разобраться в этой штуковине ни в науке, ни у нас в милиции не могут.

«Милиция!» — мысленно фыркнула Вика, прислушавшись к разговору «одержимых». Сосед-турист посмотрел на нее, стремясь встретиться взглядом.

— А вы теперь на пенсии, Иван Тимофеевич?

— На пенсии. Кадрами заправляю на хлебозаводе в Заречье.

— Знаю! Там тоже труба. Только у кирпичного выше.

— Трубу твою помню. А ты, случаем, не листочки с шахматными задачками запускать отсюда хочешь?

— Нет, нет! Теперь меня в шахматных журналах печатают. И за рубежом тоже. Я ведь мастер по шахматной композиции. Вот у меня значок. Не заметили?

— Заметить-то заметил. Думал, за альпинизм или за пещеры какие. К дымоходам ты смолоду склонность имел.

Молодой рассмеялся:

— Взаимонат вспомнили? И про тягу, о которой сказали?

— А как же? Там цугцванг получался.

— Цугцванг — великая вещь! Я и в жизни чувствую, что обязан найти ход, что-то большое сделать. Хотите, расскажу и покажу?

— Давай, давай! Только как это кони ходят? Давненько я...

— Знаем мы вас!...

Молодой человек достал карманные шахматы и предложил сидевшей с ним рядом Вике пересесть на его место к окну, а сидевшему напротив туристу — рядом с ней, чтобы самому вместе с седым дядькой рассматривать шахматную доску.

Вика сразу обрадовалась окну, но в нем мало что было видно из-за тумана и сетки дождя. Она перевела взгляд на шахматы.

— Какая неудачливая погода, — сказал турист и скучающе уставился на шахматную доску.

— Ничья, значит? — спросил пожилой дядька.

— Ничья, — подтвердил тот, кого называли Костей. — Пифак мне не давался этот этюд. Дважды за него отличия присуждали — золотую медаль конкурса ФИДЕ, потом приз Руставелиады.

— И оба раза мимо проехало?

— Нет, за Шота Руставели я приз получил, но зря: этюд с дыркой оказался неверным. Я бы его бросил, если бы он не был кое с чем связан у меня в жизни. Помните, идею мне подсказали?

— Неужто ты про тягу?

Турист равнодушно отвернулся, но чуть наклонил голову, словно услышал далекий звук. Вика это отметила и стала изо всех сил смотреть на шахматы, стараясь разгадать отраженную там судьбу ее молодого соседа.

— Это последняя переработка ³, — объяснял он. — Понимаете, здесь надо сразу играть 1. Сс2. А тяга...

— Стоп! — остановил Костю пожилой дядька.

И тут Вика качнулась вперед. Вращающийся зал, словно по команде седого дядьки, остановился.

Вика уперлась в стол обеими руками, глядя в лицо пожилому соседу.

— Спокойно, — сказал он. — Должно быть, ток отключили.

— Как это можно? — возмутилась Вика. — Вы посмотрите, что творится! — и она кивнула в сторону образовавшейся около лифтов толпы.

— А вы не туда смотрите, а сюда. В шахматах понимаете?

— Слишком мало.

— Завидное самообладание, — заметил турист. Его лицо потеряло выражение надменности, оставшись серьезным. Казалось, он с интересом изучал происходящее.

— Высота-то какая! — неуверенно произнесла Вика.

— Для того и поднимались, — заметил старший.

— А я из-за вас сюда, на верхотурье, Иван Тимофеевич... — возбужденно сказал молодой. Глаза его стали еще ярче.

— Из-за меня? Да ты ж меня десять лет не видел. Значит, ежели я слоном на с2 пойду, ты 1...d3 сыграешь, и придется мне 2. Сb1 отступить? — вслух размышлял седой дядька. — Я случайно здесь оказался. В отпуске. К родственникам заглянул на бывшую Мещанскую. Они мне и билет сюда достали.

— А здесь гала-представление! — кивнул молодой на лифты.

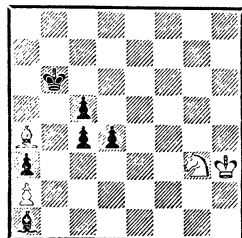
— Прощу спокойствия, — убеждал там метрдотель. — Возьмите пример с семнадцатого столика. Шахматы!..

— Слоном отступить на b1? — спросил Костя. — Тогда черный король ринется через образовавшуюся на d4 брешь, чтобы попасть на b2 и забрать вашего слона ⁴.

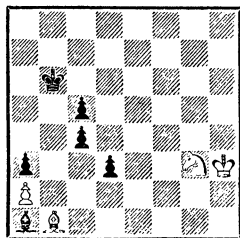
Турист прислушался к галдежу в зале и сказал:

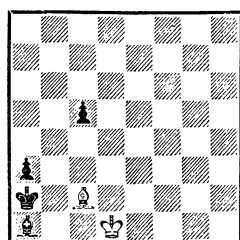
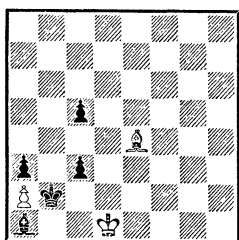
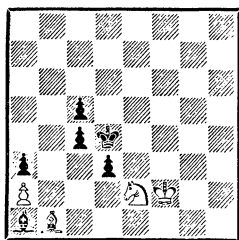
— Разъяснение: не авария, а преднамеренное отключение.

3

4

— Энергии? — переспросил Костя. — Энергия — великая вещь! Показатель развития цивилизации.

— Ты мне цивилизацией зубы не заговаривай, — сказал седой. — 2. . . Крс6, говоришь? Тогда мы тоже королем победим: 3. Крг2, ты — Крд5, мы — 4. Крf2, ты — в дырку Крд4, а мы конем шахнем — 5. Ке2+! ⁵

— Не выйдет, Иван Тимофеевич. Смотрите: 5. . . de 6. Кр : e2 Крс3 7. Крд1 Крb2 8. Се4 с3! ⁶

Нельзя брать пешку a2 из-за Крс2 с ничьей! Поэтому 9. Cf5 с2+ 10. С : с2 Кр : a2! ⁷ Теперь можно, потому что поле с2 заблокировано белым слоном.

11. Крс1 Сb2+ 12. Крд1 Се5 13. Крс1 Cf4+, и черные выигрывают.

Официант с героическим видом исполняющего долг человека пробивался сквозь гудящую толпу, неся поднос над головой.

— Подождите, сюда ставьте, — предложил ему Иван Тимофеевич, отодвигая тарелки. — Мне в особом блюде разобраться надо.

— Все в порядке, — объявил молодой бородач «типа геолог», усаживаясь за соседний столик. — Вертолетами спускать будут.

— Я лучше на парашюте прыгну, — бодрясь, сказала Вика.

— Позиция обещающая, — оглядев зал, отозвался Костя.

— Недохватка энергии, возможно? — предположил турист. — Энергетический кризис — это модно...

— Не с ветром ли связано? — спросила Вика.

— С ветром? С ветром была связана энергетика наших предков, — заговорил Костя. — Паруса, ветряные мельницы. Голландия в петровские времена стала самой энерговооруженной страной в Европе благодаря ветрякам.

— О-о! Нидерланды! Конечно, — почтительно подтвердил турист.

— А что делают сейчас в мире? Сжигают топливо: деревья живые или ископаемые (в виде каменного угля, торфа), опять же нефть или подземный газ. Преступление!

— Да ты никак Прометея, похитившего у богов огонь с неба, под суд отдашь?

— Нас судить будут. Потомки.

— Это почему же?

Вика поняла, что молодой человек затеял этот разговор ради

нее, чтобы отвлечь. Он с чуть напускным жаром заговорил об энергии Солнца. Об установившемся равновесии, когда планета использует на биопроцессы и излучает в окружающее пространство ровно столько энергии, сколько получает ее от Солнца. Сжигание топлив, то есть освобождение законсервированной солнечной энергии былых времен, нарушает установившийся режим, ведет к перегреву планеты.

В зал торжественно вошла вереница официантов в белых куртках. Каждый нес подсвечник с зажженными свечами.

— Как романтично! — воскликнула Вика и посмотрела на Костю.

— Изобретя огонь, люди не думали, как он опасен.

— Это весьма правильное суждение, — заметил турист, который поначалу слушал рассеянно, а теперь заинтересовался.

— Вот именно! Это всякий знает, — обрадовался Костя.

— Всякий, всякий! — закивал турист. — На то и живем, чтобы за грехи каяться.

— Каяться мало! Надо прекратить сжигание всякого топлива.

Иван Тимофеевич откинулся на спинку стула, достал сигареты.

— А закурить можно? Земля не перегреется?

Но Костя не шутил. Он стал доказывать, что достаточно поднять температуру планеты на два-три градуса за счет дополнительной энергии, получаемой не от Солнца, и человечество окажется перед катастрофой.

— А ты случаем не перегрелся, а? — осведомился Иван Тимофеевич. — Может, суп горячий?

— Нет, суп не такой уж горячий.

— Суп не горячий? Вам тотчас заменят, — сказал метрдотель, обходивший все столики и сам устанавливавший подсвечники.

— Нет, нет, речь не о том, — успокоил его Костя.

— Энергия отключена в связи с переходом на новый кабель. К концу «смены» посетителей лифты заработают, — заверил метрдотель, услужливо улыбаясь.

— Дело в парниковом эффекте, — сказал Костя, созерцая широкую спину отошедшего метрдотеля. — Из-за углекислоты.

— Это как же так? — поинтересовался Гусаков.

— А как в оранжерее, — внезапно вмешалась Вика. — Стекло пропускает солнечные лучи, а тепловые с грядок задерживает. Углекислота, накапливающаяся в атмосфере, вроде стекла. Чем ее больше будет, тем стекло как бы толще.

Все три соседа удивленно взглянули на Вику.

— Это у меня роль была такая, — встряхнув волосами, бодро сказала она. — В спектакле.

Вика не шутила. В Московском энергетическом институте, где она училась, действительно репетировали инсценировку какого-то фантастического рассказа.

— Очень приятно оказаться рядом с артисткой на такой московской высоте, — сказал турист, поправляя галстук.

— Заслуженной, поди, — лукаво буркнул в усы Гусаков.

— А как же! — рассмеялась Вика. — Непременно «заслуженная артистка без публики».

— Заслуженная артистка республики, — почтительно улыбнулся турист. — Какой театр, осмелюсь узнать

— Театр имени Сатира, — выпалила Вика, готовая прыснуть от смеха

— Театр Сатиры? Мечтаю туда попасть.

Костя с Иваном Тимофеевичем переглянулись. Они-то все расслышали. Чтобы не заострять на этом внимания, Костя стал увлеченно говорить о том, что люди дымят миллиардами труб, развезжают в миллионах автомобилей, отравляя воздух, безжалостно уродуя родную планету.

Возрастет ее температура на два-три градуса — и начнут таять арктические и антарктические льды! Уровень океана так поднимется, что моря затопят современные порты и даже целые промышленные страны, а на месте ныне плодородных земель образуются пустыни.

— Весьма неприятное пророчество, — заметил турист. — Оно не может не тревожить специалистов, экспертов.

— Что же теперь, цивилизацию на замок? Вернуться в каменный век? Голый человек на голой земле? — нахмурился Гусаков и кивнул на горящие свечки.

— Нет, Иван Тимофеевич. Люди сберегли бы свою планету, если бы использовали только излучаемую Солнцем энергию.

— В гидростанциях, например, — подсказала Вика. И на немой взгляд Кости шутливо ответила: — Я играла русалку, застрявшую в гидротурбине.

В огне свечей стриженная головка Вики казалась бронзовой.

— Очевидно, волосы тогда у вас были длинные и в водорослях? — пошутил Костя.

— Да, даже длиннее ваших. Парик надевала. И теперь могу!

— Не стоит! У вас изменится стиль. А насчет гидростанций вы правы. Солнечная энергия испаряет воду, поднимает ее, создает напор в реках. Но гидростанции стоят дорого. Возникают моря на месте плодородных земель. Пропадает рыба. Исчезает икра. Меняются местные климатические условия.

— И не всегда в лучшую сторону, — подхватила Вика.

— Есть другой способ использования солнечной энергии.

— Полупроводники? — спросил турист. — Читал: еще академик Иоффе из Ленинграда подсчитывал, что среднеазиатских пустынь вполне достаточно для энергоснабжения всего мира. Полагаю, будет слишком дорого. Бизнес не для всех стран.

— Можно без полупроводников, — сощурился Костя. — Наши предки куда расчетливее использовали солнечную энергию. Для них сегодняшняя погода — просто выгода!

— Ах, ветер, — кивнул турист.

Вика невольно поежилась, вспоминая, как ждала Катю.

— Очень капризно, неустойчиво, — закончил турист.

— Это не мешало морякам под парусами бороздить океаны, а о Голландии я уже говорил.

— Хотите опять ветряки? — почтительно осведомился турист.

— Нет! Вопрос можно решить куда более кардинально.

— Стоп! — сурово оборвал Гусаков. Вика даже невольно снова качнулась на стуле, словно зал вздрогнул. Но на самом деле все оставалось на местах. — Я решил-таки этой этюд с новым взаимопатом. Взгляни, верно ли? — И он придвинул к себе подсвечник.

Костя наклонился над доской. Иван Тимофеевич стал передвигать фигурки. И в этот момент гул прошел по залу. Зажглись настольные лампы, и Вика с неохотой задумала свечи.

— Поехали! — сказал Иван Тимофеевич. — Значит, выходит, не конем на пятом ходу идти на e2, а самим батькой на e1, чтобы диверсанта, что сквозь дыру d4 пролез, придержать — 5. **Kpe1** ⁸.

— Диверсанта? — деланно рассмеялся турист, тоже теперь заинтересовавшийся позицией на доске. — За траву не удержишься. Черный король, диверсант, как вы сказали, обязательно проскочит на b2.

— Пускай, пускай! Мы его для виду пропустим, заманим. Вот так: 5. . **Kpe3** 6. **Kpd1 Kpb2** 7. **Ke4**. ⁹ Мы кавалерию подтянем пограничную! Благо она и при танках осталась. 7. . **Kp** : b1 8. **Kc3** +!

— Отдаете коня? — удивился турист.

— Попробуйте скушайте. 8. . **C** : e3 — и белым пат.

— Хвала! — восхитился турист. — А если не брать коня?

— Тогда 8. . **Kpb2** 9. **Kpd2** — и черным пат!

— Вы — волшебник шахмат, маэстро! Это ваш этюд? Я восхищен и буду демонстрировать его всюду! Но как вам удалось разрешить его так быстро? — обратился турист к Гусакову.

— Знал, что искать. Взаимопат.

— И это все совсем верно? Я слышал, переделка прежнего?

— Говорят, шахматный этюд — это позиция, в которой авторский замысел еще не опровергнут, — солидно начал Гусаков... и рассмеялся.

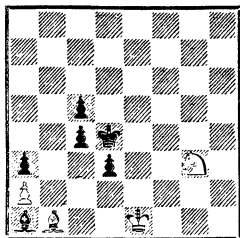
Вика смотрела в окно. Дождь кончился. Насколько хватал глаз, в дымку уходил раскинувшийся внизу исполинский город. Вика снова парила над ним. И вдруг внизу огненными гирляндами вспыхнули уличные фонари. Вика даже захлопала в ладоши.

Люди поднимались из-за столиков и направлялись к лифтам.

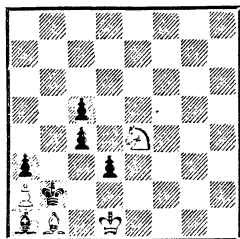
Вике жаль было уходить. Но ее соседи по столу, обсуждая шахматную позицию, встали. Турист восхищался.

— В этом этюде то отменно, что все фигуры к патовой позиции со всей доски стянулись, — говорил Иван Тимофеевич.

8

9

— Не все,— возразил Костя.— Слон на а1 стоит. Никак я не мог заставить его туда прийти. От этого и побочные были.

— Это хорошо, что ты сам так оцениваешь. Не успокаивайся, пока не достигнешь. И не только в шахматах.

— Достигну! Вот увидите, достигну! Тяга...— многозначительно сказал Костя.

На улице уже стемнело. Ветер совсем стих. И тучи не цеплялись больше за шпиль башни. Огни на ней казались звездами, но не мерцали.

Костя и Иван Тимофеевич смотрели вверх и говорили о чем-то непонятном.

— Трубу бы такую,— заметил Гусаков.— Вот где была б тяга!

— Что вы! Выше надо. Раза в два!

— О чем вы? — спросила Вика. Ей было досадно, что она и в шахматах, и, видимо, еще в чем-то ничего не понимает.

— О парашюте,— живо отозвался Иван Тимофеевич, заметив рядом с Викой туриста.— Вместо лифта трубу бы сделать до самого «Седьмого неба». И чтоб в ней тяга. Подхватит парашют — и доставит вас наверх. Там стропы отстегнете — и к столу.

Вика рассмеялась:

— А вы тоже выдумщик.

— А как же? Мы тоже «заслуженные без публики».

— Из театра имени Сатира?

— С театра военных действий против слепых сил природы и неразумного человечества! — пришел на помощь старшему другу Костя.

— Был очень счастлив узнать столь много интересного и красивого,— сказал турист, опять почтительно улыбаясь.

— Вика! — раздался рядом тоненький голосок.— Я тебя так долго жду. Даже стемнело. Промокла вся. Теперь кашлять буду.

— Катя! А я твой билет изорвала. Не опаздывай. Ну, ничего. Мы в другой раз сюда на парашюте поднимемся.

— На парашюте? — удивилась девушка.

— Я сейчас тебе все расскажу. До свидания, рыцари заоблачных замков!

— Подождите! Куда? — закричал Костя, кидаясь вслед удаляющимся девушкам.— Я с вами!

Гусаков и турист в плаще с декоративными матерчатыми погончиками некоторое время стояли молча.

— Я хотел бы вам рассказать,— предложил турист,— если вы ничего не имеете против, об одном случае в американском провинциальном кинематографе.

Гусаков молча кивнул.

— Во время фильмования в кинозале вдруг зажегся свет. Перед экраном появился администратор и вежливо сообщил публике, что у них в театре происходит сегодня учебная тревога,

позволяющая проверить, как быстро зрители могут быть эвакуированы в убежище. (В ту пору в Америке часто пугали советской угрозой.) Только следует прихватить с собою стулья для продолжения сеанса в бомбоубежище. Все посетители кинематографа не спеша, без всякой толкотни стали выходить со стульями на улицу. И только там замечали, что здание снаружи объято огнем. Так были спасены все люди... и стулья.

— Почему вы мне это рассказали? — осведомился Гусаков.

— Так. Для аналогии. Версия о смене кабеля могла предотвратить панику. Не так ли?

Гусаков не ответил, только чуть неприязненно взглянул на туриста.

Турист распрощался. Лицо его снова стало серьезно-надменным.

Глава вторая ТРУДНОЕ ЗАДАНИЕ

Инженер ван дер Ланге впервые приехал как турист в Советскую Россию, идя навстречу желаниям матери и расчетам отца. Его мать, Марину Макарову, во время второй мировой войны гитлеровцы вывезли из Смоленска в Германию, силой заставив работать на рейх вместе с другими иностранными рабочими. Там она и встретила с веселым, предприимчивым великаном Максом ван дер Ланге, электромонтером. Был он младшим сыном фермера из Арнема и в детстве помогал отцу выращивать тюльпаны. Макс и Марина поженились еще в лагере для подневольных рабочих. После же освобождения английскими войсками Аахена, близ которого находились концлагеря, супруги перебрались в Голландию. Там тюльпанами вместо отца теперь занимался скупой и расчетливый Ян ван дер Ланге. Помощи брата, умудрившегося жениться даже в плену, ему не требовалось. Голландия издревле поставляла здоровых и трудолюбивых мужчин во все страны света. Недаром даже город Нью-Йорк был назван его основателями Нью-Амстердам. И Макс ван дер Ланге с женой и двумя дочерьми отправились за океан, в Канаду.

Маленький Саша, как звала его мать, родился в Монреале. Мать, как и дочерей, выучила его русскому языку, на котором говорили в семье все, даже Макс, которого Марине все же не удалось уговорить отправиться по примеру других голландских семей, где жены были русские, в Советский Союз. Макс ссылаясь на то, что кто-то вернулся оттуда обратно, и для него этого достаточно, чтобы не рисковать. К тому же в Канаде ему повезло, и он даже сумел открыть собственную контору по продаже электрических бытовых приборов. И дело расцветет, когда вырастет сын. Пять дочерей не в счет.

Саша ван дер Ланге рос в Канаде, имея о России очень смутное представление. Он совершенствовал свой русский язык в колледже и в русских семьях. Отец считал, что знание языка —

это капитал, который со временем надо пустить в дело. И когда Александр ван дер Ланге по окончании политехнического института получил диплом инженера, отец собрал денег для его туристской поездки в Россию. Эту мысль Макс ван дер Ланге вынашивал еще с Монреальской международной выставки, показывая там сынишке удивительные достижения заокеанской страны, где сумели и переломить хребет немецкому фашизму, и первыми взлететь в космос, и покорить атомную энергию. «От них всего можно ожидать», — вразумлял сына Макс.

У молодого инженера ван дер Ланге был к Советской России еще и особый интерес — как к шахматному Эльдorado, родине шахматных корифеев, перед которыми преклонялся любитель шахмат Саша ван дер Ланге.

Однако когда иностранный турист из Канады Александр ван дер Ланге предпринял энергичную попытку отыскать «шахматного маэстро», случайного соседа по ресторанному столу, то справедливости ради надо сказать, что им руководила не только любовь к шахматам.

Где же искать шахматиста, как не в Центральном шахматном клубе? И Александр ван дер Ланге направился в привлекательный особняк на Гоголевском бульваре.

Во всяком бизнесе должно быть везение, иначе нет бизнеса!

В большом, со вкусом отделанном зале клуба проходил решающий тур какого-то турнира. И одну из центральных партий, которая демонстрировалась на доске с магнитными фигурами, играл знакомый «маэстро».

Инженер ван дер Ланге осторожно сел на свободный стул в одном из последних рядов. Велико же было его изумление и даже, пожалуй, радость, когда он увидел рядом с собой «заслуженную артистку республики из театра Сатиры», с которой обедал на московской высоте. Он расплылся в почтительной улыбке.

— Вот и хорошо, что вы здесь, — сказала Вика. — Будете мне объяснять, что там происходит, — и она кивнула на доску. — А то все ахают и охают, а я... — и она выразительно боднула крутым своим лбом воздух.

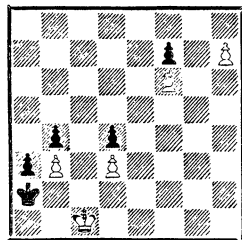
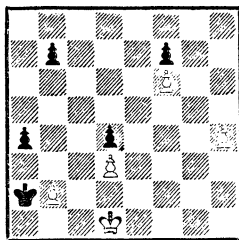
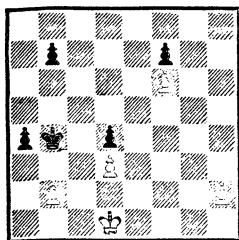
— О, непременно! С большой охотой. Зовите меня Александром Максимовичем, пожалуйста.

Ему очень хотелось спросить у своей случайной знакомой, что привело ее сюда, если она далека от шахмат, но он, с присущим ему тактом, сдержался, решив, что полезнее самому делать выводы из всего, что удастся наблюдать.

Александр Максимович изучающе посмотрел на демонстрационную доску. В зале слышался шорох. Зрители вполголоса обсуждали положение в партии. Иностранцу захотелось посмотреть на равнодушных зрителей, и он сразу увидел впереди себя того самого седого человека, которому маэстро показывал свой этюд со взаимопатом. Александр Максимович наклонился к «артистке»:

— Вам не хочется подсесть вон к тому господину? Он был тогда с нами «на высоте».

Иван Тимофеевич Гусаков решил перед отъездом отыскать

здесь, в клубе, Костю Куликова и проститься с ним. Он сразу узнал и Вика, и иностранного туриста и недовольно хмыкнул в седые усы. При этом подвинулся, чтобы те могли сесть рядом.

— Что вы скажете? Как у него? — кивнула на демонстрационную доску Вика.

Там стояла вот такая позиция ¹⁰. Черными играл Куликов.

— Мне кажется положение черных безнадежным, — заметил Александр Максимович. — К тому же оба в цейтноте. Не осталось времени на обдумывание ходов. А вы как полагаете? — обратился он к Гусакову.

Иван Тимофеевич молчал, только сопел.

— Ну! — требовательно произнесла Вика и даже толкнула своего пожилого соседа локтем. — Ну же!

— Не понимаю, что тут думать, — размышлял вслух иностранец. — Ведь надо успеть сделать пять ходов. Однако белая пешка неудержимо проходит в королевы.

— В ферзи, — недовольно поправил Гусаков.

— Это даже я вику, — призналась Вика. — И королю ее не догнать?

Костя Куликов сидел откинувшись на стуле и смотрел куда-то поверх головы противника, который при острой нехватке времени загадочно задумался над очевидным, казалось бы, ходом. Это был очень полный человек с красивыми чертами холеного лица и огненными цыганскими глазами. Из таблички, приколотой к столику, зрители знали, что это мастер Сергей Верейский, партии которого были знакомы Александру Максимовичу по шахматным журналам еще в Канаде.

Вика с трудом сидела на месте.

— Почему он не ходит пешкой? — все спрашивала она.

И противник Кости Куликова наконец сделал ход, щелкнув кнопкой шахматных часов: 35. h4. Вдох облегчения, а может быть, тревоги пронесся по залу. Куликов сразу ответил 35. . Krb3 и тоже щелкнул кнопкой часов.

— Извините, тут еще покумекать надо, — глубокомысленно заметил Гусаков.

Мастер Верейский небрежно подвинул короля к своей пешке — 36. Krc1 — и так же небрежно потянулся к часам.

— Ага! — торжествующе процедил сквозь зубы Гусаков. —

Страшно стало? Мы своего ферзя с шахом бы поставили. Но... как это наш Костя доигрался до такого?

— Ну нет! Позиция еще не труп. Уверен, наш этюдист найдет что-нибудь изобрести.

— Изобрести? — повторил Гусаков и покосился на соседа.

— Посмотрите, извольте посмотреть! — зашептал тот.

Куликов сыграл 36. . Кра2¹¹.

— Не оставляет его в покое, — заключил Гусаков. — Пешку что противопоставить надо? Известно что — опять же пешку!

— Это справедливо, но мне пока расчет неясен, — усомнился Александр Максимович. — Кажется, белые раньше поставят королю.

— Ферзя, — раздраженно поправил Гусаков.

— Простите, детская привычка есть вторая натура.

— Первая, — почти огрызнулся Гусаков.

Он нервничал, и Вика ощущала это всем телом. И, может быть, потому сама она не могла совладать с собой, хотя и плоховато разбиралась в происходящем на доске. Да и чего это она так распахивалась? Кто ей этот длинноволосый юноша? Брат? Сват? Катя узнает — засмеет!

И все-таки Вика смотрела на демонстрационную доску не отрываясь.

Мастер Верейский невозмутимо двинул пешку к последней горизонтали — 37. h5; b5 — быстро ответил Куликов и встал, смотря на позицию сверху, потом перевел взгляд на большую ви-сячую доску, где демонстратор передвигал длинной палкой его пешку «b». Костя словно сверял положение на двух досках.

— От исхода этой партии зависит, наберет ли он норму мастера, — заметил Гусаков. — Ничья ему нужна, как яхте ветер, чтобы в большое плавание выйти.

— Прошу простить, — удивился Александр Максимович. — Я полагал, Куликов уже маэстро.

— По шахматной композиции. А тут он дубль хочет устроить: и по практической игре тоже мастером стать.

— Похвально, весьма похвально. Мне очень импонирует этот молодой человек.

— Вы знаете, и мне тоже! — вдруг выпалила Вика и сердито закусил губу. И вечно ее заносит на поворотах!

Иван Тимофеевич посмотрел на нее с ласковым пониманием.

Мастер Верейский тем временем небрежно передвинул свою неотвратимо рвущуюся в ферзи пешку — 38. h6; b4 — сразу ответил Куликов. 39. h7 a3 40. b3¹² — пожертвовал пешку Верейский; 40. . Кра1, — не думая, отказался от нее Куликов. Ходы эти были сделаны так быстро, что демонстратор уже позже стал показывать их зрителям.

— Уфф! — сказал Гусаков и полез в карман за платком, чтобы вытереть лоб. — Все, — сказал он. — Теперь белые запишут свой ход. Партия откладывается.

— Вот как? — разочарованно протянула Вика. — Они не закончат?

— Сейчас мы Костю порасспросим, что он думает,— пообещал Иван Тимофеевич.

Костя Куликов стоял засунув руки в карманы и смотрел, как трудится демонстратор. Потом отошел от столика и оказался среди зрителей. Увидел Вику, обрадовался, засиял. И тут перед ним появился Гусаков.

— О! Иван Тимофеевич! — воскликнул Костя. — Я так обрадовался!

— Вижу,— усмехнулся Гусаков. — Только чему тут радоваться? Ферзя сейчас поставит.

Костя многозначительно поднес палец к губам и указал глазами на недовольного шумом длинноносого судью. Он осуждающе поглядывал в зал от столика, за которым сидел задумавшийся мастер Верейский.

— И чего он думает! — прошептала Вика.

Костя сделал вид, что только теперь увидел ее. Снова расцвел в улыбке:

— Вот не думал!..

— Я тоже не думала. Не думала, что вы так с треском проиграете.

— Уверяю вас, вы недооцениваете изобретателя,— сказал с почтительной улыбкой Александр Максимович.

— А, и вы здесь! — узнал туриста Куликов. — Полный стол! Что заказывать будем? — улыбаясь, спросил он.

— Идея очень хороша. Кажется, совсем недалеко отсюда расположен великолепный ресторан «Прага»? Не рассмотреть ли нам там вашу позицию?

— Отчего же? — согласился Гусаков. — Заодно меня проводите.

Так случилось, что все четверо, встретившиеся на Останкинской телебашне, вновь оказались за ресторанным столиком и снова с развернутыми магнитными шахматами на белоснежной скатерти.

— Так вот почему нельзя ставить королеву, пардон, ферзя? Как это вы показали? ¹² — и Александр Максимович стал переставлять магнитные фигурки. — Если 41. h8Ф, то a2 42. Kpd2 Krb2 43. Fd8 ¹³, и что же теперь?

— А теперь 43. . .a1Ф.

— Так ведь 44. Ф : d4+ и разгром! Не правда ли?

— Вовсе нет,— рассмеялся Костя.

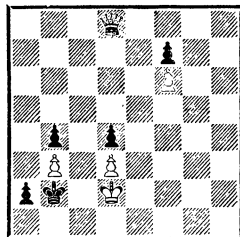
— Как так, позвольте узнать?

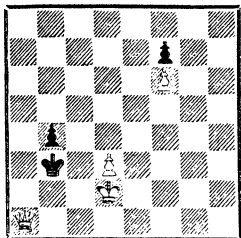
— А чего ж тут узнавать-то? И так видно,— сказал Иван Тимофеевич и передвинул короля — 44. . .Кр : b3.— Пожалуйста бриться. Можете скушать ферзя на a1, или, как вы говорите, королеву ¹⁴.

— И будет пат черным! — обрадовался Александр Максимович. — Я же говорил, что этюдист непременно что-нибудь изобретет.

Ведь вы же прирожденный изобретатель? Не правда ли?

13

— Да, я рассчитывал на этот пат,— сказал Костя.

Вика восхищенно смотрела на него.

— А теперь рассказывайте.

— О чем?

— Про то, как на парашюте подниматься будем в поднебесные башни-трубы. Я ведь правильно поняла ваши секретничанья? — задорно говорила она.

— На парашюте? Вверх? — удивился Александр Максимович.

Гусаков нахмурился.

— Я имел в виду совсем не парашют,— смущаясь, начал Костя.— Я имел в виду тягу в трубе за счет разницы температур у ее вершины и у основания. Из-за этого в трубе возникает поток воздуха — тяга, и даже очень ощутимая.

— Для поднятия парашютов? — поинтересовалась Вика.

— Нет. Для вращения ветротурбин. При высоте трубы, скажем, в километр, при диаметре ее десять метров мощность турбины будет двадцать тысяч киловатт.

— Ну, брат, и болтун же ты! — рассердился Иван Тимофеевич, отворачиваясь от молчаливо слушавшего Александра Максимовича.

— И вовсе не болтун,— рассмеялся Костя.— Все подсчитано-пересчитано. Перевернем энергетику Земного шара! Вот он рычаг, о котором мечтал Архимед! Не тепловые, не атомные и не гидро-станции будем строить, а километровые трубы, всюду... Они ничему не помешают! Будут стоять, как исполинские деревья, и в любом месте дадут энергию, ту самую энергию, которую Солнце шлет на Землю, вечную неиссякаемую энергию. И никакого перегрева планеты! Вы сами меня, Иван Тимофеевич, натолкнули на эту идею, еще в детстве. Помните, тяга в трубе, вентилятор? А где вентилятор, там и турбину поставить можно. Вопрос количественный. Все просто.

— А как же соорудить столь высокую трубу? — облизнув пересохшие губы, спросил инженер ван дер Ланге. Сердце у него так колотилось, что он прикрыл грудь салфеткой, чтобы не слышно было. Ведь на Западе энергетический кризис! «Поистине, бизнес — это прежде всего везение!»

— Ничего особенного,— отозвался Костя.— Останкинскую башню построили. В Польше еще выше строят. А японцы обратились к строителю Останкинской телебашни, инженеру Никитину, с просьбой помочь выстроить дом в километр высотой. Только Никитин доказал им невыгодность такого сооружения.

— Вот видишь,— назидательно сказал Гусаков.

— Это для дома невыгодно,— не сдавался Костя,— а для вездесущей электростанции, бестопливной, бесплотинной... во имя спасения планеты от перегрева и отравления атмосферы... в особенности за рубежом, где с этим считаться не хотят...

Вика снова, как на телебашне, залюбовалась живыми, горящими глазами Кости и волнистыми его волосами (как у принца!).

— У меня диплом на другую тему был, а сейчас... я к своей мечте вернусь.

— Мечта о трубе поднебесной? — почему-то шепотом спросила Вика.

Костя кивнул и увлеченно продолжил:

— На километровой высоте всегда зимняя температура, а у подножия трубы даже зимой теплее, не говоря уже о лете! Поэтому столб воздуха в трубе легче, чем в атмосфере, снаружи. И давление, создаваемое разницей этих весов, выталкивает внутренний столб воздуха — в трубе появляется вертикальный ветер, который и будет вращать турбину.

Иван Тимофеевич даже плюнул от возмущения.

— Ну и язык же у тебя... без костей, — сказал он. Потом, косясь на иностранца, стал уверять Костю во вздорности его идеи. — Ведь подумать только — километровая машина! Это какая же жесткость нужна? Говорю, язык без костей.

Александр Максимович согласно кивал, и это немного успокоило Гусакова. Но тут совсем некстати вмешалась Вика.

— Кстати, про жесткость и... про язык, как вы тут сказали. А вы знаете «тещин язык»? — обратилась она к Косте.

Тот смутился.

— Да я не женат.

— Это видно. А игрушку такую — «тещин язык» знаете?

— Ах, бумажная трубка, свернутая? Подуешь в нее — и развернется.

— И даже стоймя поднимается, — подсказала Вика.

— Да, и вертикально, — согласился Костя.

— Так чего же вам еще надо?

— Как чего?

— А еще изобретатель! Километровые трубы, как деревья, всюду сажать хочет, — издевалась Вика.

— Так то же твердые трубы!

— А зачем вам непременно твердые? Делайте «тещины языки» из мягкого материала. Вертикальный ветер у вас в трубе появится, он и надует ее, поставит стоймя.

— Слушайте! Заслуженная артистка без публики! Да вы кто такая? Я вам инженерное звание присваиваю! Вы понимаете, что сказали!

— Только женщина и придумает такое! — покачал головой Иван Тимофеевич. — Юбку выдумала в километр высотой. Вот уж архимакси! Вы их не слушайте, — обратился он к иностранцу.

— Нет, почему же? — отозвался тот и залпом выпил стакан нарзана. — При энергетическом кризисе такие идеи ценны.

— Вы же соавтором моим становитесь... по проекту! Эх, если бы вы не были артисткой! — сокрушался Костя.

— Буду инженером, только для вас, — лукаво заверила Вика.

— Когда доигрывание-то? — хмуро осведомился Гусаков.
— Завтра утром. Ведь воскресенье.
— Стало быть, утром и увидимся. У меня поезд вечером. В понедельник — на работу.

Глава третья

ДОСКА-РАЗЛУЧНИЦА

Костя Куликов неоправимо опаздывал на доигрывание партии с мастером Верейским, чего с ним прежде никогда не случалось. Он весь был под впечатлением вчерашнего.

Он провожал поздно вечером Вику до ее дома, высокой башни, которая, несмотря на то что была четырехугольной, напоминала ему «их трубу». Да, он теперь так называл задуманное им сооружение. Они с Викторой смотрели на четырнадцатый этаж, где она жила, и воображали, как вертолет поднимет их мягкую трубу и как появится в ней тяга. Тогда надуется, выпрямится небывалый столб, взвоется исполинским «тещиным языком» под самые облака!

Когда Вика показала Косте окно своей комнаты, там в стекле сверкнуло солнце. Пора было расставаться, а они еще так мало узнали друг друга... Если бы потребовалось написать о жизни каждого, то все уложилось бы в несколько строчек: родился, учился, кончил школу, потом институт (а Вика еще не кончила!). Говорить же об этом можно было без конца! И всякие мелочи представлялись очень важными и интересными.

Вика с Костей бродили по пустынным вымытым улицам. Пешеходов не встречалось, дворники еще не появлялись. Редкие машины проносились с шуршанием шин, стыдливо торопясь исчезнуть с глаз парочки.

Завернули за угол и увидели странную картину. Во дворе огромного строящегося дома приютился жалкий деревенский домишко с садом. Сквозь выломанные рамы проглядывала стена с рыжими обоями. Под окном стояла скамеечка, а перед нею цвела сирень. Ее, должно быть, хотели сохранить для сквера.

Вика пожелала посидеть здесь. Когда они сели, на подоконнике оказалась кошка.

— Кисонька, бедная! — сказала Вика. — Жильцы уехали, тебя бросили!

— Кошки привязываются не к людям — к месту. Может, она вернулась? — предположил Костя.

— Что ты! Она же толстая! Я возьму ее с собой, — решила Вика и поманила кошку.

Та мяукнула и перебралась с подоконника на плечо к Вике.

Костя восхитился, хотя сам он драных котов не любил. Кошка терлась о Викину щеку, а Костя, завидуя ей, думал: какого же друга он себе приобрел! Нет, он не просто влюбился, что с ним бывало не раз, — он нашел свою вторую половинку, словно каждый из них предъявил другому часть древней разломанной геммы.

И половинки целого сошлись. Сошлись, чтобы быть теперь вместе! И заявку на изобретение написать надо вместе: «Мягкая труба, надуваемая вертикальным ветром, возникающим из-за разницы температур у вершины трубы и ее основания, который в состоянии вращать ветротурбину, что служит использованию солнечной энергии». Какое изящное инженерное решение! Куликов и Нелидова! Каково? Так будет стоять на экспертном заключении с красным уголком, а потом и на авторском свидетельстве!

К себе в комнату, которую Костя снимал в одном из арбатских переулков в ожидании, что ему, аспиранту, когда-нибудь дадут жилплощадь, он пришел скорее «рано», чем «поздно». Город уже проснулся. Вики не было, но она по-прежнему была с ним.

Ложиться спать Костя не стал. Вместо этого сел за стол, достал бумагу и принялся сочинять «описание изобретения».

Отложенную партию с мастером Верейским он так и не посмотрел. Описание не ладилось. Хотелось найти такую формулу изобретения, которую бы никто не смог обойти. Вот как Зингер нашел: «игла с отверстием у острия». И оказалось, что ни одна конструкция швейной машины не могла обойтись без этого запатентованного Зингером элемента.

Костя спохватился, когда о завтраке уже нечего было и думать — лишь бы добраться вовремя до Гоголевского бульвара. А еще надо позвонить Вике, сообщить ей, что он уже начал писать заявку и что всю ночь думал о ней. Впрочем, ночью они вместе гуляли: сирень, скамеечка, кошка...

Вики дома не оказалось. Ее мама все спрашивала, что ей передать. Заботилась о дочке! Костя сказал, что передавать ничего не надо, то есть надо...

— Скажите ей, что заявка на изобретение написана.

— На изобретение? — поразилась Нелидова. — Это что же, ночные скитания изобретательской деятельностью называются?

— Нет, что вы! — воскликнул смутившийся Костя. Но объяснять суть изобретения по телефону было трудно, да и времени не оставалось — цейтнот! К тому же тон у Нелидовой мало располагал к технической беседе.

В шахматный клуб Костя прибежал запыхавшись. Ни на кого не смотря, он прошел через зрительный зал к столикам, мельком взглянув на демонстрационную доску. На ней была отложенная позиция ¹⁵.

Все ясно! Коварного пата после взятия ферзя на a1 мастер-практик не учел. Этюд!

И вдруг Костя похолодел. Он посмотрел на позицию глазами этюдиста и почувствовал, что ему не по себе.

Вика, Александр Максимович и Иван Тимофеевич, сидевшие на своих вчерашних местах, заметили перемену в лице Кости, но не поняли, чем она вызвана.

Длинноносый судья подошел к столику, за который уже сел Костя Куликов. Мастер Верейский опаздывал. Судья, не дожидаясь его, вскрыл конверт, назвал демонстратору записанный ход и бесстрастно пустил Костины часы.

Демонстратор долго возился, отыскивая нужную фигуру¹⁵. Потом длинной палкой передвинул пешку на h8, наконец снял ее совсем и потащил наверх палкой другую фигуру. Когда она водрузилась не верхней правой клетке, зал ахнул. Это был не ферзь, а конь!

41. h8K!

И тут появился мастер Верейский. Он шел по проходу, раскладываясь со знакомыми, щегольски одетый, в выутюженном костюме и ослепительно-белой рубашке, с небрежно расстегнутым воротником, спокойный, красивый, уверенный, только слишком полный.

Костя никак не мог взять себя в руки. Его шахматные часы отсчитывали последние минуты партии.

Мастер Верейский вежливо поздоровался с Костей и, как тому показалось, улыбнулся чуть насмешливо.

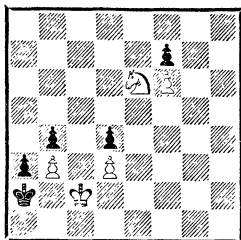
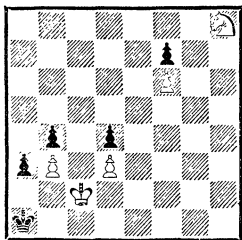
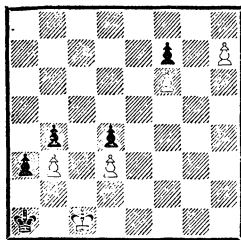
Костя понял, что ничего тут не поделаешь, надо играть. И он сделал очередной ход — **41. . Kpa2**. Верейский, как и следовало ожидать, сыграл **42. Kpc2: Kpa1**¹⁶ — сразу ответил Куликов, грозя запатовать следующим ходом. Но неумолимый мастер Верейский, ненужно щурясь, сделал ход **43. Kgb** и откинулся на спинку стула. Теперь попытка запатовать себя путем **43. . a2** ни к чему не вела. Белые пойдут **44. Krc1**, к черные вынуждены будут взять вновь появившегося на доске коня. Белая же пешка, ощутив свободу, ринется в ферзи. Пата черным уже нет!

Машинально прикинув все это в уме, Костя Куликов сделал выжидательный ход — **43. . Kpa2**. Самодовольный Верейский передвинул коня: **44. Kf4: Kpa1** — быстро ответил Костя, и снова несносный белый конь встал под удар пешки, но теперь на другое поле — **45. Ke6: Kpa2**¹⁷ — беспомощно метался Костя. У него не было выбора ходов! Ему уже все было ясно, но он хотел доиграть до завершения найденной партнером комбинации, как и полагается в этюде. Верейский демонстративно задумался, словно не видел, что надо брать конем пешку d4. что-то еще проверял, хотя и проверять было нечего. **46. K : d4** — наконец решился он. **46. . Kpa1** — все с той же фатальностью пошел несчастным своим королем Костя. **47. Ke6!** — Верейский в третий раз поставил своего коня под удар пешки, и теперь белая, ничем не сдерживаемая пешка беспрепятственно отправится в ферзи, неся Косте Куликову обидное поражение.

Костя встал, пожал счастливому Верейскому руку и сказал: — Поздравляю. Вы составили за доской настоящий этюд.

— А как же иначе с вами, этюдистами, играть? — ответил мастер Верейский. — Экзаменовать вас надо, — и он покровительственно похлопал Куликова по плечу.

Да, строгий экзаменатор «наказал» Костю за намерение «выиграть дубль», стать дважды мастером. Но не только звание мастера шахматной игры не добился Костя в этом турнире. По крайней мере в собственных глазах, он терял и звание мастера по шахматной композиции! Как же он не увидел сам этого этюда с превращением пешки в слабую фигуру? Ну хорошо, мастер Верей-

ский! Я отвечу вам по-особенному! Составлю этюд на тему превращения в слабую фигуру, но такой, чтобы он стоил сегодняшнего поражения!

Костя яростно смотрел на опустевшую демонстрационную доску без фигур и прикидывал на ней мысленно схему будущего этюда. Ему так страстно хотелось «отплатить» Верейскому, что он не представлял себе ничего другого, кроме мата, который даст противнику превращенный конь.

И тут кто-то тронул Костю за локоть. Он резко обернулся и увидел Вику. Но она стояла поодаль, а за локоть его взял Иван Тимофеевич.

— Вот так, друг Костя, — сказал он многозначительно.

Подошел и канадец.

— Я восхищен этой партией. Как остроумно заставили вы его отказаться от королевы и взять себе коня! Меня вчера очень заинтересовал пат, который случился бы при ферзе белых.

— Да, да, конечно! — кивал Костя, думая о чем-то своем. — Впрочем, в этюде так и полагается. Играть должны обе стороны. И изобретательно играть.

— Натурально, — согласился ван дер Ланге. — В Москве я убедился, что шахматы помогают изобретателям.

И тогда подошла Вика, иронично глядя на Костю.

— Я же вам сказала вчера, что вы с треском проиграли.

— Проигрывают всегда с треском, — примирительно заметил Гусаков.

Подошел мастер Верейский, окинул Вику оценивающим взглядом знатока.

— Вы бы хоть познакомили меня, Куликов, со своими болельщиками. Не всем так на них везет! — притворно вздохнул он. — По-моему, я вас где-то видел, — обратился он к Вике.

«Сейчас она скажет про «заслуженную артистку без публики», — злю подумал Костя. Но Вика ничего этого не сказала, а просто по-женски (и еще как по-женски!) засмеялась. Верейский тоже засмеялся, и они отошли с ним в сторону, болтая, как давние знакомые.

— Ну, друг Костя, бывай здоров. Пойду собираться на поезд. У вас в Москве такая спешка... Ну и я, как все, тоже ничего не успеваю сделать. Магазины напоследок откладывал, а они, глянь, сегодня закрыты — воскресенье. Вот так, брат.

— Есть проигрыши, которые должны доставлять внутреннее удовлетворение, — сказал Александр Максимович.

— Я ему поставлю мат, будьте уверены... конем! — сказал Костя Куликов.

— Кому? — заинтересовался ван дер Ланге.

— Кому, кому... — раздраженно повторил Костя. — Всем! Этюд такой составлю для всех. Сейчас пойду делать.

— Поспешай медленно, — пожимая ему руку, сказал Гусаков.

Инженер ван дер Ланге радушно распрощался с Куликовым.

— Я верю, что ваши идеи создания энергетических ветровых труб скажут свое слово в энергетике, я ощущаю в них бизнес!

К Вике Костя не подошел. Она продолжала болтать с красавцем толстяком. Костя через две ступеньки сбегал вниз по мраморной лестнице. На стенах висели таблицы турнира, в котором он мог бы, но не заработал звания мастера шахматной игры.

Дома он поставил шахматную доску на черновики заявки в Комитет по изобретениям и открытиям на имя К. А. Куликова и В. В. Нелидовой (ее звали Виктория Викентьевна).

Все последующие дни Костя был сам не свой. Ни одно поражение за шахматной доской (а их, конечно, было не мало!) не заставляло его так остро переживать чувство досады. Но не то было причиной, что он недотянул пол-очка до мастерской нормы. Ощущение позора было вызвано, конечно же, тоном Вики, а потом ее непринужденной болтовней с победителем.

И Костя яростно работал над задуманным этюдом, в котором запланировал «мат конем своему обидчику». Он был убежден, что Вережский встречается с Викой, может быть, ходит с ней вместе по пустынным предрассветным улицам, сидит на скамеечке, гладит бездомную кошку. Нет, обрывал сам себя Костя, такой бродить, подобно ему, по улицам не станет...

Первый раз Костя Куликов составлял шахматный этюд, воображая перед собой реального противника.

И ни разу он не позвонил Вике. И Вика тоже ни разу не позвонила ему, хотя он дал ей в то утро номер своего телефона. Напрасно бросался он в коридор на каждый звонок. Соседи это даже заметили. В институте начинались летние каникулы, загрузки особой не было. Костя ходил в библиотеку и просматривал все, что мог найти о ветряках, ветротурбинах и дымовых трубах, досконально изучил все методы их расчета, включая даже ветряные мельницы. В читальном зале он удивлял многих, замечавших на столе рядом с книгой, которую он изучал, раскрытую шахматную доску с магнитными фигурками.

Но никто не мешал Косте Куликову. Никто не мешал, и никто не помогал... и даже не интересовался им.

Единственный человек, который все же вспомнил о нем, был Александр Максимович ван дер Ланге. Он добыл через шахматный клуб телефон мастера Куликова и позвонил ему, чтобы проститься. Его туристская поездка в СССР заканчивалась. Он побывал в Ленинграде, Киеве, Самарканде и теперь возвращается в Канаду.

— В Средней Азии было очень жарко,— говорил он.— И я размышлял там о ваших энергетических трубах. Жаль, у нас в Канаде нет таких жарких мест. Однако для деловых целей это не имеет значения. Мир велик, жарких мест в нем много.

И в заключение он спросил о задуманном Костей этюде. Только он вспомнил об этом! Он, а не Вика!..

Костя Куликов, желая быть вежливым, согласился на прощальную встречу в шахматном клубе, пообещав канадцу показать свое новое произведение.

Александр Максимович ван дер Ланге был одет в какой-то немислимый по расцветке спортивный костюм, какие, очевидно, носят у них там, за океаном. Галстук был бабочкой, что особо подчеркивало его обычное надменно-серьезное выражение лица.

Канадец встретил Костю почтительной улыбкой и сразу же сделал удивленные глаза, разглядывая Куликова.

— Да, да, я постригся,— смущенно признался Костя.— Надоела мне эта грива.

— Вы стали какой-то другой.

— Нет, все тот же, только с виду другой.

Костя остригся «под полку» на другой же день после поражения, тщетно прождав Викиного звонка. Он снял свою пышную шевелюру, потому что ему показалось, что она правилась Вике. Недаром на прощание она запустила в нее свои пальцы в «первое их утро»...

— Без длинных волос вы стали старше, строже. Ну да бог с ней, с модой,— говорил Александр Максимович, усаживаясь рядом с «шахматным маэстро» за выбранный ими столик.— Я привык, что вы показываете позиции на магнитных шахматах,— заметил он.

— Сегодня играю за столиком,— мрачно пообещал Костя.— Чтобы дать ему мат.

— Кому?

— Вот ему,— указал Костя на пустующий стул.

— А-а! — понимающе протянул ван дер Ланге.

На доске перед ним стояла вот такая позиция.¹⁸

— Белые начинают и выигрывают! — объявил Костя.

— Вы позволите мне подумать? — попросил Александр Максимович.

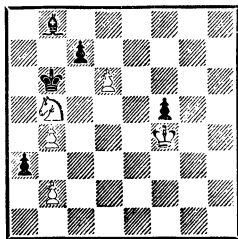
Костя встал и прошелся по залу, где за столиками любители шахмат играли легкие партии или анализировали сыгранные мастерами и гроссмейстерами. У некоторых досок он останавливался и задумывался.

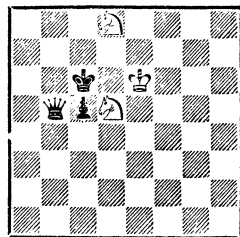
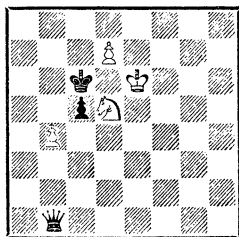
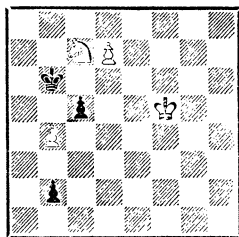
Через некоторое время он вернулся к своему столику.

— Ну как? — спросил он.

— К сожалению, это, очевидно, слишком

18

трудно для меня. Черные успевают провести ферзя и добиваются вечного шаха. Сдаюсь.

— Сдаваться не вам надо, — решительно сказал Костя, с размаху садясь на стул, — 1. d7.

— Это просто, — сказал кападец, — но у него, — и он посмотрел на пустой стул, — есть кое-какие возможности: 1. . .c5+ 2. Кр : f5 Сс7, и белая пешка задержана. Я правильно говорю?

— Правильно. Но... продолжение следует. 3. К : с7.

— О-о! Он не будет брать вашего коня, а возьмет пешку 3. . .ab¹⁹ и поставит ферзя с шахом.

— 4. Кd5+! — Объявляя шах, Костя даже стукнул конем, по доске.

— Это не так страшно. 4. . .Крс6.

— 5. Кре6!

— Как? Вы пропускаете его в ферзи?

— Конечно! 5. . .b1Ф²⁰ 6. b5+.

— Я все еще не понял. Неужели нельзя взять пешку? Если не королем из-за вилки конем на с3, то королевой? У нее будет достаточно простора шаховать белого короля.

— Берете пешку ферзем? Пожалуйста! 6. . .Ф : b5 7. d8К мат!²¹

— Ах, вот как! Конем, вновь рожденным конем мат? Ха-ха-ха! Восхитительно! Вы отомстили конем за коня. Но признает ли он? Ведь стул пуст.

— Это неважно! Важно, что вы признали, что все истинные любители шахмат признают эту красоту.

— Это в самом деле красиво? — послышался такой знакомый Косте голос. — Хочу понять шахматную красоту! Половину египетского царства за это!

Он оглянулся. Вика!

Александр Максимович вскочил со стула, уступая место даме

— Бютефал, как говорят у меня на родине. Надеюсь, вы извините меня, маэстро, за то, что я предупредил нашу поднебесную спутницу по поводу демонстрирования вами вашего нового произведения. Согласитесь, что у посетителей «Седьмого неба» на это есть особые привилегии.

— Жаль, Ивана Тимофеевича нет, — улыбаясь, сказала Вика. — А это хорошо, что ты постригся. Ты, оказывается, старше, чем казался. Ну, как заявка?

— Я все... все тебе расскажу,— пролепетал Костя, оглядывая зал.

Но того, кого он боялся здесь увидеть, в шахматном клубе не было.

Глава четвертая ЧЕРНЫЙ УГОЛОК

Косте все время хотелось петь, хотя певцом он никогда не был. Улицы города казались ему нарядными, автомашины яркими, прохожие веселыми, хотя вместо ответной улыбки он порой встречал недоуменный взгляд. Так ведь не могли же все они знать, что творилось у него на душе!

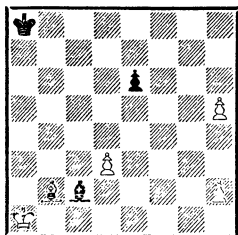
А там ликовала Вика! Они с ней вдоль и поперек исходили павильоны Выставки достижений народного хозяйства, многие московские парки, побывали даже на выставке собак (до чего же умны и хороши псы!), потом на художественной выставке (нет, стремление взрослых подражать детскому рисунку не трогает сердце!), в театрах посмотрели гастролирующие труппы с периферии (и некоторые не хуже столичных!). И всюду было чудо как хорошо!

Особенно когда провожаешь Вику домой. Но удивительно много в Москве прохожих, даже в предрассветное время!

Из Комитета по изобретениям и открытиям пришло уведомление о получении заявки на изобретение «энергетической трубы» от Куликова и Нелидовой. Теперь требовалось выполнить эскизный проект сооружения и... составить в честь этого шахматный этюд!

С Викой было много споров. Чтобы вертикальный ветер ставил мягкое (по замыслу Вики) сооружение стоймя, требовалось или сделать трубу конической, когда сужающийся диаметр создаст подпор воздуха, достаточный для натяжения материала оболочки (это предлагал Костя), или поместить внутри трубы парашютики, которые через стропы и прикрепленные к ним обручи поднимали бы ее (так предлагала Вика). Парашютики были ей дороги, потому что о них говорили у подножия Останкинской башни в первый день знакомства Вики с Костей. Костя же, придумывая какие-то там завихрения из-за парашютиков внутри трубы, просто недостаточно ценил их первую встречу! В виде компромисса было решено заменить парашютики обтекаемыми яйцеобразными «поплавками», которые поднимались бы ветром без завихрений. Из-за этого технического спора соавторы едва не поссорились. Помирил их лишь поцелуй, прерванный шагами несносного прохожего.

И еще увлекла Костю идея нового этюда. В шахматных задачах есть тема «прокладки пути», ее называют «бристольской». Суть ее — в парадоксальности первого хода: белая дальнобойная фигура уходит на край доски, выходя из игры, но освобождая путь другой фигуре, завершающей замысел. Идея эта в сознании Кости своеобразно преломилась. Поток воздуха устремляется в небо, и

за ним следом поднимается вся труба. Пусть белый слон уподобится потоку воздуха, устремляющемуся в небо, а вслед за ним последует белый король, олицетворяющий собой все сооружение.

Так техническая и шахматная идеи переплетались в уме изобретателя, и однажды, придя на свидание с Викой, он принес ей свое новое произведение.

На скамеечке за забором стройки, в их «черном уголке», как из-за цвета бревен недоломанного домика называла их местечко Вика, было уютно, но темновато. Свет уличного фонаря едва проникал сквозь листву сирени. Все же при некотором напряжении можно было разобрать позицию на карманных шахматах ²².

— Понимаешь, Вика, надо выиграть! — говорил Костя. — Но как? Две лишние сдвоенные пешки при разноцветных слонах мало значат.

— Ты закончил эскизный проект? — вздохнув, спросила Вика.

— Нет, остались кое-какие чертежи.

— Так зачем же шахматы? Ведь заключения эксперта нужно ждать со дня на день.

— Но ты посмотри. Ты поймешь! — убеждал Костя.

— Хорошо, — еще раз вздохнула Вика.

И он стал показывать, переставляя фигурки:

— 1. Ch8! — очень странный ход. Но смысл его в том, чтобы дать дорогу белому королю к полю g7. 1. . Kpb7 2. Kpb2, нападая на черного слона и выигрывая темп! 2. . C : d3 3. Kpc3 ²³, снова нападая на черного слона и снова выигрывая темп, теперь уже надежно обогнав черного короля! 3. . Cf5 4. Kpd4 Kpc6 5. Kpe5 Kpd7 6. Kpf6 Kpe8 7. Kpg7 ²⁴. Гонка королей закончилась! Цель достигнута, белый король отрезал черного от проходных пешек. Теперь: которая из пешек добежит первой? 7. . e5 8. h6 e4 ²⁵. Черные пытаются использовать то, что белый слон загнан в угол и заперт собственным королем, но белые успевают парировать последнюю угрозу противника: 9. h7 e3 10. Kph6 e2 11. Cc3 — и выигрывают. До тебя дошло?

— Что может до меня дойти? Что ты страдаешь шахматным запоем?

— Как ты сказала? Шахматным запоем? Ты с ума сошла!

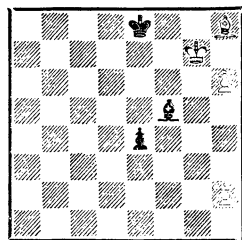
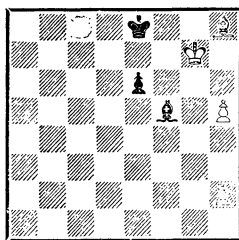
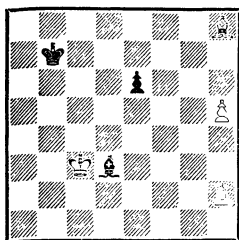
— Конечно! Если девушка на свидании с возлюбленным позволяет ему передвигать шахматные фигуры, конечно же, она сошла с ума. Никакая женщина в здравом уме не позволит этого!

— Но ты ведь мой друг! Самый близкий друг! Как ты можешь?

— Что я могу? Я ничего не могу! Я не могу даже заставить уважать себя.

Костя смущенно спрятал карманные шахматы.

— Я думал, ты поймешь, что это красиво, парадоксально.

— В этом весь и парадокс,— горько сказала Вика.— Кажется, шахматы свели нас вместе, но они же и разъединяют.

— Но я не хочу этого! — воскликнул Костя.

— А я, кажется, уже хочу.

— Ну, знаешь ли... Я все пытаюсь представить себе, что ты за человек!..

— Это так просто,— усмехнулась Вика.— «Женщина — лучший друг человека». И даже шахматиста. Ведь ты это имел в виду, говоря о том, что я самый близкий друг? Слон идет в угол...

— Не смейся. Мне напрасно казалось, что ты хочешь постигнуть шахматы, чтобы нам стать еще ближе.

Вика не слушала, думая о своем, наконец сказала:

— Говорят, в Древнем Египте была удивительная женщина-фараон. Хатазу или Хатшепсут. Не разберу, в каком родстве или вражде она была сразу с тремя Тутмосами, первым, вторым и третьим. Но о ней говорили, что она красивее Нефрити, мудрее жрецов, зорче звездочетов, смелее воинов, расчетливее зодчих, точнее скульпторов и... ярче самого Солнца!

Костя залюбовался Викой. Он готов был именно к ней отнести все необыкновенные качества древней царицы.

— Я и говорю: ты — сфинкс.

— А ты — свинтус! До сих пор не закончил проекта! Лучше бы я взялась за него!

— Я сделаю. Непременно сделаю.

— Завтра ты придешь к нам. Должна же я представить тебя своим! Принесешь проект, и мы покажем его папе. Он большой инженер.

Когда Костя заканчивал общий вид своего сооружения, им овладел такой прилив радости, что он стал кружиться по комнате, изредка подбегая к столу и оглядывая чертеж, чтобы мысленно представить себе столб, дерзко упирающийся в облака. Он даже нарисовал их на ватмане (в некотором роде вольность!).

Сегодня вечером предстоял визит к Нелидовым. Костя аккуратно свернул листы ватмана и спрятал их в картонный футляр для чертежей. Потом принялся приводить себя в порядок, словно от его внешности, которой он никогда не придавал значения, сейчас что-то зависело. Он пристально рассматривал себя в зер-

кало. Хорошо хоть постригся из-за этого проигрыша, а то его приняли бы черт знает за кого с отпущенной гривой! Выбрит тщательно. Ямка на подбородке заметна. Не отпустить ли бородку? Впрочем, опять скажут — мода! Пожалуй, уши немного торчат, но тут уж ничего не поделаешь. И лицо кругловато. Ну и что? Русские люди круглолицы...

Потом он трудился с утюгом, отлично отгладив свой единственный выходной костюм. «Как жених пойду! — усмехнулся он. — Даже галстук бабочкой надену, как у Александра Максимовича при прощании. Кстати, где его письмо? Пишет, что попытается заинтересовать деловые круги Канады идеей Куликова об энергетической трубе. А кто его просил об этом? И вот еще одно письмо, от Гусакова. Иван Тимофеевич, словно прочитал письмо канадца, спрашивает, получено ли авторское свидетельство на трубу. Советует ставить вопрос о патентовании за рубежом. «Уведут, как пить дать уведут у тебя из-под носа твою идею, — мрачно заключал он. — Потому болтлив ты не в меру при иностранном гражданине. Кто его знает, как он использует услышанное». Милый Иван Тимофеевич! Он остался в душе милиционером, наблюдательным и подозрительным. С авторским свидетельством и патентом за рубежом все будет в порядке! «Побочных решений» не предвидится! И тут Костя вспомнил шуточные слова Ивана Тимофеевича, что шахматный этюд — это «позиция, в которой авторский замысел пока не опровергнут». Но он отогнал от себя эти мысли и облачился в выутюженный костюм, нацепив галстук бабочкой. Получился жених хоть куда! Костя улыбнулся сам себе. Забрал футляр с чертежами и отправился к знакомой четырнадцатипэтажной башне на недавнем краю города, а теперь в одном из его новых центров.

В лифте Костя поднимался с бьющимся сердцем. Дверь ему открыла Вика. Радостная, возбужденная, она казалась школьницей десятого класса, а не заканчивающей курс студенткой.

— Мама, мама! Костя пришел! Посмотри же на него! Только надень на всякий случай темные очки...

Агния Андреевна Нелидова, статная дама со строгим, увядающим лицом, носила высоко взбитую прическу, напоминавшую начало двадцатого века. Только платье на ней было без шлейфа.

— Здравствуйте, Константин... Афанасьевич, кажется?

— Какой он Афанасьевич? Просто Костя!

— Как же можно так сразу — «Костя»? Надо прежде познакомиться, поговорить, кое-что выяснить, пока Викентий Петрович вернется из министерства. В окно мы сразу увидим его черную «Волгу». Вика, ты займись по хозяйству, чтобы мужчинам не ждать. Этого никогда не следует допускать. А мы побеседуем с Константином Афанасьевичем.

Агния Андреевна говорила властным тоном, не терпящим возражений.

— Беседуйте, если это вам так необходимо, — заявила Вика и, вскинув подбородок, вышла из комнаты.

— Присаживайтесь. Вот в это кресло. А на этом всегда Ви-

кентий Петрович спдит. Привычки надобно уважать. Так будем знакомы. Вы, значит, и есть тот самый «изобретатель», который до рассвета со своей соавторшей обсуждает технические проблемы на улице в любую погоду?

— Тот самый,— смущенно признался Костя.

— Я, конечно, не могу судить о вашей затее. Вы, кажется, принесли чертежи? Их посмотрит Викентий Петрович, а я, если вы, конечно, позволите, порасспрошу вас. Значит, вы не москвич? Ваши родители с периферии?

— Да,— сказал Костя и назвал свой родной город.— Мама там заслуженной учительницей стала. Три года до пенсии теперь...

— А сыночек уже выучился, но к маме не возвращается. Не так ли?

— Там видно будет,— неопределенно ответил Костя.

— Мама ваша — героиня! Поднять одной сына — я ведь знаю о трагической смерти вашего папы,— поднять одной сына непросто, ох непросто! Мы с Викой и то мучаемся.

— Папа был летчиком-испытателем. Осталась пенсия.

— Видите! Он героически служил своей Родине там, у вас в городе, в захолустье. А нынешняя молодежь, вы меня извините, непременно стремится зацепиться за Москву. Девушки, подружки нашей Вики, поверите ли, специально замуж выходят, чтобы получить московскую прописку и остаться после распределения в Москве, даже ребеночка спешат завести...

Костя почувствовал, что уши его краснеют. Он смотрел в пол, готовый провалиться через все этажи.

— Я, конечно, не о вас, вы не подумайте. Мы живем в тесноте, только две комнаты. Мы уступили Вике одну комнату, пока она учится, разумеется. А у вас какие планы?

— Я в аспирантуре.

— Комнату снимаете? Прописаны временно?

— Временно.

— Я так и думала. Ох уж эта молодежь!

Хлопнула входная дверь.

— Ну вот и Викентий Петрович! Просмотрели мы с вами его черную «Волгу». Викентий Петрович! У нас гость, Викин изобретатель.

— И шахматист, если не ошибаюсь? — приятным баритоном произнес, входя в комнату, Нелидов. Приподняв плечи, он держал какой-то сверток в одной руке и зажженную сигарету в другой. Выражение лица у него было такое, словно он отмахивался от угодливых приветствий. Он не был толстяком, но его холерное, красивое лицо почему-то напоминало Косте его недавнего противника — мастера Верейского.

— Не вставайте, не вставайте! Вот тут кое-что для нашей встречи. Хозяюшки, уж вы потревожьтесь по древнерусскому обычаю. О-о! Что вижу? Футляр с чертежами? Люблю международный инженерный язык! Константин Афанасьевич, если не ошибаюсь?

— Костя, просто Костя,— пробормотал смущенный гость.

— Костя так Костя! Давайте раскрывайтесь полностью. Вот здесь на столе.

— Что ты, Вика? Мы здесь на стол накрывать будем...

— У нас двое Вик, как изволите видеть, — рассмеялся Викентий Петрович. — Вика — он, то есть я, и Вика — она, дочь, выходит. Люблю путаницу! Обожаю! На зов матери всегда вдвоем откликаемся. В этом есть некая прелесть! Итак, превосходящие силы противника оттеснили нас на журнальный столик. Вы уж извините, живем в тесноте, но министерство скоро даст мне трехкомнатную квартиру.

— Пожалуйста, не витай в небесах! — вмешалась Агния Андреевна. — Говорить надо только о том, что имеешь.

Викентий Петрович склонился в почтительном поклоне, потом махнул на отвернувшуюся жену рукой и стал освобождать журнальный столик. Поставил на пол вазу, настольную лампу.

— Меня всегда возмущают принятые нормы: столько-то метров на человека. Не метры на человека, а по комнате на каждого члена семьи! У вас сколько комнат квартира?

— Ноль, — ответил Костя.

Викентий Петрович схватился за бока и шумно захохотал.

— Прекрасно! Начинаем с нуля! Я тоже начинал с нуля, а вот поднялся... на четырнадцатый этаж. Новую квартиру брать, буду не выше третьего: скоро годы начнут сказываться. Подождите, — остановил он Костю, начавшего было разворачивать чертежи. — Покажите-ка сперва мне ваше шахматное произведение. Я, конечно, шахматист не такого ранга, как инженер, но о ваших этюдах наслышан, прежде всего от дочери, да и в печати встречал.

Костя совсем смутился. Его подавлял самоуверенный тон хозяев, которые, разговаривая, слышали лишь самих себя, а не собеседника.

Костя достал карманные шахматы и показал Викентию Петровичу свой последний этюд, который «не дошел» до Вики.

— Любопытно, весьма любопытно! — говорил Викентий Петрович. — Как вы сказали? Тема «прокладки пути»? Слон уходит в угол...

— Опять слон уходит в угол? — послышался голос Вики. — Кажется, я стану слоном и уйду в угол.

Костя раздраженно захлопнул книжечку.

— Я вам покажу потом, отдельно, — предложил он хозяину.

— Как вам будет угодно, — отозвался Викентий Петрович, закуривая. — Не курите? Много теряете. Лишаете себя ощущений, а ощущения — основа бытия. Живое отличается от неживого тем, что ощущает. Вот так-то. Ну, показывайте. Труба до неба? Мне Вика рассказывала.

И он начал придирчиво расспрашивать Костю о всех деталях его замысла. Воздушные пошлавки со стропами, которые должны поддерживать сооружение силой вертикального ветра, ему не понравились.

— Сыро, очень сыро, — резюмировал он. — Я бы лучше сде-

лал уменьшающийся диаметр трубы. Это более инженерное решение.

— Я тоже так думал, но Вика...

— Не будьте у женщин под башмаком. Делайте только вид... Уступайте им во всех мелочах, но в серьезном...— и он многозначительно выпустил клуб дыма.

В передней раздался мелодичный звонок.

Вика побежала открывать и вернулась с письмом в руках.

— Вот Костя не получил ответа из Комитета по изобретениям, а я получила. Заказное.

— Вероятно, мне тоже пришло.

— Посмотрим. Прошу внимания! Оглашается признание! — шуточно возвестила Вика.

Она разорвала конверт и вынула письмо.

— Черный уголок,— сразу увидел Костя.

— Что? При чем тут наш «черный уголок»? — удивилась Вика.

— Отказ всегда пишут на таком бланке,— пояснил Костя.

Викентий Петрович взял из рук дочери письмо с заключением эксперта и прочитал решающий абзац:

«В связи с тем что предложенная система представляет собой модификацию вечного двигателя — использование рассеянной в среде энергии,— заявка рассмотрению не подлежит».

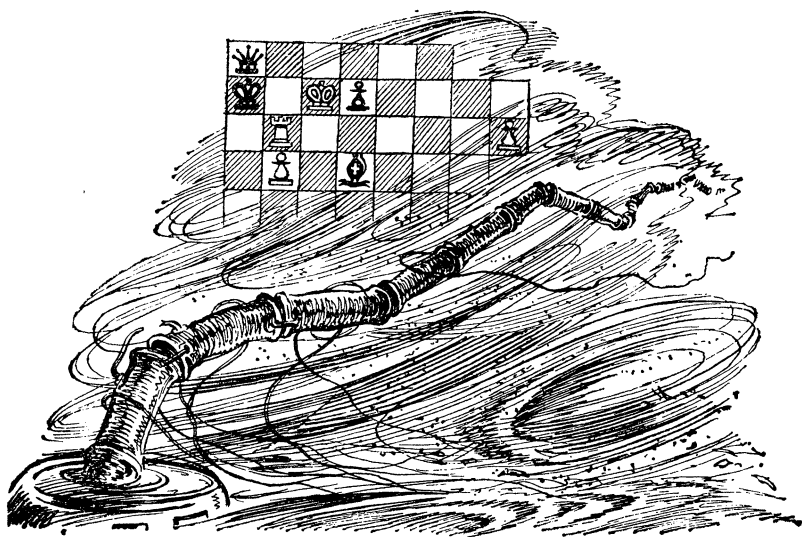
— Кто подписал? — хмуро спросил Костя.

— Эксперт. Какой-то инженер С. А. Верейский.

— Все тот же мастер Верейский! Надо же! — и Костя, взяв письмо из рук хозяина, стал читать его, морща лоб.

— Я прошу мужчин к столу! — пригласила Агния Андреевна.— Терпеть не могу, когда делами начинают заниматься, не замечая, что стол накрыт.

Костя повернулся к Вике. Она смотрела на него так же неприязненно, как и после его проигрыша тому же Верейскому. Косте стало не по себе.

Часть вторая

ВЕТЕР

*Жизнь сама
Сном, движеньем, шумом
Даже тенью в людских глазах
Вызывает во мне
Думы
О шахматных делах.*

*А. Безыменский,
«Шахматы»*

Глава первая

МАТ «ЧЕРНОМУ ЭКСПЕРТУ»

Уже несколько месяцев длилась дуэль между Костей Куликовым и экспертом Верейским. Если вспомнить о шахматах, то партия по переписке тоже тянется не один месяц. Между противниками не стоит шахматный столик с неумолимыми шахматными часами — виновниками стольких просчетов и зевков. Свой ход можно обдумать в тиши кабинета или в шахматном клубе с друзьями-советчиками, на лоне природы или в библиотеке, где легко по любому литературному источнику установить, как в похожем положении сыграли корифеи и что из этого вышло. Однако партии по переписке бывают от этого не менее острыми и драматичными, чем сыгранные с часами в зале перед публикой.

Мастер по шахматам Верейский и мастер по шахматной композиции Куликов вели переписку так, словно играли решающую для каждого из них партию. И каждый был настроен по-боевому, непримирим, настойчив, начитан и изобретателен. И ни тот ни другой не желал уступить. Но в их письмах не было шахматных ходов — речь шла об энергетической трубе.

Первым удар нанес Верейский. Он стремился получить решающее преимущество «в дебюте», утверждая, что попытка добыть энергию из рассеянного в воздухе тепла обречена, ибо противоречит второму принципу термодинамики. Идея «подобного вечного двигателя» рассмотрению не подлежит.

Письмо эксперта на бланке с черным уголком вызвало взрыв ярости у Вики. Она заявила:

— Понятно! Черный эксперт вещает, что «этого не может быть, потому что не может быть никогда!» Кстати, это из «Письма к ученому соседу». Антон Павлович Чехов!

Но «игру» с требуемым хладнокровием продолжал Костя. Он послал эксперту официальное возражение авторов: «Определять изобретение как антинаучное неверно. Речь идет не просто об использовании рассеянного в атмосфере солнечного тепла, а об использовании энергии Солнца. Воздух у поверхности земли обладает более высокой температурой, чем на высоте, скажем, километр. В природе практически существует температурный перепад, его надо суметь использовать. Этот перепад подобен искусственно создаваемому за счет сжигания горючего в тепловой машине, работающей по циклу Карно. Разница лишь в том, что в предлагаемой схеме роль нагревателя играет не топка парового котла или камера сгорания, а Солнце, нагревающее поверхность Земли и прилегающие к ней слои воздуха. «Холодильник» же (верхние слои атмосферы) охлаждается не с помощью градирни или радиатора автомашины, а влиянием космического пространства. Таким образом, ничего антинаучного в предложенном изобретении нет».

Вика подписывала вместе с Костей ответ эксперту и говорила:

— Где ты научился такому самообладанию? Я бы просто обругала этого несносного толстяка. А еще глазки мне строил!

— В шахматах не приняты кулачные варианты. Ругань — аргументация неубедительная. Противника надо обезоружить, получить позиционный перевес и разгромить.

— Ты — презесть! Начинаю уважать твои шахматы!

Вика показала переписку с экспертом отцу. И в один из вечеров, когда Костя, зачавший к Нелидовым, был у них, Викентий Петрович как бы невзначай спросил:

— Ну как партия с экспертом?

— Что ж, — усмехнулся Костя, — партия как партия. Из дебюта вышла. Преимущество противник не получил и, пожалуй, переходит от нападения к защите.

Викентий Петрович долго смеялся. Потом, красиво сощурясь, сказал:

— Пре-вос-ходно! Вы, друг мой, склонны разделить борьбу

с экспертом на шахматные стадии: дебют, миттельшпиль, эндшпиль?

— Шахматы отражают некоторые жизненные ситуации,— отозвался Костя.

— Возможно, возможно. Однако я посоветую вам иметь в виду три ступеньки пьедестала признания нового. На первой высечено: «Э т о а н т и н а у ч н о». И все тут! Поворачивай назад. Ежели устояли, поставили на первую ступеньку ногу, то на второй прочтете: «Э т о н е о б о с н о в а н н о». Тут уж придется попотеть с техническими деталями. Все предусмотреть, опровергнуть всякие обидные возражения и сомнения, терпеливо преодолевать непонимание, порой тупое, даже злонамеренное, оскорбительное. Ну, а ежели и это пройдет, то...

— Что же тогда? — заинтересовалась Вика. — Кажется, уже больше нечего ждать.

— Не стоило бы вам говорить, охлаждать ваш пыл, но уж все-таки скажу, в образовательных целях. Давайте я налью всем по рюмочке венгерского токайского. Имейте в виду — любимое вино царя Петра Великого! Он заказывал своей Катеринушке везти с собой бутылки в любой поход. Так вот. Ваше здоровье! За «мат эксперту»! До дна, до дна! Не то не сбудется.

Вика поставила пустую рюмку, пристально глядя на отца.

— Мат эксперту будет,— мрачно пообещал Костя, выпивая, свою.

— Но прежде он вас огоршит.

— Чем?

— Тем, что э т о д а в н о и з в е с т н о. И нет тут никакой новизны. Вот вам и третья ступенька.

— Нет уж позвольте! — запротестовали Костя с Викторией.

Викентий Петрович откинулся на спинку кресла и словно оценивал, насколько соавторы подходят друг к другу. Потом сказал:

— От души желаю, чтобы Комитет по изобретениям и открытиям преподнес вам свадебный подарок.

— Боюсь, что в глубокой старости нас во Дворец бракосочетания не пустят! — запротестовала Вика.

Однако само собой случилось так, что дальнейшая судьба молодых людей зависела теперь от исхода затянувшейся дуэли.

Партия с инженером Верейским продолжалась. Конечно, на его стороне была «грубая сила», положение судьи на ринге. Миттельшпиль складывался по предсказанному Викентием Петровичем плану: «Предложение необоснованно и выгод не сулит». Верейский написал, что «энерготруба не способна к регулярной работе, ибо тепловой перепад всегда различен: в ясный день или непогоду, летом и зимой, днем и ночью. А потому рассчитывать на сколько-нибудь серьезное применение предлагаемой установки нельзя».

Вика старалась вывести Костю из спокойного состояния. Все же ответ был сдержанный: «Энерготрубу нельзя рассматривать как единичное сооружение. Множество таких установок на

всем Земном шаре будет объединено Всеобщим Энергетическим Кольцом, средняя мощность которого окажется постоянной. Энерготрубы можно сочетать с другими установками использования солнечной энергии, излучаемой на Землю в одинаковом количестве в любое время года».

Эксперт не без сарказма указал на «изобретательскую наивность» соавторов, ибо расчет на огромное число энерготруб делает рассматриваемое предложение столь фантастичным, что его трудно использовать даже в научно-фантастическом романе.

Вика вспыхнула. Составление ответного письма «турецкому султану», как она теперь называла толстого эксперта, Вика взяла на себя. Она заставила Костю и хохотать и гневаться, как заправского «лыцаря с чубом» с картины Репина, когда соавторы сочиняли очередное письмо, полное скрытого яда. «Эксперт, отрицающий предлагаемый переворот в энергетике, может быть, хотел бы уподобиться Резерфорду, отрицавшему применение атомной энергии, которую сам же открыл? Однако стоит вспомнить, что категорические суждения о якобы непреодолимых рубежах техники всегда терпят крах».

Как известно, турецкий султан не вступал в эпистолярную полемику с запорожскими казаками, а попросту хватался за ятаган. Разгневанный эксперт тоже ухватился... за крючок и прицепился к тому, что изобретатели используют запрещенный прием, привлекая как аналогию атомную энергию.

«Запорожцы» хохотали и старались превзойти самих себя в выдумке очередного хода. И Костя действительно превзошел, на то он и был этюдистом. В письме эксперту говорилось, что «великий ученый Резерфорд совсем не зря исключал возможность использовать ядерную энергию в технике. Но это не ошибка ученого, а дальновидность гуманиста! Понимая, к чему может привести использование расщепления ядра, и желая предохранить человечество от гибели, Резерфорд пытался увести ученых с опасного пути. Однако есть ли такие основания у эксперта?»

Тут «турецкий султан» совсем не выдержал. За такие слова «на кол сажать надо!» В резкой форме он указал изобретателям, что «никому не дано права на домыслы и вольные толкования мыслей великих ученых, сделавших эпохальные открытия».

Вика торжествующе показала отцу переписку с экспертом. Викентий Петрович развел руками.

— Ну и ну! У нас в министерстве за такую, с позволения сказать, переписку знаешь, что было бы? Впрочем, честное слово, мне все больше нравится твой Костя. Право же, недурная гипотеза о мотивах Резерфорда! Дерзкая, но уважительная к имени ученого. Правда, как это можно допустить, будто тонкий ум, проложивший дорогу к овладению ядерной энергией, так вульгарно заблуждался, не видя ясных перспектив? Пожалуй, на его месте я поступил бы так же. Прикинулся бы слепцом. Как ты думаешь, Агния Андреевна?

— Ничего я не думаю. Боюсь только, как бы дочь наша не была несчастлива, выйдя замуж за изобретателя.

— Изобретатель — это звучит гордо! — дразнящим тоном прознес Викентий Петрович.

— Ну уж и «гордо»! Пока что просто «бодро». А как дальше будет звучать, без жилплощади и солидного положения, право, не знаю. Во всяком случае, наша с тобой жизнь вошла в колею, когда ты наконец бросил изобретать.

— Вовремя остановиться — это великая вещь! — наизда-тельно заметил Викентий Петрович и пододвинул к себе тарелку с приготовленной по особому способу уткой. Агния Андреевна готовила ее в оберточной бумаге, начинив сметаной и помещая в духовку. Обильный сок оставался внутри необыкновенно вкусного мяса.

Вика резко отодвинула от себя тарелку. Глаза ее метали молнии. Может быть, Костя нашел бы сейчас, что она в самом деле походит на древнюю египетскую царицу Хатшепсут?..

Все же Костя не удержался и перевел «партию» с Верейским на шахматную доску.

Он задумал этюд на «посрамление грубой силы». Пусть у черных будет огромное материальное преимущество, которое окажется бессильным против изобретательности белых. Постепенно, ход за ходом (он составлял этюды с конца, от завершающей позиции, стремясь содержательной борьбой прийти к ней) положение оттачивалось на его доске. Черные, несмотря на своего лишнего слона и ферзя за ладью белых, вынуждены были подчиниться воле противника и, защищаясь от грозящего мата, занять своими мощными фигурами поля вокруг короля, дав возможность слабой пешечке нанести решающий удар.

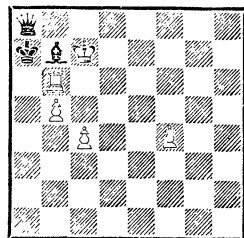
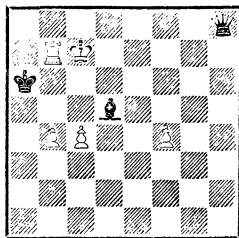
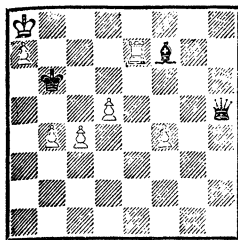
Этюд обещал получиться красивейшим произведением. Костя даже вспомнил о канадце ван дер Ланге. Ему бы показать этот набросок, он сумел бы оценить! Кстати, давно нет от него никаких известий. Сумел ли он заинтересовать деловые круги за океаном энергетической трубой?

В каком положении оказался бы Костя Куликов, который ведет нескончаемый спор с экспертом по поводу заявки на изобретение, если бы канадский инженер появился вдруг перед ним? Пришлось бы показывать ему вот эту позицию: «Белые начинают и выигрывают». И Костя расставил на доске свой новый этюд ²⁶.

Или показать канадцу, что пишет Верейский? В последнем письме он возражал против «парусности» трубы, приводил математический расчет, доказывающий, что сил внутреннего ветра окажется недостаточно, чтобы удержать сооружение в вертикальном положении при сильном боковом ветре.

Костя ответил ему, что при детальном конструировании могут быть предусмотрены несущие плоскости, подобные самолетным крыльям. Благодаря выбранному углу атаки при ветре появится несущая сила. Она поддержит сооружение и не даст ему упасть. Труба сама установится в равновесии под нужным углом.

Что ж, партия с экспертом перешла в заключительную стадию

Костя перевел глаза на шахматную доску.

Чем не получившаяся в жизни позиция? Черными играет эксперт. У него ферзь за ладью и лишний слон, как бы знаменующие право безапелляционного суждения. За нами право первого хода!

1. Лb7+ Кра6 2. Кrb8, грозя матом на a8. Приходится черному ферзю вмешаться. 2. . .Фh8+ 3. Крс7. Теперь, казалось бы, черный эксперт получил передышку. Непосредственной опасности вроде нет. И, не теряя времени, черные могут пожертвовать слона в виде решающего «возражения» и развязаться. 3. . .С: d5²⁷. Но не тут-то было! У белых припасено «контрвозражение»! Не угодно ли? 4. a8Ф+. Да, да, уважаемый черный эксперт! Вам жертвуют ферзя. Брать необходимо. У вас ведь такое подавляющее преимущество «безапелляционности»! Грубая сила! Хочу приму, хочу отвергну. И на всякий ход изобретателя есть свой «противоход». А как теперь? Взяли ферзя? 4. . .Ф: a8. Прекрасно! Продолжим комбинацию. 5. Лb6+ Кра7 6. b5. Что? Неприятно? Отдавать ферзя не хочется? Жалеете, что слон останется под ударом? Ничем не могу помочь. Конечно, угроза мата ладьей на a6 очевидна. Пожалуйста, защищайтесь, подтягивайте слона. 6. . .Сb7²⁸. Единственное! Теперь апофеоз! 7. Ла6+ С: a6 8. b6×. Mat! Mat эксперту, мат черному эксперту! Ах, если бы Вика могла понять эту красоту!

Одновременно зазвонили телефон и звонок в передней.

Телефон висел в коридоре у входной двери. Костя одной рукой снял трубку, другой открыл замок. Почтальон передал ему письмо из Комитета по изобретениям и открытиям. Звонил же Нелидов. Звонил из министерства, а не из дома. Этого еще не бывало!

— Константин Афанасьевич? Очень рад, что застал. Как самочувствие? Прекрасно! Так вот. Вам необходимо срочно приехать ко мне в министерство. Секретарша встретит вас, проводит. Повторяю: очень важно. Действуйте, как в цейтноте. Привет. Жду.

Что такое? Разве так договариваются о свадьбе? А от Вики звонка нет. Или она не в курсе замыслов отца? Он, конечно, на ее стороне. Тянет Агния Андреевна...

Костя стал спешно одеваться, как полагается жениху (который уж раз!). И невольно косился на шахматную доску с матом, который он объявил эксперту. И тут он вспомнил о полученном

письме. В нем сообщалось, что «предлагаемое сооружение не представляет новизны и не может быть признано изобретением, поскольку было предложено еще Гюнтером для энергетических целей».

Костя даже присвистнул. До чего же прав оказался Нелидов! Должно быть, не зря он сидит на высоком месте в министерстве! Третья ступенька к признанию нового, как он и предсказал. Все по правилам. Теперь — «э т о д а в н о и з в е с т н о». Так чего же вы, уважаемый черный эксперт, морочили нам головы с антинаучностью, потом с невыгодностью и невыполнимостью сооружения? А оно, видите ли, давно известно!

Да, Нелидову это будет интересно показать. Он любит, когда оказывается прав.

И Костя помчался в министерство, захватив с собой последнее письмо эксперта и, конечно, шахматы в изящной книжечке.

Велико же было его изумление, когда в приемной высокого начальника, куда проводила его хорошенькая секретарша, он увидел... Александра Максимовича ван дер Ланге.

Тот поднялся ему навстречу со знакомой Косте почтительной улыбкой на надменно-серьезном лице.

— Товарищ Нелидов сейчас прервет заседание и примет вас, — многозначительно объявила секретарша.

Канадец почтительно кивнул. Костя оторопело стоял посередине приемной.

Из кабинета через двойную обитую дверь выходили озабоченные солидные люди с колодками орденов и медалями государственных премий.

Нелидов с радушным видом сам вышел в приемную. На лице его под гостеприимной улыбкой угадывалась смесь удовольствия и занятости.

Глава вторая

РЕВАНШ

— «Электрик пайп компании», что я имею честь представлять, — начал инженер ван дер Ланге, когда Нелидов не сел за свой письменный стол, а опустился в мягкое кресло напротив гостя. Костя Куликов устроился рядом на стуле, — эта компания уполномочила меня приобрести лицензию на право использования сделанного господином Куликовым и его соавтором изобретения «Энергетическая труба». Я полагаю, что дальнейшая совместная советско-американская разработка плодотворной технической идеи, родившейся в вашей стране, поможет грядущей революции в мировой энергетике.

Костя внимательно следил за выражением лица Викентия Петровича. Оно излучало гостеприимство и деловой интерес. Ни один мускул не дрогнул на нем при упоминании о лицензии. А ведь он прекрасно понимал, что ни о какой лицензии пока и речи не могло идти при отсутствии не то что заграничных патен-

тов, но даже авторского свидетельства в СССР. И только глаза его чуть-чуть скозились на Костю.

Костя решил, что Викентий Петрович мог бы быть неплохим шахматистом, так умея владеть собой.

Когда канадец изложил свое предложение, Нелидов расплылся в улыбке.

— Будущее человечества — в совместной деятельности передовых стран как в космосе, так и на Земле. Как известно, первые шаги в этом отношении принесли людям немало пользы. Мы ценим интерес вашей фирмы к новым идеям в области мировой энергетики. Перспектива энергетических труб — в их массовом применении в различных климатических зонах.

— О да! — отозвался канадец. — Потому наша компания и называется «Электрик пайп компани». Повсеместное сооружение энергетических труб потребует их соединения Всемирным Электрическим Кольцом высокого напряжения. Ясные дни в одном месте будут компенсировать непогоду в другом; лето в Северном полушарии — зиму в Южном. Надо стремиться к тому, чтобы суммарная мощность Электрического Кольца была бы более или менее постоянной, как неизменно солнечное излучение.

— Совместное решение таких грандиозных технических задач возможно лишь при дружбе и сотрудничестве различных стран, — с подчеркнутой значительностью заметил Нелидов.

— О да, — согласился ван дер Ланге. — Я уже научился немного мыслить так, как принято у вас в Советской России. Великое Электрическое Кольцо, опоясывающее Земной шар, которое намерено соорудить наша компания, могло бы называться «Кольцом Дружбы всех народов». Не так ли?

— Очень правильная мысль, — подтвердил Викентий Петрович. — Ваша инициатива столь примечательна, что вы, надеюсь, не будете возражать, если я тотчас же сообщу о ней более высоким инстанциям. Не могли бы вы, господин ван дер Ланге, посидеть некоторое время с вашим давним знакомым — инженером Куликовым, побеседовать с ним, скажем, о шахматах, к которым у вас с ним общий интерес, пока я воспользуюсь преимуществами современной связи. А видеосвязь у нас, к сожалению, в специальном кабинете. Вы уж извините меня.

— Конечно, конечно, господин Нелидов! Я буду рад общению с маэстро Куликовым. Надеюсь, у него есть кое-что новое в области шахматных этюдов.

— Я не прощаюсь и еще раз прошу извинить, — сказал Нелидов, степенно направляясь к двери.

Костя Куликов не знал, что намерен предпринять Викентий Петрович, но догадывался, какие силы могут быть пущены сейчас в ход. Предвидя это, он проводил Нелидова до двери и сунул ему конверт с последним письмом эксперта.

Костя вернулся в кабинет и подсел к гостю, который, почтительно встав, когда Нелидов поднялся, чтобы выйти, теперь с удовольствием опустился рядом с Костей уже не в кресло, а на стул:

— Вы не представляете себе, Константин Афанасьевич, как велико было впечатление, произведенное на меня вашей страной после моей первой поездки на родину моих предков. Мой отец очень интересовался всем, что я увидел в России. Он стал одним из директоров вновь созданной компании. Конечно, мы не могли обойтись без капиталов Соединенных Штатов Америки. Наши акции приобретены крупнейшими американскими компаниями, и в этом залог нашего преуспевания. Однако мы сохраняем независимость. Я бы сказал, что это будет «умеренная независимость». — и он засмеялся.

— Вижу, вы немало поработали, Александр Максимович.

— Я суверен, господин Куликов. И, поскольку наш бизнес начался, если позволено сказать, с вашего замечательного этюда, я и сейчас хотел бы освятить начало нового этапа нашей деловой деятельности знакомством с еще одним, я не сомневаюсь в том, превосходным произведением.

Костя понял, что ему надо выиграть некоторое, необходимое Викентию Петровичу, время. Он мысленно представил себе его за аппаратом прямой связи, к которому он пригласил если не эксперта Верейского, то, возможно, кого-нибудь из его руководителей. Нелидов достаточно разбирается в сути дела, чтобы опровергнуть нелепое возражение эксперта об «отсутствии новизны» с ссылкой на якобы имеющегося предшественника изобретения — предложение Гюнтера. Идея Гюнтера была схожа с Куликовской (об этом прекрасно знал и Костя). Гюнтер тоже высказал идею создания искусственного вертикального ветра в высокой трубе, используя его энергию в ветротурбинах. Но он не шел дальше того, чтобы приспособливать подобные сооружения к рельефам местности, в частности предлагая воспользоваться километровым уступом Сахары, граничащей с плоскогорьем, для сооружения огромной «ветровой энергоцентрали». Конструктивное решение у Кости и Вики. рассчитанное на повсеместное применение, было совершенно иным, чем у Гюнтера. А идея, как известно, не патентуется. Патентуются лишь конструкции, реальные выражения идей. Все это Викентий Петрович может объяснить руководителям Комитета по изобретениям и открытиям, от имени которого вел переписку эксперт Верейский. Ведь нельзя же допустить, чтобы вновь созданная заокеанская компания безвозмездно воспользовалась советской конструкцией, которая потом — что, увы, бывало уже не раз! — вернулась бы к нам из-за рубежа, как, например, изобретенная в СССР профессором Ощепковым радиолокация, конструктивное воплощение которой пришло к нам после Великой Отечественной войны из-за границы.

Думая обо всем этом, Костя показал Александру Максимовичу свой последний этюд, который должен сегодня появиться в шахматном отделе одной из центральных газет с посвящением С. Верейскому. Еще вчера по просьбе редактора этого отдела, всемирно известного гроссмейстера, он продиктовал позицию по телефону. Гроссмейстеру этюд очень понравился. Он решил тотчас же опубликовать его. Пусть это будет сюрпризом «чер-

ному эксперту» в дополнение к телефонному артиллерийскому обстрелу, который ведет сейчас из соседнего кабинета Нелидов.

Этюд с матом белой пешечкой на б6 понравился Александру Максимовичу не меньше, чем международному гроссмейстеру. Канадец со вкусом несколько раз просмотрел на карманных шахматах Кости главный вариант, смакуя «посрамление грубой силы», когда черные ферзь и слон «послушно» занимали места по обе стороны своего короля, позволив тем слабой белой пешке заматовать его.

По сияющему, удовлетворенному лицу вернувшегося Нелидова, по его барственным жестам и самодовольному тону Костя понял, что десять минут его отсутствия сделали больше, чем месяцы упорного спора самого Кости с Верейским.

— Что ж, господин ван дер Ланге,— говорил Нелидов, усаживая вскочившего при его появлении гостя и занимая на этот раз место за своим письменным столом в знак новой фазы в их отношениях.— Ваше предложение, сделанное от имени новой Всемирной электротехнической компании, нами будет рассмотрено благожелательно. Со своей стороны мы не возражаем, чтобы экспериментальные строительства энергетических труб у нас в стране и у вас за океаном, если не будет против этого ваших возражений, велись бы параллельно с откровенным обменом информацией. Каждая из сторон, как мы понимаем, заинтересована в успешном преодолении всех могущих встретиться трудностей. Кстати, в соответствии с Женевским соглашением по патентному делу за нами остается право в течение года оформить патенты в ваших странах.

— Я очень рад, господин Нелидов, что вы сами предлагаете план, который я хотел представить вашему вниманию,— оживился канадец.— Надеюсь, финансовая сторона вопроса не расстроит наших с вами совместных усилий.

— Поверьте, это уже не моя компетенция, я буду занят лишь технической стороной. Финансовые вопросы вам предстоит решать с нашими специальными организациями, занятыми продажей лицензий.

— Я не сомневаюсь в успехе начинающегося дела,— заверил канадец.— Чтобы умножить капитал, надо сперва его вложить.

Получив адреса организаций, с которыми ему предстояло теперь иметь дело, канадец распрощался с радушными хозяевами, пообещав Косте позвонить ему вечером домой из шахматного клуба.

— Шахматисты — это масонское братство! — с виноватой улыбкой объяснил он Нелидову.

Нелидов задержал Костю у себя в кабинете.

— Можете передать своему соавтору,— официальным тоном сказал он,— что решение о выдаче вам двоим авторского свидетельства принято. Эксперту Верейскому указано на недопустимость проволочки и необоснованность его возражений. Словом, можете считать, что обещанный ему мат вы дали — и Викентий Петрович благодушно улыбнулся.— Тем более,— продолжал он,

беря со стола сегодняшнюю газету,— что вы, Константин Афанасьевич, довели это до сведения широких шахматных кругов,— и он показал на последней газетной странице напечатанный этюд Кости с многозначительным посвящением С. Верейскому. Каждый понимающий шахматист разгадает скрытый смысл мата пешкой!

Сергей Александрович Верейский был вне себя от ярости. Он не привык, чтобы его отчитывали, как провинившегося школьника. Он дорожил своей славой непогрешимого эксперта Комитета по изобретениям и открытиям. История с «энерготрубой Куликова и К^о» нанесла его самолюбию чувствительный удар. А самолюбие было фундаментом его характера.

Инженер Верейский считался на редкость одаренным человеком. Он слыл не только даровитым инженером и грозой самодеятельных изобретателей, был не только прославленным шахматным мастером, подводным камнем для гроссмейстерских линкоров, но и всесторонне развитым, культурным человеком. Он неплохо писал рассказы о шахматистах, готовил в печать целый сборник, любил театр и даже поставил две свои пьесы о промышленном шпионаже за рубежом. Он свободно говорил по-английски и по-французски, изучал классиков мировой литературы в подлинниках и мог бы вести курс о них даже в вузе. Его способности читать с молниеносной быстротой мог бы позавидовать каждый. Верейскому было достаточно взглянуть на печатную страницу, чтобы она как бы отпечаталась в его мозгу. Он не воспроизводил написанное ни по слогам, ни по словам, даже ни по строчкам. Он читал страницами! Многие сомневались, что от такого чтения есть толк. И он любил дергать пари с маловерами, заранее зная результат. Ему давали прочитать незнакомый текст, на который он бросал лишь беглый взгляд, а потом с поразительной точностью повторял его слово в слово, будто долго заучивал наизусть. Так он «наказывал» пораженных маловеров, подобно тому, как наказал когда-то Костю Куликова за шахматной доской. Выиграв пари, он строго требовал выплаты проигрыша. Ему мало было посрамления противника, тот должен был раскошиться.

Для Верейского это было одной из форм игры, которая всегда захватывала его, будь то шахматы, бега или преферанс.

Подшучивая над этой своей «слабостью», Верейский любил намекать на свое чуть ли не княжеское происхождение, виня во всем гены предков. С чувством внутреннего превосходства он не разубеждал наивных людей, спрашивавших его, имеет ли город Верей отношение к родовым имениям его предков.

В любом кругу Сергей Александрович умел быть душой общества, особенно дамского. Его внешность, аристократические манеры, феноменальная начитанность производили очень выгодное впечатление. Но для того, чтобы понять его глубже, нужно было за всем внешним его блеском угадать стремление к самоутверждению. С детства он был предоставлен самому себе, мать с

отцом разошлись, забросив сына. Он добивался в жизни всего сам. И потому, может быть, в нем выработалась некоторая враждебная отчужденность к людям, потенциальным своим противникам. И он жил, чтобы побеждать и в борьбе и в игре.

Внимание к себе как возможному эксперту по изобретениям инженер Верейский привлек своей нашумевшей статьей «Да и нет». Он писал, что слишком часто в самых различных областях людям, принимающим решения, выгоднее сказать «нет», чем «да». Скажешь «да» — и взвалишь на себя ответственность принятия или признания чего-то нового. Не оправдается «признание», не окупится новшество в технике, не подтвердится научное открытие, не будут приняты публикацией пьеса или литературное произведение — того, кто сказал «да», можно призвать к ответу. Другое дело сказать «нет». «На нет и суда нет!»

Если человек, отвергнувший новинку, окажется неправ, его пожурят, но к ответственности не притянут и, как правило, вообще не вспомнят. Так Сергей Александрович обрушился на безответственное «нет» всех перестраховщиков и ретроградов. Он призывал к тому, чтобы отрицание было не менее обоснованным, чем принятие, не менее доказательным и убедительным, а главное, не менее ответственным. Ошибка человека, сказавшего «нет» и тем затормозившего прогресс, должна быть для «отрицателя» столь же неприятной, как и ошибка неправомерного признания заведомой нелепости. Полемика, вызванная статьей Верейского, привлекла внимание к ее автору. И скромный научный сотрудник одного из НИИ, более известный как шахматист, получил приглашение Комитета по изобретениям и открытиям занять место штатного эксперта.

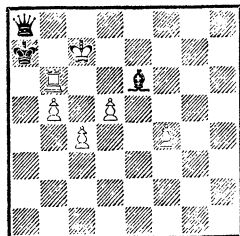
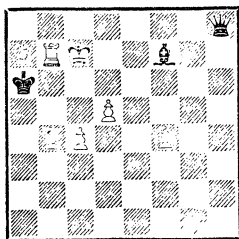
На новом месте Верейский показал себя с неожиданной стороны. Он давал по преимуществу отрицательные заключения на любые заявки. Для него стало делом чести, престижа, наконец, болезненного его самолюбия так отвергать заявки, чтобы обезоружить заявителей. Он гордился тем, что у него больше обоснованных отказов, чем у кого-либо другого из экспертов. Борьба с заявителями стала для него новой спортивной игрой, которую он обязан был выигрывать. И, как правило, это ему удавалось.

Поэтому сейчас, выйдя из кабинета с двойной обитой дверью, Сергей Александрович чувствовал, как горят его уши и что у него есть сердце. Боль отдавала в левую руку.

И тут секретарша Лиза, тайно влюбленная, как и многие другие сотрудницы Комитета, в красавца Верейского, желая сделать приятное, протянула ему свежий выпуск газеты.

— Здесь о вас. То есть вам, — смущенно поправились она. — Вам посвящается. — И вздохнула. — Как приятно быть таким известным!

Была Лизочка простоватой толстущечкой и внимания к себе Верейского никогда не привлекала. Он рассеянно взял из ее рук газету и увидел этюд К. Куликова — «Посвящается С. Верейскому». «Белые начинают и выигрывают».

«Опять этот Куликов! Только что получил из-за него оскорбительное внушение. Ему мало изобретать абракадабру, он еще и этюд посвящает наверняка с эффектным матом, чтобы оскорбить! Ладно, инженер Куликов! Ладно, мастер по композиции! Если в споре об энергетической трубе с помощью давления сверху ваша взяла, то на шахматной доске торжествует лишь абсолютная истина!» И мастер Верейский решил во что бы то ни стало докопаться до этой абсолютной истины и опровергнуть посвященный ему этюд. И вместо оформления принятой заявки Куликова и Нелидовой он погрузился в глубины шахматной позиции.

С досадой снял он трубку трезвонившего телефона и довольно резко ответил обожавшей его жене, просившей прийти сегодня пораньше домой, что будет очень занят.

Мастер Верейский был превосходным шахматистом. Возможно, он мог бы стать гроссмейстером, будь у него покрепче нервы.

Но сейчас, когда его не ограничивали часы и нервная обстановка турнира, все свои шахматные силы, удесятеренные злостью задетого самолюбия, он обрушил на этюд Куликова. И результат не замедлил сказаться.

Оказывается, в позиции, получавшейся после первых ходов авторского решения: 1. Лb7+ Кра6 2. Кrb8 Фh8+ 3. Крс7, нашлись скрытые возможности защиты у черных²⁹. Автор рассчитывал, что черные возьмут слоном на d5, после чего серия блестящих жертв белых приводит к мату одной пешкой. Но черным вовсе не обязательно бить на d5, они могут сыграть хитрее, просто жертвуя слона на e6—3. . Се6!, и теперь авторский замысел не проходит, потому что после 4. a8Ф+ Ф : a8 5. Лb6+ Кра7 6. b5 у черных есть спасительный шах ферзем на c8. Никакого мата черным нет!³⁰

Сергей Александрович тотчас же нашел по телефону международного гроссмейстера, редактора шахматного отдела газеты, и с притворным огорчением сообщил ему:

— Мне очень жаль опровергать этюд, посвященный мне, но «Платон мне друг, но истина дороже!» Потому проигу вас известить читателей, что... — и он продиктовал свое опровержение.

Так он взял реванш за утреннее поражение.

— Учить вас падо,— сказал он невидимому противнику. После этого ему пришлось заняться оформлением выдачи авторского свидетельства К. А. Куликову и В. В. Нелидовой («Не дочь ли это самого Нелидова, вменявшегося в это дело?» — подумал он).

Кончив работу, он вспомнил о жене, ждавшей его сегодня пораньше с работы, и потянулся к телефону. Но позволил он

одной из своих поклонниц-шахматисток. Имел же он право показать свою сегодняшнюю находку той, которая поймет ее!

Об опровержении своего лучшего матового этюда Костя Куликов узнал в тот же день в шахматном клубе, где встретился с Александром Максимовичем.

К их столу подошла броско одетая яркая брюнетка. Она оглядела взглядом иностранца и попросила Костю отойти с нею на минутку к другому столу.

Там она показала ему опровержение его этюда, найденное мастером Верейским, чьей ученицей и была Зоя Крейцер, довольно сильная московская шахматистка.

Костя поблагодарил «злую черную вестницу», как он шуточно сказал, и мысленно обругал себя за спешку.

— Что-нибудь неприятное? — осведомился ван дер Ланге, когда Костя вернулся. — Эффектная дама огорчила вас?

— Ничего особенного. Впрочем, я не о ней, а о себе. Мы обменялись с тем же мастером Верейским ударами, как на ринге. Последний удар остался за ним.

Ван дер Ланге бросил украдкой взгляд в сторону столика, куда уходил Костя, и сказал:

— Но ведь следующий ход ваш!

Глава третья ДРУЗЬЯ-ПРОТИВНИКИ

«Милая моя Катя!

Как летит время! Досадно, что мы с тобой не держим слово и не пишем друг другу так часто, как решили после распределения. Но я постараюсь исправиться и во всяком случае рассказать тебе сейчас если не все, то самое главное. Ты поступай так же.

Что же у меня самое главное? Не знаю, с чего начать. Ты была на нашей свадьбе. Конечно, это и есть главное, но теперь я начинаю понимать, что главное у меня еще и мой Никитка.

Ты не представляешь, какой он крохотный, беспомощный, какие у него игрушечные ручки и ножки, какие милые складочки!

Он смотрит на меня своими круглыми, удивленными глазками, а я воображаю, что он что-то понимает. Когда-то он еще начнет понимать и кем станет?

Как только он родился, мама настояла, чтобы мы переехали с Костей и Никиткой в их новую квартиру. Папа дал четырехкомнатную, так что мы не очень уж стесним родителей. Кроме того, без нас троих большую квартиру трудно было оформить. Но теперь все устроено. Папа доволен. Он ведь души во мне не чает! Мама же обожает малыша, не даст мне ничего делать. Теперь я даже не представляю, как бы могла обойтись без нее. Она следит, чтобы я кормила строго по часам, не позволяет ребенка

брать на руки, а с пеленками у нее целая конвейерная система — массовое производство: стирка, сушка, глажка. И священнодействие завертывания. Ну, а о купании я уже не говорю! Тут даже мужчины допускаются для подсобной работы: и отец, и дед. И от всех этих забот, как это ни странно, я получаю истинное наслаждение. Но ты скоро и сама это изведешь. Я рада за тебя!

У мамы на все железные установки. Ты ведь ее знаешь. Она считает, что сделала из папы человека, а теперь мечтает и из меня «вылепить» крупного инженера. А потому решила, что забота о ребенке не должна вытеснить у меня того, что она считает главным, ради чего я училась, окончила институт, даже стала изобретателем. Словом, как ни говори, а бабушки — это здорово! Ты выписывай к себе маму из Воронежа без разговоров. Непременно!

Так я и воспитываю наших с Костей сына и дочь. Под дочерью я разумею наше с ним изобретение «труба до неба», о которой я тебе в Москве все уши прожужжала.

После заключения договора о совместной разработке и использовании нашего с Костей изобретения фирмой «Электрик пайп компани» у нас в Москве была создана группа при одном из Московских научно-исследовательских институтов, куда меня и распределили. Кроме нас с Костей туда вошли и опытные дядьки-специалисты. Так что у нас не «детский сад»!

Предстояло разработать проект экспериментальной установки энерготрубы. Наш канадский знакомый Александр Максимович несколько раз приезжал в Москву.

Все-таки он хитер, себе на уме, бестия! Одно слово — «бизнесмен»! Избегает риска, и все мысли его — о выгоде, барыше и акционерах. Сначала договаривались делать две установки по одному проекту — в СССР и Америке. Но он неожиданно «переиграл». Желая угодить своим акционерам и сразу с гарантией выдать энергию из «ветровой трубы», он уклонился от принятого раньше совместного плана, сослался на новые указания своего отца (директора компании), стал настаивать на самостоятельной заокеанской установке в Скалистых горах. И строить там не поднимающуюся в небо мягкую трубу, как у нас задумано, а спускающуюся сверху по горному склону жесткую, использующую рельеф местности в каком-то там каньоне.

Я с пеной у рта возражала, готова была кусаться, доказывала, что это не даст того эффекта, как наша мягкая труба, поставленная в любом месте и уходящая в верхние холодные слои воздуха. В Скалистых горах не может быть такой разницы температур, потому что даже на высоте одного километра над трубой будет сказываться тепло нагретых солнцем горных склонов. Чтобы подняться до зимней температуры, придется строить трубу более высокую, чем мы с Костей задумывали. Даже линии снегов может оказаться мало!

Я так отчаянно спорила, что наговорила Александру Максимовичу кучу резкостей. Костя потом сказал, что я теперь в полной мере раскрыла канадцу свой характер и он, пожалуй,

будет Костю, бедненького, жалеть. Но, честное слово, не такой уж у меня плохой характер! Ты-то меня знаешь! Да и Косте жаловаться не на что. Одна только мама могла бы насчет меня чуть-чуть согласиться.

Пусть в этом вопросе строительства установки в Скалистых горах мы и повздорили, все же против канадца я ничего не могу сказать. Во всем остальном он мне даже нравится: воспитан, сдержан, умеет ухаживать за женщинами, и даже, представь, я жалела, что мы с тобой не на прежнем положении. Он бывал у нас дома, очаровал мою маму. У него деловые разговоры с Костей часто заканчивались за шахматной доской.

Кстати, ты мне не поверишь, но я решила постигнуть глубины этой мудрой игры. Теперь она мне по-настоящему полюбилась. Я хотела сделать сюрприз Косте. Это стало моей единственной от него тайной. За время своего декретного отпуска я перечитала столько шахматных книг, перерешала столько шахматных задач и этюдов, что за одно это меня следовало бы причислить к лику шахматных святых. Но до сих пор я была в числе шахматных слепых. А теперь прозрела! И это замечательно, Катя! Я могла бы выиграть у папы, если бы не боялась раньше времени выдать себя. Однако мне всего этого было мало. Знаешь, что я сделала? Пошла в ученицы к знаменитому шахматному мастеру и педагогу. Верейскому! Да, да, к Верейскому, тому самому, который «душил» наше с Костей изобретение. Ты ведь слышала об этом дородном красавце, по которому сходят с ума дамы «разной масти и возраста», как он сам о них говорит. Он ведь любитель лошадей и тотализатора. Я его люто ненавидела, прозвала его «черным экспертом» и сочиняла ему письма, как запорожцы турецкому султану. Он «погорел» с нашей заявкой из-за затеянной им канители с упрямыми возражениями. Он и в шахматах был таким же, опровергнув со зла один из лучших Костиных этюдов.

Скажешь, меня никогда нельзя понять? Ну и пусть! Я пошла к нему, стала его ученицей, и все тут! И, подумай только, он совсем превратно понял мой поступок. Оказывается, пока я была девушкой, а потом готовилась стать матерью, я для него не существовала. А вот теперь, когда я по-особому якобы расцвела, он увидел меня другими глазами, и...ах! «у него закружилась голова». Словом, он сразу же выделил меня из числа своих учениц, вызвав неудовольствие некоторых из них, в частности одной довольно яркой особы, Зои Крейцер. Она вдруг увидела во мне соперницу! Я бы смеялась, если бы это не выглядело так глупо. Впрочем, глядя на поведение Верейского, можно было понять и Зою Крейцер. Он ел меня глазами, навязывал индивидуальные занятия и распускал при мне свой «павлиний хвост» остроумия и эрудиции. Клянусь тебе, что мне все это было совершенно безразлично, как бы это ни выглядело со стороны...

Однако мой сюрприз, приготовленный для Кости, не удался. Костя узнал, что я занимаюсь у Верейского, и ходил мрачнее тучи, хотя и похвалил меня за мой поступок. Глупый, он, конечно, и не подозревал, что все это я делаю для него, только ради него!

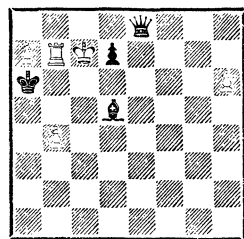
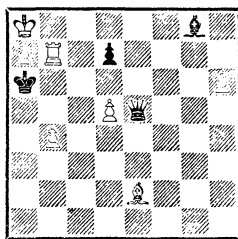
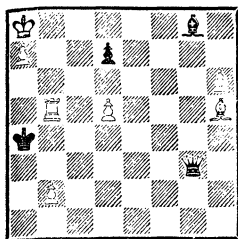
И должна была постигнуть шахматы, которые занимают такое место в жизни любимого человека. Ну, а Вере́йский... даже такого я всегда сумею осадить, если понадобится.

И вот, представь, однажды без всякого предупреждения он, Вере́йский, запросто заявился к нам с Костей домой «поиграть в шахматы»! Как тебе это нравится? Костя и виду не подал, что он удивлен или что ему неприятно. А наш гость был мил, обходителен, остроумен и даже покори́л своим внешним лоском маму. Она таких любит! А потом он с Костей сел за доску. Если мой Костя воспринимается всеми как человек приятный, Вере́йский же не лишен, как сказала мама, шарма, то за доской их словно подменили. Они подкалывали друг друга, поддразнивали, переходя на какой-то тарабарский язык, который бытует у игроков «блиц» (быстрые партии). Я села неподалеку и записала в тетрадку то, что они говорили. Уши вянут! Посмотри сама: «Вам шах, как объявлял Рабинович!» «Так бы сыграл Алехин, но по другому поводу». «Эй, маэстро, ходу, ходу! Если тронул пешку,— бей!» «Ходу — это вы скажете пароходу с капитанского мостика, а бей — это тот, у кого на носу шишка!» Или «Спешка нужна лишь при ловле блох в цейтноте, а пешка — всегда!». «Что это за вонючий ход? Явное нарушение Женевской конвенции по запрету химического оружия, к тому же загрязнение окружающей среды». «Нет, лучше изобретайте шахматный противогаз или пишите завещание в потемках». И прочая белиберда! Зачем только обмениваться ею культурным людям? Со стороны кажется, что они заняты чем-то страшно несерьезным. Но стоит подойти к доске и начать вникать в то, что на ней происходит, как вся словесная шелуха спадает и остается обнаженная красота богини шахмат Каиссы.

Кстати, этот Вере́йский вздумал называть меня Каиссой, якобы для того, чтобы иметь право поклоняться мне. Я, конечно, поставила его на место. Но Костя все-таки все понял. Я видела, что между ним и Вере́йским началось соперничество. Костя не опускался до ревности, нет! Он принял вызов Вере́йского. И они схватывались не раз. Одну шахматную партию в важном турнире Костя ему проиграл. Зато в важнейшем споре в Комитете по изобретениям дело об энергетической трубе выиграл Вере́йский, взяв реванш и бросил Костю в нокдаун, опровергнув его матовый этюд, посвященный ему «со значением». Теперь Костя решил нокаутировать противника на «этюдной доске». Я же, следя за этим сражением, уподобилась некой Каиссе, шахматной даме, из-за которой рыцари бьются на турнире, сшибая друг друга коней копытами и мечами.

В шахматах мечей и коней нет, но удары мысли, которыми обмениваются противники, есть. И для решающего удара новым этюдом Косте пришлось искать, искать, искать, быть упрямым, изобретательным, неотступным. Какие важные черты характера! Как он дорог мне из-за них! Но посмотри, к чему привело это «любовное соперничество» в шахматах ³¹.

Белые, по замыслу Кости, должны начать и выиграть. А если

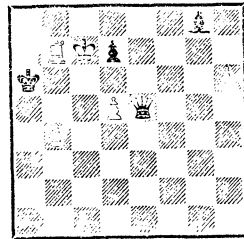
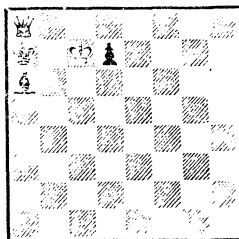
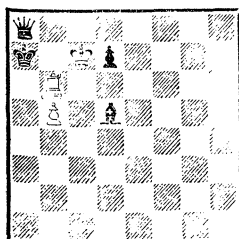

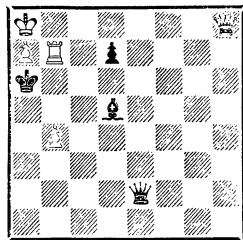
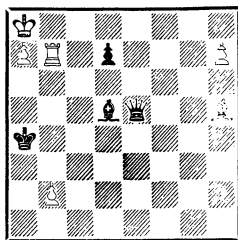
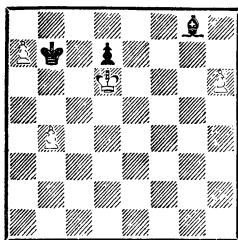
посмотреть на позицию, пожалуй, покажется, что они и ничьей были бы рады! А надо выиграть. Как?

Попроси Ваю, чтобы он вместе с тобой проанализировал решение.

1. Лb7! — перекрывая диагональ a8—h1, а заодно угрожая матом в четыре хода: 2. Cd1+ Кра5 3. b4+ Кра6 и 4. Ce2 мат! Черные могут предотвратить последний матующий удар слона, взяв поле e2 под защиту ферзем. И они ходят 1. .Фе5. Теперь черные грозят взять пешку d5 слоном и выиграть, но у белых задуман дерзкий план. 2. Cd1+! Вы думаете зачем? А вот зачем: 2. .Кра5 3. b4+ Кра6 4. Ce2+ ³². Все-таки слон дает этот шах; хотя ферзь и возьмет его, но при этом снимет удар с поля b8, освобождая тем белого короля. И он не замедлит этим воспользоваться. 4. .Ф : e2 5. Kpb8. Теперь черным грозит мат a8 новым ферзем. Приходится действовать. 5. .Фе5+ 6. Kрс8 Фе8+ 7. Kрс7. А вот сейчас на первый взгляд кажется, что белые ничем не грозят и черные могут наконец взять пешку на d5— 7. .С : d5 ³³. Нелегко увидеть заготовленный белыми капкан. 8. a8Ф+! Ф : a8 9. Лb6+! Кра7 10. b5 ³⁴. Посмотри, Катенька, до чего это здорово! Черные могучие фигуры, словно неведомой силой — строгой шахматной логикой. — привлекаются на предназначенные им места по обе стороны короля, которому уже грозит мат ладьей на a6. Надо спастись. Но не жертвой же ферзя с быстрым проигрышем: 10. .Фd8+ 11. Кр : d8 Кр : b6 12. h7! Приходится защищаться «до последнего», призвать на помощь слона: 10. .Сb7 11. Ла6+ С : a6 12. b6 мат! ³⁵

Разве не красиво? Вот теперь я стала понимать своего Костю глубже, рассмотрела его еще с одной стороны. Но я и тревожи-

лась за него, за его «шахматное детище»! Я относилась к этюду, как к чудесной картине, созданной художником. Картину можно украсть, повредить ножом. А этюд? Этюд можно самым «легальным образом» уничтожить. И он не будет существовать. Ведь он должен быть безусловно правильным. Никакая ошибка не извиняется. Ошибочные этюды просто не существуют. И я тайком от Кости побежала к его знакомому гроссмейстеру, который один раз уже обжегся, опубликовав в редактируемом им отделе газеты неправильный Костин этюд. Верейский и сейчас спать не будет!..

Гроссмейстер оказался удивительно милым и отзывчивым человеком. Собственно, он и растолковал мне, что такое шахматная красота. И на примере Костиного этюда! Потом показал, как можно попытаться опровергнуть Костин этюд. У меня сердце захолонуло.

Оказывается, на седьмом ходу можно было попробовать не брать слоном белую пешку, а сыграть 7. . . Fe5+ ³⁶ 8. d6 Ф : d6+ 9. Кр : d6 Крb7 ³⁷ 10. a8Ф+ Кр : a8 11. Крс7. Черным больше делать нечего, один слон не может удержать две проходные пешки. Гроссмейстер сказал, что хотя этот вариант и менее ошеломляюще эффектен, чем главный, но в нем своя прелесть «типичности»: слон, как он сказал, уподобляется корове на льду, у него разъезжаются ноги на b7 и на h7. У шахматистов такое положение по-смешному называется «штаны». Гроссмейстер еще проанализировал, что белые иным, чем автор предусмотрел, способом выиграть не могут. Так, выпад пешкой «h» на втором ходу ничего не даст: 2. h7? С : d5 ³⁸ 3. Cd1+ Кра5 4. b4+ Кра6 5. Се2+ Ф : e2 6. h8Ф — белые получают ферзя, но ³⁹ 6. . . С : b7+ 7. Крb8 Фb5 — и белым ничего не остается, как форсировать вечный шах — 8. Фа1+ Крb6 9. Фd4+ Кра6.

— Ницья, бигая ницья,— авторитетно заключил грессмейстер, провожая меня, в передней.— Так что побочных решений не видно.

Я с интересом снизу вверх посмотрела на прославленного шахматиста, объехавшего весь мир и написавшего интересные путевые заметки. Шахматные же книги принесли ему славу знатока эндшпиля, «шахматного академика», на которого ссылаются все высшие авторитеты. А в обращении он был удивительно прост и совсем чуть-чуть заикался.

— Если бы я судил конкурс, я дал бы этому этюду высшую премию, — закончил гроссмейстер.

Я подумала, что он мог бы судить конкурс пианистов или скульпторов. Такой может!

И я полюбила шахматы и... шахматистов. Наш канадский друг Александр Максимович говорил о масонском братстве шахматистов. И в какой-то мере был прав. Собственно, об этом я и хочу тебе рассказать, тем более что это продолжение «романа о Верейском».

Сергей Александрович, поняв, что новый этюд Кости — направленный в его сторону удар, сделал вид, что ничего не произошло. Он заходил к нам все чаще, всячески намекая мне, что делает это ради меня, чтобы быть ко мне ближе. А я уже все узнала о нем! Оказывается, дела его были отнюдь не так хороши, как он делал вид. После неприятности с нашей заявкой на изобретение энерготрубы, которую Сергей Александрович отвергал, он, как человек гордый и самолюбивый до заносчивости, не стерпел сделанного ему замечания и, хлопнув дверью, ушел из Комитета по изобретениям и открытиям, ушел... на тренерскую работу по шахматам. Вел две группы — одну на крупном заводе, где его ценили шахматисты-изобретатели, и другую... ну, конечно же, женщин-шахматисток! Разве мог он без них? Туда-то я и напросилась к нему в ученицы.

Но вместе с тем инженер он был хороший, и мне было его немножко жаль. Ничего не подделаешь, мы с тобой женщины, и сердце у нас мягкое как воск, в особенности когда его согревают обожанием. Я, конечно, ценила его к себе отношение (кто бы не ценил?), но я не забыла его попытки загубить наше изобретение. И тут я пошла на чисто «женскую месть». Я решила заставить его работать на наше изобретение! И он непременно попадет на мой крючок, если во мне заинтересован. Я только самую малость наметнула ему на это, восхищаясь тем, что он у нас дома всегда болтает с мамой по-французски, а с папой по-английски, а ведь это языки Канады и США, куда нам надо ехать.

Он недоумевающе поднял одну бровь и проницательно взглянул на меня. Но больше я ничего не сказала.

Я принялась осторожно, исподволь осуществлять свой план. И я вздохнула, говоря с Костей, что мне не удастся поехать с ним за океан, как на том настаивал ван дер Ланге, и еще, что как жаль, что Костя не владеет английским языком. Мне бы пришлось там быть переводчицей во всех деловых встречах. И тут я выпалила, что вместо меня мог бы поехать Верейский — он так великолепно знает языки!

Костя мой остолбенел, глаза у него совсем округлились, как сейчас у нашего Никитенка. Он напомнил, что Верейский был врагом нашего изобретения, «черным экспертом». Я засмеялась и сказала, что один из партнеров в шахматы непременно играет черными. Костя меня не понимал. Тогда я мягко объяснила ему, что значительно лучше иметь врага при себе, чем атакующего извне. Пусть Верейский высказывает любые возражения

в ходе проектирования. Все они будут только полезны. Тем удачнее соорудим мы нашу экспериментальную установку.

Костя упрямылся, говорил, что масонское братство тут не при чем, что он готов играть с Верейским в шахматы, даже показывать ему этюды, но работать с ним над замыслом, который он так бессовестно чернил, не намерен.

Пришлось обратиться к папе как к третьей стороне. Я знала, что он дальновидный, и не ошиблась. Выслушав меня, он долго смеялся, потом сказал, что я действительно могла бы быть древнеегипетской царицей вроде Хатшепсут и, должно быть, не в то время и не в той «династии» родилась. И еще сказал, что логика у меня, конечно, женская, но... тем она и ценна, что отличается от прямолинейной вульгарности мужской логики. И еще добавил, что я «добрая душа», и поцеловал меня. Наконец сказал, чтобы я прислала к нему Костю.

У мамы удивительное чутье. Она поняла, что надо принести « совещающимся мужчинам ».

Что уж там папа с Костей под коньяк говорили — не знаю.

Вернулся Костя от папы окрыленный. Расцеловал меня и признался, что ему здорово повезло на «Седьмом небе».

— А что! Это верно! В жизни надо, как в шахматах. С противниками дружить.

И на следующий день, когда Сергей Александрович пришел к нам взять свои три очка из четырех (обычный счет их домашних встреч), Костя сделал ему предложение работать вместе.

Сергей Александрович изобразил на своем холеном лице искреннее изумление. Но Костя уже усвоил мои аргументы.

— Нам в проектной группе нужен свой «тренер», свой опровергатель вариантов. Лучше вас, Сергей Александрович, не придумаешь. Надо скоро ехать в Канаду и Америку, в Скалистые горы, где начинают сооружать экспериментальную установку. Вот и поедем вместе.

Сергей Александрович пообещал подумать. Но я подозреваю, что он давно «просчитал эти варианты», еще раньше, чем прийти к нам. Ведь он стремился быть ко мне поближе... Так иди, иди же в приоткрытую мной дверцу!

На следующий день инженер Верейский согласился работать в нашей группе проектирования энерготруб.

Папа позвонил из министерства в НИИ, при котором мы находились, и порекомендовал взять на работу инженера Верейского.

Ну, я, наверное, надоела тебе со всеми этими подробностями! Ты уж меня прости, я никогда не умела отделять главное от второстепенного. Поэтому спешу перейти, может быть, к самому главному.

Имей в виду, что распашоночки, чепчики, ползунки, пижамки и всякую необходимую мелочь, ценность которой ты скоро поймешь, я тебе немедленно перешлю. Мой Инкитенок вырастает из всего не по дням, а по минутам. Думаю, твоя мама сможет

проездом из Воронежа заглянуть к нам в Москву и все это забрать для твоего ребеночка.

Но ведь это еще не так скоро. Я наверняка успею тебе еще что-нибудь написать и, конечно, получу письма от тебя.

Как-то у тебя там, на Урале? Кстати, энергетические трубы будем строить и у вас. Холодной зимой вы от нас не отгородитесь! Все равно на километровой высоте холоднее, чем даже среди ваших сугробов. Ты там так и скажи своим.

Крепко обнимаю тебя, моя родная,

твоя Вика».

Глава четвертая ТРУБА ДО НЕБА

«Милая моя Катюня! Ничего у нас с тобой не получается из регулярной переписки. Но я на тебя не сержусь, поскольку виновата в этом не меньше тебя. Все у нас с тобой не как у людей. Вместо того чтобы писать часто коротенькие письма, мы катаем по многу страниц, словно собираемся публиковать никому не интересные, кроме нас с тобой, романы-эпистолярии.

О тебе я уже все знаю. Слухом земля полнится. Счастлива за вас с Ваней. Он у тебя такой «далекондущий»! Надеюсь, ты не в обиде на него? Ведь вы не в равном положении — тебе так долго пришлось не работать! Мать есть мать. И даже бабушка не во всем ее заменит! Рада я и такой мелочи, что твоя Леночка и мой Никитенок выросли из одних и тех же распашоночек. Кто знает, может быть, детишки наши когда-нибудь вспомнят об этом и устроят вместе свою судьбу? Ты, конечно, хохочешь, моя хохотушка. Да и я не очень всерьез... А что если? Чем чертик не шутит? Ну, ладно, пусть этим бесенком буду я. Просто пошутила и все.

Столько времени не писала тебе и, как всегда, не знаю, с чего начать. Знаешь, что передо мной?

Море тюльпанов!

Ты представить себе не можешь, какая это красота! Говорят, в Голландии дядя нашего Александра Максимовича в числе других фермеров выращивает тюльпаны для всей Европы. Их там целые поля. Я видела, правда, только на открытках. Но все равно это не идет ни в какое сравнение с нашим морем тюльпанов. Они выросли на месте бывших мертвых несков благодаря нам, благодаря нашей первой энергетической трубе, давшей первые двадцать тысяч киловатт электроэнергии. Заработали насосы, подняли воду в арыки, куда она никак не могла попасть самотеком.

И вот — глаза радуются! Благодарная Природа воспользовалась нашим экспериментом. Скоро здесь посяет хлопок, а пока дикие тюльпаны выросли сами, как вырастают в других среднеазиатских пустынях в весенние влажные месяцы.

Тюльпаны, тюльпанчики! Красные, желтые, пестрые в крапинку. Растут полосами. И кажется, будто это яркие волны застыли в своем беге морском, покрыв цветастым ковром скучные гребни барханов. Еще недавно эти серые гребни клубились песчаным дымком, который засыпал и цепочки следов ящерицы, и полосы от проползшей юркой змеи. Я их ужасно боялась, и змей и ящериц. Не знаю, как они теперь чувствуют себя в буйных травах.

Мы намеренно выбрали для эксперимента Высокие Пески, для орошения которых требовалась принудительная подача воды. И мы решили, что сможем дать насосам энергию здешнего жаркого Солнца.

Мы с Костей и Верейским — «Штаб Мечты», как мы в шутку именовались, — приезжали сюда из Москвы изучить местность.

Сергей Александрович страдал от жары и жаловался, что плавится под этим проклятым Солнцем. Я ему, конечно, тотчас же пропела арию Снегурочки «Люблю и таю...»

Он меня слушал, влюбленно вздыхая, но на него грустно было смотреть. Мокрое лицо и влажные складки на шее. Одышка. Цыганских его глаз и не видно за темными очками.

А Костя — тот и не замечал ничего, весь был в заботах.

Наш «Штаб Мечты» изучил местность и наметил, где строить «избушку на курьих ножках» — будущий машинный зал ветровой электростанции, поднятый на колоннах, чтобы воздух пустыни мог стекаться к приемной воронке в полу станции.

Потом мы вернулись в Москву заканчивать проектирование.

Косте с Сергеем Александровичем пришлось съездить в Америку без меня. Теперь бы, пожалуй, я смогла, но тогда Никитенок был еще крохотным.

В Большом Каньоне началось экспериментальное строительство «Электрик пайп компани».

Костя рассказывал, что каньон — это, по существу говоря, грандиозный овраг, результат разрушительной работы вод за миллионы лет. Наш обыкновенный овраг в представлении муравья покажется таким же каньоном.

Тянется каньон на сотни километров, ширина — десятки километров, высота обрывов — полтора километра. Последним обстоятельством и воспользовался наш расчетливый Александр Максимович. Для верности он решил соорудить опытную ветровую установку, спустив ее трубу по обрыву каньона и, пользуясь прилегающим горным склоном, поднять ее еще на полтора километра. Общая высота трубы получится около трех километров. Нужная тяга обеспечивается, но сооружение влетит в копеечку, оно съест все капиталы компании. Но Александра Максимовича это ничуть не смутило. Он говорил, что по законам большого бизнеса компании нужно сразу же получить результат — выдать бесплатную энергию, взятую у Солнца, и выпустить новые «солнечные акции», как назвал их отец Александра Максимовича, один из директоров «Электрик пайп компани», Макс ван дер Ланге.

Однако до выпуска этих акций было еще далеко, когда Костя с Верейским встречались с заокеанскими коллегами. Их познакомили с нашим проектом «мягкой трубы» высотой всего лишь в километр, которую можно поднять всюду, независимо от характера местности, не обязательно в горах Скалистых или Кавказских, в Кордильерах или на Памире. Американские инженеры рассматривали наш проект и качали головой. Он казался им слишком дерзким.

Но мы твердо решили осуществить его в Высоких Песках.

Какие только предприятия не работали на нас! И химические комбинаты, и турбостроительные заводы, и авиационные, и электротехнические, и текстильные фабрики. Мне казалось, что мы кооперируемся со всеми министерствами страны. И представь, все заботы по связи с ними обрушились на мою бедную головушку! Хорошо, папа научил меня межминистерской мудрости, ну, а то, что я женщина, я использовала уже сама...

Я именовалась «главным инженером стройки», начальником назначили Костю. Он ездил в свой родной город и нашел там Ивана Тимофеевича Гусакова, того самого седого дядьку, с которым мы с тобой встретились у Останкинской телебашни.

Костя уговорил Гусакова согласиться пойти на наше строительство: Иван Тимофеевич, когда был в армии, служил в строительном батальоне, это могло очень пригодиться нашей молодежной стройке. Ведь сооружение экспериментальной энерготрубы в Средней Азии стало комсомольской стройкой. И не только мы с Костей, ее руководители, были комсомольцами, но и все добровольцы из студенческих строительных отрядов оказались нам под стать. И появился у нас свой дядька Черномор, в прошлом капитан Советской Армии, а потом милиции и теперь нанн парторг, Гусаков. Только был он не тем Черномором, который летал с помощью бороды, а был он тем дядькой Черномором, который выводил на берег тридцать витязей прекрасных... и всех в брюках (в том числе одиннадцать девушек).

Да, на нашей стройке, как бы пышно она ни называлась, работали всего лишь тридцать человек, комсомольцев.

Забавно, что этим воспользовался... ты знаешь кто? Верейский! Сергей Александрович! Он вдруг заявил, что по возрасту уже не подходит к нашей группе, и наотрез отказался ехать в Среднюю Азию. Я сочла это предательством и высказала ему все, что о нем думаю. А он безропотно соглашался со мной. Да, конечно, он не может и не собирается расстаться с Москвой. Он коренной москвич, урбанист, и романтика комсомольскихстроек не для него. Да, он не может обойтись без ипподрома с тотализатором, даже если я заменю в песках скаковых лошадей верблюдом. Да; он не собирается бросать своих учеников (и уж, конечно, учениц!) и не оставит своей тренерской работы по шахматам. Словом, он не намерен отказываться от привычного уклада жизни! Он весь в этом, Сергей Александрович Верейский, умница, игрок и дамский угодник. И даже в этом он согласился со мной, не снисходя до спора с дамой.

Сам папа не смог его убедить. В ответ на отцовские аргументы он спросил папу, почему тот не оставит, хотя бы временно, свой пост в министерстве и не возглавит стройку вместо неопытного инженера Куликова? Каков? Папа ответил, что готов был это сделать, да министр не отпустит. Мама очень рассердилась, обвинила Сергея Александровича в том, что он подпевает всяким интриганам, которые обвиняют папу в якобы барских замашках. И папе вовсе не следует по совету Верейского испытывать судьбу — вдруг возьмут и пошлют в пустыню! А как быть с московской квартирой? Да и Костя обидится...

Итак, тридцать витязей прекрасных обоего пола и с ними дядька Черномор отправились в Высокие Пески ставить стоймя сказочный «тещин язык», о котором я когда-то из озорства вспомнила при Косте, не представляя, куда это меня занесет.

Как выглядели Высокие Пески, я тебе уже написала. Никогда не забуду их с разостланной по барханам ярко-синей оболочкой нашей трубы. Ее укладывали, как укладывают парашюты. Это целое искусство! Руководил этим сам Иван Тимофеевич, который, к нашему счастью, еще до армии был мастером парашютного спорта.

Девчата все охали и ахали по поводу того, как хороша и прочна гладкая синтетическая материя оболочки и сколько из нее можно было бы сшить брючных костюмов. Но сейчас эта материя была сшита в виде одной километровой брючины («по Маяковскому», как острили ребята, вспоминая его «Облако в штанах»).

«Брючину» через равные отрезки длины перехватывали легкие обручи, чтобы препятствовать смятию трубы наружным воздухом из-за падения давления внутри трубы, вызванного, по законам газодинамики, скоростным потоком. Эти же обручи служили и для строп, через которые плавающие в воздушном потоке поплавки поддерживали трубу.

Оболочку трубы тщательно уложили, чтобы обручи и поплавки не перепутались, не зацепились бы друг за друга.

Сейчас мы должны были получить результат без предварительного опыта. Собственно, вся наша стройка была опытная. Никто не поднимал в небо километровых труб. Никто не мог сказать, как все произойдет. Надо было пробовать.

Для подъема трубы прилетел вертолет с веселым летчиком, коротеньким крепышом, который ходил, расправив плечи и расставив руки, как борец на параде, сыпал прибаутками и всех веселил.

Однако именно с ним связан самый черный день нашей эпопеи.

Я сначала жалела, что мама с Никитенком не успели приехать ко дню подъема трубы, но потом была даже рада.

По мере подъема вертолет все уменьшался, а от него вниз тянулась синяя лента. Это я настояла, чтобы материал трубы был цвета южного неба. Или, ты думаешь, надо было другого, контрастного, цвета, например оранжевого?

Синяя змея у нас на глазах продолжала вздыматься с песков

и тянулась в небо. Там она исчезла. Но труба не оторвалась, а просто растворилась в синеве.

Своим нижним концом труба соединялась с моей «избушкой на курьих ножках» — это я так назвала подводомственную мне электростанцию, состоящую всего лишь из одной ветротурбины и сидящего на одном с ней валу электрогенератора. Под полом «избушки» была всасывающая воронка, принимавшая нагретый в пустыне воздух.

Настала самая торжественная минута. Надо было запустить ветротурбину, зажечь первую электрическую лампочку «от Солнца». Я махнула косынкой, давая условный знак. Но лампочка над входом в электростанцию не зажеглась.

Мы побежали к «избушке на курьих ножках», чтобы выяснить, в чем дело.

Турбина не вращалась, потому что никакой тяги в трубе не было. Все мы стояли как в воду опущенные, боясь смотреть друг на друга.

Но Костя вдруг ударил себя по лбу:

— Идиот! Какой же я идиот! Иначе и быть не могло!

Я не сразу его поняла, но потом сообразила, что столб воздуха в трубе был совершенно такой же, как и снаружи, несколько не более нагретый. Теплый воздух еще не заполнил трубы.

Вертолетчик запрашивал сверху по радио, может ли он опустить трубу. Она мешком повалилась бы на землю!

Комсомольцы, поняв, в чем дело, наперебой предлагали кто что. Одни — разжечь под приемной воронкой огромный костер и таким образом заполнить трубу теплым воздухом, создать в ней первоначальную тягу, как создают ее в печке. Потом горячий воздух пустыни сам обеспечит устойчивую тягу. Другие для той же цели предлагали временно превратить турбину в «вентилятор», закрутив ее от дизеля.

Но Костя решил по-иному. Он приказал вертолетчику опустить трубу на землю. Эксперимент продолжался.

Когда синяя змея снова улеглась на барханы, все мы бросились к вертолету, вернее, к верхней части трубы. Нужно было установить там заглушку, но не раньше, чем труба заполнится горячим приземным воздухом, прогреется под лучами солнца. Пришлось отложить подъем на сутки, чтобы поднять трубу в небо уже заполненную горячим воздухом,

И хорошо, что отложили на сутки: успела приехать мама с Никитенком! Наступил один из самых радостных дней нашей с Костей жизни. Замечательно, когда с любимым человеком тебя связывает не только чувство, ребенок, семья, но и работа, искания, огорчения, победа!

Вертолет снова приготовился к взлету. Он походил на огромную стрекозу, и Никитенок был в восторге, бегал по песку и махал ручонками.

Время летит. Скоро он пойдет в детский сад, а давно ли только тарашил свои удивленные глазенки! У него мягкие локоны, и я готова была плакать, когда подрезала их.

И вертолет снова осторожненько поднял трубу в небо.

Какая же радость обуяла всех нас — и «витязей» и Черномора, когда труба уже не бессильно повисла над «избушкой», как в первый раз, а готова была задышать, зажить собственной жизнью!

Летчик по радио сообщил, что снял с верхней части трубы «заглушку» и воздух снизу устремился в трубу. Желанная тяга появилась! Горячий воздух пустыни вертикальным ветром подхватил наши поплавки, натянул стропы, прикрепленные к обручам, и синяя труба уперлась в южное небо, сливаясь с ним, натянутая, как струнка!

И тут мы увидели, что «стрекоза» спускается. Труба же стояла сама по себе, исполинский стебель невиданного растения, выдуманного моим Костей!

Это была победа!

Мы переглянулись с Костей, я дала условный знак первому дежурному машинного зала — им была дочка Ивана Тимофеевича Люда, — и над входом в «избушку» вспыхнула сигнальная лампочка. Ее свет был едва различим в яркий, солнечный день. Но это была первая электрическая лампочка, заженная здесь энергией Солнца пустыни.

Что тут было, Катя!

Началась вакханалия. Ребята превратились в иступленных дикарей на празднике огня. Они выплясывали, прыгали, кувыркались через голову, хохотали, падали, снова вскакивали, кружились. Ты, конечно, догадываешься, что я не отставала от них. И, пожалуй, была среди них главной жрицей, вакханкой, «бестией», как сказала наблюдавшая этот «шабаш» мама.

Я схватила Костю за руки, и мы кружились как дети.

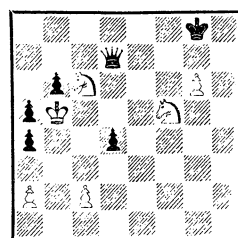
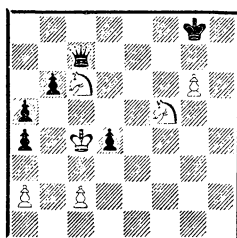
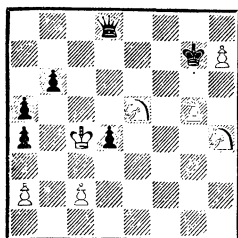
Один только дядька Черномор стоял в стороне, улыбаясь в усы.

Так и запомнился мне этот день, «день кружения». Кружилось колесо ветротурбины (на этот раз завертелось-таки!), кружились и все мы, строители ветростанции «ВП» (Высоких Песков).

Я знала, что у Кости уже сложилась традиция отмечать заметные дни своей жизни составлением этюдов. И я попросила его составить такой этюд, который отразил бы наше «кружение» в день запуска ветростанции. Костя пообещал и сдержал свое слово.

Мне нравится его новый этюд, — может быть, потому, что будит воспоминания этого счастливого дня...

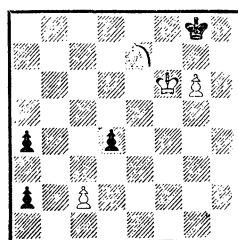
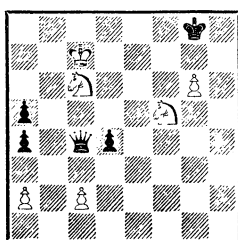
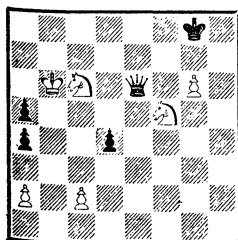
Меня радует, что я могу тебе написать все про этот этюд. Как хорошо, что Ваня помог тебе научиться понимать шахматы! И ничего, что ты по-настоящему «заболела» шахматами. Это единственная болезнь, от которой не стоит лечиться. Ты написала, что прекрасно разобралась в Костином этюде с матом пешкой на b6. Последний его этюд совсем другой. Он отталкивается не от парадоксальной конечной позиции с матом (или патом), а посвящен систематическому движению фигур — серии ходов, когда король белых храбро вступает в единоборство с черным ферзем и побеждает его, заставляя встать на «заминированную клетку»,

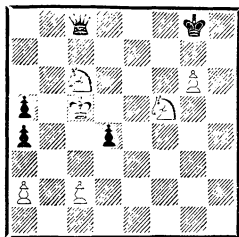

откуда его достанет «на вилку» помогающий королю конь. В начальном положении у белых всего два коня за ферзя, и трудно поверить в выигрыш белых, но Костя любит укрощать черных ферзей! ⁴⁰

И все-таки в этом положении «белые начинают и выигрывают»! Если у тебя хватит силы воли, то закрой письмо и попробуй найти решение сама, а потом дочитаешь письмо. Ладно?

Ну, здравствуй, Катя! Как? Удержалась от того, чтобы дочитать мое письмо? Решила этюд? Хватило у тебя на это воли? Тогда давай проверим. Вот оно, решение: 1. Kf5+ Kp : h7 2. g6+ Kpg8 3. Kc6! Что делать черным? Если 3... .Ff6 или 3... .Fg5 4. Kse7+ Kpf8 5. g7+, то белые выигрывают! Остается одно — связать опасного коня. 3... .Fc7 ⁴¹ 4. Kpb5 с той же угрозой Kse7+. И опять черным приходится связать освободившегося белого коня. 4... .Fd7 ⁴² 5. Kp : b6. Король снова развязывает своего боевого коня. Но ферзь опять может стреножить эту беспокойную фигуру — 5... .Fc6 ⁴³. Спираль раскручивается! 6. Kpc7 — король наступает на ферзя, а тот вынужден, как это ни парадоксально, отступить 6... .Fc4 ⁴⁴. Король и ферзь в круговороте борьбы поменялись местами. 7. Kpd6. Может быть, черным прекратить эту карусель и отдать ферзя, получив грозные проходные (7... .Fb4+ 8. K : b4 ab 9. Kpe6 b3 10. Kpf6 ba)? Сейчас черные поставят нового ферзя, но... 11. Ke7+ ⁴⁵, и неизбежный мат черным на 15-м ходу! Поэтому хочешь не хочешь, а продолжай вальсировать с вражеским королем. Но, невозможный король наступает своей черной даме на шлейф: 7... .Fa6 8. Kpc5! Fc8 ⁴⁶. Увы! Последнее поле, с которого, завершая спираль, можно связать непамятливую коня, «минировано». Из засады бросается другой конь, и черный ферзь гибнет. Белые выигрывают!

Вот так и мы с Костей крутились, торжествуя победу! Крутились под вставшей над нами стоймя нашей синей трубой.

Ну вот, родная моя, и все, что я хотела тебе написать.

У меня «солнцем полна голова». На душе светло, в глазах — море тюльпанов, рожденных нашей энерготрубой. Очень, очень хочется увидеть тебя, поделиться своей радостью!

Никитенок с мамой будут жить с нами, пока папа не придет за ними вместе с приемной комиссией, которую нам придется теперь ждать.

Так вот что, Катюня! А что, если вы с Ваней (и Леночкой, конечно!) приедете к нам на Высокие Пески? Здесь сейчас как на лучшем курорте. Приезжай! Ладно?

Целую тебя, моя хорошая. Твоя Вика».

Глава пятая

ЗЛОЙ ВЕТЕР

Комсомольцы взапуски бежали от «избушки на курьих ножках» по тюльпанному полю. В их числе были и начальник стройки и главный инженер — Костя с Викой.

Конечно, встречать приемную комиссию следовало бы более солидно, идя неторопливым шагом. Но ведь стройка-то была молодежная!

— Сергей Александрович! — запыхавшись, произнесла Вика. — Вы не можете себе представить, как мы все рады вам...

— Здравствуйте! Привет! Салют! — милостиво раскланивался направо и налево Верейский, приложившись к Викиной ручке. — Как видите, прибыл, не побоялся адовой жары и чертовой скорородки. За вами верблюжьей бега, не то не приму сооружения.

— Я сама побегу... уже побежала, завидев вертолет. Мне останется только доказать, что я — верблюд, — возбужденно тараторила Вика, пока Костя с Верейским обменивались хлопками по спине.

Из вертолета один за другим выходили члены приемной комиссии с портфелями. Им суждено было дать путевку в жизнь новому направлению энергетики.

Назначение Верейского председателем приемной комиссии энерготрубы было приятным сюрпризом для Вики с Костей. Вика подозревала, что здесь не обошлось без влияния Викентия Петровича, который, конечно, припомнил, насколько осведомлен, критичен и «объективен» Верейский, автор нашумевшей статьи «Да и нет».

Сергей Александрович, расстегнув ворот белоснежной рубашки, вошел в машинный зал электростанции. Он с трудом преодолел крутую лесенку-трап и теперь облегченно вздохнул.

— Работает! — подмигнул он Вике.

Вика кивнула.

— Я имею в виду кондиционер, — добавил Сергей Александрович, вытирая платком шею.

— Мой мелкий подхалимаж, — засмеялась Вика. — Специально для вас оборудовали машинный зал электрокондиционером. Не петь же вам здесь, в самом деле, «Люблю и таю»!

Сергей Александрович галантно улыбнулся.

— Эти слова теперь готов произнести в ваш адрес.

Вика смутилась, но подошел Костя.

— Мы про кондиционер говорили, — заметил Верейский.

— Это Викина забота о председателе, а моя — не задерживать его.

— Это как же? — осведомился Верейский.

— Акт приемки можно хоть сейчас подписать. Все подготовлено.

Верейский усмехнулся.

— Цейтнота у нас нет. Подождем.

— Чего подождем? — удивился Костя.

— Ветра, — отрезал Верейский.

— Какого ветра?

— Злого ветра.

— Так где ж его взять, если погода стоит такая?

— Вот и посидим у «моря тюльпанов», подождем погоды.

— Вернее, непогоды, — раздраженно поправила Вика.

Верейский приятно улыбнулся.

— Вы всегда правы.

Потянулись унылые знойные дни. Участники стройки и члены комиссии изнывали от жары и безделья. У приезжих неожиданно появились на головах тюбетейки (Вика позаботилась!). Машинный зал с его прохладой считался раем. Каждый имел право провести там два часа, пользуясь благом кондиционера: все вместе там не помещались.

Прогноз погоды каждый раз слушали с волнением и надеждой. Синоптики дважды сулили перемены и дважды ошиблись. А о сильном ветре и разговоров не было!

Нелидов интересовался по радио из Москвы ходом приемки.

— И на старуху бывает проруха, — раздраженно сказал он. — Приеду сам. Я породил Верейского, я и... уговорю.

Однако масштабы деятельности не позволяли Нелидову отлучиться из министерства. Но он связался с Институтом прогнозов погоды и узнал, что циклон в Средней Азии все же ожидают... через неделю!

Эта предстоящая неделя обещала стать на Высоких Песках непереносимой мукой. Но Иван Тимофеевич Гусаков придумал, как помочь беде.

— Нет ничего хуже, чем ждать, — заметил он с тайным смыслом Косте с Верейским.

— Ждать — это еще не в гору саночки катать, — отозвался Верейский.

— Катать не катать, а увлечь надо, — продолжал Гусаков.

— Чем увлечь? — спросил Костя.

— Шахматами.

— Шахматами? — удивился Верейский. — Хотите, чтобы я сеанс дал? Боюсь, что ни досок, ни костей не соберете. И всего лишь на один вечер развлечение.

— Нет. Доски хватит одной, чтобы ребятам как следует заболеть, если за нее сядете вы с Куликовым и сыграете матч из нескольких партий.

Верейский задумался, потом сверкнул глазами.

— А что? Мысль недурна. Еще бы и болельщиков пустить «стенка на стенку». Боюсь, что строителей больше, чем членов комиссии. Свалка будет не равная.

— Зато на доске силы будут равные, — заверил Гусаков.

— Вы думаете? — склонил набок голову Верейский.

— Я имею в виду начальное положение партии, — примирительно сказал Иван Тимофеевич.

Матч решили играть из шести партий, чтобы закончить его перед обещанным циклоном.

Играли в машинном зале. Перед «избушкой на курьих ножках» соорудили демонстрационную доску из запасной панели пульта. Фигурки вырезали из фанеры. Самодеятельные художники раскрасили их.

Болели за противников все, разделившись на две неравные группы. Как и предвидел Верейский, члены комиссии держали его сторону, а все комсомолцы — Костину. Иван Тимофеевич был судьей.

Первая партия закончилась вничью и живо обсуждалась зрителями. Вторую партию ждали с нетерпением. Уныние как рукой сняло!

И эту, вторую, партию выиграл Костя Куликов, а ему не часто удавалось побеждать Верейского в легких партиях...

Что тут творилось, — это надо было видеть! Снова, как в день, когда труба поднялась стоймя, ребята кружились и кувыркались от радости.

Верейский смотрел на них из окна машинной станции и был чернее тучи, которую так тщетно ждали строители.

Несмотря на злость, следующую партию ему выиграть так и не удалось. Костя устроил остроумную ловушку и выскочил из безнадежного положения, поймав противника на пат.

Затем последовали две осторожные ничьи. Никто из противников не хотел рисковать. А потом выиграл-таки Верейский. Сказались его опыт турнирного бойца и знание дебютной теории, в чем Куликов ему явно уступал.

К началу шестой партии на стройку приехал заокеанский гость, инженер ван дер Ланге. Приехал для обмена обусловленной договором информацией.

Был Александр Максимович по-прежнему опрятным, спокой-

ным, внимательным, с таким же галстуком «бабочкой», несмотря на жару. Только вот уголки губ у него слегка опустились, придавая лицу усталое выражение.

Строительство в Большом Каньоне затянулось. Американцам никак не удавалось дать электрический ток, рожденный энергией Солнца. Из-за этого задерживался выпуск дополнительных «солнечных акций». «Электрик пайп компани» была накануне банкротства. Вся надежда ван дер Ланге была на шум, который он поднимет в прессе после русского успеха в Средней Азии. Это принесет в кассу компании желанные доллары.

Потому он с особым чувством восхищения и надежды любовался уходящей в небо энерготрубой, говоря, что она подобна сказочному дереву, доставшему облака. Впрочем, облаков не было. Ветра тоже. Канадец усердно снимал кинокамерой изменившийся лик бывшей пустыни, «избушку на курьих ножках», прелестную строительницу Вика во всех видах (американцы любят такие лица на обложках журналов) и, конечно же, в разных ракурсах энерготрубу, растворявшуюся в небе, где на ее месте оставался лишь серебристый пунктир от «самолетных крылышек».

— Почему вы так рассчитываете на эти снимки? — позируя перед объективом, спросила Вика. — Разве фотографии сооружения в Большом Каньоне недостаточно для рекламы?

— В том-то и дело. Наш машинный зал авантажнее вашей «избушки из русской сказки», но... у нас над входной дверью не зажегся вот такой рекламный огонек, — и он указал на электрическую лампочку.

Узнав, что строители ждут решающей, шестой, партии матча между начальником стройки и председателем приемной комиссии, ван дер Ланге пришел в восторг.

— Как же я не додумался провести в Большом Каньоне матч боксеров тяжелого веса или матч Фишера с кем-нибудь из русских? Мы оказались бы в центре внимания всего мира и могли бы выпускать акции...

Шестая партия матча Куликов — Верейский не сулила стройке каких-либо выгод, но вызвала всеобщую заинтересованность. У демонстрационной доски собрались все, кроме игроков, судьи и дежурного по машинному залу. Пилот вертолета, доставившего комиссию, взял на себя роль демонстратора.

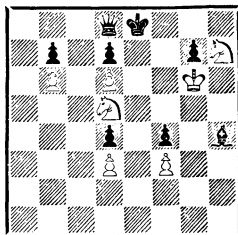
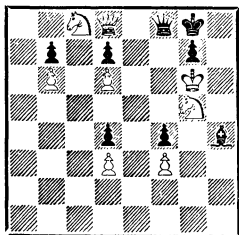
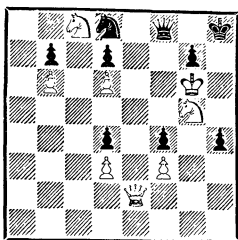
Партия складывалась явно не в пользу Куликова. Верейский, играя белыми, удачно разыграл дебют, применив неизвестную Косте новинку, и получил обещающую атаку.

Страшно нервничавшая Вика и ван дер Ланге, почетный гость, прошли в машинный зал.

Противники сидели друг против друга. Куликов — напряженный, собранный, немного сутулясь. Верейский же, барственно развалившись, небрежно поглядывал на доску.

Иван Тимофеевич был непроницаемо спокоен. Выполняя обязанности судьи, он же и передавал через окно очередной ход демонстратору.

Вика волновалась. И было отчего!

Верейский, отдав пешку за инициативу, готовился к атаке.

— Что делать? Что делать? — шепотом спрашивала Вика канадца.

Тот приложил палец к губам. Они вышли из машинного зала, чтобы обсудить положение в партии ⁴⁷. Еще стоя на крутой лесенке, Александр Максимович сказал:

— Пока ничего страшного. Уверен, что наш изобретатель найдет план защиты.

Меж тем Верейский ринулся на штурм позиции черных: **21. Фe7.**

Увидев сделанный ход, канадец схватился за голову.

— Бог мой! Что он делает! Как атакует! Это же коррида! Право же, коррида! Брать ферзя нельзя, придется защищать королеву королем.

Куликов так и сделал: **21. . . Kpg8.**

— Ну как? Это очень опасно? — волновалась Вика.

— Не думаю... Не видно, как продолжать, — отозвался ван дер Ланге. — Не всякий бык сминает торреро...

Верейский напряженно думал.

Порыв ветра волной прокатился по тюльпанному полю, пригибая к земле и цветы и траву. Но строители, так ждавшие ветра, сейчас его не заметили. На шахматную доску смотрели все, даже и не разбиравшиеся в шахматах.

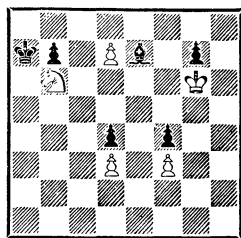
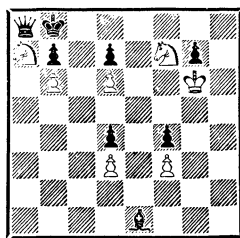
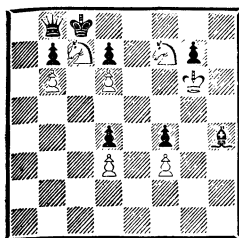
На доске произошло нечто невероятное.

— Он пожертвовал ферзя на ровном месте! — закричали понимающие.

— Что такое? Почему? — требовали разъяснений остальные.

Действительно, Верейский сыграл **22. Ф : d8** ⁴⁸, отдавая ферзя за коня. Куликов спокойно принял предложенную жертву — **22. . . Ф : d8.** Болельщики ахнули. Ахнула и Вика. А Верейский невозмутимо шахнул конем — **23. Ke7+ Kpf8.** У Кости не было выбора. Верейский гнал его короля конем: **24. Kh7+ Kpe8.** Последовало **25. Kd5** ⁴⁹. Верейский неприкрыто смаковал получившуюся позицию, любовался ею. Насмотревшись на нее, он встал, подошел к окну, чтобы взглянуть на приунывших болельщиков. Возможно, что в отличие от них он заметил ветер.

— Метафизика какая-то! — воскликнул канадец. — Впрочем, метафизика — родня поэзии! Вот так положение! У нашего Кости ферзь за коня, но, увы, парализованный. Ни одного при-

личного хода! И грозит вульгарный выигрывающий шах конем на с7!

Куликов, конечно, все это видел, а поэтому сыграл 25. .Фb8, уступая как можно больше места своему королю. Последовало 26. Kc7+ Kpd8 27. Kg5! Верецкий не торопился и действовал осмотрительно. Нельзя было допустить Ce7, в этом случае черные жертвой слона выпускали своего ферзя на волю. Костя в ответ лукаво сыграл 27. .Kpe8, замыслив теперь попасть слоном на d8 и, наконец, развязаться. Однако Верецкий все рассчитал и предусмотрительно сыграл 28. Kf7⁵⁰, имея в виду, что после размена на d8 черные будут заперты и белый король расчистит путь своей пешке «f». Тогда Костя, решив напасть на ключевую пешку d6 с тыла, направил своего слона на ферзевый фланг. 28. .Ce1, но... слон ушел с поля h4 и не грозил уже попасть на поле d8. Верецкий тотчас использовал это и сыграл 29. Kb5!

Вике казалось, что ей, как и Косте, нечем дышать.

— Неужели ничего нельзя сделать? — шептала она. — Он давит всем своим многотонным весом.

— Простите, это у Гоголя Тарас Бульба обрушил всю свою двадцатипудовую тушу на спину коня. Художественное преувеличение, не так ли?

— Какое тут преувеличение! — отмахнулась Вика. — Видите, грозит Ka7+?

Костя видел это и сделал единственный ход: 29. .Фа8 30. Ka7+ Kpb8⁵¹.

— Он мстит! — кипятилась Вика. — Это бесчеловечно! Ведь Костя в день завершения стройки составил этюд — два коня побеждали ферзя. Теперь он делает это против Кости!

— Подождите! Я, кажется, рассчитал. Будет все в порядке. Это весьма красивый замысел у Верецкого, но неправильный. Обмен на a7. Пусть ферзя нет, но слон успеет напасть на пешку d6.

— Я вас расцелую, — пообещала Вика.

Демонстратор переставил фигуры: 31. Ke5 Ф : a7 32. K : d7+ Кра8 33. ba Cb4.

И тут сильный порыв ветра качнул демонстрационную доску. Сорвавшиеся с гвоздиков фигуры посыпались наземь.

Противники делали последние ходы партии: 34. Kb6+ Kp : a7 35. d7 Ce7⁵², заключительная вилка: 36. Kc8+!

Костя встал и пожал руку Верецкому.

— Это этюдопартия!

— Что? — переспросил Вере́йский. — Чудо-партия? А как же? Учить вас надо, этюdistов.

Вертолеты в такой ветер не летали, и Викентий Петрович поехал через пустыню на вездеходе, рассчитывая еще засветло добраться до Высоких Песков.

Сидя рядом с водителем, он кутался в свой плащ. Несносный песок проникал через наглухо закрытые окна и ощущался на шее, в рукавах и даже на зубах. Еще недавно было жарко, а сейчас Нелидов зябко ежился.

Песок бил в ветровое стекло, как из пескоструйного аппарата. «Дворники» ошалело метались из стороны в сторону.

Вокруг ничего не было видно. Брезентовый верх вездехода трепетал. Казалось, на него обрушиваются струи воды из брандспойта. Но воды не было. Был только песок. Из-за него вокруг мчалась серая мгла. Водитель вел машину по компасу. Где-то сверху, скрытое песчаными тучами, светило солнце. Об этом можно было лишь догадываться.

Нелидов подумал, что, выполняя долг, рискует жизнью, совершает героический подвиг. А кто об этом напишет?

Когда машина вырвалась на траву, видимость сразу улучшилась. Песчаные занавесы раздернуло. Вдалеке над стоящим, словно на курьих ножках, строением гнулась дугой какая-то синяя струя, которую ветер стремился придавить к земле.

Шофер гнал вездеход без дороги, по травянистому лугу, прямо к ветромашинной станции. Нелидов, вцепившись руками в сиденье, подскакивал на ухабах и едва не откусил себе язык. Он неотрывно смотрел перед собой и видел все: как злой ветер расправлялся с дерзким сооружением, рвал его ткань, выворачивал поддерживающие крылья.

И Нелидов видел, до крови закусив губу, как километровая синяя труба бессильно рухнула на землю. Некоторое время она еще трепетала, как живое существо в агонии. Потом ее тело замерло, опав кожей исполинской змеи. Обручи выпирали резкими ребрами.

Вездеход остановился.

Выйдя из машины, Нелидов рассматривал разорванную ткань, вывороченные самолетные крылышки. Все это было теперь жалкими останками гордого сооружения.

Когда толпа строителей подбежала к Нелидову, он вскинул голову и, увидев Куликова, веско изрек:

— Отрицательный результат эксперимента тоже ценный результат. Правда, доставшийся дорогой ценой. От имени министерства я закрываю экспериментальную стройку. Остаток денежных средств будет направлен на строительство здесь тепловой электростанции, самой обыкновенной, банальной, но надежной, которая обеспечит подачу воды для принудительного орошения.

— Простите, господин Нелидов,— выступил вперед канад-

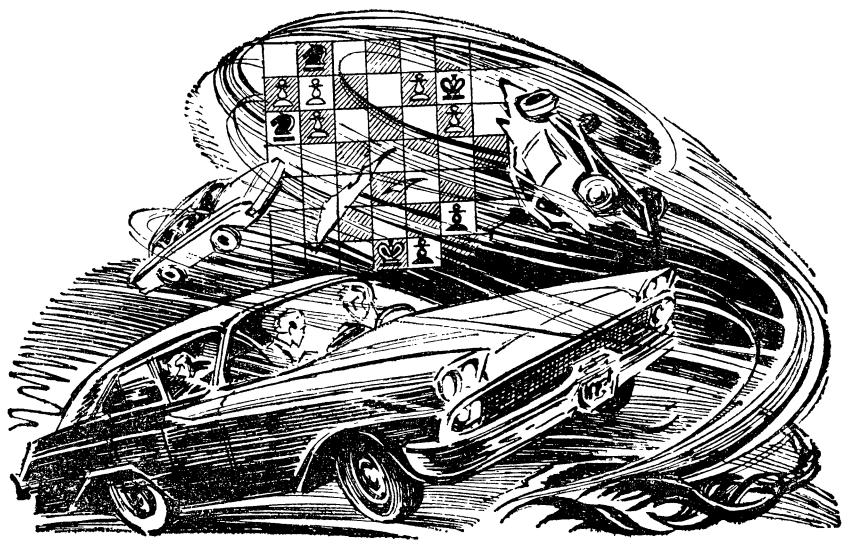
ский инженер. — А как же с лицензией, приобретенной «Электрик пайп компани»?

— Будем считать, господин ван дер Ланге, что мы уберегли вас от серьезных убытков. Вероятно, избранный вами путь в Скалистых горах более перспективен. Мы используем ваш опыт.

Потом Нелидов подошел к Косте, обнял его за плечи и высокопарно произнес:

— Ты мне друг, но истина дороже! — и боязливо огляделся, боясь встретиться взглядом с дочерью.

Вика в упор смотрела на него. Невозможно было даже отвести взгляд от ее глаз.

Часть третья УРАГАН

*Да, это верно все, но все же,
Но все же хочется сказать,
Что жизнь на шахматы похожа,
Но жить — не в шахматы играть.*
А. Безыменский. «Шахматы»

Глава первая ПРАВО НА РИСК

Вика вернулась домой первой, хотя забегала с работы в магазины и притащила две полные сумки. Кости все не было.

Она слышала, как открылась наружная дверь, узнала знакомые шаги — она была на кухне. Агния Андреевна демонстративно не выходила «со своей половины», и все домашние заботы легли теперь на Вику. Никитенка устроили на пятидневку в знакомый детский сад неподалеку от старого дома, где прежде жили Нелидовы.

Костя прошел в комнату, выделенную молодым в обширной квартире тестя, и, не переодеваясь, бухнулся на диван.

Вика заглянула в дверь, но ничего не сказала, даже не напомнила, что не следует мять пиджак и брюки. Остекленевшим взглядом Костя смотрел в потолок и даже не повернул к Вике головы.

Вика вернулась на кухню, открыла нижнюю дверцу мойки, чтобы выбросить картофельные очистки, и замерла. В помойном ведре торчал знакомый книжный переплет. Не веря себе, она извлекла любимую Костину тетрадь, куда он заносил свои шахматные произведения начиная с детского «взаимопата». Он лелеял мечту когда-нибудь издать книжку своих этюдов.

У Вики сжалось сердце. Так вот как далеко зашло!

Вика любовно разгладила смятые страницы и спрятала шахматное сокровище па верхнюю полку, замаскировав его кухонной утварью. Потом, вымыв руки, осторожно вошла к Косте в комнату.

Атмосфера в квартире за последнее время стала непереносимой. Так уж случилось после гибели синей трубы, похорон Костиной мамы, на которые Костя ездил вместе с Иваном Тимофеевичем в родной город, после инсульта, хватившего Викентия Петровича, и, наконец, после обидных семейных ссор.

Агния Андреевна, обожавшая мужа, во всем винила зятя, который «пытался использовать родственные отношения и довел тестя до края гибели». Она так переменялась к Косте, да и к Вике тоже, державшей Костину сторону, что сделала им в общей квартире жизнь не в жизнь. И даже от внука она отстранилась, якобы ради того, чтобы целиком посвятить себя уходу за мужем, приобретшим в результате заболевания эпилепсию. Было страшно смотреть, как выгибалось дугой его большое, крепкое тело, как перекашивалось в гримасе его холеное лицо. Врачи обещали, что со временем это пройдет, и предписали в качестве противосудорожного средства люминал. Агния Андреевна развила бешеную деятельность, в результате которой сделала такие запасы этого снотворного, что привела бы в ужас фармацевтов, заботливо отбиравших на него рецепты.

Викентий Петрович, как говорили, легко отделался, но стал мнительным, брюзжащим и нетерпимым.

Глядя на Костю, Вика вздохнула. Пожалуй, его «болезнь» едва ли не серьезнее, чем у отца!..

Вика накрыла в кухне стол — они с Костей уже не пользовались общей столовой с финской мебелью, деревянными панелями и красочными натюрмортами. Вика позвала Костю к столу, но он не пошевелился. Только когда она решительно потянула его за руку с дивана, он покорно встал и понуро побрел за ней. Вика готова была плакать.

Он опять почти ни к чему не притронулся. Да и на работе (Вика-то следила там за ним!) он тоже не обедал, тупо сидя перед чертежом злополучного сооружения — упрямо вносил в него какие-то изменения.

Викентий Петрович, узнав об этом, раздраженно сказал:

— «Упрямство — вывеска дураков». Так говаривал Княжнин. Да было бы это вам известно.

И он добился назначения инженера Верейского вместо Кости руководителем проектной группы.

Так Сергей Александрович вернулся в группу. Он взял на себя ответственность за то, что Костя еще будет что-то мудрить с энерготрубой. Вике же, как и остальным Костиным соратникам, предстояло заняться решением новых задач. В высоких Песках уже строили тепловую станцию. Трудности были в доставке к ней топлива через пустыню. Рассматривались варианты строительства железной дороги, шоссе и даже газопровода от ближнего месторождения. Все это требовало огромных капиталовложений. А как просто все получалось с даровой энергией Солнца. Но Викентий Петрович и слышать не хотел о каком-нибудь продолжении работ по реализации изобретения «Энергетическая труба». Костя тчательно разбивал себе лоб о неприступную министерскую стену. В оправдание себе Нелидов говорил, что не допустит обвинений в семейственности. Ведь в числе горе-изобретателей была его дочь.

...Сидя за столом перед отодвинутой тарелкой, Костя не произнес ни слова. Вика видела, что ему «все равно»: и работа, и семья, и шахматы. Он «сломался»...

И пока Костя сидел на кухне, не притрагиваясь к еде, Вика ушла в их комнату и произвела там заправский обыск с тщательностью «Знатоков» из Уголовного розыска, и ненапрасно!

Держа в руках аптечный сверток, она с ужасом пересчитывала упаковки. Выпросил ли Костя у мамы это снадобье и почему она ему его дала или пакетик со смертельной дозой снотворного он раздобыл сам? И Вика брезгливо отбросила от себя пакетик, потом спохватилась и запрятала его уже так, как только женщины это умеет делать.

А потом с милой улыбкой вернулась на кухню.

Вика не просто поняла, что произошло с Костей, она поняла Костю. И в этом была и великая сила любящей женщины, и неожиданная простота ее плана.

Убирая со стола, она объявила Косте, что им обоим непременно нужно пойти сегодня в детский сад к Никитенку — их вызывают. Руководительница детского сада действительно просила Вику прийти на собрание родителей. Правда, она не требовала, чтобы явились оба родителя. Но это уже детали. Будут оба — еще лучше.

Костя поехал, но поехал безвольно, будто у него не было сил сопротивляться. На собрании он не проронил ни слова, занятый своими мыслями.

Собрание затянулось, и к его концу детей уложили уже спать. Да это и к лучшему: не стоит тревожить ребенка внеочередными посещениями!

Вика повела Костю за руку, как лунатика, по пустынным улицам. И привела неожиданно к тому самому дому, во дворе которого, когда он строился, находился их «черный уголок».

Углубленный в себя Костя сообразил все это, лишь когда они с Викой опустились на знакомую, оставленную здесь скамеечку под разросшейся сиренью. Недолomanного домика, из окна которого

вылезла тощая кошка, не было. На его месте в старом садике оборудовали детскую площадку.

— Помнишь, я говорила, что никакая уважающая себя женщина не позволит любимому прийти к ней на свидание с шахматами?

— А где шахматы? — вдруг спросил Костя.

— Вот твои магнитные шахматы. Смотри. На них расставлена позиция. Необыкновенная позиция! Неужели ты думаешь, что тебе удалось бы когда-нибудь воплотить эту фантастическую идею?

— Какую фантастическую идею?

— Вполне безумную: спасти безнадежную партию, сохранив в целости собственного ферзя, слона, коня, не произведя ни одного обмена и добившись пата!

— Откуда ты это знаешь?

— Так. Из одной тетради, — и Вика лукаво посмотрела на мужа.

Костя усмехнулся.

— Ты не могла ее видеть.

— А вот доказательство. Я расставила позицию твоего незавершенного этюда. Ты хотел сделать пат при ферзе, слоне, коне!

— Мало ли о чем неосуществимом я мечтал!

— Конечно, это неосуществимо. Замуровать ферзя, слона да еще и связать коня!

Костя пожал плечами и стал смотреть на доску. Вика показывала ему ходы, опровергающие замысел автора. Костя отвечал, сначала неохотно, потом чуть оживившись. В одном месте он грубо задумался.

— Пожалуй, стоит попробовать совсем по-другому.

— И не пытайся!

— А все-таки...

И Костя стал переставлять фигурки на маленькой доске. И тут на скамейку прыгнула кошка. Костя буркнул:

— Опять драный кот? Постой, так ведь это та самая!

— Наша Мурка? Вот чудеса! — изумилась Вика, пряча улыбку. Ведь она сама заблаговременно принесла сюда эту кошку и даже привязала к скамеечке лентой. Мурка, отъевшаяся за время жизни у Нелидовых, с мурлыканьем терлась о Викину руку, целясь вскочить к ней на колени.

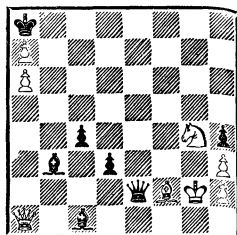
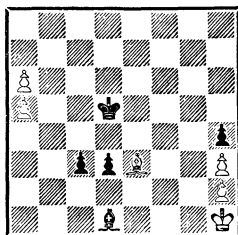
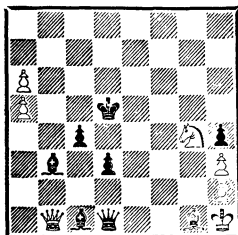
— Подожди, Мурка. Видишь, здесь шахматы...

Над этими шахматами, захваченный идеей не проиграть, а замуровать ферзя и слона при связанном коне, и просидел Костя вместе с Викой и Муркой... до рассвета. Свет фонаря проникал сквозь листву сирени, освещая все время меняющуюся позицию. К первым лучам солнца она стала такой: ⁵³

— Так покажи, покажи, как тут получается ничья? — просила Вика, глядя пушистую Муркину спину.

И Костя показал.

— Видишь. В начальном положении белым грозит мат в один ход — 1. . . Фf3. Попытка разменять фигуры с помощью 1. Ke3+

ведет лишь к проигрышу — 1. .С : е3 2. Ф : d1 С : d1 3. С : е3 4. а7 Cf3+ 5. Кpg1 Крс4.

— Значит, надо ходить королем.

— Правильно, Вика! Молодец! Или тебе Мурка подсказала?

— Да уж кое-кто подсказал!

— 1. Кpg2 Фd2+. Понимаешь? Черным надо шаховать, но если 1. .Фе2+, то 2. Cf2 Крс6 3. а7 Кrb7 4. а6+ Кра8 5. Фа1⁵⁴ Сb2 6. Фа5, и белые даже выиграют. Если же черные шахнут 2. .Фе4+, то 3. Кpg1 Крс6 4. Ф : с1. Убедительно? Так вот, после шаха ферзем с d2 мы сыграем 2. Cf2. Теперь черным можно позаботиться и о своей безопасности, затормозить белые пешки, прежде чем рваться своими в ферзи: 2. .Крс6.

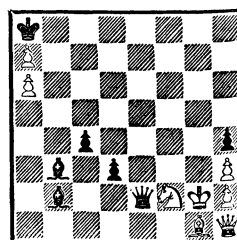
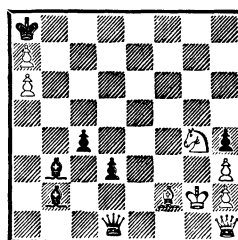
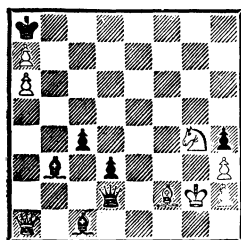
— Да, да, понимаю,— кивала Вика, хитровато щурясь.

— Но мы с тобой по-суворовски «заманим» вражеского короля! 3. а7 Кrb7 4. а6+ Кра8. А теперь, чтобы расчистить своему ферзю путь по первой горизонтали, промежуточная угроза мата на h8—5. Фа1. Видишь? ⁵⁵

— Вижу. Надо закрыться слоном, а не ферзем, чтобы не выпустить тебя на поле а5.

— Молоток! 5. .Сb2. Вот теперь вся первая горизонталь освободилась. А вначале на ней стояли четыре фигуры. Помнишь? Теперь стал возможным ход 6. Фh1! Грозит мат черным навскрышку! При уходе белого короля с диагонали. Как черным защищаться? Только 6. .Фd1⁵⁷, отнимая у белого короля поля и грозя разменом. Но белые упрямы. Впрочем, «упрямство — вывеска дураков»?

— Это упрямство — вывеска, а упорство — меч сильных!

— Тогда рубанем мечом — 7. Cg1, снова грозя матом навскрышку. Но черные могут теперь шаховать не с d2, а уже и с e2, чтобы из-за шаха ферзем на e4 нельзя было бы закрываться слоном на f2 с повторением ходов. 7...Фе2+ 8. Kf2? ⁵⁸ Теперь ты только посмотри, Вика! Создалось удивительное положение. Противники не разменяли ни одной фигуры. Все произошло без традиционных для патовых этюдов жертв. Но... белые сжались, подобно пружине. Освободи черный ферзь защелку, и белый король спустит пружину со смертельным для черных ударом. А если не дать ему спустить курок, то... белым пат! Пат чуть ли не при всех фигурах. Получилось, Викуля! Ты сама не понимаешь, что получилось! Спасибо тебе, родная, что сумела раскатать меня.

— Спасибо? Мне? Это тебе спасибо! Или пат, или мат! — воскликнула Вика и, схватив Костину, как прежде лохматую, голову, стала целовать его загоревшиеся белым блеском глаза, смеющиеся губы.

— Бесстыдники! — проворчала старая дворничиха, выпедшая поутру подметать двор. — Места им мало в комнатах... Бездомные, вроде кошки, что тут шастает. Кш-ш ты! — и она взмахнула метлой. i

Смущенные, но обрадованные, Костя с Викой, забрав свою Мурку и держась за руки, отправились домой пешком.

Дворничиха удивленно смотрела им вслед.

Так уж случилось, что Костя Куликов был в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца в первый раз. Как зачарованный ступал он по ослепительному затейливому паркету под хрустальным великолепием исполинских люстр, читал на мраморе стен перечень гвардейских воинских частей, награжденных за доблесть крестом Георгия Победоносца, и думал о Бородинском бое, о Кутузове и Наполеоне, бежавшем через русские снега.

В соседней Грановитой палате под узорчатыми ее сводами Костя живо представил себе царей в тяжелом золотом одеянии, заморских послов в камзолах, чулках и париках, бояр в толстых шубах... А под потолком в оконце — любопытные женские лица.

Возвращаясь в зал, где ему предстояло выступить, Костя мельком взглянул на огромную картину во всю стену над знаменитой мраморной лестницей. Куликовская битва, разъяренные, свирепые лица всадников, крупы лошадей, взметнувшиеся мечи и копья... Костя подумал, что неплохо бы ему донести такой боевой дух до трибуны.

Зал Большого Кремлевского дворца, где проходил съезд изобретателей, оказался непомерно длинным. Из последних рядов трудно было рассмотреть сидящих в президиуме. Но все возмещалось прекрасной вмонтированной в стены радиоаппаратурой. На пюпитрах находились наушники, через них каждый мог слушать и прямую речь, и в переводе на требуемый язык.

Идя к трибуне, Костя чувствовал, как колотится у него сердце. Став лицом к залу, он увидел море лиц. Что скажет он им? К чему призовет? Письменный текст был приготовлен, но насколько

ко бледнее речь зачитанная, а не произнесенная! И Костя вдруг решил говорить не по бумаге.

— Изобретатель — это звучит гордо! — начал он. — Так хотелось бы каждому из нас. Но, увы, «изобретатель» порой звучит как бранное слово, как кличка назойливого, настырного и беспокойного человека, от которого нет житья. (Одобрительный гул в зале.) К изобретателям, пожалуй, порой относятся как к опасному элементу, вроде как к взрывоопасной гремучей ртуту (Смех.) А ведь это же верно! (Недоуменный ропот в зале). Конечно же так! Изобретатель подобен детонатору взрыва научно-технической революции! (Вдох облегчения в зале). Без детонатора не вызвать взрыва. Это каждому саперу известно. Без изобретений не двинуть вперед прогресс. Это должно быть известно каждому, кто стоит у технического руля. Но что такое изобретение? Озарение это или кропотливая разработка до семи потов? А что такое любой творческий талант? Это способности плюс усердие! Изобретение — это озарение и трудолюбие. Не просто находка, а искание! И не может все получаться с первого раза. Я знаю выдающихся ученых, считающих, что плохо, когда опыт удался сразу — сказался элемент случайности, не определишь, что способствовало удаче. Если же успех приходит в результате ряда неудач, путем устранения их причин, тогда он устойчив и неслучаен! Потому отрицательный результат опыта не менее полезен, чем положительный. Путь к победе лежит через промахи и испытания. И этим определяется право на риск, право на ошибки, даже на провал. («Верно!» — слышится возглас в зале.) У нас же иногда некоторые перестраховщики спешат «закрыть» изобретение, прекратить его разработку при первой же неудаче. Так случилось и со мной, — и делегат Куликов рассказал съезду обо всем, что случилось в Высоких Песках с энергетической трубой, разбившейся во время урагана о «непробиваемую министерскую стену».

Викентий Петрович Нелидов, сидевший в президиуме, делал вид, что слушает с величайшим вниманием, но был вне себя от ярости. И когда он был назван по имени, не удержался, покал плечами. Это заметили в зале. Кто-то выкрикнул: «Позор!» Председательствующий встал, строгой своей позой упрекая слишком ретивого делегата.

— И не в одном только нашем изобретении дело, — заканчивал Куликов. — Как известно, лишь небольшая часть полезных изобретений, как и теперь еще говорят, внедряется. Слово-то какое — «внедряется»! То есть насильственно преодолевают сопротивление! Почему это так? Да потому, что в реализации изобретений (более точное слово!) материально заинтересованы кроме государства лишь авторы, а не руководители предприятий и их трудовые коллективы. И государство теряет на этом миллиарды рублей. А почему бы не передать заметную долю экономии от реализованного изобретения в премиальный фонд предприятия? Почему бы не увеличить этим доход государства от применения новинок техники в несколько раз?

Когда Костя возвращался между рядами к своему далекому

месту, он видел улыбающиеся лица, одобрительные взгляды и даже поднятые большие пальцы рук. Он не оборачивался к президиуму и не мог видеть кислого лица Викентия Петровича, которое словно говорило: «Вот наградила судьба родственничком! Спасибо дочке!»

Глава вторая

ПОРАЖЕНИЕ ВИКТОРИИ

— Хэлло, Костя! — Жизнерадостный канадец в светлом спортивном костюме так ударил по затылку Костю Куликова, что тот даже покачнулся. — Правда, я совсем как американец? — И улыбающийся Александр Максимович выхватил у Кости чемодан, потом бросил его на бетон площадки и приложился губами к ручке Вики, сошедшей следом за Костей с самолетного трапа. В дорожных плащах прилетевшие выглядели чуждо среди нарядной курортной толпы встречающих.

Поодаль, радушно улыбаясь, стояла чем-то знакомая Косте яркая брюнетка в цветастом брючном костюме, похожем на ночную пижаму. Она подняла ладонью вперед руку и приветливо помахивала ею.

— Знакомьтесь, моя жена Зоя, — представил ван дер Ланге, когда они пробились к ней в сутолоке встречи.

— Надесь, вы привезли мне шахматный привет от Сергея Александровича Верейского? — лукаво щурясь, спросила она.

— Зоя Крейцер? — удивился Костя.

— Ван дер Ланге, — поправила она.

«Когда они успели?» — подумал Костя.

— Как видите, я не зря побывал у вас в России, — говорил Александр Максимович. — Я привязан теперь к ней даже супружескими узами.

— А сам переходил в американское гражданство.

Перебрасываясь словами, обе четы прошли через летное поле, направляясь в аэровокзал.

— Любуйтесь небом Флориды, — сказал ван дер Ланге. — Оно такое же синее, как у вас в Средней Азии.

— И труба у вас тоже синяя? — спросила Вика.

— Нет, — за мужа ответила Зоя. — Серебристая нить в небе. Это очень красиво! И даже привлекает туристов...

— Увидите, — пообещал ван дер Ланге.

Все четверо вышли из аэровокзала и направились к стоянке автомобилей. Она походила на огромный крааль, куда загнали разномастных лошадей. Автомашинны всех видов и марок стояли так плотно, что трудно было представить, как выбраться из этого нагромождения колес и радиаторов.

— Как вы отыскиваете свою? — поинтересовалась Вика.

— О, это просто! — рассмеялась Зоя. — У нас принято при паркинге нацеплять на антенну что-нибудь бросающееся в глаза. Видите, у кого-то кукла, а вон там — консервная банка, но она

броского цвета, как огонек. У меня... Отгадайте! Удлиненный воздушный шарик. Серебристый. Это в честь вашей трубы. У Саши на каре такой же. Эмблема!

— Вы даже на двух машинах приехали? — удивилась Вика.

— Так удобнее. Мужчины поедут отдельно. С багажом. И с мудрыми разговорами. А вам я расскажу, что сейчас носят. И вы убедитесь, что у меня действительно дикий мустанг. Я давлЮ на нем сто семьдесят километров в час, как считают в России. У нас здесь измеряют на мили.

Женщины остановились около удлинённой обтекаемой машины пожарного цвета, будто для прыжка прижавшейся к асфальту и готовой ринуться вперед. Зоя отвязала рвущуюся в небо серебряную колбаску и распахнула незапертую широкую дверцу.

— Мы залетим в отель на мгновение. Наденете свое бикини — и на пляж. Быть во Флориде и не искупаться — это все равно что гостить в Риме и не видеть римского папу. Так сказал Саша.

Куликовы подчинились предложенному регламенту. Вике интересно было увидеть Америку с разных сторон.

Потом все смешалось у бедной Вики. Впечатления обрушились на нее Ниагарой, о которой успела ей рассказать в пути Зоя.

Причудливые каменные тысячеглазые столбы над морем зелени и крыш Майами сразу поразили Вика.

— Люди лишь подражают природе, — заметила Зоя. — Когда мы с Сашей разъезжали в стране в поисках места для ветросиловой станции «Электрик пайп компани», мы побывали в «Долине памятников» в горах Юты — Монумент-Валли! Представьте себе, там такие же вот каменные столбы, как эти бильдинги, и целые каменные кварталы с обрывистыми отвесными стенами. И все это создано выветриванием. И даже ступенчатые пирамидальные пьедесталы для замысловатых каменных фигур изваяла там Природа.

«Мустанг» остановился перед отелем. Чернокожий великан, сверкая золотом позументов, торжественно вышел на панель и открыл дверцу машины.

В вестибюле дохнуло прохладой. Вика вспомнила кондиционер, установленный ею в машинном зале первой их ветроустановки.

Рыжий портье с усиками подобострастно вручил Вике ключ.

В роскошном номере все, начиная с широченных кроватей, портьер, обивки мебели и кончая стенами и даже абстрактивистскими картинами на них, было голубым. Через широкие, во всю стену, окна открывался вид на море с поразительно синим небом над ним.

Зоя хлопотливо руководила туалетом своей новой подруги.

— Ты знаешь, — тараторила она, — я распорядилась приобрести нам с тобой на пляже две вышки.

Вышки оказались высокими деревянными подставками для легких кресел, вознесенных над муравейником пляжа с его пестрыми зонтиками и калейдоскопом разноцветных купальников, от которых рябило в глазах. Сверху было видно, что влажная по-

люса, доступная «океанскому девятому валу», как бы нейтральной зоной отделяла мир бронзовых тел всех оттенков, кишящих вокруг, тысяч и тысяч сумок, сумочек, гитар, магнитофонов, транзисторов, полотенец, ковриков и мохнатых простынь от набегавших с океана удивительно редких, но высоких водяных холмов с пенными хребтами, накрывающих с головой неосторожных кулешников.

После второго завтрака, ленча, во время которого подавали бобовый суп со специями, жесткий ростбиф с зеленой и горячий кофе с мороженым, решили сразу ехать. Вика обратила внимание, как много пили горячительных напитков за соседними столиками рыхлые толстяки в дорогих мятых костюмах и тоненькие дамы в модных париках, с пышными бюстами и мальчишескими фигурками.

Диета! — кивнув в сторону дам, многозначительно заметила Зоя.

Дороги, дороги, американские дороги! Как Лаура Петраркой, воспеты они певцами технического прогресса. Вдохновенные поэмы посвящены застывшим бетонным рекам, нежные сонеты — головоломным, но рациональным «разводкам», позволяющим без пересечения переехать с одной дороги на другую, героические баллады — эстакадам, по которым можно мчаться над жилыми кварталами городов.

«Мустанг» остался у отеля, перегнанный разомлевшим от жары негром на платную стоянку с включающимся счетчиком.

Ехали в «кадиллаке» Александра Максимовича.

Вика не удержалась и похвалила машины Зои и ее мужа.

— Кредит! — вздохнул Александр Максимович. — Если бы мне перестали платить жалованье, «мустанг» укатил бы от нас с безжалостным агентом фирмы. А «кадиллак» принадлежит «Электрик пайп компани». Он перешел мне от отца, который по воле бога после апоплексического удара удалился от дел. Теперь мне приходится быть одним из директоров компании вместо него.

— Как ваши «солнечные акции»?

— О друг Костя! Под то, что я сегодня покажу вам, можно выпустить не только солнечные, но и галактические акции.

Костя хмуро замолчал. Здесь, в жаркой Флориде, американцы выполнили его замысел, внося в конструкцию энергетической трубы все те изменения, которые он выстрадал после крушения первой ветроустановки в Высоких Песках. С американцами был договор, и Костя через министерство передал им всю информацию. Теперь можно убедиться, что он был прав, настаивая на продолжении экспериментальных работ у себя дома.

Он стал смотреть по сторонам. Промчались мимо садов, снабжавших цитрусовыми плодами весь континент. Потом по обе стороны шоссе замелькали пальмы, похожие на толстые столбы, украшенные сверху фонтанами листьев.

За частоколом пальм расстилалась болотистая низина национального парка Эверглейдс, как пояснила Зоя. Равнина выгля-

дела морем, покрытым зелеными льдинами самой разной формы. В мириаде озер и луж между островками и кочками отражалось синее небо. Болота тянулись до самого горизонта, где сливались в дымке с небом или морским простором.

Дымка заметно сгустилась в одном месте и скоро превратилась в зловещую тучу. Туча эта, как разлившаяся краска, стала быстро расползаться по небу. Ван дер Ланге гнал машину, словно хотел уйти от нее. В открытое окно рванул ветер. Ван дер Ланге нажал кнопку, и стекла поднялись. Сначала стало душно, но канадец включил кондиционер, и задышалось легче.

Все быстрее мелькали пальмы по обочинам. Они походили на спицы вращающегося колеса и словно падали «за кормой». И вдруг Косте почудилось, что пальма валится прежде, чем они проехали мимо нее. Одновременно автомобиль занесло вбок, и ван дер Ланге едва выправил его.

— Без сервомоторов на рулевом управлении я, пожалуй, не справился бы, — признался он и добавил: — Кажется, не успели.

— Что не успели? — живо спросила Вика.

— Удрать от Викки, — загадочно ответил канадец.

— От меня? — поразилась русская гостья.

— Зародившийся в Карибском море торнадо, очевидно, в честь вашего приезда назвали Викки, Викторией. Тайфунам дают женские имена.

— Ах вот как!

— Да, совсем как тогда у вас, в пустыне, когда урагана ждал маэстро Верейский.

— Он всегда учил нас идти на трудные позиции, — сказала Зоя.

И тут одна из пальм на глазах у путешественников взлетела в воздух, волоча за собой вывороченные корни. Она упала поперек шоссе, и Александр Максимович едва вывернул машину, смяв колесами пышные пальмовые листья.

— Уфф! — сказал он. — Пожалуй, безопаснее ехать в танке...

Вихри мчались над болотом, засасывая воду озерков и луж. Водяные столбы поднимались к низким тучам и сливались с ними.

Один из таких смерчей налетел на придорожный домик и мгновенно разрушил его. Легкая оранжевая крыша взлетела на воздух и рухнула на шоссе, продолжая ползти по нему. Снова «кадиллак» с огромным трудом объехал неожиданное препятствие.

— Положение как раз такое, какое маэстро Верейский выбирает для своих противников, — сказал ван дер Ланге.

— Лучше остановиться, — посоветовала Зоя. Но ван дер Ланге упрямо гнал «кадиллак».

— Торнадо — ураганный бич Америки, — говорил он. — Мосты сносит в реки, а реки выходят из берегов, затопляя города. Мы получили сообщение с метеорологического искусственного спутника Земли о зарождении нового торнадо. Викки ожидали здесь завтра, но синоптики всегда ошибаются.

Ветер стал встречным. «Кадиллак» замедлил ход, словно вошел в более густую среду. На дороге попался опрокинутый на бок грузовик с высоким крытым кузовом. Около него беспомощно стояли люди. От ветра они так сгибались в поясе, что казалось, будто они что-то ищут под ногами.

— Большая парусность — это опасно, — заметил канадец.

— Парусность? — переспросила Вика. — А как же труба?

— О-о! Не беспокойтесь, — бодро заверил ван дер Ланге.

Ветер все время менял направление. Внезапно он ударил в бок. Разом хлынул дождь, и впереди повалилось дерево. Автомобиль заскользил по бетону, как по льду. Напрасно ван дер Ланге отчаянно крутил рулевое колесо. Даже сервомоторы не помогли. Первые струи дождя словно смазали шоссе маслом. «Кадиллак» развернуло поперек дороги, и он продолжал свое вращение, пока не соскользнул в кювет, как кусок мыла с мокрой раковины. Пассажиров отчаянно трянуло. Вика полетела вперед на Зою, Костя — на ван дер Ланге.

— Все в порядке, — с наигранной бодростью сказал канадец. — Рулевая колонка рассчитана на удар — она пружинит, иначе меня пришлось бы отпевать в православной церкви. Ведь мать моя крестила меня в Монреале у эмигрантского попа.

Немного дальше по дороге, поперек нее, лежал огромный пальмовый ствол.

— Все-таки, пожалуй, лучше, что я невольно затормозил и мы в вихре вальса попали в кювет, — тем же тоном продолжал канадец.

— Я могла бы изувечиться, — возмущенно оборвала его Зоя.

— Клянусь, я не бросил бы тебя.

— Но я-то не стала бы всю жизнь катать твое кресло паралитика, — огрызнулась Зоя.

Только сейчас Вика заметила, что вместо недавнего болота к насыпи подступало море. Казалось, что его уровень поднимается на глазах. Вике представилось затопленное шоссе, и она поежилась.

— Полезем на пальмы, — угадав ее мысль, сказал ван дер Ланге.

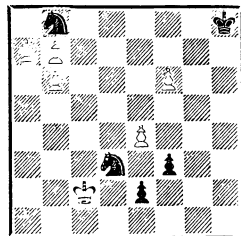
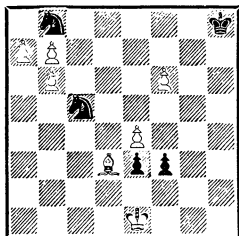
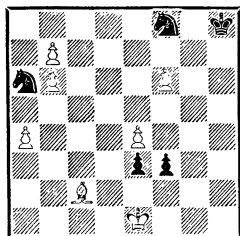
Но этого не потребовалось. Однако сила урагана не убывала. Лишь крепко застряв в кювете, автомобиль удерживался на месте.

— Без буксира не выберемся. Будем считать, что мы в убежище. Большей неприятности торнадо нам уже не преподнесет.

— Вы так думаете? — спросила Вика. — А энергетическая труба на вашей станции выдержит? — и она кивнула на поваленный ствол.

— Как известно, сила соломѹ ломит, а не соломинку, — загадочно ответил Александр Максимович. — Итак, условия у нас новые...

Условия эти были не из приятных. Наводнение грозило...

В «деловой машине» ван дер Ланге оказался радиотелефон, и директор «Электрик пайп компани» соединился с инженером энергетической станции, до которой не удалось доехать.

— Дело плохо,— сказал он, повесив трубку.— Вода затопила мост, автомашина не проедет. Пришлют катер с едой.

Часы ожидания были бесконечными и мучительными. Люди изнывали от безделья. Выходить из машины было опасно. Переговорили обо всем и теперь молчали. Стемнело. Зоя перебралась на заднее сиденье к Вике. Женщины жались друг к другу.

— Вот что, леди и джентльмены! — вдруг предложил ван дер Ланге.— Я часто восхищался русскими. Вспомним челюскинцев, которые куда в худшем, чем у нас, положении устроили турнир на льдине. Шахматы — прекрасное средство отвлечения!

У Кости, как всегда, были с собой магнитные шахматы. А у ван дер Ланге — приготовленный для Кости сувенир, тоже карманные шахматы. Словом, нашлось две доски.

Женщины играли между собой с переменным успехом. Александр Максимович безнадежно проигрывал Косте.

— Нет, я, должно быть, устал,— объявил он спустя несколько часов, в течение которых бушующий ураган словно отодвинулся куда-то.— Так призовем теперь объятия Морфея. Уверяю вас, отходить ко сну на голодный желудок куда полезнее, чем поевши.

— Теперь мы пойдем, на какие страдания идут женщины во имя сохранения мальчишеских фигурок,— вздохнула Зоя.

Вика пристроилась у Кости на плече.

Скоро в «кадиллаке» все спали. А снаружи свирепствовал ураган «Виктория».

Утром первым проснулся Александр Максимович и тотчас связался по телефону с энергетической станцией. Торнадо ослаб.

— Катер к нам вышел. Если он нас и не вытащит из кювета, то по крайней мере накормит.

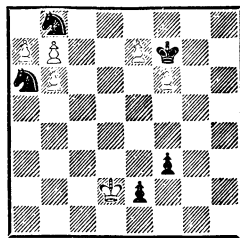
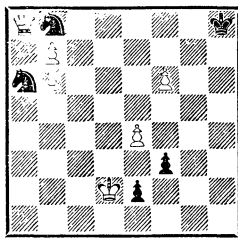
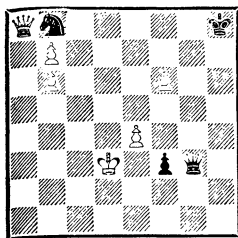
— Было б неплохо,— зевнул, потягиваясь, Костя.

Стали выбираться из машины, чтобы умыться в воде у насыпи.

— Все-таки я очень беспокоюсь об энергетической трубе на вашей станции,— сказала Вика, когда все снова собрались в машине.— Почему вы, Саша, не беспокоитесь?

— О-о! Ответ на шахматной доске,— смеясь, ответил канадец.

— Нет, я серьезно. В шахматы играть я уже не могу.

— И не надо! Я расставлю одну знакомую Косте позицию, и он покажет нам, в чем там дело. До завтрака успеем.

И он расставил на доске фигуры ⁵⁹.

— Хорошо, — улыбнулся Костя. — Я вижу, что шахматы верно служат нам в нашем приключении. В этом давнем моем этюде надо выиграть. Тема борьбы идей белых и черных. У белых три пешки за фигуру, но черные кони крепко держат их. Как же выиграть?

— Надо включить в борьбу белого слона, — предложила Зоя. — Верейский учил нас с Викой совместному действию в атаке всех сил. 1. Cd3 Kb8. Больше ведь нечего делать!

— Bravo, Зоя! — отозвался ван дер Ланге. — Я благословляю шахматный клуб, где с тобою встретился.

— Правильно, — подтвердил Костя. — Теперь черным, казалось бы, нечего противопоставить маршу белой пешки. 2. a5 Ke6 3. a6 Kc5 4. a7 ⁶⁰. Кстати, отойти белым слоном было нельзя из-за К : a6 с ничьей. 4. . . K : d3+ 5. Kpd1 e2+ 6. Kpe2! ⁶¹

— Почему такой странный ход? Я бы сыграла 6. Kpd2, — заметила Зоя.

— И сделали бы ошибку. Смотрите: 6. . . e1Ф+ 7. Кр : d3 Фg3 8. a8Ф ⁶² f2+ 9. Kpe2 Фf4 10. Фа1 f1Ф+ 11. Ф : f1 Ф : e4+ с ничьей.

— В самом деле, — согласилась Зоя. — Значит, вы играете 6. Kpe2, и что же тогда? Чем белым легче?

— Белым, оказывается, совсем не легко. Черные используют положение короля на c2 : 6. . . Kb4+ 7. Kpd2 K4a6! Вот в чем замысел черных, их хитрая защита! Если белые поставят сейчас ферзя на a8 ⁶³, то ему не выбраться из сбитой черными конями клетки, а король белых привязан к пешкам «e» и «f». Силы белых разобщены и, несмотря на их материальный перевес, — позиционная ничья.

— Как здорово! — воскликнула Вика.

— Я восхищаюсь вами, — сказал ван дер Ланге. — И вспоминаю столик на «Седьмом небе» во время «смены электрического кабеля». Мы непременно съездим в Атланту. Там над отелем «Ридженси Хайаттхаус» поднят вращающийся фешенебельный ресторан. Оттуда открывается прекрасный вид, и мы вспомним там былое.

— Прекрасный вид? — отозвалась Вика. — Я не сказала бы

этого здесь, — и она кивнула на окно, за которым неистовствовал косой ливень. Ветер гнал по взбухшему на месте болота морю валы, они разбивались о насыпь.

Хорошо, что автомобиль застрял в кювете, ограничивающем на насыпи дорогу с обеих сторон, а не скатился с насыпи в болото. Никто не смотрел бы тогда на шахматы, как сейчас Костя.

— Если ферзь не может выскочить из клетки...

— То конь выскочит, — перебила Костю Зоя. — Ставлю коня!

— Опять непоправимая ошибка: 8. a8K? Kc5!, и грозит неотвратимое Kd3, теперь даже с выигрышем черных. Надо ждать.

— Ах вот как! Ждать не в моей натуре.

— Один мой старый друг учил меня «поспешать медленно». Надо подготовить «рождение коня»: 8. e5 Kph7 9. e6. И даже сейчас было бы еще рано выпустить жеребенка: 9. a8K? Kc5, и опять неизбежно 10. . . Kd3 с выигрышем.

— Какая же нужна выдержка! — воскликнула Зоя.

— Как раз выдержке и учат шахматы. Итак, 9. . . Kpg6 10. e7 Kpf7⁶⁴. И все еще рано ставить долгожданного коня. Если 11. a8K? то Kc5 12. Kc7 Ke4+ 13. Kpe1 K : f6 с ничьей. Потому — 11. Kpe1, выманивая черного короля на опасное поле. 11. . . Kpe8. Вот теперь вновь рожденный конь будет грозить черному королю: 12. a8K!

— Наконец-то! — вырвалось у Вики.

— 12. . . Kpf7 — король убегает, но конь нагоняет: 13. Kc7, и белые выиграли! Так чем же, Саша, вам помог этот мой этюд?

— Этот ваш этюд, дорогой мой Костя, подсказал, как справиться с торнадо, как выдержать чудовищный ураганный напор.

— Не понимаю, — призналась Вика.

— Я знаю, но буду молчать, — сказала Зоя.

— О, я вижу, Костя уже решил.

— Надо думать, — уклончиво ответил Куликов.

При подъезде к ветросиловой станции «Электрик пайп компании» из окна «кадиллака» открывался вид на небывалые разрушения: вырванные с корнем деревья, дома без крыш, поваленные ураганом заборы, опрокинутые автобусы.

На мосту, еще недавно залитом вышедшей из берегов рекой, остановились.

— Отсюда туристы любовались серебристой нитью в небе, — сказала Зоя.

Небо было синим и без всяких серебристых струнок.

Но за мостом, где снова обнажились зеленые островки и кочки болота, от серого бетонного здания у шоссе тянулась к горизонту серебристая змея с выпирающими ребрами. Она не упала в болото, а была аккуратно уложена вертолетами, которые сейчас уже хлопотливо летали над нею, готовясь снова по нить ее в небо.

— Вот он, мой ход конем, ход превращенным конем! — говорил радостный ван дер Ланге. — В боксе ценятся не только удары по противнику, но и уходы от его ударов. Так не лучше ли избежать удара и вместо того, чтобы противостоять урагану в воздухе,

заблаговременно спустить трубу на вертолете, едва получено сообщение о приближении торнадо? Я слушал у вас мудрую смешную песенку: «Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет...»

Глава третья ПЕРПЕТУУМ МОБИЛЕ

После возвращения из Америки Куликовы переехали на новую квартиру, получив ее как изобретатели (в их семье стало теперь, вместе с годовалой дочкой Марианной, четверо).

Викентий Петрович Нелидов, не встречаясь больше с зятем дома, однажды пригласил его к себе в министерство.

Косте пришлось подождать в приемной, где сидели еще несколько человек с периферии. Новая секретарша, строгая, крашенная, с пышными формами, оглядывала всех равнодушным взглядом, не узнавая никого из интересующих начальство.

Костя не любил терять времени даром, он вынул книжечку с карманными шахматами и углубился в найденную им позицию, чем окончательно уронил себя в глазах секретарши. И в кабинет к Нелидову, когда приемная опустела, она пригласила его так, словно у нее зубы болели.

Викентий Петрович не поднялся Косте навстречу, а сделал вид, что крайне занят лежащей перед ним бумагой.

Костя стоя ждал.

— Ну? — сказал Викентий Петрович, поднимая глаза. — Может быть, сядем? В ногах правды нет.

— Зато правду искать ногами приходится, — ответил Костя, садясь на кончик стула.

— Правду в жизни можно найти. Правда, жизнь-то может уйти! — процитировал Нелидов. — Безнадежное, скажу я вам, занятие — правдоискательство. В особенности когда дело идет о перпетуум мобиле. Чего вы хотите добиться, молодой человек? Сбросить меня с этого кресла? Не выйдет! — и он угрожающе подвинулся.

Костя остался сидеть, следя глазами за расхаживающим руководителем. Манеры у Нелидова были прежние, барские, но сам он заметно постарел, обрюзг, полысел.

— Я стою на такой высоте, откуда легко сорваться. Но я не допускаю повода для обвинений в семейственности. Разве что дал вам с Викой возможность съездить в Америку. Недурной вояж! И какова же благодарность?

— За что благодарить? За вашу поспешную реакцию на мое выступление в Кремлевском дворце? Заграничной командировкой бросаетесь, как костью?

— Оставьте ваши метафоры, Константин Афанасьевич! Не знаю, как метафорически выразить ваши действия после возвращения от американских друзей! Проще всего кричать на всех перекрестках, что злодей Нелидов в министерстве затирает ваше изобретение, которое якобы с таким успехом применено за рубежом!

— Но все действительно так.

— Это надо еще проверить! Надобно проверить, чьи интересы вы представляете.

— Я вас не понимаю.

— И понимать нечего. За достижение техники выдается способ эксплуатации сооружения, которое, подобно ежу, должно трусливо складываться при каждом дуновении ветерка! Курам на смех! И у него еще хватает совести всерьез требовать строительства сотен подобных сооружений у нас в стране! Противопоставлять их атомной энергии! Это очень смахивало бы на экономическую диверсию, если бы я не знал вас лично. Впрочем... «скажи мне, что твои друзья, и я скажу, кто ты». О вашей дружбе с капиталистом, с самим директором американской компании, слышаны. Вот так-с!..

— Вы прекрасно знаете Александра Максимовича ван дер Ланге, наполовину русского, женатого на советской гражданке, всячески симпатизирующего нашей стране.

— Я ничего не знаю о симпатиях этого бизнесмена. Я лишь знаю, что, опираясь на чисто рекламные «достижения» его фирмы, вы пытаетесь навязать советской промышленности план пагубного вложения средств, ведущий к подрыву энергетики.

— Не к подрыву, а к развитию. И тормозить использование солнечной энергии, в частности путем строительства энерготруб, вам, вероятно, уже не удастся.

Викентий Петрович обернулся, застыв в позе гневного возмущения.

— Я понимаю. Вам хотелось бы вызвать у меня еще один инсульт и тем смести меня со своего пути!.. Бедная моя дочь! За какое беспринципное, безнравственное чудовище вышла она замуж, связав себя не только уродливой семьей, но и псевдопрогрессивной деятельностью, прикрывающей эгоизм личной выгоды!

Секретарша даже через двойную обитую дверь слышала, как «распекал» Нелидов своего посетителя. Не разбирая грозных слов, она безошибочно угадывала «разносный» тон начальника.

Когда неприятный посетитель, отнюдь не понурый, как полагалось после такого приема, прошел через приемную и кивнул на прощание, она даже не ответила ему — торопилась предложить Викентию Петровичу, как наставляла Агния Андреевна, успокоительное лекарство.

Но Нелидов отмахнулся от назойливой заботы и погрузился в составление некой докладной записки, на которую решил как на самую крайнюю меру. Он не передал ее секретарше и даже не послал перепечатать, затребовал только конверт, адрес на котором написал сам.

Телефон в новой квартире Куликовых установили недавно, и мало кто знал его номер. Потому каждый звонок и удивлял хозяев.

Вика, только что принеся Марпанночку из яслей, сняла трубку и позвала мужа:

— Тебя, Костя. Очень приятный мужской голос.

Костя взял трубку, а Вика, уложив девочку в кроватку, принялась хлопотать по хозяйству. Пятилетний Никитенок вызвался помогать ей. Это было его любимой игрой.

— С вами говорит Власов Николай Сергеевич. Я надеюсь, вы не откажетесь увидеться со мной,— услышал Костя чужой голос.

— Здравствуйте,— ответил он и замолчал.

— А если не откажетесь, то загляните ко мне в гостиницу «Россия» в номер 427. Я буду вас ждать в любое удобное для вас время. Шахматы здесь есть.

— Простите,— удивился Костя.— Если шахматы, то почему бы не встретиться в шахматном клубе на Гоголевском бульваре?

— На Гоголевском в клубе будет слишкомлюдно. Вам это не кажется?

— Признаться, нет. Шахматисты занимаются шахматами.

— Вот именно. Это сузило бы нашу беседу.

— Не понимаю.

— Достаточно ли сказать вам, что я снял только для встречи с вами этот номер, используя специальную броню. Вы же шахматный мастер и умный человек.

— Кажется, я начинаю понимать. Когда приехать?

— Время назначаете вы.

— Тогда забронируйте ближайший час. Не люблю откладывать.

Вика по лицу Кости сразу поняла его состояние. Он так ничего и не сказал ей, пообещав объяснить позже, и уехал.

Превозмогая тревогу, Вика занялась детьми.

Дверь 427-го номера открылась, и перед Костей предстал крепкий человек его лет, с умным лицом и пронизательными глазами. Хорошо сшитый костюм ладно облегал его фигуру.

— Спасибо, Константин Афанасьевич, что приехали. Верьте, встреча с таким художником шахмат запомнится на всю жизнь. Проходите. Шахматы я приготовил.

Костя нахмурился. Все-таки речь пойдет о шахматах?

— Я позволил себе расставить позицию вашего этюда, который когда-то мы целой пограничной заставой решить не могли. Я в погранвойсках служил.

Костя посмотрел на доску.

— Как тут сделать ничью? Не приложу ума,— продолжал Власов.

— Я охотно покажу, если вы за этим меня вызвали.

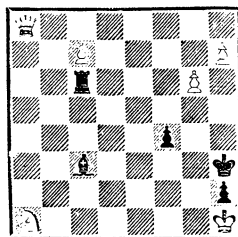
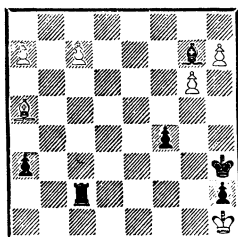
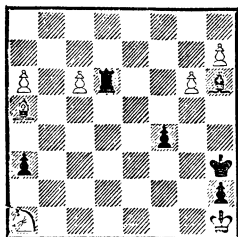
— Пригласил. Это совсем другое. Пригласил помочь...

— Чем? Заменой номера журнала, где опубликовано решение? Могу, конечно. Как видите, белые зажаты в матовые тиски.

— Совсем как в вашем случае, Константин Афанасьевич.

— Не понимаю. Белые, чтобы спастись, решают заставить черные фигуры мешать друг другу.

— Вполне жизненная стратегия. Как это говорится у Безыменского? «Жизнь на шахматы похожа...»

— «Но жить — не в шахматы играть», — закончил Костя.

— А как играть ⁶⁵?

— Вот так: 1. Кс2.

— А мы пробовали сначала 1. Се1, и не получалось. Как дальше?

— 1. . . Сg7 — черным надо задержать белую пешку «h». 2. с7. Новая угроза белых. Приходится черным считаться с нею: 2. . . Лс6. Обратите внимание: белые привлекли и слона и ладью на те линии, на которые им нужно. Теперь 3. а7 Л : с2 ⁶⁶. Черные снова грозят матом. Это активнее, чем пытаться провести пешку «а»! в ферзи — 3. . . а2 4. Сс3! С : с3 5. а8Ф а1Ф+ 6. К : а1, и у черных нет матующего хода Лс1, так как ладья перекрыта своим же слоном ⁶⁷. А в случае 4. . . Л1 : с3 5. а8Ф а1Ф+ 6. Ф : а1 ⁶⁸ ферзь мог взять на а1, потому что черная ладья перекрыла своего слона. Обратите внимание на механизм взаимного перекрытия слона и ладьи. Это встретится в главном варианте решения.

— Вам не кажется, что, создавая такие «механизмы» на шахматной доске, вы словно конструируете машину на чертежной?

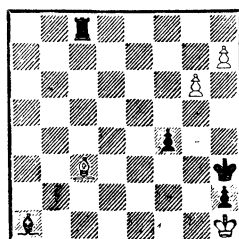
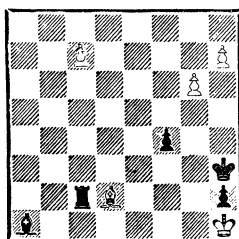
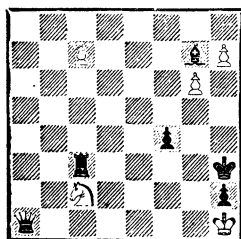
— А что! Общего, пожалуй, не мало! Итак, 3. . . Л1 : с2 4. Сd2 а2 5. а8Ф а1Ф+ 6. Ф : а1 С : а1. Черные задержали все белые пешки ⁶⁹.

— Да, белым впору сдаваться!

— Подождите. Не зря белые расставляли черные фигуры по намеченным местам — 7. с8Ф+!

— Вот уж игра в одни ворота или поддавки!

— Совсем нет. Это только кажется, будто черной ладье легче с восьмой горизонтали задерживать белые пешки, но на самом деле 7. . . Л1 : с8 8. Сс3! ⁷⁰ Вот ключевой ход плана белых! Без-

защитный слон становится под удар двух черных фигур, и тем не менее ни одна из них взять его не может. Если 8. . .Л : с3, то 9. h8Ф + Кpg4 10. g7 и, как видите, черный слон перекрыт ладьей. А если 8. . .С : с3, то 9. g7 С : g7 10. h8Ф + С : h8 — белым пат! Использовано перекрытие ладьи слоном.

— Здорово! А нельзя ли уклониться от этой механики?

— Хотите попробовать? 8. . .Лb8 9. Сb2! Вторая жертва слона, и опять его нельзя брать.

— Ясно. Значит, и по линии «b» у черных ничего не выходит.

— Можете попробовать и по линии «d» 9. . .Лd8 10. Сd4! Слон третий раз самоотверженно преграждает путь матующей ладье и по-прежнему неуязвим. А в четвертый раз по линии «e».

— Колдовство какое-то! Вернее, четко работающая машина.

— «Взбесившийся слон» парализует и слона и ладью, хотя ничем и не защищен, вынуждая повторение ходов.

— Вы открыли тему «вечного Новотного». Кажется, так по имени чешского проблемиста назван в задачах механизм пересечения линий действия слона и ладьи на поле, где жертвуется фигура?

— Да, если хотите, «вечный Новотный».

— А я бы назвал это вечным движением. Вы изобрели на шахматной доске перпетуум мобиле!

Костя быстро взглянул на Власова и встретил его испытующий взгляд.

— Разве не верно? Или вы скажете, что перпетуум мобиле нельзя изобрести?

— Перпетуум мобиле первого рода, черпающий энергию из ничего, конечно, создать нельзя. Но перпетуум мобиле второго рода, получающий даровую, но реально существующую энергию, например Солнца, в принципе осуществим.

— Вы могли бы привести примеры?

— Пожалуйста. Для работы теплового двигателя требуется перепад температур между нагревателем и охладителем. Если вместо нагревателя (топки котла или камеры сгорания) использовать теплую воду морей, а в виде холодильника (вместо градирни или радиатора) — воды Ледовитого океана, в принципе говоря, можно построить грандиозный тепловой двигатель без топлива. Конечно, придется решить вопрос доставки теплых южных вод к Ледовитому океану. Впрочем, французские инженеры еще в 1939 году демонстрировали на Нью-Йоркской международной выставке «Мир завтра» действующую установку, где нагревателем служили поверхностные слои моря, а холодным полюсом тепловой энергосхемы — глубинные воды океана, которые много холоднее нагретой Солнцем морской поверхности. Так французы обошлись без тысячекilометровых водоводов между океанами и создали перпетуум мобиле второго рода.

— В Нью-Йорке, говорите? Вы, как утверждают, любите все американское?

Костя покосился на своего нового знакомого.

— Речь идет не об Америке, а о французском инженере Клоде. Можно привести примеры и из советской практики. Прежде всего наши великие гидростанции. Ведь солнечная энергия заставляет течь питающие их реки! И, конечно же, приливо-отливная энергостанция в гортле Белого моря, где так ощутимы морские приливы. Это тоже перпетуум мобиле второго рода. Но там используется энергия вращения Земли. Она словно приводным ремнем связана с Луной, виновницей приливов.

— Значит, Земля притормаживается? Чего доброго, вы, инженеры, совсем ее затормозите, и будет на Земле с одной стороны всегда ночь, а с другой — вечный день, как на Меркурии. На Луне хоть через две недели меняются свет и тьма. Хотите закурить? Не курите? Тогда чашку чаю. Я сейчас закажу. Я оторвал вас от дома.

Власов заказал по телефону чай и стал собирать шахматы в коробку.

— Вы, я вижу, разбираетесь в астрономии, — заметил Костя. — А вот к инженерам относитесь подозрительно.

— Вы меня неправильно поняли. Я сам инженер. Даже диссертацию защитил по бутановым электростанциям.

— Так ведь это тоже перпетуум мобиле второго рода! — обрадовался Костя. — Нагреватель — недра Земли, охладитель — холод полярных областей!

— Точно. Пары бутана при подземной температуре достигают приемлемого для энергосхемы давления, могут вращать турбины, а при наружной полярной температуре снижаются, чтобы попасть в нагреватель.

— Так вы и сами причастны к перпетуум мобиле!

— Вот я и хотел спросить вас, почему вы считаете своевременным в наш век неистощенных богатств Земли ставить вопрос о строительстве всяких перпетуум мобиле второго рода вместо тепловых и даже атомных энергостанций?

«Ах вот откуда это идет!» — подумал Костя...

— Знаете что, Николай Сергеевич, — он запомнил его имя с телефонного разговора. — Можно жить по принципу французского короля — «после нас хоть потоп!» — Он взял стакан принесенной официанткой чая. — Но можно заглядывать в будущие тысячелетия. Я уже не говорю о загрязнении окружающей среды, об отравлении атмосферы городов миллионами автомобилей с их ядовитыми выхлопными газами. Давайте подумаем: случаен ли энергетический кризис, потрясший капиталистические страны? Неиссякаемы ли тепловые и другие энергетические ресурсы планеты?

— Ее часто сравнивают с космическим кораблем, летящим со своим многомиллиардным экипажем меж звезд.

— И правильно сравнивают. Нет, коньяку в чай вы мне не добавляйте. Спасибо. Так вот, запасы такого космического корабля ограничены. Рано или поздно они иссякнут, если не при нас, то при наших потомках в грядущих тысячелетиях.

— Ну что ж, об этом говорил еще Владимир Ильич Ленин,

советуя Богданову написать роман о Земле, на которой капитализм хищнически уничтожил полезные ископаемые.

— Вы даже это знаете! Так где же, как не в социалистической стране, думать о будущем?

— Это хорошо, что вы печетесь о потомках, имея сына и дочь,— заметил Власов, наливая себе в чай коньяку. Костя быстро взглянул ему в лицо и встретил открытую улыбку.— Но, пожалуй, вы правы в известной степени,— закончил он и закрыл коробку с шахматами.

— Не в известной степени, а полностью,— горячо возразил ему Костя, отталкивая стакан с чаем.— Коммунистический подход к прогрессу, как я понимаю,— это дальновидный, проникающий взглядом и расчетом в третье, четвертое, десятое тысячелетие нашей эры. И ради этой дали уже ныне недопустимо тормозить любые способы использования даровой солнечной энергии. Она должна превращаться в электричество, и все транспортные средства, начиная с автомобилей и кончая самолетами, должны быть переведены на электрические приводы от аккумуляторов, заряжаемых в конечном счете Солнцем!

— Как в космическом корабле,— подсказал Власов, с интересом рассматривая гостя.

— Да, ваше сравнение верно. Вот теперь и судите, можно или нельзя использовать вечное движение не только на шахматной доске, но и в технике.

Они еще долго говорили о вещах, далеких от шахмат, с которых начали разговор.

Когда Николай Сергеевич провожал Костю к дверям номера и помогал ему надеть пальто (на улице шел дождь), он сказал:

— Если бы я был против вас, вы убедили бы меня сегодня, но...

— Есть какое-то «но»? — улыбаясь, спросил Костя.

— Я вовсе не был против вас, о котором столько слышал.

— Обо мне?

— Меня просил передать вам привет полковник Гусаков.

— Простите, я не знаю такого.

— Ну что вы! Ивана-то Тимофеевича?

— Иван Тимофеевич Гусаков ушел на пенсию капитаном. Он не может быть полковником.

— Это из милиции он ушел,— мягко заметил Власов.— А его опыт, знания и способности по специальности могли понадобиться в другом месте. Я прощаюсь с вами и благодарю за помощь...

— В чем я вам помог — не пойму!

— В прояснении подхода к проблеме «перпетуум мобиле» и вашего плана массового строительства энергетических труб.

Глава четвертая

НА «СЕДЬМОМ НЕБЕ»

Посетители вращающегося ресторана на Останкинской телебашне разом повскакали с мест. Гул прошел по залу.

Вике показалось, что она перенеслась на годы назад и что все это однажды уже было: за столиком сидели те же люди и на скатерти была развернута та же книжечка с магнитными шахматами...

Первым не выдержал заокеанский гость. В своем элегантном спортивном костюме он перебежал от столика к столику и снимал кинокамерой через круговое ресторанное окно необыкновенное зрелище.

Вика переглянулась с Костей. Оба улыбнулись.

— Поздравляю вас, родные мои! — сказал полковник Гусakov и протянул через стол руку.

Рукопожатие его было крепким и ласковым.

За окном, опоясывающим весь зал, медленно поворачивалась панорама исполинского города. Казалось, его объемный план разостлан там, внизу. Но по ленточкам улиц шныряли крохотные, отнюдь не нарисованные машины, а на перекрестках скоплялись движущиеся точки пешеходов.

Знакомые районы узнавались по приметным высотным зданиям. Силуэты их чем-то напоминали контуры кремлевских башен и ярко очерчивались на ясном небе.

Море домов уходило в дымчатую даль. На размытом горизонте угадывалась зелень подмосковных лесов.

Вика с Костей стояли перед окном взявшись за руки, и у обоих было такое ощущение, будто они без всякого усилия парят в воздухе, как это бывало в детских снах. Фантасты говорят, якобы где-то в генной памяти человека запечатлено чувство невесомости, испытанное его неведомыми предками, быть может из космоса прилетевшими на Землю... Теперь подобный полет Вика с Костей ощущали не во сне, а наяву. И внутри них все пело, а они словно неслись на крыльях — или, вернее, без крыльев — над столицей.

Час назад они ждали друзей у подножия башни.

Катя с мужем, проездом на юг оказавшиеся в Москве, обещали приехать, но недопустимо опаздывали. Из-за них можно было пропустить все событие! Вика, смеясь, порвала их билеты и пустила обрывки по ветру.

— Я выполнила ритуал, — сказала она. — Придется теперь все остальное тоже повторять, называя меня «заслуженной артисткой без публики».

— Из театра Сатира! — подхватил Александр Максимович ван дер Ланге, специально приехавший из Америки, чтобы быть в этот день вместе с ветеранами трубоэнергетики. — Я готов. Мне следует присоединиться к вам наверху. Не правда ли?

— Нет. Старое будет по-новому! — решила Вика и, взяв Александра Максимовича под руку, направилась к лифтам.

Костя пошел следом в сопровождении Ивана Тимофеевича Гусакова. Форма полковника, пожалуй, молодила его.

Вика проявила свой характер. Она отыскала важного, но благорасположенного метрботеля, уверила его, что он ничуть не изменился за столько лет, и упросила, чтобы он непременно посадил их за семнадцатый столик.

Оказывается, он помнил, что во время давней паники за этим столиком играли в шахматы. И он выполнил просьбу, предположив, что шахматы и на этот раз появятся на столе.

Ван дер Ланге церемонно раскланялся, прежде чем сесть:

— Сочту за честь разделить трапезу.

Он помнил свою первую сказанную здесь фразу!

Вика потребовала, чтобы Костя вынул свои карманные шахматы.

— У нас еще есть время. Ты должен показать свой новый этюд, как тогда, — предложила она.

— Опять взаимный пат? — улыбнулся Иван Тимофеевич.

— Нет. Тоже взаимное, но... превращение не в ту фигуру, — рассмеялся Костя.

— Ради ничьей? — поинтересовался Александр Максимович.

— Нет. Во имя победы.

— Вот это правильно! — подхватил Гусаков. — А ну, показывай, как это кони ходят!

— Сейчас вы поймете, как и зачем они ходят, — пообещал Костя и стал расставлять фигуры. — Надо выиграть! ⁷¹

— Трудновато тут выиграть, — заметил полковник. — Черные того и гляди поставят ферзя на f1, притом с шахом...

— А мы первым ходом отойдем королем. Вернее, начнем им наступление на черных.

— Баткой? Значит, 1. Kpg6.

— Верно. Теперь черные ферзя не поставят. Белые сыграют 2. Kpg7, сами проведут ферзя с шахом и выиграют.

— Придется черным играть 1... Kd6, — решил Гусаков.

— Пожалуйста. Белые сразу не пойдут пешкой «h», а предварительно отдадут свою пешку на f8: 2. f8Ф+ Kp: f8 ⁷².

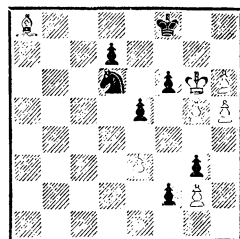
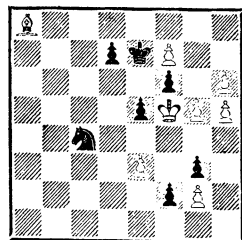
— Зачем это? — удивился ван дер Ланге.

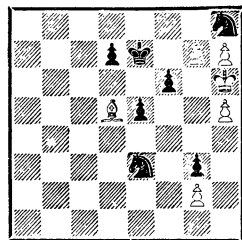
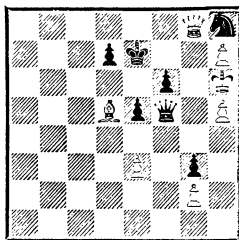
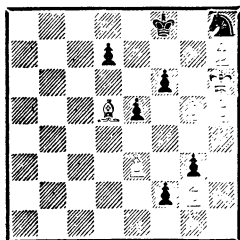
— Увидите, — загадочно пообещала Вика.

— 3. h7 Kf7 4. Cd5 Kh8+ 5. Kph6 ⁷³.

— Фу ты! — фыркнул Иван Тимофеевич. — Пятый ход! А он никак нам не давал ферзя поставить.

— Не вздумайте сейчас поставить: мигом проиграете!

— Да ну?

— А вот: 5. . . f1Ф? 6. g6 Фf5 7. g7+ Кре7 8. g8Ф⁷⁴, но не 8. gh? из-за 8. . . Фg5 мат! Теперь же на любой ход черных — или размен ферзями на g5, или 9. Кpg7 с последующим взятием коня на h8 и выиграшем.

— Ясно, — согласился Гусаков.

— Поэтому черные, рассчитав все это, поставят не ферзя, а коня — 5. . . f1К!

— А что с него толку? — усомнился полковник.

— Иван Тимофеевич! Кони ходят через клеточку на поле другого цвета, — подзадорила Вика.

— Ну и ну! — покачал головой Гусаков. — Надо думать, теперь белым в ферзи спешить пора — 6. g6.

— 6. . . К : e3, — за черных ответил Костя. — 7. g7+. Вот для чего нужно было отдать пешку на f8, чтобы сейчас шах был! 7. . . Кре7⁷⁵ и теперь 8. g8К+!

— Парадоксально! — воскликнул ван дер Ланге. — Непременно конь? И никак нельзя поставить ферзя на h8 или g8?

— Нельзя. Смотрите: 8. ghФ? Кf5+ 9. Кpg6 Кh4+ 10. Кpg7 Кf5+ 11. Кpg8 Кh6+ и так далее.

— Вечный шах! Подумайте только, как экстравагантно! И не представляется возможным вырваться! Прелестная «вечность»! — восхищался Александр Максимович.

— Вот он, оказывается, как конь ходит! — глубокомысленно заметил Гусаков. — А ежели 8. g8Ф?, то белым еще хуже будет: 8. . . Кf5 мат. И вся недолга!

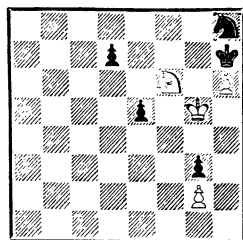
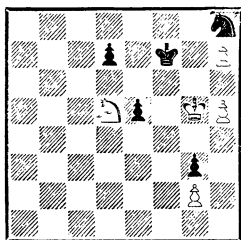
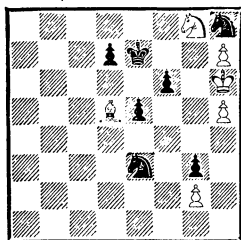
— Поэтому выигрывает превращение белой пешки в коня — 8. g8К+!⁷⁶

— В порядке взаимности, — улыбнулся в усы Гусаков.

— Тут предстоит еще, я бы сказал, длительная борьба, — предположил Александр Максимович. — Эндшпиль — по две фигуры и по три пешки. Силы равные!

— И тем не менее черным худо. Сильнейшее продолжение за них — 8. . . Кpf8, чтобы поближе быть к королевскому флангу и опасным белым пешкам. 9. К : f6 К : d5 10. К : d5 Кpf7 11. Кpg5⁷⁷ — белые сами отдают свою грозную пешку, но: 11. . . Кpg7 12. h6+ Кp : h7 13. Кf6 мат!⁷⁸

— Мат одним конем, притом превращенным! — воскликнул ван дер Ланге.

— Толково,— заключил Гусаков.— Вырос ты, брат Костя. И в шахматах тоже.

— Я запишу этот этюд, чтобы показать в Америке.

— Покажите его Фишеру,— посоветовала Вика.

— Я опасюсь, что он за это потребует от меня контрольный пакет акций «Электрик пайп компани»,— улыбнулся ван дер Ланге.

Вика пристально изучала серьезное лицо ван дер Ланге. Оно уже не казалось ей, как прежде, надменным.

— Как вы справляетесь с близнецами? — спросила она его.

— О-о! Прекрасно,— расплылся в улыбке Александр Максимович.— В помощь жене я выписал из Канады одну из своих шестерых сестер. Пусть поможет нам воспитать Постоянство и Победу.

— Постоянство и Победу? — переспросила Вика.

— Я так назвал наших детей. Сына — Константином, Костей, дочь — Викторией, Викой.

— Спасибо, Саша,— тихо сказала Вика и коснулась пальцами его лежащей на столе руки.

— Спасибо вам! — отозвался ван дер Ланге.— Это с вас, отсюда вот, началась моя настоящая жизнь, хотя я и живу в Америке.

— Ваши дети будут считаться американцами. Ведь они родились в США!

— Я тоже получил американское гражданство. Вы знаете?

— Знаем,— вставил Иван Тимофеевич.— И даже больше.

— Вот как? Что же больше?

— Например, что вы вступили в Коммунистическую партию Соединенных Штатов Америки.

— Это верно? — оживилась Вика, пытливо глядя на гостя.

— Надо верить сведениям товарища полковника,— рассмеялся Александр Максимович.— Как видите, и бизнесмены идут к коммунистам. Впрочем, у них есть пример самого Фридриха Энгельса, владевшего фабрикой, или московского заводчика-революционера Шмита. Однако, полковник, вы сказали так, словно могли что-то добавить.

— Добавить можно, что с коммунистами идут те, кто верит в будущее,— вставил Костя.

— Я думаю, что вы и это, да и многое другое сами знаете, — сказал Гусаков.

— Вы имеете в виду борьбу против нашей ветроэнергетики?

— К вам под видом вернотружеников проникали наемники одной из монополий, выводили слабые места трубоэнергетики и теперь будут «противостоять» вам.

— Ах вот как? Значит «тройной конь»?

— Да, и вашу «Трою» — «Электрик пайп компани» — обвиняют в неспособности дать в своих установках стабильную мощность. И предлагают «похитить Гольфстрим».

— Что? — поразился ван дер Ланге.

— Был такой старый фантастический роман — забыл его автора. Его герой перегородил Гольфстрим плотиной. Можно было угрожать Европе лютым холодом и диктовать ей свои условия. Ваши конкуренты хотят сделать нечто подобное, но не просто отвести в сторону теплое течение, а пропустить его воду через турбины, получив энергию во много раз большую, чем имеет сейчас человечество.

— Чудовищно! — воскликнул ван дер Ланге. — Задача современности сохранить планету, а не уродовать ее. Если течение отдаст свою кинетическую энергию, оно перестанет течь. Прекратится перенос тепла. Что произойдет с восточным побережьем США, с Канадой?!

— Не говорю уже о Европе, — добавил Гусаков.

— Конечно, и Европа, — согласился ван дер Ланге. — Этого нельзя допустить! Как плохо мы охраняем свои интересы! Экономические шпионы запросто проникают к нам! Но мы отвергнем это готовящееся злодеяние, поставим о нем вопрос в Конгрессе!

— Вам поможет Организация Объединенных Наций, где этот вопрос уже ставится европейскими странами при нашей поддержке.

— Ну, полковник, теперь я убедился, что вы стоите на страже... всего человечества! Ах, эта нестабильность мощности, наша ахиллесова пята!..

— Об этом мне и хотелось поговорить с вами со всеми. Вот, Костя, не знаю я, чем ты моего молодого друга зачаровал, изобретательством запознал. А изобретатель — это надолго.

— Может быть, проблемой космического корабля «Земля»? — осторожно спросил Костя, вспоминая памятную встречу. — Что же он изобретает?

— Да у него та же беда, только наоборот. Когда у вас нет мощности — зимой, скажем, — у него есть. А летом его установка не тянет.

— Это что за установка? — поинтересовался ван дер Ланге.

— Бутановая.

— Бутановые станции! — воскликнул Костя. — Как же я сам не додумался! — и он хлопнул себя по лбу. — Что же вы до сих пор молчали, Иван Тимофеевич, и он, чудак, почему молчал? Ведь

наши оппоненты и Сашины конкуренты давно бы на лопатках лежали!

— Так уж и на лопатках?

— Конечно, на лопатках. На лопатках паровой турбины. Вы сами не догадываетесь, Иван Тимофеевич, какого джигища из бутылки выпустили. Второй раз при вас! Помните, Вика предложила мягкую трубу и стала моим соавтором? Теперь вот Власов выдумывает комбинированную систему из ветротруб и бутановых станций, дополняющих одна другую. Это же полный переворот! Земное тепло — на пульт!

— Подожди, стой, — с улыбкой остановил Костю Гусаков. — Экий ты торопыга! Прежде всего, комбинированную энергосистему не он, а ты предлагаешь. Теперь сразу тебе земное тепло подавай. Давно ли сам боялся перегреть планету! А переохладить не страшно?

— Да что вы! Это же опять энергия, рожденная Солнцем! Как и у нас! Солнце нагревает поверхность Земли. Беря в бутановых станциях часть этого тепла, мы лишь предотвратим перегрев планеты, который грозил ей в грядущем.

— Правильно, — кивнула Вика. — Об этом мы и завели тогда речь.

— Как же думаешь сочетать столь разные системы? — спросил Гусаков, косясь на ошеломленного услышанным ван дер Ланге.

— По принципу противоположностей. Диалектика! Ветроэнерготруба уходит вверх на километр, а нагреватель бутана — вниз на тот же километр в недра Земли. Такую скважину сделать или старую шахту использовать — раз плюнуть. Эх, нет больше Сергея Александровича... Как он допекал нас нестабильностью наших мощностей.

— Зато есть более корыстные и злобные «похитители Гольфстрима»! — вмешался ван дер Ланге. — Не откажитесь разъяснить мне смысл нового предложения.

— Это просто, Саша. Жидкий бутан по трубам попадает в подземный нагреватель, змеевик, соприкасающийся с земной породой, всегда теплой внизу. В змеевике бутан за счет земного тепла испаряется и обретает нужное давление.

— Это что же? Паровой котел без топлива? — спросила Вика.

— Пожалуй, так. Топка котла как бы вынесена прямо на Солнце, которое компенсирует нагревом ту часть земного тепла, которую использует станция. В конечном счете именно оно, Солнце, поднимает давление бутана до рабочего. А дальше — пары бутана по другим трубам устремятся вверх и попадут на лопатки турбины. Она вместе со своим электрогенератором может стоять в том же зале, где и ветротурбина. Отработанный пар бутана будет сжиматься при низкой температуре зимнего наружного воздуха. Так и будут работать турбины — одна летом, другая зимой.

— Кажется, я останусь без конкурентов! — воскликнул ка-
надец.

- А я без помощника,— улыбнулся полковник.
- Он кандидат наук, к тому же изобретатель... Отпустите его к вам,— стал Костя убеждать Ивана Тимофеевича.
- В современной армии, друг мой, инженеры ой как нужны!
- А передвижные турбоэнергостанции не помешали бы?
- Армии? Еще как потребуются!
- Ну вот! Прикомандируйте его к нам. И будет вам передвижная турбоэнергостанция на любую потребную мощность.
- Ишь ведь куда загнул! Как бы мне всех вас не привелось в кадры армейские привлечь. Ты на капитана потянешь, а то и выше. Вика со старшего лейтенанта начнет.
- Да мы не исправимо гражданские. Вы-то, небось, в армии очутились неспроста. Сами мне признавались, что заочно на инженера учились. И опыт участника Великой Отечественной войны.
- Опыт у военных приобретается. Все мы с сугубо гражданских дел начинаем. Армия сейчас техникой богата. Это вам не лук со стрелами, не арбалеты или кремневые ружья, даже не автоматы Калашникова. Теперь высшие технические задачи бойцам будут служить, чтобы гражданские дела в стране мирно свершались.
- И совсем не в шутку говорил это старый полковник.

Пока на высочайшей точке над Москвой в ожидании предстоящего события ветераны новой энергетики рассуждали об энергии, рожденной Солнцем, на другой московской высоте, на обрывистом берегу Москвы-реки, перед зданием Университета, откуда так удобно любоваться видом города, собралось немало народу.

Поглядывая на часы, к баллюстраде, отделявшей обзорную площадку от обрыва, спешили пожилые супруги Нелидовы.

Викентий Петрович опирался на палку, слегка приволакивая ногу. Агния Андреевна опасливо поглядывала на него.

— Пожалуйста, не спеш. Успеем насладиться.

— Наслаждение — цель бытия,— тяжело дыша, произнес Нелидов.— Ты захватила бинокль?

— Себе театральный, а тебе — цейсовский, призматический.

— Ну что ж. Такова судьба. Полюбуемся в былые служебные часы на упущенные возможности,— вздохнул Викентий Петрович.

— Пожалуйста, не говори так. Это тебе дорого стоило.

— Это стоило так дорого стоило, что его и строить не стоило,— отшутился Викентий Петрович.

— Не думай, что тебе эта турбоэнергетика помешала. Тебя непременно назначили бы заместителем министра, если бы не новый инсульт. Счастье, что ты ходишь. Я холодею от воспоминания об этом Верейском. Совсем молодой человек — и инфаркт. Всего только один. И его нет. Ужас!

— Что делать! Он любил острые ощущения. Скончался на бегах, поставив крупную сумму на Цезаря, а тот засбоил.

— Да,— вздохнула Агния Андреевна.— Он был убежденный игрок, но очень обаятельный человек. Остановись, отдохнем.

— Стоять лучше, чем ходить. Сидеть лучше, чем стоять. Лежать лучше, чем сидеть. Спать лучше, чем лежать...

— Замолчи, Вика! Не продолжай дальше. Тырываешь мне сердце!

— Древнеиндийская мудрость. Специально для пенсионеров вроде меня.

— Ты не обычный, а персональный. Союзного значения.

— Да, проводили на пенсию с помпой. И сразу дело пошло.

— Какое дело?

— Да вот которым любоваться будем.

— Надо кончать войну Алой и Белой розы. Вот что. Давай пошлем поздравление Вике с Костей. Пора нам внуков вернуть.

Нелидов не ответил. Взял у жены тяжелый полевой бинокль и, присоединившись к толпе у балюстрады, поднес его к глазам.

А на «Седьмом небе» инженеры и полковник все обсуждали комбинированную систему энергостанций.

— Как же мы сами до этого не додумались! — воскликнула Вика. — Ведь это давно известно!

— Новое — это весьма забытое старое, — глубокомысленно изрек Александр Максимович.

И тут все посетители ресторана вскочили с мест. У многих оказались бинокли. Полковник тоже их принес, и не только для себя, но и для Вики и Кости.

Он передал их молодым людям после того, как ласково пожал им руки.

Вика обводила биноклем туманный горизонт. На нем теперь отчетливо виднелись тонкие оранжевые иглы.

— А первая труба была синяя, — почему-то сказала Вика.

По всему гигантскому кругу, окаймлявшему Москву, в небо поднимались вслед за серебристыми звездочками вертолетов золотистые энерготрубы.

— Ура! — закричал кто-то с соседнего столика, косясь на Вика и Костю. Их узнали.

— Ура! — подхватили и другие смотрящие в окно телебашни.

Вика опустила бинокль и взглянула на Костю. По ее щекам катились слезы.

Костя обнял ее за плечи.

Иван Тимофеевич методично считал поднявшиеся в небо подмосковные энерготрубы. Он сосчитал их пятьдесят.

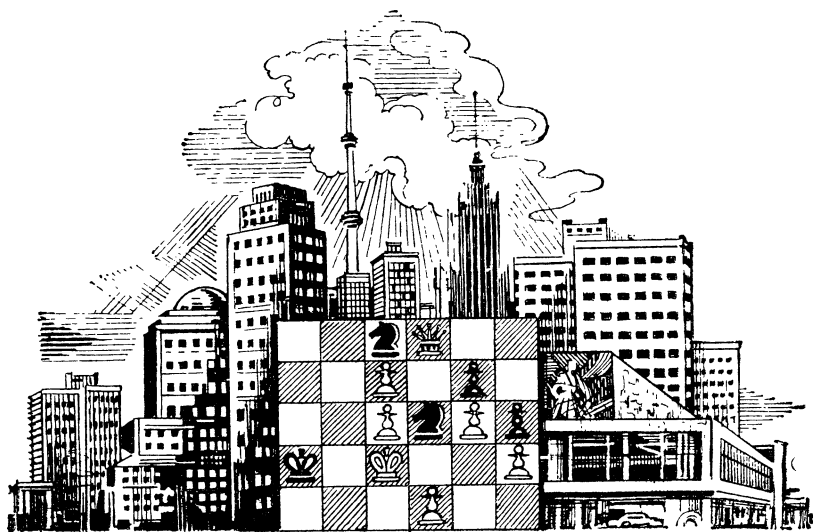
— Миллион киловатт! — сказал он с гордостью.

— Так будет всюду, везде, по всей стране, по всему миру! — отозвался Костя.

— Так держать на космическом корабле... «Земля!» — сказал Иван Тимофеевич и, дотянувшись через стол до Кости, пожал ему руку выше локтя. — Идет, капитан?..

— Я никогда не думала, что это так красиво! — обернулась Вика, счастливая, сияющая.

— Красота — это воплощение того, что приносит счастье, — заключил Гусаков.

ЭПИЛОГ

*Чтобы постигнуть бездонные
глубины мысли, возьми клетчатую
доску, расставь на ней разные
фигуры и оживи их в борьбе.
Читатель! Последуй этому совету
и достань шахматы.*

«Катенька, старушка ты моя!

Ну как ты можешь писать, что чувствуешь годы? Какие там годы! Это в девятнадцатом веке считалось, что «бабий век — сорок лет». Женщин ценили лишь по способности заинтересовать мужчину. А ты!..

Вот опять и восстановилась наша с тобой переписка. Нет хуже без добра. Я сначала очень расстроилась, узнав, в какую даль после Москвы направили твоего Ваню и тебя вместе с ним. Я давно говорила, что он у тебя «далекоидущий», вот и пошел в полном смысле слова далеко! Директор комбината в вашем медвежьем углу, пожалуй, что-то вроде удельного князя. Думаю, ему действительно следует задуматься о строительстве трубоветровой электростанции. Ваши морозы теперь не помеха. Мы уже давно строим комбинированные ветротрубные и бутановые установки. Пусть твой Ваня даст «добро», и я первая приеду к вам. И, может быть, даже с Никитой, хотя он и занят сейчас на проектировании типовой комбинированной энергостанции на миллион киловатт. Для вас, пожалуй, многовато?

Никита — наша гордость. Он принял от нас с Костей эстафету. Впрочем, это не вполне верно. Передать эстафету — это не нести ее самим. А мы с Костей продолжаем держать «эстафетную палочку», как знамя. Никита просто встал в строй рядом и идет с нами в ногу. Это высшая награда нам с Костей.

Мы гордимся тем, что Никита внес в наше дело большой творческий вклад. Он предложил использовать ветер, который при большой силе вынуждал класть трубу на землю, останавливая ветротурбину. Так вот он, наш Никита, и решил на это время в турбину подавать воздушный поток этого же самого «злого ветра». Таким образом наша энергосистема стала тройной. Не только с трубой, создающей искусственный ветер, не только с паровой установкой, работающей на бутане, но и с ветросиловой частью, использующей сильный ветер. Теперь наша энергосистема имеет устойчивую мощность при любых условиях.

Маленькие дети — малые заботы. Выросшие дети — большие заботы. Говоря о Никите, можно было усомниться в этой поговорке. Когда он поступал в институт, мы с Костей не знали никаких тревог, обычно терзающих родителей. Он все делал сам — сам готовился к экзаменам (в школе всегда был отличником!), сам выбрал специальность, сам решил идти по дороге отца с матерью. Ты помнишь, как он разом вымахал? Когда мы с Костей встретились, у него были длинные пышные волосы, а у Никитенка они вдруг сразу завились перед окончанием школы. Так и стал он у нас кудрявым гигантом — я ему едва до плеча достаю.

Но вот со вторым нашим чадом дело совсем другое — народная поговорка безусловно верна. Каких только забот у нас с Костей нет по поводу нашей Марианночки! Чего стоят одни тревожные ожидания по вечерам ее возвращения с прогулок! Она вечно преподносит нам сюрпризы. И никак мы не ожидали, что она, интересовавшаяся математикой и физикой, вдруг решит стать врачом. Каждый ее экзамен отнял у меня по году жизни. Она очка недобрала до проходного балла. В ее сочинении букву «а» в каком-то слове приняли за «о» (крюточка по обыкновению не дописала!) и вlepили ей тройку. Ее почерк всегда меня огорчал. К счастью, она не пала духом. Решила окончить курсы медсестер и работать весь год в больнице. А на будущий — поступать снова в медицинский. Оказывается, у нее есть характер, кое-что передалось ей от нас с Костей...

Бабушка всегда на ее стороне. За годы, которые она после папиной кончины живет с нами, она так привязалась к Марианночке, так балует ее, что та стала у нее единственным светом в окошке. А ведь когда-то даже не пришла на нее посмотреть после нашего с ней возвращения из родильного дома... Вообще-то старенькая стала моя мамаша. Но характер у нее остался прежний. Дай ей волю — всеми начнет повелевать. Я себя по твоему давнему совету сдерживаю всячески, и мы живем в общем-то неплохо. Пришлось в свое время пойти ей навстречу и переехать в ее четырехкомнатную оставшуюся после папы квартиру, а не взять бабушку к себе в нашу, по ее словам, слишком тесную. Она вер-

на себе, и наш кабинет, где мы с Костей работаем — а теперь и Никита с нами, — продолжает называть кабинетом Викентия Петровича. Она до смерти любит принимать гостей, в особенности генералов. Иван Тимофеевич Гусаков часто бывает у нас и с мамой находит общий язык. Но огорчает ее, если приезжает не в генеральской форме.

Недавно у нас гостили Саша и Зоя ван дер Ланге с детьми. Жили больше месяца. Тут мама развернулась полностью, пустила пыль в глаза заокеанским гостям. Двойняшки ван дер Ланге, наши с Костей тезки, прекрасно говорят по-русски, учатся в Америке в колледже, где преподавание ведется на русском языке, и считают нашу страну второй своей родиной.

Ты, конечно, знаешь, что их отец, наш Саша, Александр Максимович стал одним из первых сенаторов-коммунистов Соединенных Штатов Америки. Он хотел отказаться от своего поста директора «Электрик пайп компани», но рассудил, что выгоднее сохранить за собой эту должность, чтобы «прокладывать путь трубоэнергетике через американский конгресс». И он даже сумел привлечь на свою сторону самого американского президента. Впрочем, сейчас это не удивляет, как двадцать лет назад. Президенты ведь бывают разные.

С Костей мы прожили двадцать пять! Что я могу сказать к нашей серебряной свадьбе? То, что ее надо считать золотой! Почему? Да по тому времени, которое мы с Костей пробыли за эти четверть века вместе. Если обычно супруги встречаются лишь после работы и в выходные дни, то мы с Костей все девять тысяч сто тридцать три дня, прожитых к нашему юбилею, не расставались даже на работе. Вот и получаются все пятьдесят обычных супружеских лет! Общность семьи и дела сделали нас не просто близкими или дружными, а, вернее сказать, едиными. Не могу отделить себя от него даже мысленно. Он признавался мне в том же.

Зоя чуткая, она это сразу подметила. Они с Сашей живут более обыкновенно, как она призналась. Сказывается еще и тоска по родине, которая гложет Зою. Она умоляла меня чаще приглашать их семью к нам в СССР. Разумеется, мы с Костей охотно это делаем, связанные дружбой, проверенной годами.

С Зоей мы вспоминали былые годы, нашего учителя шахмат Сергея Александровича Верейского, безвременно ушедшего от нас, так и не сделав в жизни всего, на что он был способен. И, конечно, мы уж с ней всласть поиграли в шахматы. Тебя-то ведь не было!

Кстати, о шахматах. Ты просишь меня познакомить вас с Ваней с новыми произведениями Кости. Посылаю вам его последний этюд, наиболее ярко воплотивший его взгляды на шахматное искусство. Давайте передадим этот этюд на присуждение вам с Ваней. Хочешь спросить меня, как судить? По красоте!

Пусть Лев Николаевич Толстой отрицал красоту как абсолютное понятие, но сам он, как художник, воспевал красоту, красоту внешнюю и красоту внутреннюю, — скажем в Наташе Ростовской или Катюше Масловой.

Существует не только красота формы, но и красота мысли, поступков, чем характерны стремления к добру, мечта о прекрасном, героический подвиг. Любуясь творением природы, мы порой восклицаем: «Как нарисованное!» А высшей похвалой художнику звучат слова «как настоящее!» Мы равно восхищаемся и пантерой и скаковой лошастью, хотя они совсем непохожи. Почему? Да потому, что форма их тела более всего соответствует назначению животных. Однако подлинная красота — в гармонии формы и содержания. Я думаю, что вы с Ваней, судя Костин этюд, не уподобитесь тому архитектору, который отозвался о чуде зодчества Парфеноне как о творении упадка, противопоставляя ему элементарную геометрическую простоту египетских пирамид. Но ведь назначение Парфенона и пирамид разное! В Парфеноне, в храме, все подчинено внушению молящимся чувства прекрасного, преклонения перед идеальной красотой богини. Пирамида же призвана подавлять грандиозностью и непостижимым трудом, затраченным на ее постройку. В одном случае сооружение возвышает любующегося им человека, в другом — подавляет, принижает. В музыке красота определяется богатством ассоциаций, которые возникают у слушателей. У разных народов музыка использует или европейский лад, или пентатонику Азии, или африканский барабанный бой с его ритмикой, но всегда ради того, чтобы пробудить какие-то чувства. Но если вместо организованного мира звуков «во имя новизны», чтобы не повторить кого-нибудь, пение скрипок заменяют скрипом ворот, шуршанием гравия и другими звукоподражаниями, то мне хочется повторить слова Козьмы Пруtkова: «Удивляйся, сын мой, но не подражай».

Все это в полной мере применимо и к шахматам, отражающим в какой-то мере жизнь. Торжество мысли над догмой всегда красиво. Красота же парадокса в том, что он повторяет извечную борьбу Давида и Голиафа, где ум и ловкость слабых побеждают грубую силу (материального перевеса).

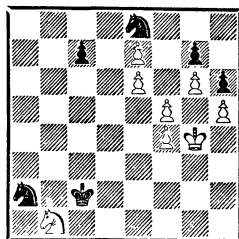
Вот теперь постарайтесь оценить этюд Кости, в котором белые начинают и выигрывают.

Для меня это совершенно особенный этюд. Это как бы автобиография моего Кости, записанная на шахматной доске. Я вижу здесь его характер, неумный, изобретательный, находчивый... Обратите внимание на те жизненные ситуации, которые как бы отражены здесь в шахматной борьбе. Какие подводные рифы приходится обходить моему Косте, который стремился к победе во что бы то ни стало и достиг ее!

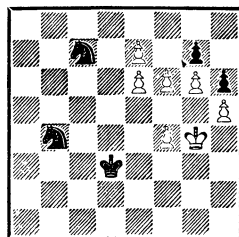
Но пусть обо всем этом расскажут вам шахматы ⁷⁹.

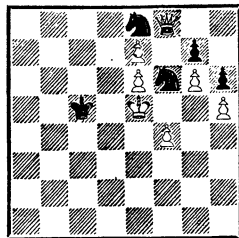
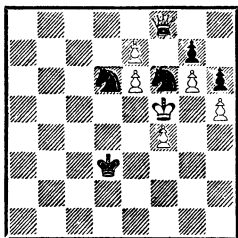
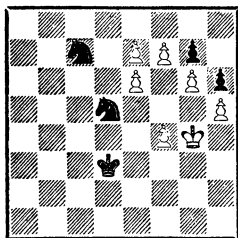
Легко понять, что надежды белых на выигрыш связаны с пешечным прорывом. Но

79

80

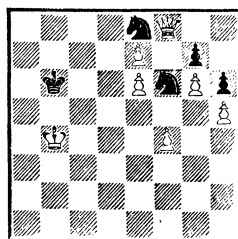
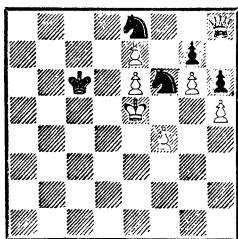
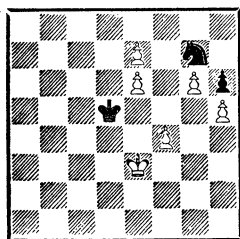

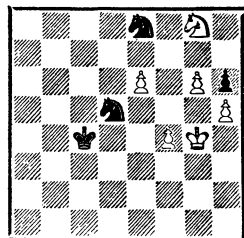
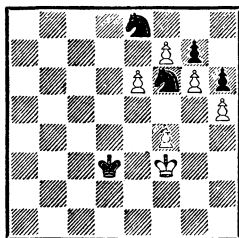
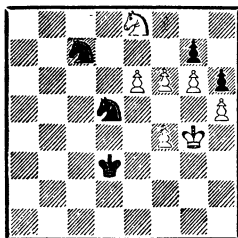

черный конь крепко держит пешку «f». И лишь белый конь может нарушить равновесие.

1. Ka3+ Kpd3 2. Kb5 Kb4. Очень дальновидный ход, рассчитанный на много вперед. 3. K : e7 K : e7. Итак, белый конь удалился от черного короля, чтобы принести себя в жертву. Но это всего лишь присказка, а сказка впереди — 4. f6.⁸⁰ Казалось бы, белые уже могут торжествовать победу: пешка «f» прорвалась! Но... 4. . . Kbd5 5. e8K!! Зачем? Неужели нельзя проводить пешку «f» в ферзи? Оказывается, в этом и заключается хитрый контрплан черных: 5. f7? ⁸¹ Kf6+ 6. Kpf5 Kce8 7. f8Ф Kd6+ 8. Кре5 Kc4+ 9. Kpf5 Kd6+, и ничья вечным шахом ⁸². Если в предвидении этого белые, прежде чем поставить ферзя, пойдут 7. Кре5, то 7. . . Kрс4, и теперь 8. f8Ф Kрс5! ⁸³ 9. Ф : g7 Kg4+ 10. Kpf5 Ke3+ 11. Кре4 K : g7 12. Кр : e3 Kpd5 ⁸⁴—ничья, поскольку конь держит пешку «f». Если же 9. Фh8, пытаюсь выиграть темп, то 9. . . Kрс6, добиваясь позиционной ничьей. Белые могут попробовать прочность сбитой черными конями клетки и попытаться оттеснить черного короля ⁸⁵. 10. Kpd4 Kpb6 11. Kрс4 Kd6+ 12. Kpb4 Kde8 13. Фf8 ⁸⁶, тщетно пытаюсь выиграть темп, но 13. . . Kd5+ 14. Кра4 Kdf6 15. f5 Кра6 16. Kpb4 Kpb6 17. Фf7 Kd5+ 18. Kрс4 Kdf6, и белым пришлось бы примириться с неприступностью позиции черных. Не помогло бы белым движение короля не на f5, а на f3 — 5. . . Kf6+ 6. Kpf3 — с тем же расчетом оттеснить вражеского короля с помощью резервных темпов, которые выиграет, ходя в клетке, превращенный ферзь. Оказывается, даже идя навстречу желанию белых, черные, заняв королем поле c6, быстро получают только что рассмотренную позицию позиционной ничьей.

Вы, Катя и Ваня, должны оценить глубину защитного замысла

черных, его красоту и необычность. И не в меньшей мере, вероятно, оцените парадоксальный путь, которым белые уклоняются от навязываемого черными плана. Потому-то они и не двинулись пешкой «f» в ферзи, а поставили вдруг вместо ферзя коня на e8⁸⁷. Что же теперь делать черным?

Легко убедиться, что размен на f6 ведет к быстрому проигрышу черных. Нельзя, конечно, черным и брать вновь появившегося коня на e8—5. . . K : e8 6. f7 Kdf6+ 7. Kpf3⁸⁸, и теперь ферзь на f8 будет иметь выход через брешь в стене клетки на e7, сквозь которую он легко выскочит, добиваясь победы. Выясняется, что сильнейший ход черных в позиции 80 после ходов 4. f6 Kpd5 5. e8K — это 5. . . Kpc4! 6. fg — белые сразу же жертвуют своего превращенного коня, и, казалось бы, так неудачно, что мешают себе же поставить на g8 ферзя. Но у них свой расчет — превратить еще и вторую пешку в коня! 6. . . K : e8 7. g8K!!⁸⁹ Это и есть главный авторский вариант решения. Выигрыш белых.

Ну как? Если после рассмотрения этого шахматного произведения перед вами встал во весь рост его автор, если вы через шестьдесят четыре клетки и борющиеся на них фигуры ощутили жизнь, то я рада!

Спросишь, как же отражается жизнь в шахматах — в расположении фигур, возможных комбинациях, атаке, защите, в достижении перевеса или ничейного исхода?

Я отвечу.

— Помнишь, как я тебе показывала Костины этюды? Ты сама говорила, что он отражает в них шахматы, как в искусстве отражается жизнь. Вот и получается, что шахматная композиция (прежде всего этюды!) — это искусство от искусства, характерное не фотографиями протекающей между партнерами партии, а обобщающими картинками не только поучающими, но поражающими красотой парадокса (истины, скрытой от людей, мыслящих шаблонно), притом красотой, открывающейся на строго единственном пути. Одной из самых замечательных черт этой красоты надо признать торжество мысли над «грубой силой», идеи над рутинной и догмой, искания над отупляющей привычкой.

Шахматная же игра вовсе не имитирует жизнь, а требует от играющих проявления таких черт характера, как собранность, упорство, воля, фантазия, стремление к поставленной цели, способность не опускать руки ни в каком отчаянном положении. При постоян-

ных тренировках у шахматистов эти черты характера развиваются, как мышцы у тяжелоатлетов, обогащая Человека внутренней красотой.

Ну вот и все мои «мудрые мысли», родная моя Катюша, которые только тебе и могу высказать. И вместе с тем и все мои новости. Еще немного, и они перестанут быть новостями, ибо «ничто не проходит так быстро, как новизна». И, может быть, самым большим счастьем человека надо считать его способность сохранять в себе чувство нового, способность искать, мечтать.

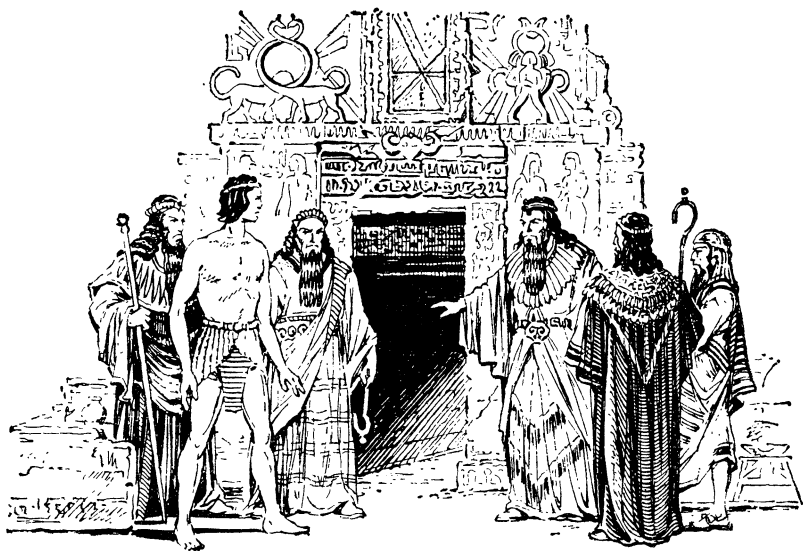
Твоя Вика».

Москва-Абрамцево-Переделкино
1973—1975—1981

ШАХМАТЫ НА ДНЕ КОЛОДЦА

«Любовь это и есть одно из самых удивительных чудес Света!»

Глава первая

РАСКОПКИ

Археолог Детрие стоял на берегу Нила и кого-то ждал, любясь панорамой раскопок. Кожа его от загара так потемнела, что не будь на нем светлого клетчатого костюма и пробкового шлема, его не признали бы европейцем. Впрочем, черные холеные усы делали его похожим на Ги де Мопассана. Непринужденность гасконца и знание местных диалектов позволяли ему быстро сходиться здесь с людьми. Особенно помогало знание арабского языка и наречия, на котором говорили феллахи.

Трудно ладить было лишь с турками. Кичливый паша в неизменной феске, от которого зависело разрешение на раскопки в Гелиополисе, неимоверно тянул, потчует Детрие черным кофе, сносно болтая по-французски и выпытывая у него о парижских нравах на плас Пигаль. Он не преминул похвастаться, что знает наизусть весь Коран, хотя и не понимает ни одного арабского слова, что, впрочем, не мешает ему править арабами. В душе он, конечно, презирал неверных гяуров за их постыдный интерес к развалившимся капищам старой ложной веры, но и обещал европейцу, обещал, обещал... Однако разрешение на раскопки было получено лишь после того, как немалая часть банковской ссуды, выхлопо-

Повесть написана совместно с Марнаном Сияниным.

танной парижским другом археолога графом де Лейе, перешла от Детрие к толстому паше. Таковы уж были нравы сановников Османской империи, во владениях которой скрещивались интересы надменных англичан и алчных немецких коммерсантов, требовавших под пирамидами шва и привилегий, обещанных в Константинополе султаном.

Детрие мало интересовался этим соперничеством. Как чистый ученый, он больше разбирался в борьбе фараонов и жрецов бога Ра, древнейший храм которого ему удалось раскопать.

В 1912 году отмечалось это выдающееся достижение археологии. Храм был огромен. Казалось, кто-то намеренно насыпал здесь холм, чтобы сохранить четырехугольные колонны и сложенные из камней стены с бесценными надписями на них. Но сохранили их не разум, а забвение и ветры пустыни.

Археолога Детрие заинтересовали некоторые надписи, оказавшиеся математическими загадками. Жрецы Ра — и математика! Это открывало много.

Об одной из таких надписей, выбитой иероглифами на гранитной плите в большом зале, и написал Детрие в Париж своему другу, математику, пообещавшему в ответ самому приехать на место раскопок.

Его и ждал сейчас Детрие. Но меньше всего думал он увидеть всадника в белом бурнусе, подскакавшего на арабском скакуне в сопровождении туземного проводника в таком же одеянии.

Впрочем, не его ли друга можно было встретить в Булонском лесу во время верховых прогулок в весьма экстравагантном виде? То он был в цилиндре, то в турецкой феске, то в индийском тюрбане. Ведь он прослыл тем самым чудаковатым графом, который сменил блеск парижских салонов на мир математических формул. Кстати, в этом он был не так уж одинок, достаточно вспомнить юного герцога де Бройля, впоследствии ставшего виднейшим физиком (волны де Бройля!).

Детрие и граф де Лейе подружились в Сорбонне. Разные специальности, выбранные ими, разъединяли, но не отдаляли их друг от друга. Они всегда вместе гуляли по бульвару Сен-Мишель и встречались на студенческих пирушках, пили вино, пели песни и веселились с девушками.

Но главное, что связывало их, была «масонская ложка шахматистов», как в шутку говорили они. Оба были страстными шахматистами. Играли они примерно в равную силу, но граф де Лейе увлекался шахматными этюдами и не без успеха составлял их сам, получал призы на международных конкурсах. И если они не играли очередную партию, то, собравшись вместе, рассматривали этюды Лейе или классиков шахматной композиции. Эта общая привязанность к мудрой игре сделала само собой разумеющейся взаимную выручку. Вот почему граф де Лейе помог археологу добыть необходимые средства для раскопок и теперь сам по просьбе собрата по «шахматной ложке» примчался сюда.

Граф осадил коня и ловко соскочил на землю, восхитив тем проводника, подхватившего поводья.

Друзья обнялись и направились к раскопкам.

— Тебе придется все объяснить мне, как в лицее, — говорил граф, шагая рядом с Детрие в своем развевающемся на ветру бурнусе. Его тонкое бледное лицо, так не вязавшееся с восточным одеянием, было возбуждено.

— Раскопки ведутся на месте одного из древнейших городов Египта, — методично начал археолог. — Гелиополис — город Солнца. В древности его называли Ону или Ей-н-Ра. Здесь был религиозный центр бога Ра, победителя богов, который «пожирал их внутренности вместе с их чарами». Так возвещают древние надписи: «Он варит кушанье в котлах своих вечерних... Их великие идут на его утренний стол, их средние идут на его вечерний стол, их малые идут на его ночной стол...» — декламировал цитаты археолог.

— Прожорливый был бог! — рассмеялся граф.

— Эти религиозные сказания отражают не только то, что Солнце всходит над горизонтом, «пожирает» звезды, но и отражают, пожалуй, реальные события древности.

— Битву богов с титанами?

— Нет. Воевали между собой не столько сами боги, сколько жрецы, им поклонявшиеся. Так, с жрецами бога Ра всегда соперничали жрецы бога Тота-Носатого (его изображали с головой птицы ибиса), сыном которого считался фараон Тутмос I. Любопытно, граф, что наследование престола у египтян, как пережиток матриархата, шло по женской линии.

— Постой, великий древнеучет. Я в невежественной своей темноте слышал лишь о двух египетских царицах Нефертити и Клеопатре. Обе украсили бы собой бульвар Сен-Мишель.

— Жила и другая, как раз дочь Тутмоса I, и, быть может, даже более прекрасная, чем эти прославленные красавицы. Однако Клеопатра, как известно, была гречанкой (по линии Птолемея, соратника Александра Македонского). А Нефертити не правила страной. Она была лишь женой фараона Эхнатона. Ее изображали даже сидящей на коленях у мужа...

— Какая непростительная добродетель!

— А вот жившая много раньше Хатшепсут (или Хатазу), та была единовластной правительницей, женщиной-фараоном, едва ли не единственной за всю историю Египта.

— Постой, постой! Не о ней ли говорили, что она была ослепительно красивой?

— Видимо, о ней.

— Как же она воцарилась? Как королева красоты?

— На ней и сказалась матриархальная традиция наследования престола, который передавался не сыну, а дочери фараона. И чтобы стать фараоном (влияние побеждающего патриархата), этот сын должен был жениться на собственной сестре, которая уступит ему трон.

— Высшая форма аристократизма! — воскликнул граф. — Прямой путь к вырождению через кровосмешение. Недаром я до сих пор холост!

— Хатшепсут — дочь Тутмоса I, раздвинувшего границы своего царства Та-Кем за третьи пороги до страны Куш и доходившего до Сирии, до берегов Евфрата. Она наследовала от отца власть фараона и передала ее по традиции своему супругу и брату Тутмосу II. Он был болезнен и царствовал лишь три года. А вот после его смерти Хатшепсут не пожелала передать при жизни власть фараона своей дочери и ее юному мужу, впоследствии Тутмосу III, и стала царствовать сама. За двадцать лет властвования она прославилась как мудрая правительница и тонкая художница.

— Так это про нее говорили, — воскликнул граф, — что она красивее Нефертити, мудрее жрецов, зорче звездочетов, смелее воинов, расчетливее зодчих, точнее скульпторов и ярче самого Солнца?

— Пожалуй, это не такое уж преувеличение. Действительно, эта женщина глубокой древности должна была обладать необыкновенными качествами, чтобы удержать за собой престол. Ей пришлось изображать себя на нем в мужской одежде с приклеенной искусственной бородакой.

— Фу, какая безвкусица! — возмутился граф. — Дама в усах! Ярмарка!

— Ты не сказал бы этого, увидев ее скульптурные изображения. Они прекрасны!

— Рад был бы полюбоваться. Где их найти?

— Это нелегко. Большинство ее изображений уничтожено мстительным фараоном Тутмосом III, захватившим трон после Хатшепсут и прославившимся как жестокий завоеватель. Но все равно тебе стоит посмотреть поминальный храм Хатшепсут в Фивах, грандиозное здание с террасами, на которых при ней рос сад диковинных деревьев, привезенных из сказочной страны Пунт. Увы, теперь вместо деревьев можно увидеть лишь углубления в камне для чернозема, в котором росли корни, да желобки орошения. Но все равно зрелище великолепное — гармонические линии на фоне отвесных Ливийских скал высотой в сто двадцать пять метров. Такой же высоты был здесь и холм: мы раскопали его, чтобы освободить под ним храм бога Ра. Его ты и видишь перед собой. Учи — в нем бывала сама Хатшепсут. Быть может, она здесь боролась с врагами престола, отстаивая свои права фараона и...

— И?

— И женщины, — улыбнулся археолог.

— Снимаю шляпу перед древней красавицей. А что, если она касалась рукой вот этой колонны? — и граф погладил шершавый от времени камень, потом стал оглядывать величественные развалины, пытаясь представить среди них великолепную царицу.

Глава вторая

ЗАДАЧА ЖРЕЦОВ БОГА РА

Археолог провел друга в просторный зал с гранитной стеной и остановился перед выбитой на камне четыре тысячи лет назад надписью.

— Я переведу тебе странную надпись. Оказывается, жрецы не только сажали на трон фараонов, вели счет звездам, годам и предсказывали наводнения Нила. Они были и математиками! Слушай:

«Эти иероглифы выдолбили жрецы бога Ра. Это стена. За стеной находится колодец Лотоса, как круг солнца; возле колодца положен один камень, одно долото, две тростинки, одна тростинка имеет три меры, вторая имеет две меры. Тростинки скрещиваются всегда над поверхностью воды в колодце Лотоса, и эта поверхность является одной мерой выше дна. Кто сообщит числа наидлиннейшей прямой, содержащейся в ободке колодца Лотоса, возьмет обе тростинки, будет жрецом бога Ра.

Знай: каждый может стать перед стеной. Кто поймет дело рук жрецов Ра, тому откроется стена для входа. Но знай: когда ты войдешь, то будешь замурован. Выйдешь с тростинками жрецом Ра. Помни: замурованный, ты выбей на камне цифры, подай камень светом-воздухом камеры. Однако помни: подать надо только один камень. Верь. Жрецы Ра будут наготове, первосвященники подтвердят, таковы ли на самом деле выбитые тобой цифры. Но верь. Сквозь стену колодца Лотоса прошли многие, но немногие стали жрецами бога Ра. Думай. Так советуют тебе жрецы Ра».

— Как это понять? — спросил граф.

— Ради этого я и просил тебя приехать. Очевидно, здесь проходили испытания претенденты на сан жреца бога Ра. Их замуровывали за этой стеной до тех пор, пока те или решали задачу, передавая через отверстие для света и воздуха камень с выдолбленным ответом, или умирали там от истощения и беспития.

— И вы откопали эту экзаменационную аудиторию?

— Конечно. Мы можем пройти в нее. Тростинок там не сохранилось, так же, как и колодца, но камень для ответа и даже медное долото лежат на месте. Пройдем, для нас это не так опасно, как для древних испытуемых.

— Прекрасно! — отозвался граф и храбро шагнул в пролом стены.

Они оказались в небольшом каземате, напоминавшем каменный мешок. Свет проникал через пройденный ими проем и маленькое отверстие, сделанное как раз по размеру лежащего на полу камня из мягкого известняка. Рядом лежало и медное долото.

— Должно быть, маловато верных ответов было выбито этим долотом, — сказал археолог, поднимая его с полу.

— Почему ты так думаешь?

— Я бился над этой задачей несколько дней. Но я завтракал, обедал, ужинал регулярно. Боюсь, что в этой камере жрецов остались бы мои кости.

— Прекрасно! — задумчиво повторил граф. — Попробуем перевести твою надпись еще раз. На математический язык и сопроводим чертежом на этой тысячелетней пыли.

И граф, взяв у Детрие долото, нарисовал на пыльном полу камеры чертеж, говоря при этом:

— Колодец — это прямой цилиндр. Два жестких прута (тростинки), один длиной два метра, другой — три, приставлены к основанию цилиндра, скрещиваясь на уровне предполагаемой воды в одном метре от дна. Легко понять, что сумма проекций на дне цилиндра мокрых или сухих частей тростинки будет равна его диаметру — наидлиннейшей прямой, содержащейся в ободе колодца Лотоса, как говорится на языке жрецов.

— Мы обнаружили остатки ободов колодца, но сами они, увы, не сохранились.

— А жаль! Можно было бы вычислить длину царского локтя, которая поныне остается загадкой.

— Ты можешь вычислить?

— Если ты меня замуруешь здесь.

— Ты шутишь? Это не шахматный этюд! Замуровать себя?

— Конечно! Я уже считаю себя замурованным. Я мысленно возвожу в проеме каменную стену. Ты можешь оставить меня здесь. Я не проглочу ни крупинки еды, не выпью ни капли влаги, даже вина... пока не решу древней задачи. Жди моего сигнала в окошечке «свет — воздух». Считай, здесь написано: кто не думает, тот не ест... ни фигур, ни пешек, — и он весело подмигнул.

Детрие знал чудачества своего друга и не стал с ним спорить. Он оставил математика в древнем каземате, напоминавшем склеп. наедине с древней задачей жрецов. Интересно, имел ли шансы шахматист и математик двадцатого века пройти испытание на сан жреца Ра четырехтысячелетней давности?

Выйдя в просторный зал, Детрие оглянулся. Ему показалось, что вынутые его рабочими гранитные плиты каким-то чудом снова водрузились на место, превратив стену зала в сплошной монолит. Археолог даже затряс головой, чтобы отогнать видение.

Во всяком случае, математик имел право на уединение для решения, быть может, сложной задачи, которая археологу оказалась не по плечу.

Детрие вышел на воздух.

Пахнуло жарой. Солнце стояло над головой. До обеда было еще далеко. Детрие вздохнул, представляя накрытый стол.

Проводник в бурнуса держал под уздцы двух лошадей, укрыв их в тени. По Нилу плыли лодки с высоко поднятой кормой и загнутым носом. В небе — ни облачка.

Детрие сел в тени колонны и погрузился в раздумье. В его воображении вставали жрецы Ра, владевшие математическим аппаратом лучше, чем он, человек двадцатого века, окончивший Сорбонну.

Что происходило в каменном склепе колодца Лотоса с замурованными там претендентами на служение богу Ра? Сначала из окошечка просовывался камень с выбитыми на нем цифрами, может

быть, неверными. Потом через это отверстие до слуха проходивших мимо жрецов могли доноситься крики, стоны, мольбы умирающих с голоду испытуемых, которым не суждено было стать служителями храма. Не суждено? Нет! Они не могли ими стать, как не смог бы стать жрецом Ра сам Детрие.

Археолог так живо представил все это себе, что передернул плечами.

Тень переместилась. Археологу пришлось пересесть, чтобы спастись от палящих лучей.

Несколько раз он возвращался в зал, граничивший с камерой колодца Лотоса, — ни звука.

Мучительно хотелось есть. Детрие, как истый француз, был гурманом. Он рассчитывал вкусно пообедать со своим гостем и никак не ожидал его новой эксцентричной выходки — лишить себя, да и его, обеда из-за решения древней задачи!

Они должны были поехать во французский ресторан мадам Шико. Турки особенно любили посещать его из-за пленительной полноты (в их вкусе) хозяйки. Она, верно, уже заждалась, исплоталась. Вчера она согласовывала с Детрие замысловатое меню, которое должно было перенести друзей на бульвар Сен-Мишель или на Монмартр. Креветки, нежнейшие креветки, доставленные в живом виде из Нормандии, устрицы. И белое вино к ним. Спаржа под соусом из шампиньонов. Буайбесс — несравненный рыбный суп. Бараньи котлеты с луком и картофель по-савойски или бургундские бобы. И вина! Тонкие французские вина, для каждого блюда свои: белые или красные. Наконец, сыры. Целый арсенал сыров, радующих сердце француза! Это на тот случай, если господа не наелись и хотят закрепить ощущение сытости в желудке. И, наконец, кофе и сигары во время задушевного послеобеденного разговора.

Ждать уже не было сил. Детрие решил любым способом вызволить друга из заточения и решительно направился к каземату. Однако насилия не понадобилось. Еще не войдя в зал Стены, он услышал стук. Из окошечка выпал камень и лежал теперь перед ним на полу. Он нагнулся, чтобы поднять его.

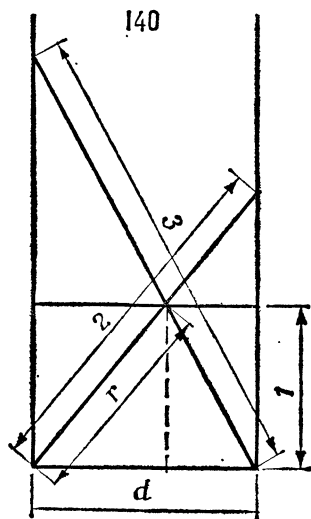
О боже! На нем медным зубилом были нацарапаны (кошунственно нацарапаны на бесценной реликвии!) какие-то цифры...

Детрие, возмущенный до глубины души, поднял камень и прочитал! « $d=1,231$ меры!»

В «замурованном» проеме стоял сияющий граф де Лейе. Его узкое бледное лицо, казалось, помолодело.

Археолог с упреком протянул ему камень:

— Ты исцарапал реликвию!

— Иначе мы не смогли бы обедать,— обескураживающе заявил математик и улыбнулся совсем по-мальчишески.

— Но я не могу проверить,— развел руками Детрие.

— Боюсь, что ты, археолог, не больше древних жрецов разбираешься в аналитической геометрии. Но все же смотри (рис. на стр. 123). Обозначим длину мокрой части короткой тростинки через « d ». Теперь представим, что тростинка скользит одним концом по вертикали, а другой по горизонтали (по дну колодца). Из высшей математики известно, что точка на расстоянии d будет описывать эллипс. Я записал уравнение этого эллипса. Вот оно:

$$\frac{X^2}{\left(\frac{3}{2}r\right)^2} + \frac{Y^2}{\left(\frac{6-3r}{2}\right)^2} = 1$$

— Теперь все очень просто,— продолжал граф де Лейе.— Нужно решить это уравнение для $Y=1$ и $X=r^2-1$ — величина проекции мокрого отрезка длинной тростинки. Получаем уравнение. Правда, четвертой степени, к сожалению:

$$5r^4 - 20r^3 + 20r^2 - 16r + 16 = 0.$$

Как тебе нравится? Красивое уравнение? Если узнаем величину, то легко получить и диаметр из зависимости.

$$d = \frac{2\sqrt{r^2-1}}{r}$$

Детрие почесал затылок, рассматривая чертеж на пыльном полу и написанные формулы:

— И такие уравнения решали древнеегипетские жрецы?

— Ничего не могу сказать. Совершенная загадка! Нам, математикам двадцатого века, решить такие уравнения под силу только потому, что, к нашему счастью, формулы для корней такого уравнения были получены в XVI веке итальянским математиком Феррари, учеником Кордано.

— И ты решил?

— Конечно! Считаю меня отныне жрецом бога Ра. Диаметр колодца равен = 1,231 метра, то есть *меры*. Мы не знаем, какая она была! Дай мне найденные здесь ободы, и я скажу тебе, какова была эта мера, скорее всего царский локоть древних египтян.

— Увы, я уже признался тебе, что ободы не сохранились, так же как и тростинки. Именно поэтому ты не сможешь стать жрецом Ра.

— Как так? — возмутился граф де Лейе.

— В надписи сказано, что жрецом станет тот, кто, решив задачу и сообщив ее ответ, выйдет из камеры с тростинками. А тростинок у тебя нет. Какой же ты жрец.

И оба француза расхохотались.

Проводник уступил свою лошадь археологу, и ученые поехали к ресторану мадам Шико.

— Дорого бы я дал за то, чтобы узнать,— сказал математик,—

как они умудрялись три с половиной тысячи лет назад решать уравнения четвертой степени?

— А может быть, у них был какой-то другой способ? — усомнился археолог.

— Ты шутишь! — рассмеялся граф де Лейле. — Это невозможно! — и он пришпорил коня.

Глава третья

ИЗБРАННИК ПРЕКРАСНЕЙШЕЙ

Когда жрецы с бритыми головами без париков ввели черноволосого юношу в зал Стены, его охватила дрожь.

На гранитной плите грозной преградой перед ним вставала надпись.

Он познавал жуткий смысл иероглифов, и колени его подгибались. Если бы Прекраснейшая знала, на что он обречен! Своей божественной властью она спасла бы его, отвратила бы от него неизбежную гибель, уготованную бессовестными жрецами, так обманувшими ее!..

«Сквозь стену колодца Лотоса прошли многие, но немногие стали жрецами бога Ра. Думай. Цени свою жизнь. Так советуют тебе жрецы Ра».

Совет жрецов! Совет нечестивости! Удар копьём в спину, а не совет!

Если бы знала Прекраснейшая о существовании зала Стены, о колодце Лотоса, об этой надписи и неизбежной теперь судьбе ее юного друга, которого через три тысячи ударов сердца заживо замуруют в каменном колодце Смерти!

Юноша тупо смотрел, как жрецы вынимали из стены тяжелые камни, чтобы потом, когда он «пройдет сквозь стену», водворить их на место, отрезав его от всего мира, оставив без еды и питья в каменном мешке его, живого, сильного, ловкого, которого любила сама Прекраснейшая, подняв его из пыли, когда он целовал следы ее ног!

Могла ли подумать живая богиня, что жрецы Амона-Ра предадут ее? Не они ли по воле ее отца, Тутмоса I, после кончины ее супруга и брата Тутмоса II возложили на голову Прекраснейшей бело-красные короны страны Кемпт? Не они ли присвоили ей мужское имя «Видящего истину Солнца» — «Маат-ка-Ра», которое не смел произнести вслух ни один смертный? И не они ли отвергли притязания на престол юного мужа ее дочери, которая при жизни матери не могла наследовать фараонову власть и передавать ее супругу? И не жрецы ли Амона-Ра объявили святотатством богослужение жрецов Тота-Носатого, провозгласивших самозванца фараоном Тутмосом III?

И вот теперь...

Ужель жрецы Амона-Ра устрешили женской любви Божественной к низкоросленному, поднятому ею из праха, в котором над-

лежало лежать, распластавшись на земле, каждому неджесу плл кроме, свободному или коренному жителю страны Та-Кем?

О чем можно передумать за три тысячи ударов сердца? Какие картины короткой своей жизни снова увидеть?

Дом родителей, простых нечиновных роме на берегу царицы рек Хапи. Ночи на плоской кровле с любимой звездой Сотис на черном небе, по которой жрецы предсказывают наводнение. Пыль окраин Белой Стены (Мемфиса), где только улицы перед дворцами и храмами были залиты вавилонской смолой, чтобы глушила стук копыт и шум колес. Тайная дружба с детьми домашних рабов, и рабы в каменоломнях, измученные, безучастно-терпеливые к побоям и окрикам надсмотрщиков. Детские игры с щенком гиены в каменоломне предков, из которой уже взяли весь ценный камень. Уединение в заброшенном каменном карьере, где он, еще мальчишка, пробовал высечь голову прекрасной женщины. Она жила в его незрелой мечте. И когда уже юным атлетом, способным перегнать быстрее из эфиопских скороходов, что бегут вперед колесницы властителя, побороть сильнее из его стражей или соперничать с ваятелем любого храма, он увидел ее, Прекраснейшую, узнав в ней свою Мечту. Она снизошла до того, чтобы посмотреть состязания юношей, и отметила его среди победителей. Он лежал в пыли у ее ног и надеялся поцеловать след ноги несравненной, изваять которую достоин лишь лучший из оживляющих камень.

Сначала она сделала его своим скороходом. Однажды жрецы Носатого пытались перехватить его, несшего царский папирус. Получив несколько ран, он все же отбил от нападающих и доставил послание в храм Амона-Ра. И тогда в одной из комнат храма, где жрецы Ра пытались спасти ему жизнь, она удостоила его светом своих глаз. Она была живой богиней, Видящей Истину. а пришла в келью к раненому юноше как женщина. Он попросил у жрецов мягкой глины и к следующему ее приходу сделал ее лицо, пообещав перевести его на камень. Прекраснейшая смеялась, говоря, что она словно смотрится в зеркало. И в знак своего восхищения работой юноши подарила ему отшлифованную пластинку редчайшего нетускнеющего металла — железа, оправленного в золотую рамку. В нее можно было смотреться, как в поверхность гладкой воды.

Царица сделала его потом ваятелем при Великом Доме, как иносказательно надлежало говорить об особе фараона.

Прекраснейшая сама владела тайной глаза. Ее руки были безошибочны. И они были еще и нежны, что узнал Сененмот в самый счастливый день своей жизни. Он делал одно изваяние царицы за другим и не переставал восхищаться божественной, не смея даже и помышлять о земной любви. Но живой богине было дозволено все. Однако она стала не только божественной возлюбленной сильного и талантливого юноши, но и его заботливой наставницей. Она не уставала учить его премудростям знания, доступным только ей и жрецам.

Жрецы встревожились. Слишком большую власть мог получить

этот новоявленный избранник Прекраснейшей. Однако удалить его от божественной ни у кого не было средств. Ни у кого, кроме тех, кто... обладал хитростью и лукавством. А эти свойства высечены на оборотной стороне Знания.

Жрецы, советники Прекраснейшей, льстиво хвалили Сененмота, одобряя внимание к нему Хатшепсут. Они поощряли даже ее занятия с ним, уверяя, что высшее Знание может оправдать близость низкорожденного к ярчайшему Светилу, каким была властительница.

И тогда царица Хатшепсут согласилась, чтобы ее ваятель стал жрецом бога Ра. Казалось, в этом нет ничего плохого. Обретая жрецеский сан, Сененмот входил в высший круг, очерченный вокруг золотого трона.

Сененмот тоже согласился на посвящение. Ему еще не побригли наголо, как предстояло, голову, а лишь подстригли его черные кудри и повели в священный город храмов «Ей-н-Ра», расположенный к северу от Мемфиса, столицы владык Кемпта.

Великий храм бога Ра не просто потряс Сененмота. Он пробудил в нем страстное желание создать храм еще более величественный и прекрасный, посвященный Прекраснейшей, ее неумирающей красоте. И не из холодного камня создал бы он его, не мрачными статуями и колоннами внушал бы преклонение перед Прекраснейшей, а перенесенным в храм лесом живых растений, которые террасами спускаются с холма, по высоте равного величайшей из пирамид. И не голый камень пустыни, тысячелетия отражающий солнечные лучи, а живая зелень благоухающих деревьев, поглощающая эти лучи, журчание ручьев и птичий гомон говорили бы всегда не о смерти и величии почившего, а о неумирающей красоте живого!

С этими мыслями юный ваятель Великого Дома вошел в храм бога Ра, чтобы стать его жрецом.

Но...

Его провели в зал Стены, где он прочитал жуткую надпись.

Оказывается, для того чтобы стать жрецом бога Ра и остаться приближенным своей божественной возлюбленной, Сененмот должен был на правах испытуемого пройти через каземат колодца Лотоса, откуда не было выхода замурованному там, если не будет им решена неразрешимая для простого смертного задача жрецов.

Но был ли Сененмот простым смертным? Помнил ли он то, чему учила его божественная наставница, повелевавшая видимым миром? Равная богам, непостижимая для людей! Но если она равна богам, неужели не придет она к нему на помощь? Он устремит к ней свою мольбу, свой зов, который не может не услышать любящее сердце женщины или возвышенные чувства богини.

Думая о ней, юноша Сененмот храбро ступил через порог проделанного в стене жрецами проема. Он увидел перед собой круп колодца, рядом небольшой кусок известняка и около него медное долото. И даже небольшой камень для ударов по долоту при выбивании цифр был здесь припасен.

Глава четвертая

КОЛОДЕЦ ЛОТОСА

Жрецы с удивительной сноровкой заделывали за спиной заключенного стену, намертво замуровывая его. Собственно, эта келья была уготована ему как могила, куда запрятан отныне неудобный жрецам любимец живой богини, спрятан с ее согласия, раз она одобрила решение сделать его жрецом Ра, правда, не подозревая, какой ценой он может заплатить за такую попытку.

Сененмот верил, что она даст о себе знать, что она хватится его, потребует от жрецов, чтобы он вернулся, узнает об их коварном заговоре и придет к нему на помощь! Он верил в это, и силы не изменяли ему.

В камере становилось все темнее. Только через небольшое отверстие, через которое едва можно просунуть припасенный для ответа на задачу камень, пропускало теперь свет. За стеной слышались глухие удары. Жрецы завершали замуровывание...

Глаза постепенно привыкали к полумраку. Напротив оставленного отверстия «свет — воздух» у стены что-то белело.

Сененмот сделал шаг вперед, впервые после того, как он застыл перед кругом колодца, пока жрецы заживо замуровывали его. Он сделал шаг и остановился. Он различил, наконец, что привлекло его внимание.

Это был человеческий череп... и кости скелета с поджатыми ногами. Видимо, несчастный умер сидя или скорчился на полу. Немного поодаль лежал еще один скелет... и еще...

Жрецы, которые только впустили его в каземат, не позаботились убрать останки тех, кто хотел и не смог стать жрецами Ра! А может быть, вовсе и не хотел, а насильно был брошен сюда, чтобы самому себе вынести смертный приговор в горьком бессилии решить непосильную задачу.

Впервые Сененмот подумал о задаче. До сих пор он даже не допускал мысли, что ее можно решить. Надпись на стене, отделившей его теперь от мира, отпечаталась у него в мозгу всеми своими иероглифами. Он мог бы начертать их на каменном полу.

Он взглянул на пол и увидел две тростинки неравной длины.

Ах вот они! Одна две меры длиной, другая три. Если их опустить в колодец, они скрестятся на поверхности стоящей там воды в одной мере от дна.

Сененмот встал на колени и заглянул в колодец. Было слишком темно, чтобы разглядеть, где в нем вода. Во всяком случае до нее не удалось дотянуться рукой, чтобы зачерпнуть ее ладонью и напиться.

Губы Сененмота ссохлись, и он провел по ним языком. Но пить еще не хотелось.

Он встал и прошелся по темнице. В противоположном углу обнаружил еще несколько человеческих черепов и груды костей. Похоже, что кто-то намеренно свалил все эти останки в одну кучу.

Это могли сделать лишь те, кто лежит сейчас в виде нетронутых скелетов... или те, кто счастливо вышел отсюда жрецом бога Ра.

Может быть, они, прежде чем понасть сюда, изучали науку чисел? А он, Сененмот, имел лишь одну учительницу — в Любви и Знании. Что вынес он из преподанных уроков? Знает счет, познал части целого и умеет соединять и разделять их. И только... О тайне, скрытой в треугольниках, он лишь мельком слышал от своей наставницы. В священном треугольнике одна сторона имела три меры, другая четыре, а третья непременно заключала в себе пять мер! В том таилась магическая сила чисел! А как связать наидлиннейшую прямую, содержащуюся в кольце обода, с его выпрямленной длиной? Эту тайну, говорят, знали жрецы и хранили ее как святыню. Как же стать жрецом, не ведая этих тайн?

Тысячи ударов сердца замурованного юноши сменяли одна другую. Глаза его привыкли к полутьме, и он вместо решения задачи, от которого зависела его жизнь, стал рисовать на полу воображаемый уступчатый храм, который мечтал построить своей богине, если бы остался жив и вышел отсюда.

Однако выхода из колодца не было. Гармоничные, задуманные им линии уступов не будут волновать людей в течение тысячелетий, они умрут вместе с незадачливым ваятелем и несостоявшимся зодчим у этого колодца Лотоса. И какой-нибудь другой приговоренный к смерти несчастный или вразумленный Знанием будущий жрец соберет его истлевшие кости, свалит их в кучу вместе с останками других неудачников.

«Нет!» — мысленно воскликнул Сененмот и вскочил на ноги.

Он стал яростно метаться по каменному мешку, как неприрученная гиена, пятакаясь на стены.

Сколько времени прошло? Село ли солнце?

Впервые он ощутил голод и жажду.

Где же Прекраснейшая? Неужели богиня не чувствует на расстоянии его беды? Или она придет? Ступая своим царственным шагом, заставляя падать ниц, распростершись на земле, всех встречных жрецов, включая самого Великого Ясновидящего. Но Хатшепсут не шла.

Сененмот сел у колодца, взял долото и малый камень, придвинул к себе большой и стал что-то выбивать на нем.

Неужели он уже решил задачу смертников? Или божественная неведомым способом внушила ему правильное решение?

Нет, никакого ответа юноша не знал. Он выбивал на мягком камне силуэт своей божественной возлюбленной, профиль Хатшепсут.

Но нет! Напрасно ему надеяться, что жрецы, замороженные знакомым лицом, возникшим на камне, освободят его. Не для того они бросили его сюда!

Однако Хатшепсут не может не хватиться своего любимца, она придет, непременно придет. И тогда услышит его голос. Он будет звать ее и откроет ей через отверстие «свет — воздух» коварный замысел жрецов. Она спасет его, спасет!

Время шло. И никто не окликнул заключенного в смертную камеру юношу через узкое отверстие, сообщавшее его с внешним миром, вернее с залом Стены, скрытым в огромном храме.

Страшно хотелось есть и пить.

Глава пятая ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

На следующий день после обеда в ресторане мадам Шико археолог Детрие вместе со своим гостем, математиком графом де Лейе, отправились в Фивы.

Граф непременно хотел увидеть своими глазами чудо архитектуры, гениальное творение древнего зодчего — поминальный храм великой царицы Хатшепсут в Дейр-эль-Бахари.

Они выбрали водный путь и, стоя на палубе под тентом небольшого пароходика, слушали усердное хлопанье его колес по мутной нильской воде и любовались берегами великой реки.

Графа интересовало все: и заросли камышей на берегах, и возникавшие неожиданно скалы, и цапли, горделиво стоящие на одной ноге, и волы на горизонте, обрабатывающие поля феллахов. В заброшенных каменоломнях он воображал себе толпы «живых убитых», трудившихся во имя величия жесточайшего из государств, как сказал о Древнем Египте Детрие.

Двести пятьдесят с лишним километров вверх по течению пароходик преодолевал целый день с утра до позднего вечера.

На палубах то появлялись, то сходили на берег бородатые феллахи, одетые в дурно пахнущие рубища, заставлявшие графа закрывать нос тонким батистовым платком. Арабы, истовые магометане, расстилали на нижней палубе коврики для совершения намаза, в вечерний час возносили свои молитвы Аллаху. Важные турки в фесках делали в эти минуты лишь сосредоточенные лица, не принимая молитвенных поз.

Худенький чернявый ливанец-капитан предложил европейцам укрыться у себя в каюте, рассчитывая вместе с ними выпить пива, но они отказались, предпочитая любоваться из-под тента берегами.

Граф восхищался, когда Детрие бегло болтал с феллахами на их языке.

— А что ты думаешь? — с хитрецей сказал Детрие. — Когда я бьюсь над непонятными местами древних надписей, я иду к ним для научных консультаций. Сами того не подозревая, они помогают мне понять странные обороты древней речи и некоторые слова, которые остались почти не изменившимися в течение тысячелетий, несмотря на давление чужих диалектов, в особенности арабского и теперь турецкого.

К сохранившемуся древнему храму Хатшепсут в Фивах французы успели добраться лишь на следующее утро.

Как зачарованные стояли они на возвышенности, откуда открывался вид на три террасы бывших садов Амона. Садов не осталось, но чистые, гармоничные линии, как и обещал Детрие, четко

выступали на фоне отвесных Ливийских скал, отливавших огненным налетом, оттененным небесной синевой. Древние террасы храма и зелень былых садов когда-то сказочно вписывались в эту гармонию красок.

— Это в самом деле восхитительно,— сказал граф.

— Теперь представь себе на этих спускающихся уступах террасах благоухающие сады редчайших деревьев, их тень и аромат.

— Великолепный замысел! Кто построил этот храм? Мне кажется, создателя должна была вдохновлять красота Хатшепсут.

— Храм сооружен для нее гениальным зодчим своего времени Сененмотом. Он был фаворитом царицы Хатшепсут, одновременно ведая казной фараона и сокровищами храмов бога Ра.

— Он был кастеляном?

— Он был художником, ваятелем, зодчим и жрецом бога Ра.

— Жрецом Ра? Значит, ему пришлось пройти через каземат колодца Лотоса,— с хитрецей заметил граф.

— Я не подумал об этом. Но, очевидно, это так. Строитель удивительного храма, по-видимому, был неплохим математиком, решая уравнение четвертой степени, доступное лишь вам, современным ученым.

— Математиком? Ха! Мало быть математиком! Как математик, я нашел решение, а как шахматист... опроверг его.

— Вот как? Но ты же утверждал вчера, утверждал, что иного решения и быть не может.

— Шахматный этюд верен, пока не опровергнут.

— Ты хочешь сказать, что вычисленный тобой диаметр 1,231 меры неверен?

— Диаметр именно таков, но вычислен он был не так, как сделал я, дитя двадцатого века.

— Как же ты пришел к этому?

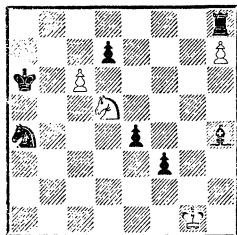
— Понимаешь, я твердо верю, что шахматы в какой-то мере отражают жизнь. Их можно представить себе как своеобразное зеркало. В шестьдесят четыре клеточки, конечно. А если так, то... любую ситуацию, или многие из них, можно выразить шахматной позицией. Вот я и попробовал показать на шахматной доске ситуацию, в которую вчера попал в каземате колодца Лотоса, когда решал задачу египетских жрецов. И представь себе, отыскивая позицию, отражавшую мои искания, я обнаружил в решении созданного по этому поводу этюда свою собственную ошибку! Это ли не зеркало жизни? Ты все поймешь, если разберешь этюд. Конечно, пользуясь при этом некоторыми ассоциациями.

— Ассоциациями? Значит, ты увидел решение задачи жрецов через шахматы? Я правильно понял?

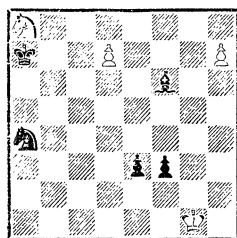
— Через шахматы, друг мой, через наши с тобой любимые шахматы. Я всю ночь, пока ты спал под хлопанье паровозных колес, возился с шахматной позицией. Не угодно ли посмотреть?

— Конечно! Что это, этюд?

— Если хочешь, то мой новый этюд. Белые начинают и выигрывают!

91

Граф быстро расставил шахматы на столике под тентом.

Несколько пассажиров равнодушно взглянули на европейских путешественников, которые, видимо, хотят убить время или выиграть заклад. Темнокожий араб в чалме даже спросил:

— Сколько стоит партия у саибов?

— Миллион! — весело ответил Лейе.

Араб попятился. Эти неверные — большие шутники. И у них не хватает почтительности.

— Больше миллиона! — продолжал граф. — За подобные открытия можно запросить и больше, куда больше. Однако смотри. У белых незавидное положение, как у меня или моих предшественников в каземате колодца. У черных на ладью и слона больше, да и грозные пешки надвигаются на короля ⁹⁰.

— Постой, дай подумать. Но где здесь тайна колодца?

— Вот именно шахматная тайна колодца! Попробуем сейчас найти ее с тобою вместе. Ведь заработаем миллион, не правда ли? Ну, если не наличными, то в собственном сознании.

— Разве что так! — рассмеялся Детрие.

— Прежде всего надо справиться с черной ладьей, занимающей восьмую горизонталь.

— Прекрасно! Я даже вижу, как это можно сделать!

— Ты всегда хорошо решал мои этюды. Итак?

— Пожертвуем белого ферзя на a8.

— Правильно! 1. a8Ф+ Л : a8.

— Теперь вилка!

— 2. Кс7+- Кра7 3. К : a8.

— Черт возьми! Получилось даже больше чем я хотел. Черным надо держать белую пешку слоном.

— Даже две! 3. . . Сf6 4. cd e3 ⁹¹ — черным ничего другого не остается, как рваться самим в ферзи.

— Белые успеют раньше превратить свою пешку!

— Но которую! В этом вся загвоздка. В ней и заключена тайна колодца Лотоса.

— Как так?

— Вчера, если хочешь знать, я пошел ложным путем, жертвуя пешку на d8, отвлекая черного слона и ставя своего ферзя на h8.

— Казалось бы, достаточно для выигрыша.

— В этом вся хитрость! Казалось бы! Мне тоже казалось вчера, что решение уравнения четвертой степени открывает тайну колодца Лотоса. Это как бы по течению...

— А падо против течения? Понимаю.

Глава шестая

ШАХМАТНАЯ ТАЙНА

— Будем считать, что по течению нашу лодку решателей понесет так, — показывал на шахматной доске граф де Лейе.⁹¹ — 5. d8Ф? С : d8 6. h8Ф e2 7. Фd4+ — белые стремятся сразу решить исход боя, взяв черного слона с шахом и сделать возможным ход Крf2, задерживая черные пешки. Но... 7. . . Кс5! — кто бы мог ждать? Вроде бы бесполезная отдача коня. Но черный слон уже не окажется под ударом. 8. Ф : с5+ Кр : a8 9. Фb4⁹², и теперь белые, похоже, спокойно задерживают черную пешку ферзем. Словом, образно говоря, совсем так, как я решал эллиптическое уравнение четвертой степени! Все ясно. Раз это решает, значит, древние египтяне знали корни такого уравнения и наши представления о примитивности их знаний были ошибочными! А так ли это? Помнишь, как на бульваре Сен-Мишель у нас пенилось остроумие? Тогда внимай: 9. . . e1Ф+ 10. Ф : e1, и теперь изящное 10. . . f2⁹³ — нахальная вилка пешкой! Королем, как бы он ни был возмущен, сразить безумного солдатику нельзя из-за 11. Кр : f2 Ch4+ с выигрышем ферзя. По ферзем-то кто помешает?

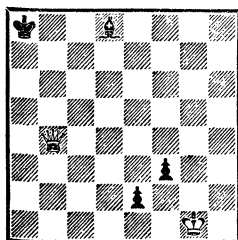
— Кажется, вижу! — вмешался Детрие и показал: 11. Ф : f2 Сb5 12. Ф : b6, и черным пат!

— Сам нашел! А белым надо выиграть, получить звание жреца бога Ра! Значит, неверен был мой ход рассуждений — всего лишь легкое плавание по течению. Надо найти иное решение, то самое, которое отыскивали замурованные претенденты на жреческое звание! Должно быть, в нашем теперешнем представлении они шли против течения, как этот наш пароходик, плывущий по Нилу, или как он там у вас именовался — Великий Хапи?

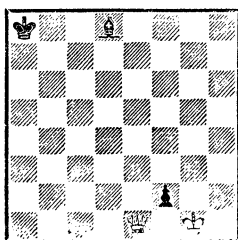
— Да, Хапи. Опровержение очень остроумное. Но каково подлинное решение, известное первосвященникам бога Ра? Покажи хоть на шахматной доске.

— Изволь, мой друг! Пусть это будет шахматной тайной колодца, как ты сказал, хотя бы потому, что, создавая это произведение, я весь был в колодеце! — и граф де Лейе расхохотался. — Смотри⁹¹, не пешку «d» надо жертвовать, а пешку «h», чтобы получить ферзя на d8 — 5. h8Ф С : h8 6. d8Ф e2 7. Фа5+ Крb7 8. Фb4+⁹⁴. Только так, в расчете на дальнейший шах с поля f8.

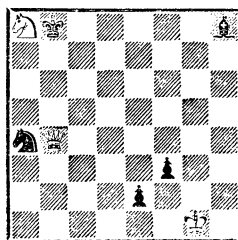
92

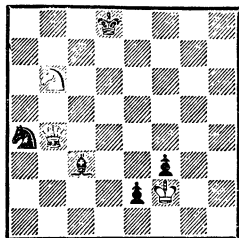

93

94

8. .Kpc8 9. Kb6+, препятствуя жертвой коня ходу Сс3. Ведь черные спят и видят пойти сюда слоном и провести свою пешку «е» в ферзи. Поэтому они отвергают жертву. 9. .Kpd8. Ну если им так хочется, пожалуйста! 10. Kpf2 Сс3⁹⁵ 11. Фf8+ Kpc7 12. Kd5+ Kpd7 13. К : с3 К : с5 14. Фg7+, — и вот теперь белые выигрывают коня и партию!

— Так в чем же ты видишь принципиальную разницу в этих двух различных путях к псевдовыигрышу и выигрышу?

— В измерении, мой друг.

— В измерении?

— Да. Чтобы найти путь к выигрышу, нужно было измерить ходы появившегося ферзя. Первый, ложный, вариант основывался на общих принципах. Вот и задачу жрецов я решал в общем виде, а не в конкретном случае. А что должен был делать несчастный испытуемый, сидя голодным в каземате колодца Лотоса?

— Что?

— Не выводить общие формулы, а измерять конкретные размеры...

И граф де Лейе щелкнул перед носом друга пальцами.

— Знай, мой друг, что все познаваемое человеком он измеряет — даже в шахматах их мерой ходов фигур! Уверен, что древние египтяне считали, что быть мудрым — это уметь измерять! Они измеряли уровень воды вот в этом самом Ниле, по которому мы плывем, измеряли наделы земли феллахов, число рабов и число талантов золота. Измеряли высоту пирамид и длину их теней.

— Значит, измерения?

— Да. Решение задачи не в общем виде, а в нахождении частного решения путем измерения образца.

Глава седьмая

СЕДАЯ ПРЯДЬ

Сколько времени можно бесполезно просидеть у колодца, в котором где-то внизу есть вода? Но как достать ее, если рука не дотянется? Сененмот убедился в этом, едва вошел сюда.

Тростинки! Две тростинки разной длины! Кстати, задача требует назвать длину наидлиннейшей прямой, заключенной в ободе колодца! Можно измерить ее тростинкой. Но как? Какими мерами он располагает? Тростинка в две меры, тростинка в три меры, и... можно еще получить и одну меру как разность их длин. Достаточно ли это для измерения, если не знаешь магических чисел?

Сложив вместе две тростинки, Сененмот убедился, что поперечник обода колодца несколько больше одной меры. Но насколько? Как это определить?

Он представил себе, как тщетно силились решить это те, от кого остались здесь черепа и кости.

Он встал и уложил все черепа в одну кучу, кости скелетов — в другую.

Он произвольно прибрал свое последнее жилище, в котором ему предстояло закончить жизнь. Кто приберет его кости?

Смертельно хотелось пить, даже больше, чем есть.

Как было сказано в иероглифах, заключающих надпись? «Сквозь стену колодца Лотоса прошли многие, но немногие стали жрецами бога Ра. Думай. Цени свою жизнь. Так советуют тебе жрецы Ра».

«Думай!» До сих пор он не думал, он только ждал помощи извне. А если надеяться на это нечего? Тогда надо думать, как советуют жрецы! Думать! Но что может придумать он, знающий лишь части целого числа, не прикасавшийся к магическим числам?

Нет! Он может придумать многое, очень многое! Аллею статуй Прекраснейшей... Сады на уступах храма, который он для нее построит! Постой же, постой! Если тебе известны части целого, то вспомни: как раз частей целого и не хватало при измерении поперечника обода колодца! Частей целого! Но как эти части определить? Чем?

Пить, пить! Только пить! В голове мутится. Очевидно, солнце прошло зенит и все живое спряталось в тень, предаваясь дневному сну.

Сененмот спать не мог и не хотел. Он хотел пить!

И тогда ему пришло в голову, что у него есть тростинки, достающие до дна колодца. Их можно смочить в воде, а потом обсосать.

Спеша, он стал опускать обе тростинки сразу, вынимать их из колодца и жадно обсасывать. В рот попадали лишь капли влаги, но и это было наслаждением.

Сотни раз, не меньше, опускал Сененмот тростинки в колодец Лотоса, прежде чем хоть слегка утолил жажду.

Теперь он умрет не сразу — не от жажды, а от голода... Жить без пищи можно много дней. Неужели же Она не придет?

Нет! Жрецы не допустят ее в зал Стены, скроют его существование... или покажут, разве что для того, чтобы прочитала надпись с заданием испытуемому и узнала его судьбу.

Но если она будет рядом, он должен почувствовать ее близость!

Выглянуть в отверстие «свет — воздух» невозможно, до него едва дотянуться руками, чтобы выбросить камень с ответом... И даже голоса ее он не услышит, потому что она в немом молчании прочитает надпись и с поникшей головой выйдет из зала.

Хатшесут, Хатшесут, моя Хатшесут! Отзовись! Ведь тебя любит твой Сененмот! И ради любви к тебе не хочет умереть!

А если не хочешь умереть, то внемли жрецам, которые написали: «Думай. Цени свою жизнь».

Думать? Думать, думать, ради нее и ради себя!

Прекраснейшая учила, что наука чисел построена на измерении.

Но чем измерять ему, замурованному? Измерять есть чем, только надо подумать как! Есть ведь целых две тростинки. Их можно

использовать для измерения требуемой наидлиннейшей прямой — поперечника обода колодца!

На тростинках есть меры: одна, две, три, но нет частей целого. А нельзя ли получить эти более мелкие меры?

Вооружившись медным долотом, Сененмот прежде всего отметил на тростинках величину одной меры, двух мер, три меры. Затем он отметил и величину наидлиннейшей прямой, заключенной в обод колодца, которую нужно было измерить. Вычтя из нее одну меру, он получил часть целого, которую пока не знал, как измерить. Он стал ломать себе голову над тем, какие величины для измерений может он получить. Он начал думать, действовать, и уже одно это придало ему силы.

В голове просветлело, и как-то сама собой пришла мысль, что если тростинки опускать в воду наклонно, то мокрые части на тростинках будут разные.

Он тотчас опустил тростинки одну за другой, вынул и примерил. Оказалось, что разность длины мокрых частей будет для него новой мерой, малой мерой, как он назвал ее.

Отметив ее надсечкой, он стал размышлять, что бы измерить этой новой мерой. Ведь она же была долей целого, долей одной меры. Интересно, сколько раз уложится новая мера в одной мере?

Он тщательно измерил половину короткой тростинки, где поставил отметину одной меры.

Радости его не было границ!

Малая мера уложилась в одной мере ровно шесть раз!

Работа уже увлекла Сененмота. Он представлял себе, что Прекраснейшая руководит им, находится где-то рядом. Но на самом деле она была далеко, и он доходил до всего сам.

В его руках уже была одна шестая меры. Можно ли ею измерить наидлиннейшую прямую, поперечник круга? Эта длина была у него отмечена на длинной тростинке. И он тотчас приложил ее к своим новым мерам.

И сразу уныние овладело им. Все напрасно. Ничего не получилось.

Малая мера уложилась семь раз, а восьмой раз вышла за пределы отметины.

Сокрушенно смотрел Сененмот на лишний отрезок. И вдруг понял, что обладает еще одной мерой. Надо было тут же определить, какую часть главной меры она составляет.

Он судорожно стал измерять не веря глазам.

Его новая самая маленькая мера (лишнего отрезка) уложилась в главной мере десять раз! Итак, как учила Прекраснейшая, он имеет в измеряемом поперечнике одну целую (шесть малых мер) и еще две лишние меры — то есть одну треть. Однако из этой трети нужно вычесть одну десятую.

Теперь ученику Хатшепсут ничего не стоило сосчитать, что наидлиннейшая прямая, заключенная в обод колодца, имеет длину в одну и семь тридцатых $\left(\frac{37}{30}\right)$ меры. Это и есть ответ, его

теперь нужно лишь выбить на мягком камне, что послужит ключом к запертой двери в Мир, над которым властвует Божественная!

Сененмот принялся за дело. Он торопился. Торопился выйти из склена, забыв, что голоден.

Современники Сененмота, как и он сам, не знали десятичных дробей, не умели выразить одну треть, как 0,3333 в периоде, и не догадались бы вычесть из этой величину одну десятую, получив поперечник обода колодца = 1,2333 меры. Это на две тысячных меры отличало измеренную юношей величину от той, которую люди почти через четыре тысячи лет научатся вычислять с помощью математики, которую сами назовут в ы с ш е й. Но для жителей древнего царства Кемпт полученный Сененмотом результат был п р а к т и ч е с к и т о ч е н. Более точного они и представить себе не могли. И жрецы, задумывавшие задачу, очевидно, и рассчитывали, что найденные дополнительные меры целое число раз уложатся в основной мере.

Сененмот вытолкнул камень через отверстие «свет — воздух».

Теперь оставалось ждать, когда жрецы выполнят то, что гласит надпись, встретят его с тростинками, как нового жреца бога Ра!

А если они не выполняют этого? Если они предпочтут, чтобы он остался в каменном мешке колодца Лотоса?

Но до его слуха донеслись глухие удары. Жрецы стали размуровывать узника, ставшего их новым собратом.

Они вынули гранитные плиты.

Юноша с огромными продолговатыми глазами, держа в каждой руке по тростинке, вырос в образовавшемся проеме. В его черных волосах серебрилась седая прядь.

— Приветствую тебя, новый жрец бога Ра! — встретил его Великий Ясновидец. — Ты показал себя достойным великого дела служения богу Ра и Божественной. Жрецы сейчас обреют твою голову и дадут тебе парик, но прежде взгляни на свое отражение. — И он передал Сененмоту отобранную у него при заключении в каземат колодца Лотоса отделанную золотом зеркальную пластинку из какого-то редкого нетускнеющего металла. И он увидел свою седину, которой заплатил за найденное решение.

Божественная будет видеть его отныне лишь в парике жреца. Она не узнает, чего стоило ему его возвращение к ней.

Глава восьмая

ХРАМ ЛЮБВИ

— Так значит, заключенный в каземат колодца Лотоса не вычислял диаметр колодца, как это ты делал вчера, — говорил Детрие, складывая шахматы в коробку, — а измерял его.

— Хотел бы последовать его примеру! — пылко объявил Лейе.

— То есть?

— Измерить длину царского локтя, как я тебе уже говорил.

— Но ведь ободов колодца не осталось, как и тростинок.

— Зато остались пирамиды. Да, да, пирамиды! Одна из которых, самая высокая, имеет высоту ровно в миллиард раз меньшую среднегодового расстояния Земли от Солнца.

— Ты думаешь, древние египтяне умели измерять даже космические расстояния?

— Или те, кто руководил ими, вроде их якобы слетевшего с неба бога Тота с его таинственными скрижалями, где заключены тайны знаний, еще не достигнутых полностью и в наше время.

— Так в чем же заключен царский локоть?

— Пока это лишь гипотеза, но... я уверен, что царский локоть заключен в высоте пирамиды Хеопса, а следовательно, в расстоянии от Земли до Солнца целое число раз! Вот это стоит проверить, привлекая и открытый тобой колодец Лотоса. Его ведь можно реконструировать!

— Как? Ты и это уже понял?

— Отчасти. Пока я понял, что геометрическая задача жрецов таит в себе неразгаданные тайны геометрии. Я вот тут вычислил в уме, что от поверхности воды в колодце до верхнего конца длинной тростинки было расстояние, равное корню квадратному из трех. А до верхнего конца короткой — ровно в три раза меньше.

— Корень квадратный из трех? А что это означает?

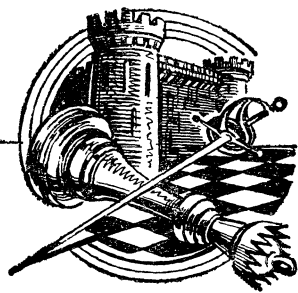
— Ему придавал большое значение Архимед. Большой катет прямоугольного треугольника с углом в 60° , где малый катет равен единице, а гипотенуза определяется двумя $\sqrt{3}$. Выраженный Архимедом с огромной точностью простой дробью $\sqrt{3}$ встречается в ряде математических выражений. Думаю, что геометров двадцатого века заинтересует, как построить колодец Лотоса с помощью линейки и циркуля, найти связь между 60° -градусным прямоугольником и хитрой фигурой жрецов.

— И Сененмот все это решил? Как он смог?

— Шерше ля фам, как говорим мы, французы, ищите женщину! Ведь его любила красивейшая женщина мира. Чего не сделаешь во имя любви! И этот созданный математиком храм я решусь назвать «храмом Любви».

— Да, храм в Дейр-аль-Бахири достоин этого, — вздохнул археолог Детрие. — Это одно из чудес света.

— Ну конечно же! — подхватил граф. — Любовь — это и есть одно из самых удивительных Чудес Света!

ГОСТЬ БАСТИЛИИ

*Истинные политики лучше знают
людей, чем присяжные философы.*

Люк де Клапси Леверанг

В САЛОНЕ

Рассказ блестящего графа де Лейе о том, как ему удалось решить задачу древнеегипетских жрецов бога Ра в каземате колодца Лотоса, где не осилившие этого задания погибали, привел в восторг гостей баронессы Шарлотты де Гранжери, которая представила графа как главный сюрприз вечера. Одарив его восхищенным взглядом, она произнесла:

— Граф, вы — живая легенда в парижском обществе, к тому же непревзойденный рассказчик! Вы не можете лишить нас еще одного рассказа о том, как вы променяли блеск аристократических салонов на скучную мантию математика.

— Охотно, баронесса, но я расскажу о нашей семейной легенде, связанной с великим математиком Франции Пьером Ферма, которому я обязан своим существованием.

— Граф! — жеманно воскликнула хозяйка салона, погрозив гостю пальчиком, — вы переходите границы дозволенного, компрометируя кого-то из своих предков по женской линии: Пьер Ферма, не принадлежа к нашему кругу, да еще живя около трехсот лет назад, не мог быть вашим законным предком!

— Что вы, баронесса! — возразил граф. — Я не существовал бы без Пьера Ферма, поскольку он был незаурядным юристом и

спас от смерти моего безвинного предка графа Рауля де Лейе, вызволив из Бастилии и его отца, графа Эдмона де Лейе.

— Боже! Как интересно! Так расскажите же нам! — попросила подруга баронессы маркиза де Вуазье.

— Но он, Пьер Ферма, был еще и великим математиком не только своего времени, но и нашей эпохи, ибо его великая теорема* не доказана до сих пор, хотя ученые всего мира триста лет старались воссоздать неопубликованное Ферма его доказательство. Я тоже увлекся этой теоремой и стал математиком, правда, без мантии, так пугающей нашу очаровательную хозяйку.

— Так просто? — разочарованно произнесла баронесса. — Нет, вам не уклониться от рассказа. Где же ваша легенда о спасении графа Рауля де Лейе?

— Вот я и расскажу вам о том, как Пьер Ферма стал гостем Бастилии.

— Бастилия! Это ужасно! — воскликнула маркиза де Вуазье. — Народ разрушил ее в дни Великой Революции.

— А вот это уже поистине легенда. Бастилию действительно разобрали, но не усилиями революционных масс. Это сделали строительные рабочие спустя несколько лет после революции. Но триста лет назад ее стены возвышались в центре тогдашнего Парижа. Но я несколько отвлекся, тем более что в Париже в то время было немало и других монастырских стен, близ которых обычно происходили запрещенные в описываемое время дуэли.

В тот день, вернее утро, к одной из таких монастырских стен подъехал верхом грузный всадник в черном плаще и черной шляпе, надвинутой на глаза.

В МОНАСТЫРЕ

Всадник завернул за угол, чтобы постучать в монастырские ворота, но внезапно трое пеших гвардейцев кардинала преградили ему путь. Всадник не внял грозному окрику и направил коня на гвардейца, тесня его.

Тот обнажил шпагу:

— Не угодно ли спешиться, сударь?

— Зачем? — буркнул всадник, не осаживая коня.

— Чтобы следовать за нами, — ухватился за стремя гвардеец.

— По какому праву?

— Именем его высокопреосвященства господина кардинала.

— Кто это высоким именем останавливает проезжих путников, как разбойник на большой дороге? — послышался громкий голос.

Всадник увидел трех спешащих к нему мушкетеров.

— Что мы видим, господа гвардейцы? — продолжал тот же голос, принадлежащий первому из мушкетеров, — трое против одного? Это не благородно. Если вы немедленно не сочтете возмож-

* Гласит, что уравнение $X^n + Y^n = Z^n$, где « n » — целое число больше двух, не имеет решений в целых положительных числах.

ным принести извинения остановленному вами господину, мы предложим вам иное соотношение сил: трое против троих. Так вам будет угодно?

— Вы опять затеваете, господа мушкетеры, запрещенные его величеством и его высокопреосвященством поединки? Мы находимся при исполнении служебных обязанностей, выполняя приказ, и никто не имеет права нам мешать.

— Полноте, господин гвардеец! — продолжал задиристый мушкетер. — Разве можно помешать в чем-нибудь безнадежным бездельникам?

— Вы ответите за свои слова перед его высокопреосвященством.

— Простите, почтенный гвардеец, но я не вижу здесь его высокопреосвященства, перед которым должен отвечать.

— Мы доставим вас к нему, не беспокойтесь.

— Очень интересно, какой способ вы выберете для этого?

— Если вам угодно, господин мушкетер, то носилки, на которых переносят раненых или убитых.

Всадник не стал ждать конца препирательствам и подъехал к воротам. Привратник, увидев его в щелеобразное оконце, потребовал назвать пароль.

Со стороны доносились уже не изящные ругательства, а звон шпага. Очевидно, гвардейцы продолжали выяснять отношения с мушкетерами, которые помешали им задержать всадника, действуя, как всегда, против гвардейцев кардинала по принципу: «Что хорошо его высокопреосвященству, может не понравиться королю».

— Пароль! — потребовал еще раз привратник в рясе.

— «Мыслью — эрго существую», — произнес всадник и исчез за монастырскими воротами, крикнув слуге:

— Огюст, жди меня здесь ближе к вечеру.

Слуга повиновался и, повернув мула, отправился искать трактир. Проезжая мимо дерущихся на шпагах солдат, он с удовлетворением отметил, что гвардейцы вынуждены отступить. Мушкетеры не стали их преследовать, и один из них подмигнул Огюсту:

— Откуда?

— Из Амстердама, сударь, — с подчеркнутой готовностью ответил слуга.

— А мы думали из Бордо, — добродушно заметил мушкетер, вкладывая шпагу в ножны. — Там вино отменное. Я однажды на пари один целый бочонок выпил.

Всадник, отдав поводья выбежавшему послушнику, скинул черный плащ и оказался в офицерском мундире нидерландской армии. Он вошел в мрачное монастырское здание вслед за встречавшим его аббатом.

Толстые, как в крепости, стены, низкие арки, темные коридоры и благоговейная тишина, подчеркиваемая отзвуком шагов под сводчатыми потолками, заставляли говорить вполголоса.

— Его преподобие господин настоятель отвел для нашего симпозиума монастырскую трапезную.

— Ты по-прежнему молодец, дорогой Мерсенн. И словно вчера

мы с тобой тузили друг друга в колледже. А теперь ты главное связующее звено между всеми нами, учеными.

— Да, Рене,— вздохнул аббат Мерсенн,— приходится вести научную переписку, раз пока нет журнала ученых, и собирать иногда симпозиумы за монастырскими стенами.

— Надеюсь, они у тебя здесь достаточно толстые, чтобы защитить гонимого церковью за запрещенные папской буллой книги от преследователей, встретивших меня у ворот.

— Все гости монастыря восхищаются твоей отвагой, Рене, не побоявшегося тайком вернуться в Париж.

— Мне надо было лично доказать этому Пьеру Ферма несостоятельность его работы о максимумах и минимумах.

В бурно разгоревшейся в монастырской трапезной дискуссии выдающемуся французскому философу Рене Декарту не удалось опровергнуть непонятый им метод Пьера Ферма, которым тот предвосхитил дифференциальное и интегральное исчисление, открытое столетие спустя спорившими между собой об этом Ньютоном и Лейбницем.

Если Декарт допускал в пылу спора даже такие чудовищные для уха ученого выражения, как «паралогизм», что означало «противоречие», то Ферма, толстеющий, с ниспадающими до плеч волосами и добродушным лицом, но с ироничным рисунком губ, неизменно спокойный, терпеливо объяснял Декарту свой метод, как учитель школьнику, чем окончательно выводил из себя философа в офицерском мундире, которому, однако, нечего было возразить.

НОЧНОЙ ПАРИЖ

С наступлением темноты научные дискуссии в трапезной заглохли, и после «скромного» монашеского угощения гости монастыря решили расходиться.

Первым привратник хотел выпустить Декарта в черном плаще и на коне, но, заглянув в оконце, подозвал аббата Мерсенна.

Против монастырских ворот гвардейцы кардинала развели костер, не собираясь уходить отсюда без добычи.

Аббат Мерсенн предупредил Декарта. Тогда Ферма произнес:

— Рене, одолжите мне ваш плащ и шляпу, а также времяшю и коня. Вас там ждет Огюст? Я окликну его.

Декарт колебался:

— Они охотятся за мной, а схватят вас, Пьер. Хотите так?

— Конечно,— улыбнулся Ферма.— Когда выяснится, что они задержали советника тулузского парламента, вы будете далеко, воспользовавшись мулом Огюста, за что он простит вас. Я шепну ему.

— Соглашайся, Рене,— убеждал его былой школьный товарищ аббат Мерсенн, потирая мокрую от волнения лысину.— У тебя нет другого выхода.

— Так ведь я же дрался с Ферма в трапезной, как на дуэли! — протестовал Декарт.— Как же вы можете так поступать, Пьер?

— А разве вы не поступили бы так же, будь я на вашем месте? Декарт помолчал и ответил:

— Благодарю, что вы так думаете обо мне. Но надеюсь, такого случая не представится.

И они обнялись, противники в недавнем споре.

Из монастырских ворот выехал всадник в черном плаще и в надвинутой на глаза шляпе.

— Эй, сударь! — грубо окликнул его гвардеец, хватая под уздцы коня. — Мы не рассчитались еще с вами за утреннюю встречу. Нанятые вами проклятые мушкетеры ранили двух моих солдат. Но теперь вам придется последовать за нами.

— Трое против одного? Я подчиняюсь, — ответил Пьер Ферма. — Но куда вы хотите отвести меня?

— К его высокопреосвященству господину кардиналу, а потом — в Бастилию. Но до этого он примет вас с подобающей вежливостью.

— Огюст! — крикнул Ферма. — Дождешься хозяина здесь!

Пьер Ферма неважно знал Париж, лошадь его вел под уздцы старший из гвардейцев, предварительно взяв с Ферма честное слово, что тот не использует для бегства преимущество верхового, и, получив такое заверение, оставил задержанного на коне. Они долго двигались по темным незнакомым улицам.

— Ну вот, сударь, и улица Сан-Оноре, — с облегчением заметил гвардеец. — Здесь на площади и стоит кардинальский дворец.

Ферма не мог рассмотреть фасада огромного здания, но хорошо разглядел промчавшуюся мимо карету, запряженную шестеркой лошадей.

— Кажется, вам не повезло, сударь, — сказал гвардеец. — Должно быть, его высокопреосвященство господин кардинал проехал в Лувр к королю.

Перед широкой, ведущей во дворец лестницей гвардейцы остановились, коня под уздцы взял другой гвардеец, а старший стал подниматься по мраморным ступеням, громыхая длинной шпагой.

Ему навстречу появилась плохо освещенная серая фигура в сутане. Гвардеец, о чем-то поговорив с вышедшим, начал спускаться.

Он молча снова взял коня Ферма и повел его назад по улице Сан-Оноре.

— Куда мы отправляемся? — поинтересовался Ферма.

— Его высокопреосвященство поехал на вечернюю шахматную партию с королем и почтительно просил подождать его возвращения в Бастилии.

Гвардеец простодушно передал сказанные ему слова серым в сутане, но Ферма передернуло. Как юрист, он знал, что его не могут бросить в Бастилию без прямого указания кардинала. Однако он не стал противиться и препираться с конвоем, заинтересованный в том, чтобы дать Декарту возможность скорее уйти из Парижа и пересечь границу раньше, чем обнаружится, что схвачен не он.

Площадь Бастилии была так же незнакома Ферма, как и улица Сан-Оноре. Елиз Лувра еще он проходил в прошлые приезды в Париж, но теперь ему не встречалось знакомых мест.

У ворот Бастилии, мрачного замка, окруженного высокими стенами посреди города, гвардейцы остановились и вступили в переговоры со стражей, вызывая коменданта крепости.

Наконец из ворот показался тучный человек с оплывшими лицом и маленькими хитрыми глазками, которые поблескивали в свете тусклого фонаря стражника.

— Я протестую, господин комендант! — заявил Ферма. — Я отлично знаю французские законы: никто не может быть брошен в Бастилию без приказа его высокопреосвященства господина кардинала. Покажите его приказ!

— Не извольте беспокоиться, сударь, — елеиньо отозвался комендант, тяжело дыша после каждой фразы. — Вы проведете ночь как гость Бастилии, и я клянусь вам, что не переступите порога ни одной из камер, где содержатся важные государственные преступники, о вашем же коне позаботятся не в меньшей степени, чем о вас, сударь, — и он церемонно раскланялся.

Ферма спокойно вздохнул, подумав, что выиграет для Декарта целую ночь и ошибка выяснится лишь завтра. Он сошел с коня, которого взял один из стражников, двое других повели Ферма в открытые ворота.

Бастилия! Одно лишь это название вселяло ужас в людей, но Ферма, успокоенный учтивостью коменданта, не проявил никаких признаков волнения.

Стража предложила Ферма спуститься по стертým ступеням каменной лестницы. Пахнуло сыростью, они вошли в полутемный коридор с двумя рядами однообразных дверей с зарешетченными смотровыми оконцами.

— Куда вы ведете меня? Вы слышали слова коменданта? — обратился Ферма к стражникам.

Но те молчали, громяхая оружием по каменному полу.

Вдали открылась одна из дверей, и вышли двое тюремщиков, ведя под руки потерявшего силы заключенного.

С каждым шагом обе группы сближались. Они сошлись под светильником, и Ферма содрогнулся, встретясь взглядом со старым графом Эдмоном де Лейе. Глаза узника сверкнули было радостью при виде Ферма, но, заметив, что советник парламента (суда) идет не на свидание с заключенным, а сам находится под стражей, сразу потухли.

Старый граф де Лейе! Перед мысленным взором Ферма встала картина первых дней его деятельности как советника парламента в Тулузе.

ВЕЛЬМОЖА

Он ютился тогда в каморке второразрядного трактира «Веселый висельник» и был ошеломлен, увидев на пороге пышно одетого вельможу, появление которого здесь казалось просто непостижимым.

Вельможа раскланялся в старомодном поклоне. Его лицо было чем-то знакомо. В руке он держал дорогую трость с головкой из слоновой кости с золотой пикрустацей, такой же, как на шитом золотом камзоле.

Церемонно закончив приветствие, он произнес, гордо вскинув голову:

— Убитый горем граф Эдмон де Лейе перед вами, почтенный метр! Позвольте называть вас так, ибо ваше положение советника парламента в Тулузе дает вам отныне на это право.

— Прошу вас, ваше сиятельство, но мне даже неловко принять такого высокого гостя в столь убогом месте.

— Пусть оно будет последним таким убежищем в вашей предстоящей жизни, молодой метр, жизни, полной удач и благоденствия. Я пока могу судить о вас лишь по вашей внешности, а она внушает мне надежду на спасение моего несчастного, несправедливо обвиненного в убийстве на дуэли маркиза де Вуазье сына, дело которого поручено вам парламентом. Прокурор Массанжир требует казни, хотя она никогда не применяется, но мы — гугеноты, и ваш покорный слуга был соратником короля Генриха IV, когда он был еще Генрихом Наваррским, вождем гугенотов. Теперь иные времена, и кардинал Ришелье круто расправляется с теми, кого Генрих IV наделял привилегиями. Поймите, что моего сына не было в трагическую ночь в Тулузе, он не мог участвовать в поединке, не говоря уже о том, что никогда не дрался на дуэли. Однако дворянская честь не позволяет сыну назвать место, где он находился.

— Я понимаю. Это связано с именем знатной дамы. Но у нас общая надежда, ваше сиятельство, ибо я, изучив дело, пришел к заключению о безусловной невинности вашего сына, что и постараюсь доказать... математически.

— Ах, математика! До сих пор ею в суде пользовались лишь для пересчета врученных судейским кушей. Я не постоял бы за расходами, да вмешивается политика и наш род гугенотов. Но я благодарен вам, молодой метр, внушающий мне надежду и почтение! Извините старика, но я постараюсь, чтобы вы, спасши моего сына, ощутили бы мою благодарность не только на словах.

И с этим старый вельможа покинул комнатку Пьера Ферма в трактире «Веселый висельник», около которого его ждала карета с графским гербом на дверцах, запряженная четверкой белоснежных лошадей с выгнутыми лебедиными шеями.

Пьер Ферма, основываясь на открытой им теории вероятностей, блистательно доказал, что граф Рауль де Лейе не мог убить на дуэли маркиза де Вуазье и сделал это не он, а проезжий муш-

кетер, прославленный на всю Францию дуэлянт, имени которого суд не пожелал называть. Молодой граф Рауль де Лейе был оправдан, продолжив род графов де Лейе.

КАМЕРА ОТКРОВЕННОСТИ

Но как постарел бедный старый граф! Ферма давно не видел его и не знал о немилости к нему кардинала. Теперь ничто не могло спасти старого вельможу. Ферма слишком хорошо знал беспощадность кардинала Ришелье, который с равной жестокостью расправлялся с неугодными вассалами и с взбунтовавшейся черпью. В Бастилии, куда не раз попадали вожаки бушевавших во Франции крестьянских восстаний, опальные вельможи были одинаково с ними обречены. Во всей Франции это было единственное место, где знатность рода теряла свое значение.

Ферма подвели к оставшейся открытой двери, откуда выволокли графа де Лейе, этого несчастного старика.

Ферма запротестовал:

— Господин комендант дал слово, что я не переступлю порога ни одной камеры. Я не войду сюда и обжалую ваши действия!

Один из стражников усмехнулся:

— Господин комендант всегда знает, что говорит, — и с этими словами прошел вперед, но тотчас вернулся, после чего Ферма грубо втолкнули в открытую тяжелую дверь, она тотчас захлопнулась за ним. Ферма остался в полной темноте и слышал, как щелкает позади него замок. Протянув вперед руки, он уперся еще в одну дверь, которая, очевидно, вела в камеру, но оказалась запертой, недаром тюремщик вошел сюда на мгновение раньше!

Ферма попробовал повернуться, но касался плечом преграды то с одной, то с другой стороны и мог протиснуться только до боковой стенки и обратно. Он понял, что находится в тесном тамбуре, почему-то устроенном перед камерой. Ферма, как советник парламента, немало бывал в тюрьмах, но не встречал камер с таким входом.

Только сейчас понял Ферма зловещий смысл обещаний толстого коменданта: «гость Бастилии не переступит порога камеры». Он и не переступил его, находясь между двух дверей в нее, с обеих сторон сжимающих так, что нельзя было ни сесть, ни лечь, ни повернуться. И еще одну особенность установил он, не обнаружив на ощупь обычного смотрового окошечка, через которое тюремщик наблюдает за узником. От страшной догадки у Ферма зашевелились волосы на голове.

Очевидно, двойные двери тамбура нужны, чтоб ни один стон, ни один крик не донесся из камеры! Так вот откуда вывели бедного старого графа де Лейе, соратника покойного короля. Будь он жив, в свое время мог бы спасти его сына от смерти, а теперь и его самого от пыток! Да, пыток! Ибо не оставляло сомнений, что «гостя Бастилии» заперли на ночь в тамбуре камеры пыток. Так вот какой участи мог бы подвергнуться отважный философ Де-

карт, восставший против папы, противопоставляя разум человеческий бездумности, активное познание — невежественной покорности!

Ферма понял, что бесполезно требовать коменданта и объявлять, что он не Декарт. Скорее всего, и гвардейцы не знали, кого должны схватить, руководствуясь лишь внешним описанием Рене.

Пришлось прождать всю ночь, упершись спиной в одну дверь и коленями в другую, полусидя в воздухе.

Когда заскрежетал замок, Ферма думал, что ему не разогнуться. Лишь усилием воли заставил он себя выпрямиться.

Сам комендант, страдая одышкой, изволил прийти за ним.

— Господин кардинал узнает о вашей любезности, — мрачно пообещал ему Ферма.

— Простите, сударь, но у меня было указание Мазарини, первого помощника его высокопреосвященства. Поверьте мне, что я тут ни при чем! Кроме того, вам, право же, не стоило настаивать на открытии внутренней двери в камеру откровенности. Надеюсь, вы понимаете меня?

— Вполне, господин достойный комендант. Надеюсь, теперь вы препроводите меня к его высокопреосвященству господину кардиналу?

— Ваш конь оседлан, трое гвардейских всадников составят ваш почетный эскорт.

И комендант Бастилии проводил своего ночного «гостя» до тюремных ворот, обеспокоенный тем, что не получил письменного подтверждения переданных ему устно слов.

Трое гвардейцев на конях ждали Ферма, держа огромного оседланного коня Декарта.

Из-за затекших мышц Ферма с трудом влез на него, вызвав грубые насмешки гвардейцев, но не счел нужным отвечать.

РИШЕЛЬЕ

На площади, куда выходила улица Сан-Оноре, при солнечном свете Ферма мог рассмотреть все великолепие кардинальского дворца.

Пьер спешился у знакомой мраморной лестницы с широкими ступенями и в сопровождении вооруженных гвардейцев поднялся по ней.

Гвардейцы провожали его, гвардейцы толпились в анфиладе комнат и в приемной, куда Ферма привел. Он проходил мимо них с независимым видом, стараясь усилием воли побороть усталость бессонной ночи.

Гвардейцы подвели доставленного к служителю в раззолоченной одежде, который пронзительно взглянул в глаза Ферма и вышел в золоченую дверь.

Через минуту он вернулся, жестом пригласив Ферма идти за ним. Гвардейцы остались в приемной, шумно переговариваясь с одионодчапами. Ферма следом за раззолоченным служителем ми-

новал огромный зал официальных приемов и оказался в уютной библиотеке, где, кроме шкафов с книгами в роскошных переплетах, стояли рыцарские доспехи.

За столом, заваленным книгами и пергаментами, склонившись над какой-то рукописью, сидел в глубоком кресле тщедушный, очевидно очень больной, седоусый человек с белой остренькой бородкой. За спинкой кресла виднелась неприметная фигура в серой сутане.

— Господин Декарт? Философ, естествоиспытатель и математик? — не поднимая глаз, спросил человек за столом.

— Нет, ваше высокопреосвященство! Может быть, в какой-то мере я естествоиспытатель и математик, но я не философ Декарт. Очевидно, меня схватили по ошибке господ гвардейцы, ваша светлость.

— Как так? — только теперь поднял острые, ястребиные глаза кардинал де Ришелье, он же герцог Арман Жан дю-Плесси. — Действительно — не господин Декарт, с которым мы когда-то беседовали о его философских взглядах и рассчитывали теперь продолжить нашу беседу, когда он вернулся в Париж без нашего разрешения. А кто вы, сударь?

— Я — советник парламента в Тулузе Пьер Ферма, ваше высокопреосвященство.

— Ах, так! Знакомое имя. Пьер Ферма! Юрист и математик и, кажется, даже поэт? Тот самый, что арифметически определил вероятность преступления, в котором обвиняли графа Рауля де Лейе. — обернулся он в сторону человека в серой сутане, — а потом (снова глядя на Ферма) способствовал разжиганию спора между грязными крестьянами и высокородным герцогом Анжуйским с помощью вычисления криволинейно очерченных площадей спорных земельных участков, якобы отнятых у черни.

— Ваше высокопреосвященство проявляет восхищающую меня осведомленность в моих скромных попытках сделать юриспруденцию безукоризненной наукой.

— Безукоризненная наука, метр Ферма, это только политика! Знаете ли вы, какую рукопись я сейчас читал, ожидая господина Декарта, видимо, уклонившегося от нашего свидания? Ваше письмо, метр, переписанное аббатом Мерсенном для рассылки другим ученым. Один обязательный экземпляр, к вашему сведению, всегда предназначается мне. А латынь, как понимаете, кардиналу знакома.

— Я преклоняюсь перед широтой вашей образованности, ваше высокопреосвященство.

— Кстати, почему же господин Декарт уклонился от нашего свидания, несмотря на то что я послал за ним своих гвардейцев? И отчего вы явились ко мне вместо него только сегодня утром?

— Ваши доблестные гвардейцы — трое против меня одного! — силой привезли меня ко дворцу, когда вы, ваша светлость, изволили уехать для шахматной игры с его величеством королем.

— Как так? — полуобернулся Ришелье к стоящему за его спи-

ной человеку в сутане.— Где же господин Декарт, дорогой Мазарини?

— Если перед нами, ваше высокопреосвященство, советник парламента в Тулузе, то господин Декарт, очевидно, уже пересекает нидерландскую границу; уехав не позднее вчерашнего вечера из известного вам монастыря. Я надеюсь получить от отца-настоятеля подтверждение.

— Я сожалею, метр, что вам пришлось со вчерашнего вечера ожидать меня, пока я наслаждался шахматной игрой.

— Я разделяю ваше отношение к шахматам, ваша светлость.

— Что ж, это можно проверить, метр Ферма. Придется вам заменить господина Декарта в философской беседе, которая, если вы того пожелаете, может проходить за шахматной доской. Дело в том, что мне не все ясно в ваших письмах, содержащих, я бы сказал, математические загадки, кроме, разумеется, общей направленности вашей деятельности, метр, которую стоит обсудить.

— Буду счастлив, ваше высокопреосвященство, узнать ваше мнение о моих скромных работах и усердной службе и, разумеется, готов сыграть с вами в шахматы.

— Берегитесь, метр Ферма! После проверки вашего искусства игра пойдет на ставку, не исключено, что на крупную.

— Я готов, ваша светлость.

— Вы очень богаты, метр?

— Если богат, ваша светлость, то только надеждами, по словам моей супруги.

— Мудрость женщин подобна жалю змеи, жалящей нас.

ВЫСОКАЯ СТАВКА

По знаку кардинала Мазарини подкатил его кресло к богато инкрустированному шахматному столику и расставил на нем фигуры из слоновой кости.

— Попробуйте сразиться со мной, метр. Я не назначаю сразу ставки, ибо мое духовное звание обязывает к милосердию.

Первая, молниеносно проведенная партнерами партия закончилась в пользу Ферма прямой атакой на короля. Кардинал нахмурился. Взгляд его стал злым и колючим. Ферма наблюдал за этим больным и беспомощным человеком, ум которого цепко держал в повиновении и страну, и ее короля, хотя тело с трудом могло покинуть мягкое, передвигающееся на колесиках кресло.

Высохшая рука, когда-то ловко владевшая шпагой, дрожала, передвигая фигурки:

— Вы опаснее, чем я думал. Я просто играл с вами, как с его величеством, которому всегда надо предоставить возможность атаковать.

Во второй партии Ферма не удалось развить атаку, и, оставшись без двух пешек, он вынужден был признать поражение.

Кардинал воодушевился:

— Прекрасно! Теперь — на ставку! Вы достаточно искушены в этой игре, но это лишь удваивает мой интерес. Мне всегда требуются побудительные причины, чтобы проявить себя в полной мере.

Ферма расставил фигуры, и свои, и кардинала, вспоминая, что герцог Арман Жан дю Плесси до приятия духовного сана славился как человек азартный и, видимо, не утратил этой страсти, став кардиналом.

Ришелье поднял с полу тершегося о его ноги кота.

— Итак, ставка, метр? Что у вас есть в Тулузе? Именье, рента, замок?

— Только дом и служба вашему высокопреосвященству.

— Прекрасно! Вы ставите дом, а я... Что бы вы хотели, сударь?

— Свободу узнику Бастилии, старому графу Эдмону де Лейе, давнему соратнику покойного короля Генриха IV.

— Откуда вы знаете об узнике Бастилии? — сердито спросил Ришелье, сбрасывая с колен кота.

— Я провел там ночь как гость Бастилии, ваша светлость, зажатый между дверьми тамбура камеры пыток.

— Что такое? — обернулся Ришелье к Мазарини.

— Должно быть, господин комендант проявил свое обычное остроумие, ваше высокопреосвященство, не желая, чтобы гость переступил хотя бы порог любой камеры.

— Прекрасно! — воспрянул Ришелье. — Тогда распорядитесь, чтобы господин комендант провел в этом же месте предстоящую ночь. — И кардинал поправил фигуры на доске.

— Но это невозможно, ваша светлость! — запротестовал Ферма.

— Почему? — удивился кардинал. — Ведь я же сказал.

— Он слишком толст, ваша светлость, и двери просто не закроются, пока он не похудеет.

Кардинал Ришелье расхохотался:

— Я должен отдать вам должное, метр, и в легкой игре, и в легкой беседе. Но сейчас и игра, и беседа примут серьезный характер.

— Я готов, ваша светлость.

— Готовы лишиться собственного дома?

— Если вы ставите против него — свободу графу Эдмону де Лейе.

— Ставка сделана. Ваш ход, метр! Пеняйте на себя и не ждите от меня пощады, если ваша семья останется без крыши над головой.

ЭТЮД ФЕРМА

— Такова жизнь, ваша светлость, и шахматы в известной степени отражают ее, — сказал Ферма, разыгрывая начало партии, которое теперь называли бы вариантом дракона, а в ту пору считали неправильным началом.

— Вы стремитесь во что бы то ни стало выиграть или остаться без крыши над головой. Но вы забываете, что ничья не принесет желанной для вас свободы графу-еретику.

— Потому я и стремлюсь ее добиться.

— Учитываете ли вы все ресурсы моей защиты?

— Шахматы, ваша светлость, единственное средство отгадывать мысли другого.

— Недурно сказано! Слышите, Мазарини? Не снабдить ли нам камеру откровенности комплектом железных фигур для отгадывания мыслей преступников? Но ваши мысли, сударь, я отгадываю и без шахмат, и без камеры откровенности.

— Что вы имеете в виду, ваше высокопреосвященство?

— Вашу судебную практику, метр, заставляющую меня предостеречь вас от излишнего усердия в оказании помощи (даже математической!) простолюдинам в ущерб интересам высокородных господ. В вас не чувствуется, метр, дворянского подхода (впрочем, кажется, вы и не дворянин!), и, может быть, поэтому не понимаете, что взятые вами под защиту люди слишком часто берутся за оружие, причиняя нам с Мазарини немало хлопот.

— Я руководствуюсь в своей судебной практике только сообщениями справедливости, как учит наш король и вы, ваше высокопреосвященство.

— Г-м! — задумался, глядя на доску, кардинал. — А не находите ли вы свою активность излишней и неоправданной? Хотя бы в этой партии?

— По крайней мере, в этой партии вы не можете упрекнуть меня в пренебрежении к высокородным фигурам.

— У вас офицер против трех пехотинцев, но они создали моему королю крепость крепче Ла-Рошели.

У черных действительно было подобие укрывшей короля крепости, а белая пешка, стремившаяся к восьмой горизонтали, надежно контролировалась черной ладьей⁹⁶, она не могла двинуться вперед, поскольку белая ладья была под ударом пешки «f». 41. e7? fg 42. e8F Kf8+ 43. Kpd8 Л : e8 44. Кр : e8 Ке6 45. Сс1 f6, и у белых нет никаких надежд на выигрыш, а победа Ферма была необходима. И он сделал «невероятный ход»!

41. Лg1!

— Что такое? — изумился кардинал. — Вы подставили туру?

— Нет, это дар взамен свободы узнику Бастилии.

— В Бастилии, метр, крепкие стены. Да воздастся дающему по заслугам, — и кардинал со стуком поставил свою ладью на место взятой: 41 . . . Л : g1.

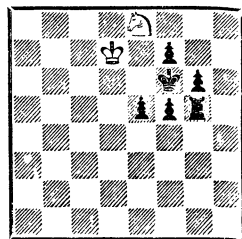
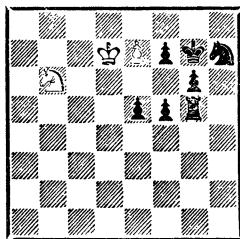
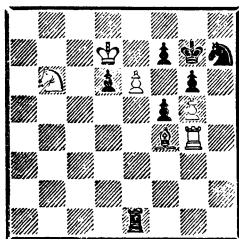
Но Ферма, ждавший этого, предложил новый «подарок»:

42 . Се5+!

— Вы, кажется, метр, на деле демонстрируете свое пренебрежение к дворянскому сословию, отдавая офицера, — проворчал Ришелье, забирая слона.

— Я верю в скрытую силу пешек, ваше высокопреосвященство.

— Не слишком надеетесь на вновь обретенную королеву. Одинокая, она не справится с крепостью, которую вы, вместо того,

чтобы разрушать, еще больше укрепили: 42 . . . de 43 . e7 Л : g5!
А вот и неучтенная вами вилка!

— Почему же неучтенная, ваша светлость? Ее можно предотвратить: 44. Kd5 Kf6+ 45. К : f6 Кр : f6.

Ришелье смело шел на размен, справедливо считая, что ферзь окажется бессильным перед ладьей с четырьмя пешками.

Последовал ошеломивший кардинала ход Ферма:

46. e8K, мат!⁹⁸

— Это как же?!— непроизвольно воскликнул Ришелье.— Мат на середине доски одним конем, к тому же превращенным! Вы ловко отвлекли меня разговорами, чтобы завлечь короля в пешечный лабиринт и закрыть оба выхода из него моими же фигурами! Учти я это, жить бы прокурору Массандру в вашем доме.

— Однако теперь ему придется отказаться от обвинений графа Эдмона де Лейе.

— Разумеется,— сердито сказал Ришелье.— Я всегда плачу по своим обязательствам. И всегда взыскиваю, строго взыскиваю. Советую вам, метр, не сделать в жизни такой ошибки, какую я допустил, взяв вашу туру.

— Вы не ошиблись, ваша светлость. Отказ от взятия привел к проигрышу.

— Тогда проверим, метр. Власть словам не верит.

— Извольте, ваше высокопреосвященство:

41 . . . Kf8+ 42. Крс6 Л : e6 43. С : d6⁹⁹ — Что делать черным?

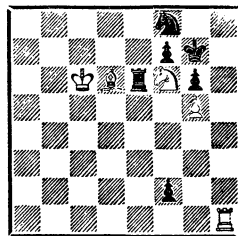
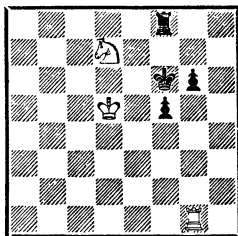
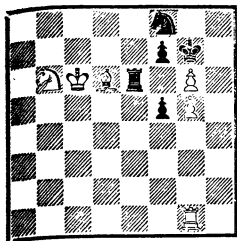
— Например, развязаться, разменять вашу последнюю пешку,— предложил Ришелье.— 43. . . f6.

— Тогда: 44. Кpd5! Ле8 45. gf+ Кр : f6 46. С : f8 Л : f8 47. Kd7+¹⁰⁰, и белые выиграли!

— Гм! Разве мне так уж и нечем ходить? Если двинуть в королевскую пешку «f»? — 43. . . f4.

— Получится любопытный конец, ваша светлость: 44. Kd5 f3 45. Kf6 f2 46. Лh1¹⁰¹ Ле1 47. С : f8+ Кр : f8 48. Лh8+, и неизбежный мат.

— Значит, жертву необходимо принимать? До сих пор я был знаком с вашими математическими этюдами, а теперь я вижу, что вы создали этюд на шахматной доске? Он позабавит короля, когда я покажу ему эту позицию. Что же касается вас, метр, то вы искусный игрок и опасный человек. Отдаю вам должное и как математику, и как юристу. Мазарини проводит вас и скажет вам

отеческое напутствие. Учтите, он скоро станет кардиналом. Отнесите к нему по-сыновьи. Кстати, Мазарини, отдайте все нужные распоряжения в Бастилию и не забудьте проверить, уместится ли комендант в тамбуре «камеры откровенности». Так не забудьте, метр Ферма, о чем я говорил вам: о защите привилегий дворянства.

— Слова вашего высокопреосвященства звучат для меня как призыв к Справедливости.

— Справедливости! — сердито буркнул Ришелье и сделал знак рукой Мазарини.

Тот поймал кота и водрузил его на колени немощного правителя Франции, затем сделал едва заметный знак Ферма следовать за ним.

Ферма, выходя из библиотеки, бросил взгляд на кресло повелителя с утонувшим в нем тщедушным стариком с котом на коленях и на военные доспехи, в которые облачался Ришелье при осаде Ла-Рошели.

Вместе с Мазарини он вышел в зал приемов, роскошный и холодный.

— Вы были очень неосторожны, метр, с его высокопреосвященством, — вкрадчиво начал Мазарини. — Зачем вам возвращаться в Бастилию, проходить через известный вам тамбур? Не думайте, что вы выиграли в деревяшки свободу графу де Лейе, просто вы удачно напомнили справедливому кардиналу о заслугах старого графа перед покойным королем, память которого священна.

Пьер Ферма слушал будущего правителя Франции молча, наклонив голову.

Мазарини проводил Ферма до мраморной лестницы. Гвардеец услужливо подвел ему коня.

Ферма хотел расспросить дорогу к монастырю, отъехав подалее от дворца, но уже на улице Сан-Оноре наткнулся на знакомого мула, в седле которого вихлял Огюст.

Оказывается, к величайшему изумлению Ферма, отважный Декарт не пожелал бежать из Парижа, ожидая возвращения Ферма, а в случае задержки намеревался сам явиться к кардиналу, чтобы выручить друга.

Ферма не стал испытывать судьбу, отдал коня Огюсту и отправился пешком во Дворец Правосудия на остров Ситэ, где у него были дела от тулузского парламента.

После ухода Ферма кардинал Ришелье долго рассматривал сложившуюся на доске позицию, передвигая фигуры. Когда Мазарини вернулся, Ришелье сказал ему:

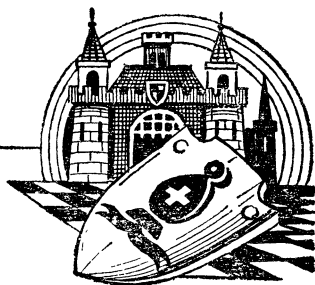
— Этот человек еще заставит о себе заговорить. Возьмите его под особое наблюдение.

Но ни кардинал Ришелье, ни Мазарини, будущий кардинал и его преемник, не могли даже представить себе, что посетивший их человек заставит весь мир на протяжении более трех столетий искать найденное им, но необнародованное доказательство теоремы, названной «Великой». Этот уже не шахматный, а математический этюд, как Ферма именовал свои открытия в математике, предлагая другим их повторить, сводился к уравнению $X^n + Y^n = Z^n$, которое при показателе степени больше 2, по утверждению Ферма, не имеет целочисленных решений *.

На этом закончив свой рассказ, граф де Лейе галантно раскланялся перед слушателями в салоне баронессы Шарлотты де Гранжери, заметив, что те окончательно сражены приведенной и, конечно, не понятой ими формулой.

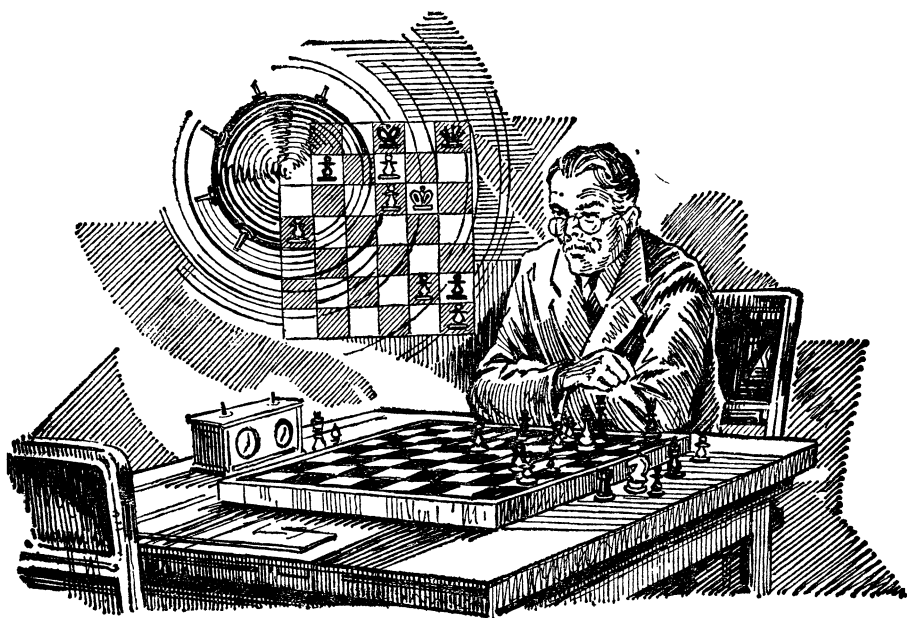
Светский математик загадочно улыбался.

* Современные электронно-вычислительные машины, проделав многие миллионы вычислений, практически показали правоту вывода Ферма, но сделанное им и не донесшее до современности доказательство его Великой теоремы так и не восстановлено до сих пор.

РАССКАЗЫ

РОКОВАЯ МИНА

*Шахматное искусство — это умение
читать чужие мысли.*

Люк де Клапси Леверана

Обычные турниры никогда не приносили мне таких волнений и радости, как командные состязания.

Еще задолго до войны я играл в команде одного завода в Подмосковье. Мы добивались неплохих результатов. Наша команда была дружная, слаженная. Каждый болел не только за себя, но и за соседей по доскам. И ответственность за свою партию чувствовал куда большую, чем если бы играл сам за себя.

На первой доске играл мой друг, боксер, красавец, эрудит и жизнелюб Женья Загорянский, шахматный мастер, снискавший славу опасного рифа для шахматного корабля любого тоннажа и вооружения.

На второй доске играл наш математик, труднопробиваемый шахматист Семен Абрамович Коган. Он ставил солидные позиции и, несмотря на отменную гуманность и добродушие, беспощадно пользовался в игре приемами «душителя», оставляя противнику на доске очень мало «воздуха». Он обладал феноменальной памятью, поражая разносторонними знаниями. В детстве он «насквозь» прочитал малый энциклопедический словарь Павленко и... нечаянно запомнил его наизусть.

На третьей доске играл я, начинающий этюдист, не так давно выигравший первенство томских вузов.

Рядом со мной, на четвертой доске, играл техник завода Витя Егоров, прозванный «турком» за загадочную манеру выражаться. Он был молод, светловолос, напорист и противников не обигрывал, а «обдувал». И делал это здорово!

На пятой доске играл тоже техник завода. Михаил Николаевич Платов. Помню, я был поражен, узнав, что этот тихий, невысокий и полный человек, уже в летах, был одним из братьев Платовых, признанных классиков шахматного этюда. Но, как ни странно, мы с ним, встречаясь часто, почти не занимались этюдами. Он говорил, что отошел от этого, а может быть, ему не нравились мои этюды. Зато играть легкие партии он обожал. Но играл неважно. И даже на пятой доске не всегда мог защитить честь нашего завода.

И еще в нашей команде были две Оли. Одна из них, Сущинская, была шашисткой и блестяще разносила в шашки всех своих противников, впоследствии став чемпионкой СССР. Другая Оля, ясноглазая, с гладкой прической на прямой пробор и с классическим эллинским узлом волос не затылке, была украшением нашей команды.

Каюсь — ведь прошло столько лет! — мне доставляло особое удовольствие проигрывать ей легкие партии. Видя, как оживлялось ее лицо, я любовался ею и вновь расставлял фигуры.

Командные соревнования, о которых я вспоминаю, проводились летом в Центральном парке культуры имени Горького, в одном из его навильонов. Жара к вечеру спадала, и, пока противник думал, было приятно выскочить на аллею, подышать влажным от политых цветов воздухом, послушать шелест толпы, заглядывая на кого-нибудь из гуляющих или на паровозики, снующие по Москве-реке, или на парашютную вышку со спиральным подъемом, откуда, порой с визгом, прыгивали в ту пору будущие бесстрашные рекордсмены.

Нашей команде во что бы то ни стало нужно было выиграть очередной матч. Не могу назвать нашего противника. Помню все детали схватки, а противника забыл.

Постепенно дело шло к концу. Загорянский легко выиграл у ошеломленного его мощью партнера, Семен Абрамович с присущей ему математической точностью повторением ходов сделал при всех фигурах почтенную тяжеловесную ничью с первокатегорником. Я продолжал борьбу, а мой сосед «турок» уже «обдул» своего «пленца с испуганным личиком на тоненькой шейке». Хуже обстояло на доске Михаила Николаевича Платова. Он проиграл, как это часто с ним случалось. И еще проиграла ясноглазая Оля с эллинской прической. О другой Оле и говорить не приходилось. Она, конечно, уже выиграла у старичка шашиста, который не мог примириться с тем, что проиграл такой щупленькой девочке. И три шашки запертыми оказались! Стыд да и только!

Сдвинутые столы стояли рядами. Сражающихся было очень много, и стулья еле втиснулись. Позади меня, спиной ко мне, в команде консерватории сидел прославленный скрипач, любивший шахматы не меньше Филидора и Прокофьева.

В моей партии надвигался цейтнот, и я сидел, напряженно вглядываясь в позицию. На меня навалились мои соратники, увлеченные событиями, которые разворачивались на доске. Счет матча пока был 3½ на 2½ в нашу пользу. Мне уж никак нельзя было проигрывать. Достаточно было и ничьей. Но азарт увлек меня, — может быть, что краем глаза я видел за своим плечом эллиптический узел на темной головке. Я хотел выиграть. И не как-нибудь, а красиво, достойно своих зрителей (или зрительницы!). Я задумал замысловатую комбинацию.

Азартная игра на моей доске привлекла к ней многих посторонних зрителей. Стало душно, пиджаки играющих висели на спинках стульев.

Я жертвовал фигуры одну за другой. Играя черными, выгнал белого короля на h3, но рассчитал неточно и заматовать его не смог. Пришлось хотя бы отыграть назад материал. Это удалось и даже с некоторой прибылью.

Когда я устроил на шахматной доске ураган, то почувствовал вокруг суматоху. Я нескромно подумал, что только подлинно чигоринской игрой можно привлечь такое внимание, но скоро понял, что я тут ни при чем.

Пока толпа зрителей сгрудилась у моей доски, кто-то умудрился отвинтить с лацкана пиджака орден «Знак Почета», которым вскоре после его учреждения был награжден знаменитый скрипач. В ту пору, как и впоследствии во время войны, их носили не только в торжественных случаях. Колодок, заменяющих ордена, тогда еще не знали.

Нет слов, чтобы передать огорчение скрипача.

Я почувствовал себя неловко, будто был в чем-то виноват.

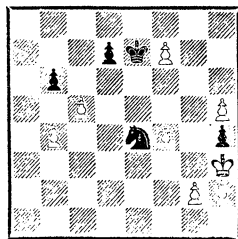
Все сочувствовали скрипачу. Он поспешно ушел заявить о пропаже.

А у меня на доске положение прояснилось. После пронесшейся бури можно было считать синяки и шишки. У меня оказался лишний конь, но у противника за него — целые четыре пешки. Впрочем, по крайней мере две из них отыгрывались, хотя и моя одна гибла. Были шансы довести партию до победы.

А я так разволновался за скрипача, что не мог удержаться от жертвы коня на c5, а после взятия его пешкой b4 продвинул свою пешку на b5, получив проходную, которую, казалось бы, невозможно задержать¹⁰².

Я был уверен, что противник должен понять это и прекратить бесполезное сопротивление. Но это был на редкость упрямый и педантичный седоватый человек в старинных очках с металлической оправой (похожий на токарного мастера), с прокуренными усами и бугристым лицом, покрытым сейчас капельками пота от жары или от волнения. Весь вечер он не поднялся со стула, играл упорно и молча, тяжело, будто бурлак тащил баржу на картине Репина.

102

Только раз к нему подошел капитан их команды и шепнул так, что я расслышал:

— Держитесь, с этюдистом играете.

Партнер сразу же поднял на меня внимательные глаза и долго пристально рассматривал, хотя был его ход. Я возликовал в душе от своей известности. Опубликовал всего несколько этюдов — вот уже и в Москве знают!

Мои соратники, Загорянский и Коган, похлопывали меня по плечу, а Оля-шахматистка нежно провела тыльной стороной ладони по моей щеке.

— Бифштекс,— загадочно сказал «турок».

Стрелка часов уже поднимала флажок, а противник все упрямо думал, хотя думать было не о чем.

Надо заметить, что наша команда в этом соревновании отводила право доигрывания партий вместо их присуждения. И вот теперь я должен был отдуваться. Следующий тур — завтра,— в воскресенье вечером, а мне приезжать сюда с утра для доигрывания! Я считал, что со стороны противника просто бессовестно так поступать со мной. Ведь он знал, что мы — из Подмосковья.

Флажок на его часах повис, но он успел сделать положенное число ходов и теперь раздумывал над своим сорок первым ходом, который должен был записать.

Судья, юноша с темным, не сбритым для солидности пушком над губой, торжественно взял от него конверт.

Все расходились и обсуждали кражу ордена. Улучив подходящий момент, я спросил, что думают мои товарищи об отложенной позиции.

Женя сказал, что правило квадрата надо знать всем. Он очень торопился — боюсь, что на свидание,— и нам с ним не удалось, как обычно, посмотреть позицию. Семен Абрамович пообещал разобраться в электричке, хотя «волноваться не о чем, разве что этюд вдруг обнаружится».

— Впрочем, вы сами этюдист,— закончил он без тени иронии.

— Играть надо, а не этюды консолидировать,— глубокомысленно изрек «турок».

В поезде Семен Абрамович уверил меня:

— Обычное пешечное окончание без сенсаций.

Михаил Николаевич Платов скромно молчал, но когда мы все шли по платформе милых наших Подлипок, он робко сказал:

— Рассчитанных вариантов привести не могу, но чутьем угадываю — здесь что-то есть. Вы посмотрите хорошенько. Как на конкурсе этюдов.

— Так ведь король не попадает в квадрат,— стал доказывать я.

— А Рети? — многозначительно поднял палец Платов.

— Если полезет королем на g6, то я ферзя с шахом поставлю. А лишний ферзь — это вещь,— храбрился я.

— Конечно,— согласился Платов.

— Астролябия,— заключил шедший рядом «турок».

Мне нужно было сворачивать, и мы распрощались.

Вот позиция, которую я расставил перед собой, придя домой ¹⁰³. Что могут сделать здесь белые? Спаситься? Или... Впрочем, о чем еще можно тут говорить? Хотя Михаил Николаевич... Надо внимательно посмотреть. Тут что-то есть...

И вдруг волосы зашевелились у меня на голове.

За ночь я установил ужасную для себя правду. Дурацкая жертва коня в суматохе, вызванной кражей ордена, была неправильной. Если бы я лучше владел собой, то медленно, но верно выиграл бы, что сделал бы на моем месте давящий гусеницами Семен Абрамович или тот же «турок», умеющий так ловко «обдуривать» в выигранных положениях. А теперь...

А теперь все зависело от того, сумел ли мой партнер в домашнем анализе найти этюдное окончание, которое не только спасало белых, но и приносило им «противоестественную» победу!

Проанализировав стихийно получившийся этюд, я заметил в нем подводные мины, которые можно было расставить на фаворите решения. И я задумал коварный удар, ловушку, которая поставит партнера в тупик, заставит его сделать напрашивающийся ход, спасающий меня!

Я утешал себя, что не может рядовой игрок, так робко прошедший со мной всю партию, додуматься при домашнем анализе до всех найденных мной тонкостей, «доступных искушенному этюдисту», воспитанному на парадоксах.

Я с завистью смотрел из окна электрички на веселые ватаги счастливых, для которых день отдыха наполнен смехом, солнцем и брызгами воды на пляже. А я ехал в ЦПКиО, как на Голгофу.

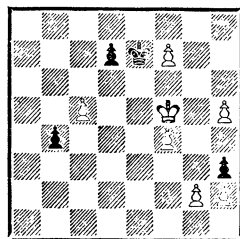
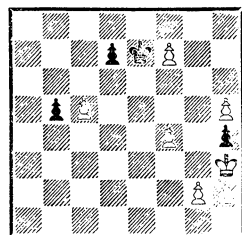
Я приехал туда раньше всех наших. Все надеялись на меня и на беспорочность моего выигрыша в отложенной партии. А Женья Загорянский, наш высший авторитет, конечно, был на своих любимых бегах.

Михаил Николаевич Платов пришел, когда доигрывание уже началось. Появился и «турок», заметив, что погода «квакерская». Не знаю, что он имел в виду, но меня, несмотря на жару, знобило.

Мой противник был мрачен. Это вселяло в меня надежду.

Равнодушный судья, косясь на парашютную вышку, вскрыл конверт и пустил часы.

Партнер сделал записанный ход — 41. **Kpg4**. Ну конечно! Что еще другое мог он записать? Я быстро ответил 41... **b4**. Противник грустно посмотрел на меня, вздохнул и переставил короля, словно непременно хотел играть до мата: 42. **Kpf5**. С напускной непринужденностью я ответил довольно быстро 42... **b3!** Это и была заготовленная мной мина! ¹⁰⁴

Партнер удивленно уставился на меня и задумался.

Я отошел от доски, демонстрируя полнейшее равнодушие и к ней, и к задаче, которую задал «шахматному бурлаку». «Турок», проходи мимо меня, буркнул:

— Идиосинкразия.

Только позже я догадался, на что он намекал некоторым фонетическим сходством своего изречения с более обычным словом.

Михаил Николаевич Платов обменялся со мной понимающим взглядом. Игра возобновилась, и он уже не имел права вмешиваться, разбирать позицию, подсказывать. В наших командных баталиях это правило соблюдалось свято. Он не мог поделиться сейчас своим домашним анализом, если даже и сделал его.

Пятьдесят минут думал над ходом мой озадаченный партнер.

Я загнал его в неожиданный цейтнот. Приближалось время пового контроля, а ему на пять минут оставалось восемнадцать ходов.

«Турок» подмигнул мне:

— Кто не думает, тот не ест... ни коней, ни пешек.

За эти пятьдесят пять минут я несколько раз садился за стол и, как кобра, впивался глазами в партнера, внушая ему, чтобы он сделал естественный ход g4! Тогда бы он «подорвался» на заготовленной мной мине. Но он сыграл 43. g3! И я похолодел, глазам своим не веря. Почему он так сделал? Из тупой бездумной осторожности или... видя конечную губительную для меня позицию?

Сам дрожа, я не хотел дать ему опомниться. Вся надежда была на непринужденность, канабланковскую легкость. Я даже старался улыбнуться, как великий кубилец, которым я любовался на московском международном турнире. Боюсь, что улыбка моя больше походила на шпильмановскую после его ничьей с Верой Менчик. Я знал, чем может теперь все кончиться (похуже, чем у Шпильмана!). Но знал ли об этом мой противник? Шахматное искусство — это умение читать чужие мысли. Может быть, в этом прелесть шахмат?

Итак, надо было сделать ход. Конечно, не брать пешку f7, в этом случае белый король входил в квадрат и задерживал пешку. И потому я с надеждой взглянул на милый, уже поднимающийся флажок на часах противника. Как под горку, покатались ферзи: 43. .b3. Единственное, чего я достиг, — это заставил партнера играть «блиц». Но он, обладая стальными канатами вместо нервов, и в прокуренный свой ус не дул, продолжая играть неторопливо, сколько ни внушал я ему змеиным взглядом, что флажок его поднимается. А еще осталось семнадцать ходов! Кстати, семнадцать ли? 44. Kpg6. Ну, конечно, теперь он готовит мне детскую ловушку. Не пойду же я b2, чтобы он сыграл Kpg7 и выиграл! ¹⁰²

Выдавлив из себя банальное «У нас успеется», я небрежно сыграл 44. .Kpf8. Последовало 45. h6.

Стоявший надо мной «турок» пожал плечами и бросил:

— Стрекоташье.

И все, кто был рядом, увидели, что я раньше ставлю ферзя, притом с шахом, как я вчера говорил Платону на платформе. Мне оставалось только продемонстрировать это: 46. .b2 47. h7 b1Ф+ 48. f5. Фb2. А что еще оставалось мне делать? ¹⁰⁶

Для непосвященных зрителей на доске был лишний черный ферзь, и этим, казалось, определялось все, но ... Я-то знал, чем это может кончиться! Но беда моя была в том, что это знал не только я, но и мой противник!

Я с вождением смотрел на флажок его часов, ожидая его падения и своего торжества. Он уже почти падал!

49. h8Ф+! Так вот где таилась погибель моя! Вот она, западня, волчья яма, уготовленная моему великолепному ферзю! Но как мог найти этот убийственный ход столь медлительный и скучный человек?! Почему не сделал он опять естественный и спасительный для меня ход 49. f6? Тогда бы мой великолепный новорожденный ферзь ожил бы! Но теперь, увы, он, как тигр, провалившийся в глубокую яму, может лишь с рычанием бросаться на отвесные стены. 49. .Ф : h8 50. f6! — клетка захлопнулась. ¹⁰⁷

Он все видел, все знал! Теперь выясняется, почему он так дальновидно пошел пешкой на g3, а не на g4, как я ему тщетно внушал! Подорвись он на этой уготовленной ему мине, и мой ферзь вырвался бы уже лютым тигром через поле h4. А сейчас остается последняя надежда: 50. .d5. «Ну возьми же на проходе! Возьми!» — мысленно умолял я. Тогда заключительная эффектная жертва ферзя на f6 принесет мне желанный пат!

Партнер опять невозмутимо задумался. Случись это сейчас, я страшился бы инфаркта или инсульта, но тогда я только молодод подсакивал на стуле, словно всадник в Булонском лесу. Флажок! Флажок! Может быть, он свалится от моих жокейских упражнений?..

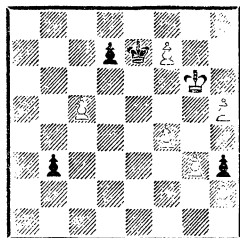
Противник сделал ход 51. e6! И я кладу короля носом вперед на плаху и пожимаю «шахматному бурлаку» руку. Блестяще вытянул меня... на мель!

Покосившись на часы, я заметил, что флажок его упал. Но я ничего не сказал судье, отбиравшему у нас подписанные бланки с записью партии.

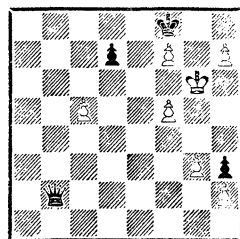
Мой партнер оживился, стал просто неузнаваемым, помолодел и оказался совсем нескудным.

Он быстро расставил на доске отложенную позицию.

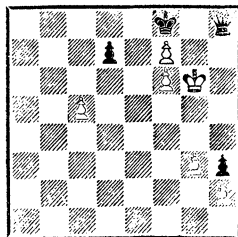
105

106

107

— Скажите, зачем вы сыграли на сорок третьем ходу h3?

— Это была моя заготовка, «коварная мина»,— признался я.— Я думал, вы ошибетесь.

— Вот видите, какая психологическая игра шахматы! Вы не учли, до чего же я боялся играть с этюдистом! Ведь я уже хотел сдать партию и только ждал вашего хода пешкой на b3, чтобы сложить оружие, а вы вдруг поставили меня в тупик, заставили еще раз подумать.

— Как? Вы не нашли этого выигрыша при домашнем анализе?

— Конечно, нет! У меня и в мыслях не было, что здесь можно выиграть. Я даже отчаянно ругал себя, что испортил вам воскресенье дурацким доигрыванием. Психологически я был уже уничтожен вашей смелой жертвой коня на c5. Только скверный мой характер и привычка все доводить до конца заставили меня делать ходы. Но когда вы в бесспорно для себя выигранном положении вдруг сделали «этюдный ход», я решил, что этюдисту виднее. Должно быть, тут что-то есть.

— И задумались на пятьдесят пять минут?

— Поверьте, я не пожалел бы, если б флажок упал,— настолько увлекло меня решение «этюда». Но я не мастак решать этюды, потому так долго и думал. Но теперь, пожалуй, могу к ним пристраститься. Я реагировал на ваш странный ход прежде всего не шахматным, а психологическим анализом. Я ведь психолог по специальности. Почему знаменитый этюдист после домашнего анализа столь странный делает ход? Не провокация ли это? Став в ваше положение молодого человека, я решил, что сам на вашем месте поступил бы именно так. Значит, великий этюдист видит в позиции больше, нежели я, рядовой шахматист. Вы мне подсказали, что надобно искать решение! Ну, а ежели оно есть — а в это я поверил после вашего странного хода h3,— то его все-таки можно найти, затратив пятьдесят пять минут или больше. Для меня огромная честь выиграть партию у человека, чье произведение с восхищением отметил сам Владимир Ильич Ленин.

— Что? Что? — ошарашенный, переспросил я.

— Для меня большая честь выиграть партию у всемирно известного этюдиста Платова.

— Дрездемона! — сказал «турок», слышавший наш разговор. Я молча подозвал юношу судью с черным пушком над губой и попросил его вернуть отобранные бланки нашей записи. Ничего не понимая, он вернул их мне, а я протянул бланки партнеру.

— Исправьте, пожалуйста,— указал я на его бланк и назвал свою фамилию.— И познакомьтесь, пожалуйста, с Михаилом Николаевичем Платовым,— и я оглянулся на стоявшего рядом с «турком» своего болельщика.

— Вот как? — удивился партнер, протирая очки.— А я слышал, что в вашей команде играет сам Платов, и когда мне шепнули, что против меня сидит этюдист, я и решил, что это он и есть.

— Я тоже проиграл,— с улыбкой признался Михаил Николаевич.

— А я только еще ползаю,— сказал я, смотря снизу вверх на Платова.

— Ну нет! Тут вы взлетели,— запротестовал партнер.— Я вам благодарен за радость, которую получил, решив этюд.

— Значит, я сам виноват в собственном проигрыше? — печально подвел я итог.— Моя мина оказалась не коварной, а роковой.

— Играть надо, а не в этюды играть. h3! Идиосинкразия!

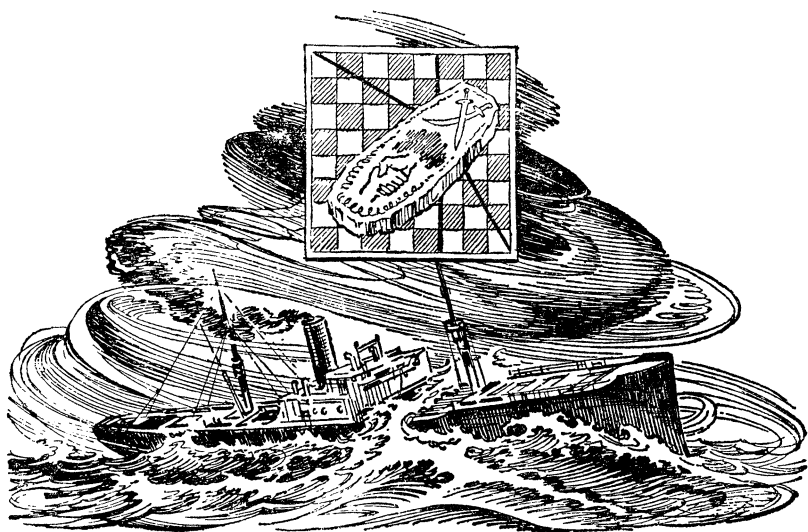
И тут я понял, что хотел выразить «турок», когда мы шли с ним после моего блистательного поражения обедать в один из павильонов парка.

Михаил Николаевич Платов утешил меня:

— А все-таки хорошо, что вы так сыграли! Этюд сделаете.

Я совсем не так делаю этюды. Я начинаю всегда с конечной позиции, как с вершины пирамиды. Словом, дом начинаю строить с крыши, а потом приделываю к ней все расширяющиеся этажи вариантов. Этот этюд единственный, родившийся у меня в процессе игры, в весьма драматической обстановке кражи ордена у знаменитого скрипача. Может быть, потому я долго не возвращался к этой отложенной партии и совсем забыл ее.

Но однажды, возвращаясь из Ленинграда, я попал в одно купе в «Красной стреле» с сыном великого скрипача, тоже знаменитым скрипачем. Мы оказались с ним взаимными поклонниками. Я рассказал ему всю эту историю: как проиграл партию, как был свидетелем и даже чуть ли не виновником утраты его отцом ордена и как утешился на одном из военных концертов, увидев на лацкане фрака замечательного музыканта тот же орден, оказывается восстановленный специальным решением. И я признался попутчику, что забыл игранную тогда партию. Он очень просил меня вспомнить ее. Мне пришлось восстановить все по идее, начиная с крыши. И я посвящаю получившееся произведение памяти замечательного скрипача и шахматиста Давида Ойстраха.

ПЛАСТИНКА ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ

*Шахматы возникли в Индии около
570 года нашей эры.*

*Г. Мэррей. «История
шахмат»*

Баренцово море!

Качка началась страшная. Чемоданы вырвались из-под койки и вот уже час носились вместе со стулом по каюте. Встать с койки не было сил. Тело взлетало высоко, потом проваливалось в бездну. К горлу подступал комок, зубы сжимались.

И все же предстояло идти в кают-компанию! Капитан Борис Ефимович требовал, чтобы пассажиры непременно являлись к обеду.

Палуба кренилась, убегала из-под ног. Вокруг корабля висел непроглядный туман. Капитан нарочно отошел подальше от Новой Земли, хотя именно на нее держал курс. Он оставался самим собой, Борис Ефимович, неторопливый, выжидающий и все же успевающий сделать за рейс больше всех других капитанов.

Когда я добрался наконец до кают-компании, капитан сидел на председательском месте, невысокий, сухой, подтянутый и, как всегда, приветливый. Он встретил меня веселым, чуть насмешливым взглядом. Я мог утешиться, посмотрев на бодрых моряков, сидевших по одну сторону стола, и таких же жалких, как я, страдающих от качки пассажиров по другую его сторону.

— Неужели против морской болезни нет средств? — спро-

сил я доктора, с ужасом поглядывая, как моряки припались за ненавистную мне сейчас еду.

Врач пожал плечами, а капитан ответил за него:

— Есть средство. Мы, моряки, стараемся работать больше.

— Поставьте нас кочегарам! — взмолился я.

— Смотрите, припомню! — пригрозил капитан и вдруг спросил:

— А в шахматы кто тут играет?

Оказалось, что играть умеют все, кроме старшего механика Карташова.

— Турнир, что ли, организуйте. — предложил капитан.

— Какая тут игра! — махнул рукой второй помощник, глядя на наши зеленые лица.

— Не скажите, не скажите, — серьезно сказал капитан. — Шахматы для нас, полярников, большое дело! Они приходят на помощь в очень тяжелых случаях. Вспомните челюскинцев. Раздавленный корабль на дно пошел. Остались люди на голом льду за тысячи миль от жилья. Самолеты в Арктику тогда еще не летали. А челюскинцы на льду шахматный турнир устроили. Играть в шахматы можно было только при крепкой вере в помощь, которую пришлет им Советская страна. И пришла помощь, пришла... шахматный турнир едва закончили.

Пассажиры вяло кивали, не притрагиваясь к еде.

— Так вот о шахматах. — капитан загадочно улыбнулся. — Арктическая это теперь игра. Матчи между островами постоянно разыгрываются. А известна эта игра была в древние времена в далекой жаркой стране, в Индии. И пришлось мне недавно в этом самому убедиться.

— Когда это вы убедились? — спросил старший помощник. — Не во время ли последнего рейса, когда торговый пароход на Дальний Восток перегоняли?

— Вот именно. Надо было этот торговый пароход до начала арктической навигации доставить из Архангельска во Владивосток, — начал рассказывать капитан. — Мне это и поручили. Маршрут был интересный. Через Гибралтар, Суэцкий канал. В последние годы английского владычества в Индии довелось нам зайти в Калькутту. К вечеру я съехал на берег, побывал у портового начальства, потом пошел посмотреть, что за город. Порт грязный, обыкновенный. Цакгаузы длинные, низкие. Улицы асфальтированные, дома и автомобили европейские, ну а пищие... это уже местные. На перекрестке — полисмен.

Поражала нестрота нарядов. Не нарядная нестрота, а нестрота контраста. Европейцы в белых костюмах и пробковых шлемах и полуголые люди в рубищах, худые, с огромными черными глазами. Медлительные прохожие в чалмах и шумные английские солдаты, не побывавшие на немецких фронтах, — береты, рубашки хаки... Прекрасные люди в автомобилях и пищие на панелях...

Мне хотелось приобрести какую-нибудь индийскую безделушку на память об Индии. Я остановился перед витриной лавочки,

но увидел там только дешёвенький товар, — конечно, американского, реже английского производства.

Прохожие в Калькутте ходят медленно, часто останавливаясь, словно спешить некуда. Впрочем, жарко там.

Сначала я не обратил внимания, что многих идущих останавливал бедно одетый индеец. В руках он держал вечную американскую ручку, которую и предлагал прохожим. Вначале я подумал, что ему хочется продать ее. Один прохожий взял эту ручку. Индеец протянул ему книгу в переплете, и прохожий что-то написал на белом листке.

Хмурый полицейский направился к индийцу. Прохожий завернул за угол. Индеец тоже быстро зашагал. Видно, полицейскому было лень идти быстро в такую жару. Он остановился.

Индеец поравнялся со мной, прямо-таки ожег меня своими чернушными глазами и сказал на английском языке:

— Моряк, все люди должны бороться против войн. Подпишите воззвание.

Так вот зачем у него американский «паркер»!

Я улыбнулся и ответил тоже по-английски:

— Благодарю за обращение, но я уже подписал это воззвание.

— Подписали? Уже? — не то удивленно, не то обрадованно сказал индеец. — Где же?

— В Ленинграде, — ответил я.

Индеец преобразился, как будто узнал старого знакомого. Он стал трясти мою руку, глядя мне в глаза и улыбаясь.

— Вы русский? Вы советский человек? — взволнованно говорил он. — Как я рад, что вас встретил! Мы так много думаем о вашей стране...

Полисмен прошел мимо нас, заложив руки за спину. Индеец не обратил на него внимания.

— Вы первый советский человек, которого я вижу, — говорил он. — Мне бы хотелось... Знаете, возьмите этот подарок. Здесь знаки величайшей мудрости. Законы перемен. Они были найдены при раскопках.

Индеец сунул мне в руку пластинку из слоновой кости с вырезанными на ней рисунками.

Это была тончайшая работа древних мастеров. Как несмыванно исполнилось мое желание!

Индеец простился со мной. Я решил идти на набережную, где меня ждал катер с корабля.

Прежде чем завернуть за угол, я оглянулся.

Индеец остановил группу прохожих и что-то горячо говорил им. Среди них было двое солдат в беретах. Индеец протягивал вечную ручку. Кто-то взял предложенное перо. Прохожие подписывали воззвание.

Полисмен подошел к ним в сопровождении какого-то человека в штатском и закричал. Индеец возразил и возвысил голос, видимо протестуя. Прохожие тоже зашумели. Английские солдаты отошли в сторону. Полисмен и шпик схватили индийца за

руки. Индиец вырывался и кого-то искал глазами. Полицейские тащили его на мостовую, он упирался.

Прохожий, у которого остались вечная ручка, книга и бланк воззвания, что-то кричал вслед арестованному. Полицейский угрожающе повернулся к нему.

Тогда человек, оставивший у себя книгу и ручку, быстро зашагал по тротуару и тотчас остановился перед двумя другими прохожими, протягивая им ручку и книгу с бланком.

Мне нужно было спешить на набережную. Я оцупал в кармане тонкую пластинку из слоновой кости.

— Что же было нарисовано на пластинке? — спросил второй помощник.

— Из-за этого я и начал свой рассказ. Ведь шахматы давно стали своеобразным международным языком. Они пришли из древней Индии. Вот и моя пластинка была украшена золотыми инкрустациями, которые, однако, не были письменами. Изображены на ней были рисунки шахматной доски.

— Где же пластинка? — спросили мы.

Капитан хитро улыбнулся:

— Может быть, я отослал ее в Москву, ученым! Уж, верно, она представляла какой-то интерес. Но, если хотите, я нарисую вам, что было на ней изображено.

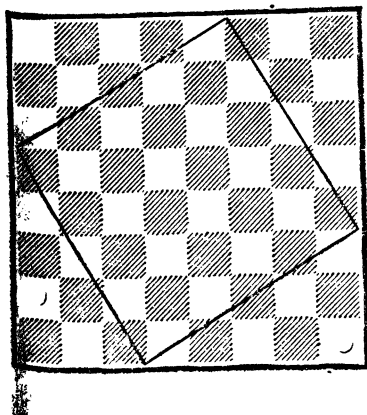
— Просим, просим! — зашумели мы.

Откуда-то взялась бумага. Капитан нарисовал на ней четыре аккуратные шахматные доски. На две из них он нанес несколько прямых линий, а на двух других старательно нарисовал шахматные фигуры.

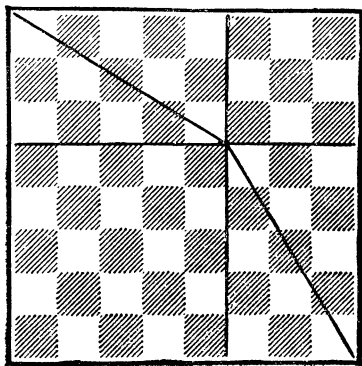
— Вот что было изображено на индийской пластинке из слоновой кости. Я просидел над этими рисунками много ночей, но ничего не придумал. А ведь индус сказал мне о какой-то удивительной древней мудрости, заключенной в этих рисунках. Так вот. Может быть, кто-нибудь из вас откроет эту тайну? ^{108, 109}

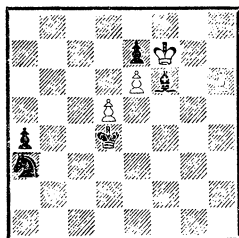
Все тотчас припались срисовывать себе таинственные рисунки. Каждый решил во что бы то ни стало разгадать тайну индийской пластинки.

108

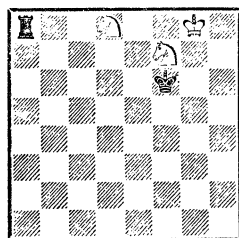

109

111

Два рисунка совершенно непонятны. Почему шахматная доска перечеркнута какими-то линиями? Что это может обозначать?

Два других рисунка, несомненно, представляли положение из двух разных шахматных партий. В первой партии белые проигрывают. У короля нет ни одной фигуры, а у черных слон и конь да еще сильнейшая проходная пешка ¹¹⁰. Во второй партии явная ничья. Черная ладья против двух связанных коней ¹¹¹. Мне бросилось в глаза, что в этих двух позициях, кроме королей, нет ни одной одинаковой фигуры! Я просидел над индийской загадкой до ужина.

Давно у нас в кают-компании не было такого шумного сборища. Говорили только о таинственных рисунках.

Старший механик к ужину опоздал, и капитан послал за ним буфетчицу Катю.

Старший механик влетел в кают-компанию с криком.

— Пашел, товарищ капитан! Пашел!

Капитан поднял руку:

— Только после ужина.

Механик, а за ним и все мы принялись за еду.

— Я, конечно, человек не очень ученый... Я практик. Но, по-моему, это гениально,— говорил он, уплетая за обе щеки.— Это просто, так сказать, вклад в науку!

— Но ведь вы же не играете в шахматы! — вскричал доктор.

— И не требуется,— невозмутимо ответил Карташов.

Ужин был поглощен мигом. Волины ревели за бортом, переваливали наш корабль с боку на бок, а мы сгрудились около старшего механика и слушали его объяснения.

— Вы посмотрите, что нарисовано на первом рисунке. Квадрат. Он касается углами сторон шахматной доски. Из чего состоит вся площадь шахматной доски? Она разбита на этот квадрат и четыре одинаковых прямоугольных треугольника. Вы видите эти треугольники? Они по углам.

— Видим! Видим! — закричали мы.

— А теперь посмотрите на второй рисунок. Вы видите эти же треугольники?

— Не видим. Где они?

— Они соприкасаются гипотенузами... попарно.

— Да, да! Верно!

— Треугольники точно такие же, значит, они занимают такую же площадь. Следовательно, оставшаяся на шахматной доске площадь без треугольников на этом втором рисунке точно такая же, как на первом.

— Конечно, та же самая!

— Ну, а посмотрите, из чего она состоит, что это за квадра-

ты? — хитро спросил механик. — Один из них, маленький, построен на малом катете, а другой, побольше, — на большом. А теперь взгляните на квадрат первого рисунка! На чем он построен?

— Ох, черт возьми! На гипотенузе! — закричал доктор.

— Это значит, что площадь квадрата первого рисунка равна площадям двух квадратов второго! Так? — спросил механик, оглядывая нас торжествующим взглядом.

— Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов! — вымолвил я вне себя от изумления.

— Я не слышал о таком доказательстве теоремы Пифагора! — восторженно заявил второй помощник.

— Пифагоровы штаны на все стороны равны. Доказать это мне всегда казалось слишком сложным, — признался врач.

— Да, доказательство знаменитого древнегреческого математика, как мне кажется, действительно уступает этой древнеиндийской мудрости, — сказал молчавший до сих пор профессор, участник географической экспедиции. — Это чуть ли не настоящее открытие!

Все мы увлеченно зашумели и тут только обнаружили, что капитана между нами нет. Старший механик был делегирован на мостик, чтобы сообщить о своем открытии.

Я вернулся к себе в каюту и не мог думать о сне. Чемодан по-прежнему старался выпрыгнуть из-под койки, но я не обращал на него внимания. В моем воображении рисовалась таинственная пластинка из слоновой кости, индус с узким темным лицом и пронизывающими глазами и, наконец, рисунки древнего гениального математика, который, может быть, задолго до Пифагора решал геометрические задачи более простым и остроумным способом, чем все последующие поколения!

Но что за шахматные позиции поставил древний математик рядом со своим замечательным доказательством? Какое уважение к древней игре он имел, равняя ее с геометрией!

Я просидел над индийскими позициями целую ночь, весь следующий день и следующую ночь. Кажется, качка не прекращалась. И я все-таки решил индийскую загадку!

Мне открылся целый мир борьбы, неожиданностей, эффектов, ярких, как фейерверк, лукавства, хитрости, смелости, точного расчета и тончайшего остроумия.

Мое сообщение об открытии тайны индусской пластинки было сенсацией. Я обещал разгадку, одинаково интересную для всех.

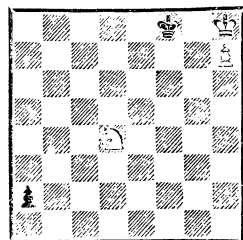
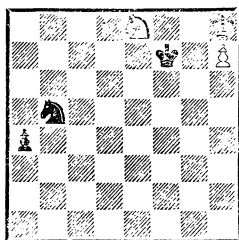
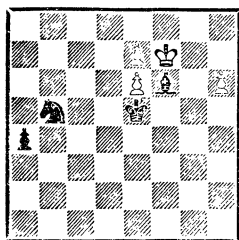
Кают-компания оказалась набитой до отказа.

Один лишь капитан находился, как всегда, на мостике. Корабль осторожно подбирался к Новой Земле. Мыс Желания, названный так Баренцом в ознаменование его страстного и неосуществленного желания пробиться через льды на восток, остался севернее. Туман все еще скрывал от нас берег.

Я обвел глазами присутствующих:

— Черные в первой позиции неизмеримо сильнее. Позиция белых безнадежна. Не правда ли?

Все согласились.

— Тем не менее... Они сделают ничью!

— Не может быть! — изумились все играющие, а неиграющие, привлеченные в кают-компанию слухом об индийской загадке, торопили меня, чтобы я скорее открыл им тайну пластинки.

Волнуясь, я стал показывать решение удивительной позиции. Даже неиграющие напряженно смотрели на доску.

Я показывал: 1. d6! Kb5 2. de Kpe5.¹¹²

— Черные ждут появления белого ферзя, чтобы уничтожить его, но... 3. e8K! — появляется новый, подлинный герой предстоящей увлекательной борьбы. 3. . . Ch8 4. Kpg8 — чтобы убрать слона с дороги пешки. Черные хитро идут навстречу желанию белых, рассчитывая запереть вражеского короля в ловушке. 4. . . Kp : e6 5. Kp : h8 Kpf7 6. h7!¹¹³ Готово! Замысел черных выполнен. Но почему белые так кротко послушны? Ведь у черных есть ход 6. . . a3. Но теперь неожиданно бросается в бой белый конь — 7. Kd6+. Взять его нельзя. Белым... пат! Но черные настолько сильны, что могут даже отдать собственного коня, неизбежно проводя неукротимую пешку! 7. . . Kpf8 8. K : b5 a2 9. Kd4¹¹⁴. Лукавый конь, не правда ли? Он встал так, что черные не могут поставить ферзя. Белым снова будет пат!

— Ишь, ты! — восхитился кто-то из окружающих меня.

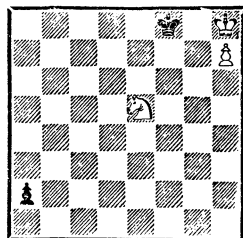
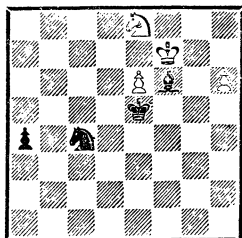
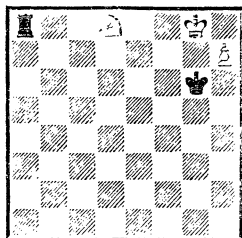
— Но черные не уступают белым в изобретательности, и вместо ферзя они поставят...

— Так не коня же! Что толку! — отозвался тот же голос.

— Ладью! — торжествующе возвестил я. — Пата нет, а угроза мата белым есть.

— Это верно, — согласились со мной зрители.

— Итак, 9. . . a1L! В бой входит новая дальнобойная сила, куда более мощная, чем конь. Но у белого коня есть резвость скакуна и — очередь хода! 10. Ke6+Kpf7 11. Kd8+Kpg6. Черные решились. Избегая преследования, они выпускают белого короля (иначе будет повторение ходов). Они увидели далекий финал и свое торжество. Пусть белые проведут своего ферзя и в ту же минуту получают смертельный удар! Но ведь в борьбе выигрывает тот, кто дальше рассчитал! 12. Kpg8 La8¹¹⁵. Занесена «черная рука» для смертельного хода L : d8 мат, но... снова отказываются белые от могучей фигуры и ставят на доску второго коня — 13. h8K+! Разящая рука на миг повисла в воздухе, надо отойти черным королем — 13. . . Kpf6 и теперь 14. Khf7,

п ничья. Кони встали нерушимо. Черная ладья так и не успела взять коня d8 с матом.

— До чего же здорово! — восхищался доктор.

— А по-другому никак черные не могли? — спросил кто-то.

— Почему же? Могли на первом ходу сыграть 1... Kc4,— показал я.— Тогда 2. de Kpe5 3. e8K¹¹⁶ Ch8 4. h7! a3 5. Kpg8 Kp : e6 6. Kp : h8 Kpf7 7. Kd6+ Kpf8 8. K : c4 a2 9. Ke5!!¹¹⁷ — именно сюда. У белых новый замысел. Атака белым конем принесет вечный шах: 9... a1Л 10. Kd7+ Kpf7 11. Ke5+ Kpf6 12. Kd7+ и так далее. Ничья!

— А теперь посмотрите-ка на пластинку из слоновой кости,— предложил доктор.

— Что-нибудь еще? — заволновались зрители.

— А как же! — торжествующе показал доктор.— Вы только взгляните. Позиция с двумя конями из главного варианта это и есть второй шахматный рисунок на пластинке.¹¹⁷

— Она получилась из первой,— подтвердил я.

— Это казалось невероятным! Ведь переменялись все фигуры! — слышалось со всех сторон.

— Кроме королей,— заметил я.

Действительно! В результате непреложной логики, подобной той, которая вытекала из индийского доказательства теоремы Пифагора, все на доске переменялось. Старые фигуры исчезли, как по волшебству, появились другие в новом, равном соотношении сил.

Все шумно изумлялись выдумке неведомого поклонника шахматной игры.

Когда мы подняли головы от доски, то увидели капитана. Он с улыбкой смотрел на нас.

— Капитан! — выпренно начал врач.— Мы благодарны вам за чудесные индийские творения в области математики и шахмат. Это подлинная поэзия ума!

— Подождите,— прервал я.— Здесь есть еще одна неоткрытая тайна.

— Еще одна? — удивились все и даже капитан.

— Да, да! Я берусь доказать, что никакой пластинки из слоновой кости не было!

— Как так не было? — возмутились все присутствующие.

— Не было,— настаивал я.— Мы должны восхищаться не

индийской мудростью, а замечательным поэтическим искусством нашего капитана-этюдиста! Я никак не думал, что наш полярный капитан и есть тот мастер этюдов, произведениями которого я так часто восхищался.

Капитан смеялся. Все с изумлением смотрели на него.

— А ведь неплохое лекарство от морской болезни? — спросил капитан.

— От морской болезни? — все переглянулись.

— В самом деле! А мы и забыли о ней!

Капитан спросил меня:

— Как же вы догадались?

— Очень просто. Ведь черные не могли поставить ферзя, боясь из-за пата связать белого коня.

— Правильно.

— Но ведь ферзь в древние индийские времена не обладал современной дальностью.

— Ох верно! — засмеялся Борис Ефимович. — А я совсем позабыл об этом усовершенствовании шахмат.

— Вот вам последняя тайна пластинки. Ее не было!

— Ошибка! Дело не в шахматах. Пластинка все-таки есть. — Капитан достал из внутреннего кармана кителя небольшую белую пластинку.

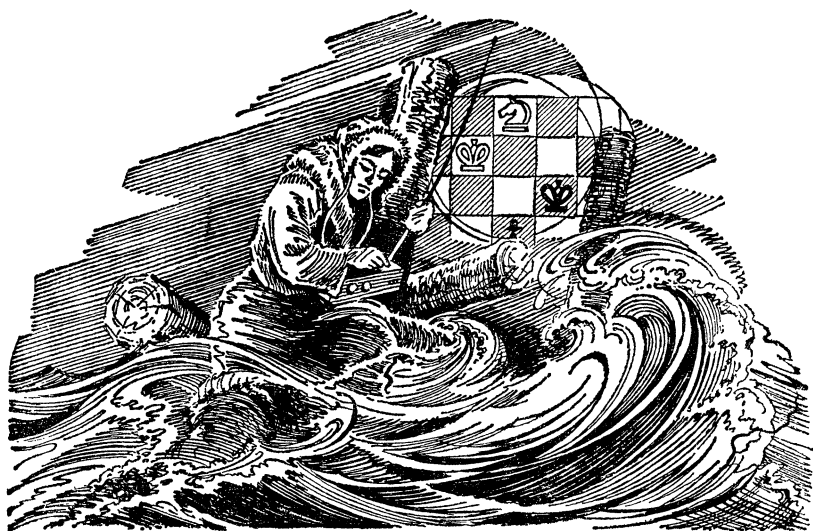
С любопытством мы рассматривали ее. Пластинка из слоновой кости! Золотые инкрустации. Таинственные рисунки. Два из них знакомы нам. Это доказательство теоремы Пифагора. А два других вовсе не шахматные! На одном из них очертание страны — Индии и на нем два скрещенных ножа. На другом те же очертания Индостанского полуострова, но на его фоне... пожимающие одна другую руки.

— Вот что подарил мне индеец. Смысл рисунка таков: истинная мудрость, говорят первые рисунки, не во вражде народов Индии, а в их дружбе — заканчивают вторые. Под впечатлением этих рисунков и я составил свой этюд.

— А теорема Пифагора? — спросил старший механик.

— О ней я слышал и раньше. Доказательство было обнаружено при каких-то раскопках. Им увлекался еще Лев Николаевич Толстой. Еще раз простите мою шутку, но она помогла вам вылечиться от морской болезни. Чтобы не страдать от нее, надо найти себе занятие, которое вас поглотит полностью. А я пойду на мостик. Туман раздвигает.

Я пошел за ним следом. Тогда, четверть века назад, когда мы плавали на «Георгии Седове», я не мог рассказать ему, что много лет спустя после публикации этого рассказа я обнаружу в школьном учебнике своего сына доказательство теоремы Пифагора, так знакомое мне по давнему арктическому плаванию. Оно совсем не походило на неуклюжие пифагоровы штаны моих школьных дней. Из ста восьмидесяти доказательств теоремы Пифагора в школьные учебники ныне взято именно древнее индийское, изображенное на призывающей к дружбе пластинке из слоновой кости.

НЫРЯЮЩИЙ ОСТРОВ

Играя в шахматы, мы приобретаем привычку не падать духом и, надеясь на благоприятные изменения, упорно искать новые возможности.

Б. Франклин. «Смысл шахмат»

— Уж если говорить о шахматах и таинственных землях, так стоит вспомнить о Ныряющем острове.

— Что это за остров и при чем тут шахматы?

Так начался обычный для нашего арктического плавания вечер в кают-компании «Георгия Седова».

— Этот остров не значится ни на какой карте, — сказал очередной наш рассказчик, огромный человек с седеющими волосами, кудрявыми, как у купидона, и весело прищуренными глазами. — Пошло все с приезда геодезической партии, устроившей на моей полярной станции базу. Начальником партии была боевая девица, занозистая, славная, отчаянная, красивая, только не дай бог ей об этом сказать... Звали ее Таней, то есть Татьяной Михайловной. На Большой земле она, говорят, прыгала с десятиметровой вышки в воду со всякими пирутами, знала опасные приемы каратэ и здорово играла в шахматы. Первый ее талант в Арктике, конечно, не проверишь, а вот с другими своими талантами она меня конечно познакомила.

— Обыграла в шахматы?

— Да... и в шахматы, — замаявшись, ответил рассказчик, почему-то потеряв левое плечо, потом оживился. — Можно сказать,

досадно обыгрывала. Я ведь не из слабенъких. И с кандидатами в мастера, да и с мастерами встречался, когда в отпуску бывал. И не с позорным счетом... А вот с ней... Черт ее знает! Или она на меня так действовала, или курьезным самородком была... Стиль, знаете ли, агрессивный, яркий... Жертвы, комбинации и матовые сети... Сети у нее вообще были опасные... — рассказчик засмеялся, потом добавил: — Может быть, новая Вера Менчик в ней пропала.

— Почему пропала?

— О том рассказ впереди. Я сам посмеяться люблю, подшутить или разыграть... А тут — разгромит она меня да еще и насмеяется. Э-эх! Так и сжал бы ее ручищами вот этими, так бы и сжал! И вбила она однажды в свою голову, что должна произвести съемку Ныряющего острова. А островом таким в наших краях назывался не то остров, не то мель, — словом, опасное место. Иные моряки там на берег сходили, а другие клялись, что нет там никакой земли. Я было пытался Таню, то есть Татьяну Михайловну, отговорить, да куда там! Предложила она мне в шахматы сыграть на ставку. Будь другая ставка, я бы отказался. А тут если проиграю, то должен ее на остров Ныряющий сопровождать. «Посмотрим, — говорит, — есть ли у этого «богатыря с прищуром» что-нибудь кроме прищура». Ну, я и проиграл. Не то чтобы поддался, но... одну ее в такое путешествие не хотелось отпускать... А так просто она бы не взяла. Впрочем, может быть, она и по-настоящему у меня тогда выиграла бы. Словом, отправились мы на катере, груженном бревнами плавника, который сибирские реки в море выпоят. Опять же — ее затея! Непременно хотела на Ныряющем геодезический знак поставить. Захватила она с собой хороших ребят — и своих, и моих. Распоряжалась на моей станции, как хозяйка. Везучая она была. Представьте, нашли мы неизвестный по картам остров. Скалистый, угрюмый, совсем маленький. Если он в самом деле под воду уходит, то напороться на него килем никому не понравится.

Нашли мы остров, высадились на него и принялись геодезический знак ставить, целую башню деревянную — прямо маяк. Бревна ворочать — работа нелегкая. Даже на полярном ветру, который разыгрывался, жарко становится. Однако дело к концу... А Таня моя собралась с треногой и геодезией своей на другой край острова — съемки производить. Я, конечно, напросился сопровождать ее в виде чернорабочего: треногу и рейку таскать. На меня глядя, она говорила, что я вполне сам за геодезический знак сойду, если меня на острове оставить. Насмешки ее я покорно сносил и ею совсем не украдкой любовался. Хороша она была в своем ватнике, в мальчишеских штанах и сапогах — закаляла она всегда себя, — стройненькая такая и с косой, которую ветер из-под шапки иногда вырывал. Чудная у нее была коса... Если распустить ее и лицо в волосах спрятать — задохнуться от счастья можно.

Надоели мне рейки, треноги, подошел я и сел у ее ног. Она шапку с меня сбросила и волосы взъерошила. Не передать вам,

что я почувствовал... В Арктике, в пустыне, среди скал одни мы с ней. Никого вокруг!

Кровь мне в голову ударила. Вскочил, смотрю ей в глаза. А они смеются, зовут, ласкают... Или показалось мне все это. Ну, сгреб я ее тогда, сгреб Таню мою в охапку, к губам ее пистово прижался. Голова кругом идет, плыву, несусь, лечу...

А тело у нее как стальная пружинка — твердое, гибкое. Вывернулась она из моих ручищ да как закатит мне пощечину, у меня аж круги перед глазами... Уже не лечу, а упал с высот неясных. Словом, оторопел я, а она... Ну, братцы, никому этого не пожелаю, это похуже шахматного проигрыша! Сначала она мне руку в плечо вывернула, а потом применила такой прием джуджитсу или каратэ, уж не знаю, специально против мужчин такой прием есть, — применила она этот страшный прием... и согнулся я пополам, чуть зайцем не заголосил и на камни повалился. Темно в глазах. Еле в себя пришел. Вижу: она уже далеко, рейку и треногу на плечо взвалила и идет не оглядывается. Поплелся я к геодезическому знаку, сам от стыда сгораю. Подошел к ребятам. Слышу, она распоряжения отдает, на меня не смотрит. Ушам своим не верю — всем отправиться на базу и вернуться за ней только через два дня. Съемку острова сама произведет.

Ребята пожимают плечами. А я молчу. А что я могу сказать? Чувствую себя последним человеком. Меня она не замечает. Лучше бы мне деревянным знаком, бревном на острове торчать — все бы в теодолит свой на меня посмотрела!

А все-таки взглянула она на меня, взглянула, когда катер от берега отходил! И показалось мне, что улыбаются зеленые ее глаза. Все на свете я забыл, готов был в ледяную воду броситься — к ней плыть.

Все же сдержался. Ледяная ванна мне нипочем, а вот как она встретит, каким приемом?...

Долго еще видел ее фигурку на одинокой скале, едва поднимающейся над водой. Смотрела Таня нам вслед! Смотрела! А потом остров исчез в снежном заряде.

Ветер все крепчал. Пошли штормовые валы, совсем как крепостные, отделенные один от другого глубокими рвами. Катерок наш то на бок ложился, то в небо целился, то очертя голову в яму нырял. Кое-кому не по себе стало.

На полярную станцию мы вернулись еле живы. Никогда такого шторма на катере переносить не приходилось. Как мы уцелели — сам не знаю. Я, признаться, даже радовался, что Тани с нами нет.

Но радовался я преждевременно.

Первое, что я сделал, ступив на землю, — побежал в радиорубку, постарался связаться с Таней по радио; походную рацию она все-таки при себе оставила.

Самым страшным был веселый Тапин ответ:

— Нет больше загадки Ныряющего острова! Он попомногу уходит под воду. Осталась только скала с геодезическим знаком и еще ваша Таня, которая поздравляет вас с географическим и

гидрологическим открытием! Уровень воды в проливе зависит не от Луны, не от времени суток, а от силы и направления ветра.

И мне привет передает.

Вот тогда у меня первые седые волосы и появились. На катере плыть к острову и думать нечего: кверху килем мимо проплывем. Но что делать? Как Танию с острова снять, пока он окончательно не нырнул?

Забил я тревогу на всю Арктику. Радиограммы о бедствии даю панические.

Из радиорубки всю ночь не выходил, о сне и думать не мог. Танин бодрый голос я слушал в репродукторе, как голос своей совести. Как мог я оставить девушку одну? Как мог?..

— Все в порядке, — сообщила она. — Могу еще стоять на спине у своего ныряющего чудовища. Стою около знака и даже ног не замочила. Как только ветер кончится, возьмусь за съемку. Раньше, чем я потребую, катера не высылать.

Катера не высылать! О каком катере может идти речь в такой шторм!

И тут я получил радиограмму от капитана Бориса Ефимовича с борта ледокольного парохода «Георгий Седов». Помните, Борис Ефимович, вы приказ тогда получили идти к острову Ныряющему, снять с него геодезистку?

— Как не помнить! — отозвался наш капитан. — Хорошо помню, в какой шторм к вашей полярной станции подошел. Только сумасшедший мог в такое волнение с берега в шлюпке выйти.

— Что же, я и был сумасшедший, — признался рассказчик. — Шлюпка у самого берега получила пробоину, и не спусти вы катер, мне бы не добраться до корабля.

Капитан усмехнулся:

— Сухой питки на нем не было.

— Я этого не замечал. Танину просьбу я еще до прихода «Георгия Седова» получил. Таня сообщила, что вынуждена забраться на геодезический знак и рассчитывает отсидеться на нем до перемены ветра. А пока просит меня организовать ей шахматную партию по радио... с гроссмейстером.

— Обязательно хочу хоть раз в жизни с гроссмейстером сыграть, — и добавила: — Пока вода не спадет.

А я понимал, что это была ее последняя просьба. И я не мог ее не выполнить. Но и выполнить ее было невозможно. Как связаться с Москвой? Как тратить время на передачу ходов, когда нужна постоянная связь с «Георгием Седовым», с самолетами, если погода позволит? Как тут быть? Пусть простит мне гроссмейстер Флор, что я осмелился вместо него играть шахматную партию, прикрываясь его именем. Я сообщил Тане, что гроссмейстер Флор согласился играть с нею и придет для этого в радиоцентр Главсевморпути. Ходы будут передавать немедленно через нашу полярную станцию.

Поверьте, эта шахматная партия состарила меня на много лет. Боюсь, что моя игра была не слишком высокого класса, но, кля-

нись вам, я играл изо всех сил, потому что боялся, как бы Таня не обнаружила обман.

Но она не обнаружила его! Она играла не глядя на доску, но отвечала быстро. Милый Флор, он не подозревал даже, что некая девушка рискнет играть с ним вслепую!

Я ждал ответных радиogramм от Тани с очередным ходом, как вестей жизни... Я понимал, что игрой в шахматы Таня поддерживает себя...

Я холодел, слушая ее ровный голос, которым она сообщала после переданного ею очередного хода, что «остров полностью скрылся под водой» или «до вершины знака осталось еще полтора метра». И она еще заботилась, чтобы мы непременно сообщили все подробности океанологам — это будет им так важно, так интересно!

Пока я перебирался на борт «География Седова», слегка вымокнув, как сказал тут капитан, два хода в партии сделали за меня — вернее, за гротмейстера Флора — мои ребята.

«География Седов» на всех парах шел к тому месту, где недавно был остров Нырющий. Нам с Борисом Ефимовичем сообщили с полярной станции положение, которое сложилось в шахматной партии с Таней. Разрешите мне поставить его на доске. Борис Ефимович, вы помните?

— Еще бы! — отозвался капитан.

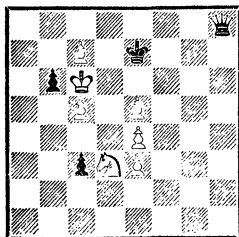
— Дальше партию с Таней продолжали мы с Борисом Ефимовичем совместно, но... Впрочем, вы сейчас все увидите сами.

Капитан сходил в свою каюту за шахматами. Рассказчик поставил на доске позицию.¹¹⁸

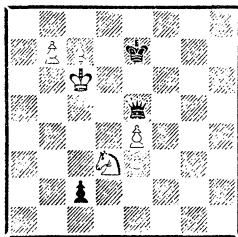
— В последней радиogramме Таня сообщила, что забралась на самую вершину знака, и волны, как она сказала, задевают ее ноги пенными лапами. Она все еще бодрилась и даже по-детски радовалась, что не проигрывает «гротмейстеру».

Однако вроде могла и проиграть. Осталась без ферзя за коня с пешками, да и играла она не глядя на доску, в чем, правда, любила упражняться у нас на станции. Больше всего мы боялись с Борисом Ефимовичем выиграть у нее ненароком. И теперь мечтали свести партию к вечному шаху. Сыграй, она скажем, 41. сb и мы сразу форсировали бы ничью — 41. .c2 42. b7 Ф : e5¹¹⁹, и новый ферзь на c1 даст вечный шах! А если 42. Kрb7, то Фh7 43. c8Ф : e4+ 44. Фc6 Ф : d3¹²⁰ и почетная ничья, потому что линия

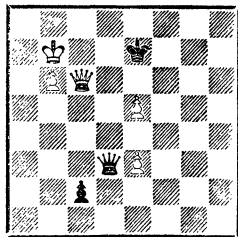
118

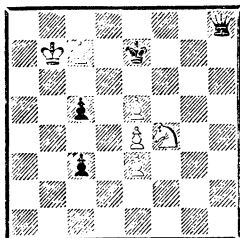
119

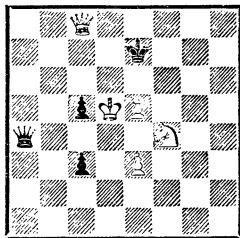
120

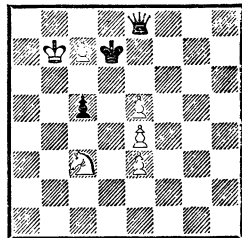
121

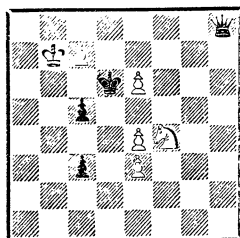
122

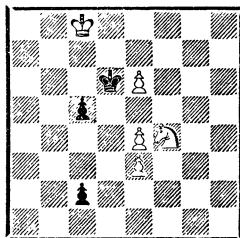
123

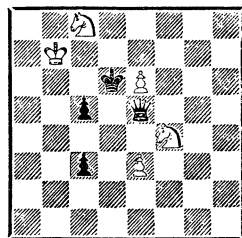
124

125

126

«с» открыта. 45. Фf6+ Кре8 46. е6 Фh7+, нет хода 47. Крс8 из-за с1Ф+. Удивительно, что Таня все это видела «вслепую» и сыграла 41. **Крb7**, стремясь во что бы то ни стало выиграть! Теперь ее пешка с5 обрела огромную силу, грозя пойти вперед. Например: 41. . . .Фh7 42. с6! Ф : е4 43. с8Ф Ф : d3 44. Фh8 с2 45. Фf6+ Кре8 46. е6, и «гроссмейстер» проиграл бы! Потому пришлось нам коварную пешку взять: 41. . . .bc. Казалось, Таня не будет теперь рваться к победе и ей можно предложить «великодушную ничью». Но не тут-то было! Таня озадачила нас: 42. **Kf4!**¹²¹, угрожая вилкой на g6. Двинешься пешкой «с» в ферзи — проиграешь ферзя на h8, да и партию тоже! Из-за той же вилки на g6 нельзя брать ферзем лакомую пешку на е5. Мы долго спорили, как тут сыграть. Если 42. . . .Фh7, то 43. с8Ф Ф : е4+ 44. Крb6 Фb4+45. Крb6 Фа4+46. Крд5¹²² и король уйдет от шахов с победой! Не годилось и 42. . . .Фe8 из-за 43. Kd5+ Кре6 44. К : с3 Крд7 и белые выиграют после 45. е6+ и размена ферзями на с8. Подумав, мы сочли за лучшее придержать поле с8 королем: 42. . . .Крд7. И сразу по радио получили ответ — 43.е6+. Деваться нам было некуда: 43. . . .Крд6,¹²⁴ и мы предложили ничью, поскольку полагали, что размен ферзями вынуждает Таню дать свое согласие на мир: 44. с8Ф Ф : с8+45. Кр : с8 с2,¹²⁵ и придется Тане держать нашу пешку конем, допуская уничтожение всех и белых и черных пешек. Мы послали Тане наш последний ход, рассчитывая, что она согласится на ничью. Однако ответа мы не дождались, так и не поздравив ее с выигрышем.

— Как так с выигрышем? — удивился кто-то. — Что-то его не видно.

— В том-то и дело, что Таня его прекрасно видела! И мы тоже узрели, только попозже. Оказывается, 44. е5+, и вместо размена

ферзей на с8 приходится бить 44. .Ф : с5, а теперь, смешно сказать, мат в один ход — 45. с8К мат! ¹²⁶

— Здорово! — согласились присутствующие.

— Не мог же гроссмейстер доиграться до мата! Мы спохватились и послали вдогонку ничейной радиограмме поздравление с победой. Но Таня не приняла радиограмму, не ответила на обе...

Все долго молчали. В кают-компанию с твиндека доносились голоса, потом они смолкли, и слышно было, как шелестели о борту волны, а может быть, мелкие льдины...

Кто-то спросил, робко, неуверенно:

— Как же Таня? Ее геодезический знак? Ее остров?

Рассказчик сощурился:

— Хорошая мысль назвать остров ее именем, только... С тех пор никто ни разу не видел Ныряющего острова. На карте он нанесен Борисом Ефимовичем как опасная мель...

— А Таня?

— Татьяна Михайловна вышла за меня замуж. Но если вы спросите у нее о том, что я рассказал, она ничего не вспомнит: ни острова, ни знака, ни игровой партии, более того, она даже не знает сейчас ходов шахматных фигур. И она, конечно, станет вас уверять, что все это я выдумал.

— Значит...значит, она жива!

— Ясно. Мою Таню, мою изумительную, милую Таню, «Георгий Седов» вскоре подобрал. Она была без сознания, к бревнам геодезического знака, смытого с нырнувшего острова, она оказалась привязанной. Много дней была Таня между жизнью и смертью. А когда пришла в себя, то забыла все-все... Все, что случилось, даже шахматы...

— Как? И пощечины не помнит?

Рассказчик улыбнулся, словно ему напомнили о чем-то необычайно приятном:

— Представьте себе такую аномалию — только это и помнит! Медицина — специальный доктор к нам приезжал, изучающий потерю памяти, — плохо медицина разбирается в женской логике.

— Неплохая женская логика — заматовать превращенным конем при живом вражеском ферзе.

— Потемки! — развел руками рассказчик и лукаво улыбнулся.

Через несколько дней наш «богатырь с прищуром» сходил на берег. В капитанский бинокль я видел, как катер «Петушок» подошел к причалу, как вышли из него пассажиры. Навстречу тому, кто на голову выше всех, с берега бросилась тоненькая женщина. Он обнял ее, «сжал своими ручищами», и ее фигурки совсем не стало видно.

Вот какая удивительная Таня! А что, если она вспомнит о своем приключении на острове Ныряющем, снова научится играть в шахматы? Удивит шахматный мир?

Кто знает! Нас она удивила... И не только шахматами...

МАРСИАНСКАЯ ПАРТИЯ

Судить о достоинствах человека на основании его игры в шахматы можно более точно, чем на основе всех антропологических и графологических исследований.

Карел Круцкий

На этот раз «кают-компания» была на палубе речного теплохода, нарядного, белоснежного.

Был жаркий вечер, пестершимая духота в каютах выгнала всех на палубу. Пассажиры собирались группами, сдвигая шезлонги и стулья. Уходившие пейзажи подсказывали интересные истории. И, как водится, кое-кто играл в шахматы.

Мы подсели к играющим. Моего знаменитого спутника узнали сразу. Партнерам показалось кощунством играть при нем, и они смешали фигуры.

Седой полковник очень интересно рассказывал о березовом пне... Яркая береза на высоком берегу напомнила ему вот такую же стройную русскую березку, которая одиннадцать раз переходила в боях из рук в руки, пока не превратилась в обугленный пень. Но даже и пень гитлеровцам не достался...

— Гитлеру — капут. Да и вообще Марсу, богу войны, — капут! — сказал молодой человек с модными висячими усами. — К Марсу автоматические станции летят.

— Ну что ж, — сказал полковник. — Поскольку кают-компания у нас образовалась на палубе и я свою очередь отбыл, то...

— То очередь за марсианином! — вставил молодой усач.

— Как так за марсианином? — удивилась синеглазая девушка.

Мы с моим спутником переглянулись.

— А кто из присутствующих антинаучно доказывал, будто над тунгусской тайгой взорвался марсианский корабль? — с хитрецей сказал усач, глядя в мою сторону.

— О том, какой был взрыв над тунгусской тайгой в 1908 году, теперь спорят ученые между собой, без фантастов. Фантасту остается перейти на... марсиан непосредственно.

— Все последние данные автоматических станций говорят, что никаких марсиан быть не может. Нет там ни атмосферы подходящей, ни воды!

— Зато есть русла бывших рек и овраги, образовавшиеся при паводках.

— Куда же вода делась?

— Загадка, которую еще предстоит решить. Может быть, некая катастрофа изменила орбиту Марса, условия жизни на нем. И все живое должно было или погибнуть, или приспособиться к новым условиям.

— В том числе и разумные?

— Вот они-то скорее всего могли уйти в глубинные убежища с искусственно созданными условиями жизни.

— Ну и ну! — сказал полковник. — Опять марсиане?

— Расскажите, расскажите, — попросила девушка.

— Речь пойдет об обыденной встрече лет пятнадцать назад, в скучной комнате с потеками на потолке и чернильными пятнами на столах в Центральном аэроклубе СССР имени Чкалова в Тушино, под Москвой. Мы мимо проплывем.

— Уж не марсианин ли до Тушино добрался?

— В тот день я дежурил в аэроклубе как член бюро созданной тогда на общественных началах секции астронавтики. Нас тогда еще называли «лунатиками». Но мы стойко сносили насмешки, не подозревая, что очень скоро на нашей улице будет праздник: запущен первый в мире искусственный спутник Земли, а потом Юрий Гагарин, с его незабываемой улыбкой, шагнет в космос.

Я уже собирался уходить, когда заметил в окне «его». Я задержался, словно знал, что он идет ко мне. Что-то странное показалось мне в его походке или в нем... Это ощущение еще более усилилось, когда я увидел его вблизи. (Оказывается, он действительно шел ко мне!) Но дело было не в его маленьком росте и затрудненных, казалось бы, движениях, даже не в крупной шишковатой и совершенно лишенной волос голове... Меня поразил взгляд его больших умных глаз, измененных диковинными выпуклыми стеклами очков. Они приближали ко мне его миндалевидные, чуть печальные глаза, проникающие в собеседника, все понимающие...

Он положил на стол толстую рукопись и ласково посмотрел на меня, заметив, конечно, мой «легкий испуг».

«Нет, это не для литконсультации и не для печати,— сказал он.— Конечно, преждевременно говорить о межпланетных полетах и о составе экипажа кораблей. И все же мне хочется заручиться поддержкой вашей секции».

Передо мной стоял не юноша, с ним неловко было пошутить, нельзя было посоветовать ему овладеть науками, которые понадобятся исследователю планет. Непостижимым путем он понял меня и сказал:

«Я не астронавт, не геолог, не врач, не инженер.— Он чуть задержал дыхание.— Хотя мог бы быть каждым из них. Но все же я рассчитываю на поддержку, ибо мне необходимо... вернуться... на Марс».

Мне стало не по себе.

— Обыкновенный псих,— прервал мой рассказ молодой усадебный сидевший за шахматами. Он скептически улыбнулся.

— И у меня мелькнула такая же мысль. Припомнилось, как еще в 1940 году я читал письмо одного заведующего универсамом в Свердловске, просившего помочь ему вернуться на Марс. Говорят, во всем остальном работник торговли был вполне нормальным человеком.— Посетитель мой улыбнулся. В глазах его я прочел, что он опять понял меня. Я поймал себя на том, что не только он угадывает мои мысли, но и я понимаю его даже без слов. Легче всего было счесть его больным.

«Да,— сказал посетитель.— Первое время я попадал в сумасшедший дом, пока не понял, что бесполезно убеждать людей в том, что я не человек».

Я развернул рукопись и нахмурился, увидев испещренную странными знаками страницу. Что это? Мистификация?

«Я мог бы написать на русском или английском языке, на французском или испанском, по-немецки, по-китайски или по-японски, пользуясь одной из принятых у вас на Земле письменностей, но... важнее было убедить людей, что невозможно разумному индивиду в полном одиночестве выдумать неведомый, якобы его родной язык, со всей его выразительностью и гибкостью; нельзя изобрести письменность для записи всех богатств этого языка. Важно, чтобы, поняв это, люди осознали, что все это может быть написано лишь представителем далекого мудрого племени, живущего в суровом мире увядания, в глубинах непригодной теперь для жизни планеты».

— Так и есть! Глубинные города Марса! — воскликнул молодой шахматист. Полковник строгим взглядом призвал его к порядку.

— Я осторожно перелистывал рукопись: «Как же это прачесть?»

И снова я увидел за очками ласковое, снисходительное участие:

«Ваше время располагает кибернетическими машинами, способными расшифровать даже древние иероглифы. Мои вряд ли

будут труднее. Если я расшифровал бы их сам, мне никто не поверил бы».

Я почти понял, кем написана странная рукопись, и ощутил всю нелепость своего положения. Кто заинтересуется этой встречей: весь мир или группа психиатров?

Через выпуклый хрусталь очков на меня смотрели передающие и читающие мысли глаза. Разве возможны с ним ложь, ханжество или лицемерие? И я признался, что всей душой хочу верить ему, но... пока не могу.

Он улыбнулся. Мы договорились встретиться через полгода. За это время я должен был уговорить кибернетиков расшифровать необыкновенную рукопись.

— А что потом? — нетерпеливо спросила девушка.

— Потом многое произошло. Запущены были искусственные спутники Земли, поднялся в космос человек, ступил на Луну, на Венеру и Марс спустились автоматические станции... Кибернетики расшифровали загадочную письменность древних майя. И, конечно, вы поверите мне, что им под силу оказалось и прочесть переданную мне рукопись.

— Что же там было написано? — спросил полковник.

— Вы знаете, конечно, как дорог каждый час электронно-вычислительной машины. Молодые ученые, которые, как я подозреваю, хотели разоблачить меня — фантаста, могли выкроить время, позволившее им расшифровать лишь первую и последнюю страницы дневника...

— Дневника? — перебила девушка. Глаза ее горели.

— Да, дневника, в котором день за днем записывались впечатления марсианина, прыгнувшего с помощью какого-то аппарата на Землю перед трагической гибелью марсианского корабля в тунгусской тайге в 1908 году.

— Ох и упорны же вы! — воскликнул молодой усач.

— Что делать! Я оперирую только фактами. Моя гипотеза оправдана уже тем, что привлекла в тайгу множество экспедиций, а главное, привела ко мне моего марсианина (уходя, он признался мне в этом!).

— И как же дневник? — допытывалась девушка.

— Признаться, я хотел было опубликовать дневник марсианина в виде романа, в котором можно было взглянуть на нашу жизнь чужими глазами, глазами существа высшего по формации общества, смотрящего на нас как бы из будущего. Но... у меня были лишь две страницы дневника, а выдумывать мне не хотелось. Я ведь сторонник реалистической фантастики! А сам марсианин больше не появлялся.

Но я часто думал о нем. Каким представлялись ему мы в первые его дни общения с нами? Да и потом, когда он был современником мировых войн, кого он мог видеть в тех, кто пролитой кровью решал споры, кто насильственно заставлял людей работать на себя, делая одних счастливыми, других несчастными?

Из последней страницы дневника я узнал, что он стремился в страну, где начинали строить основы привычного ему общества.

Я ощущал, читая последние строки, как изменился он, живя с людьми и меняя мнение о них. Восхищенный взрывоподобным развитием их культуры, когда за столетие был пройден этап истории, потребовавший на Марсе миллионов лет, марсианин мечтал, что более удачливые и энергичные, чем его соплеменники, земляне вернут его на суровый и любимый Марс, куда он мечтал принести с собой неистощимую, рвущуюся наружу энергию людей, их жизненную силу, способную преобразить Марс, вернуть ему былые условия жизни.

— Так почему же вы не расшифровали остальные страницы? — спросила, явно волнуясь, девушка.

— В том-то и дело, что мне мешало мое имя фантаста. Никто из высших руководителей не хотел отпускать на «бредовую идею» бесценные часы работы электронно-вычислительных машин!

— Как можно! Как можно! — воскликнула девушка. — Да я теперь все время буду воображать, что он смотрит на меня, когда я решаюсь на что-нибудь, смотрит глазами члена коммунистического общества, из будущего... нашего будущего. Ах, если бы он пришел!

— Он все-таки пришел... через десять лет.

Все искренне обрадовались.

— Он перевел вам сам остальные страницы дневника? — спросила девушка.

— Нет. Он усомнился, что опубликованные в виде романа, они привлекут к нему внимание. На этот раз он пришел ко мне домой с новым планом доказательства того, что он — чужепланетное существо, представитель высокоразвитой цивилизации.

— Может быть, у него сердце с правой стороны? — пошутил кто-то из слушателей.

— Его организм удивительно похож на человеческий. Он утверждал лишь, что, как и все его соплеменники, обладает особыми способностями мозга. И хотел с моей помощью продемонстрировать это всему миру.

— Он умел делать сложные вычисления в уме? — спросил полковник.

— Он попросил меня устроить ему встречу с самым знаменитым шахматистом (он знал о моей причастности к шахматам). И он опять угадал мои мысли:

«Вы думаете, вам трудно будет уговорить прославленного гроссмейстера встретиться с безвестным противником? Вы только сведите нас, я сам постараюсь убедить его».

И я познакомил его с одним из выдающихся дарований — вы извините, гроссмейстер, что я так говорю о вас.

— Польщен, — отозвался мой спутник, молчавший до сих пор.

— Теперь признайтесь, что вы почувствовали, когда я представил его вам в шахматном клубе?

— Сперва я был обескуражен, — признался гроссмейстер.

— Но хотелось понять, чего хочет этот странный человек.

— Человек! — почти возмутилась девушка.

— Таким он мне показался. Потом я почувствовал, что не могу не пойти ему навстречу.

— Ну ясно! Гипноз,— решил полковник.

— Я тоже так сперва подумал. Поэтому, когда мы сели уже за шахматный столик, я старался не смотреть ему в глаза.

— Говорят, шахматное искусство — это умение разгадывать чужие мысли. Он узнавал ваши намерения за доской? — спросил шахматист-усач.

— Не больше, чем любой противник. Он пообещал продемонстрировать торжество мысли над «грубой силой».

— Но почему это надо доказывать с помощью шахмат? — пожал плечами полковник.

— Мне это показалось понятным,— ответил гроссмейстер.— Я, конечно, не поверил, что это марсианин, я считал его за чудака, быть может, даже больного... Почему шахматы, спрашиваете вы? Да потому, что условная концепция шахмат, как известно, позволяет математикам эффективно проводить сравнительное программирование электронно-вычислительных систем. В шахматах, пусть в условной форме, воспроизводятся некоторые аналогии жизни и борьбы. Мне показалось занятным «проверить» того, кто называл себя марсианином, и, не скрою, я в равной степени хотел и разоблачить его, и... убедиться, что он действительно марсианин.

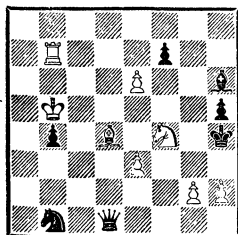
— Единственная партия с ним сыграна вами,— обратился я к гроссмейстеру.— Посмотрим ее. Может быть, присутствующие на самом деле решат, что против вас играло существо с неземными способностями.

— Покажите нам эту партию,— попросили все.

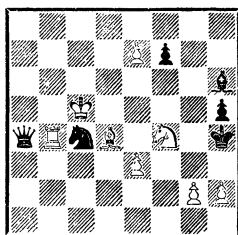
Гроссмейстер молча расставил на доске позицию¹²⁷.

— Я не буду рассказывать, как я дошел до жизни такой. Я стремился «наказать» смельчака, поднявшего на меня руку. Я намеренно шел на необычную позицию. В результате мне удалось поставить ферзя на d1 и получить материальный перевес. Во всяком случае я полагал, что ничья у меня в кармане. Марсианин играл белыми и сделал активный ход пешкой: 1.e7. Я ввел в бой коня: 1...Ka3+ 2. Kpb6. Очень тонкий ход. Как показывает анализ, все остальные отступления короля хуже. Мне оставалось только шаховать конем — 2...Kc4+. Увы, не помогло бы 2...Фа4? 3. Kd5! Kc4+ 4. Kpc7, и грозит 5. Л: d4. 3. Kpc5 Фа4. В этом положении, к моему удивлению, марсианин решил отдать

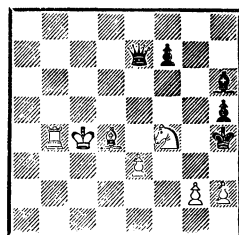
127

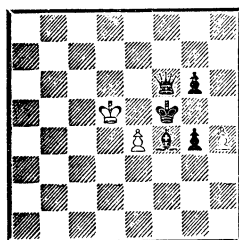
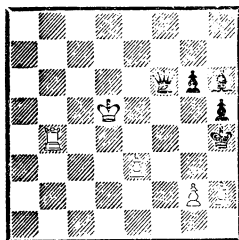

128

129

проходную пешку, казалось бы, единственную свою надежду! 4. $\text{Л} : \text{b4!}$ ¹²⁸ Ладья стала в глубокую засаду против моего короля, который отделен от нее целыми тремя фигурами. Одновременно как бы взводится пружина задуманного марсианином механизма. Мне ничего не оставалось, как взять опасную пешку. 4. . . $\text{Фa7} - 5. \text{Кр} : \text{e4} \text{ Ф} : \text{e7}$ ¹²⁹. И вот здесь-то марсианин и спустил взведенную пружину, обрушив на меня целый фейерверк жертв: 6. $\text{Kg6} + \text{fg}$ 7. $\text{Cf6} + \text{Ф} : \text{f6}$. Марсианин своеобразно демонстрирует торжество мысли. На моей стороне сила, но, увы, смотрите, как она оборачивается против меня же! 8. $\text{Kpd5} -$ ¹³⁰. Я бы мог попробовать 8. . . Cf4? , отдавая ферзя и слона за ладью, но получал безнадежный пешечный эндшпиль. Это был бы «серый проигрыш», недостойный моего противника. Видя все последующее, я не считал себя вправе помешать ему довести замысел до конца.

— Мы всегда считали вас, гроссмейстер, художником шахмат, — заметил старший из шахматистов.

— Польщен, — сказал гроссмейстер и стал продолжать рассказ: — 8. . . Kpg5 9. $\text{h4} + \text{Kpf5}$. И теперь следуют уже неизбежные удары, утверждающие торжество дальнего расчета: 10. $\text{g4} + \text{hg}$ 11. $\text{Лf4} +$, — конечно, не 11. $\text{e4} + ?$ с выигрышем ферзя, но не партии. Марсианин сыграл точно, как задумал! 11. . . $\text{С} : \text{f4}$ 12. e4 мат!¹³¹

— Это надо же! Две пешечки против целой армии во главе с черным ферзем! — восхищался старший шахматист.

— Красота — это неожиданность парадокса. Я вам всегда это говорил! — отозвался молодой усач.

— Да, в этой партии я получил мат, которым горжусь, — продолжал гроссмейстер. — Финальное положение говорит само за себя. Эту проигранную партию я включу в сборник своих партий.

— Может быть, я не слишком много понимаю в шахматах, — сказала девушка, — но мне хочется думать, что он действительно был марсианином. А где он? Помогла ему шахматная партия?

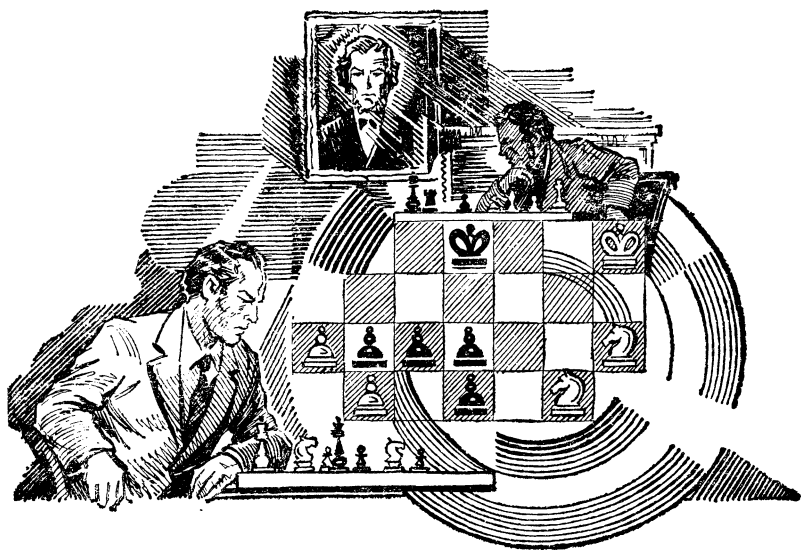
— Он больше не появлялся и другие партии играть с гроссмейстером отказался.

— Вам надо будет опубликовать, как оно было, — посоветовал старший шахматист.

— Не знаю, — замотал головой полковник. — Удивительно!

— Я сделал одну попытку, — ответил я. — Послал позицию из этой марсианской партии на всемирную олимпиаду по шахматам. И там ее автору, то есть, по существу говоря, марсианину, была присуждена золотая олимпийская медаль. Я храню ее до нашей с ним будущей встречи.

— Сейчас опять полетели к Марсу наши корабли. Он явится, непременно явится, — увлеченно сказал молодой шахматист.

МАТЧ АНТИМИРОВ

Знаменитый шахматист является артистом, ученым, инженером и, наконец, командующим и победителем.

*Ежи Гижицкий.
«С шахматами через века и страны»*

— Хотели бы вы сыграть партию с Полом Морфи? — спросил я нашего прославленного гроссмейстера.

Он удивленно посмотрел на меня:

— Посылать ходы на сто с лишним лет назад и получить ответы из прошлого? Бред!

— А если серьезно?

— Машина времени? Знаю я вас фантастов! Четырехмерный континуум «Пространство — Время»... Это понятие ввел Минковский для математического оформления теории Эйнштейна. Но ведь время-то там нельзя измерять так же, как расстояния! Знаем!

— И все же... Сыграть с самим Морфи? Рискнули бы? — искушал я.

Гроссмейстер был задет за живое.

— О каком риске может идти речь? Теоретически я готов, но...

И я рассказал тогда гроссмейстеру, что в день, когда к нам в Центральный Дом литераторов приехал известный польский фантаст Станислав Лем, там была встреча с телепатами. Думая доставить польскому гостю удовольствие, я пригласил его послушать «парапсихологов»: ведь фантаста должно интересовать все, что не укладывается в рамки известного.

Станислав Лем прекрасно говорит по-русски и даже охотно поет наши песни, в чем я убедился, отвозя его вечером после встречи. Так что ему не представило труда слушать докладчика. Я укордкой поглядывал на Лема и видел, как тот саркастически улыбался или хмурился, когда докладчик, оперируя очень умными научными терминами, вспоминая даже нейтринно, доказывал, что есть полная возможность проникать телепатическим чувством сквозь любые преграды. И, оказывается, не только через тысячи километров, но и во Времени — в прошлое, в будущее. Здесь мы с Лемом многозначительно переглянулись.

Но парапсихолог нимало не был смущен скептицизмом, который по всем законам телепатии должен был ощутить. Он говорил о модных гипотезах существования антимирв. Его надо было понимать в том смысле, что наш ощутимый мир соседствует в каком-то высшем измерении с другими мирами, представляющими собой тот же наш мир, но смещенный во времени. Образно это можно вообразить себе в виде колоды карт, где каждая карта отражала бы наш трехмерный мир в какой-то момент времени. Вся же колода якобы сдвинута так, что карты, лежащие сверху, находятся уже в завтрашнем дне и дальше, а карта, покоящаяся в колоде под нашей, «сиюминутной», картой, — это прожитый нами вчерашний день. И таких слоев времени несчетное множество. Ясновидение же и прочие виды гадания, столь распространенные в прошлом, а за рубежом и сейчас, это якобы не что иное, как способность проникать «высшим взором» из нашей карты в соседнюю.

После доклада мы с Лемом вдоволь посмеялись над «научным обоснованием» хиромантии.

Лем, человек невысокого роста, подвижный, умный, острый на язык, веселый, улыбаясь, сказал, что на этом докладе не хватало еще одного фантаста — Герберта Уэллса. Ему, придумавшему «машину времени», но не придавшему ей никакого реального значения, любопытно было бы услышать, будто перемещение во Времени возможно в любую сторону...

— Если проколоть иглой колоду карт, — подсказал я.

— Вот именно! — подхватил Лем и добавил: — Впрочем, оракулы, кудесники, предсказатели существовали и раньше Уэллса.

— А цыганки и сейчас раскидывают карты, — напомнил я.

— «Ой, сердэнько, позолози ручку. Будет тебе через трефового короля бубновые хлопоты, а через червонную даму дальняя дорога и казенный дом, то есть туз пик», — смеясь, сказал Лем. — А ведь гадальная колода карт нечто знаменательное, не правда ли? В ней — образ антимиров, смещенных во времени.

Об этом разговоре с маститым фантастом несколько лет спустя я рассказал профессору Михаилу Михайловичу Поддьякову, доктору технических наук и заслуженному деятелю науки и техники, когда мы с ним ехали в один из подмосковных физических центров. Ученый широких взглядов, он живо интересовался всем, что отходило от общепринятых догм. Сам он был классиком горного дела,

но завершал фундаментальный труд о строении атома, что могло бы служить второй его докторской диссертацией, на этот раз в области физико-математических наук. Шутя он говорил о себе, что его чтут за горное дело, а он чтит «пгорное». Профессор Поддьяков имел в виду шахматы, сблизившие нас с ним, помимо физики. Мы оба были действительными членами секции физики Московского общества испытателей природы и гордились членством в нем Семенова, Менделеева, Пастера и Фарадея.

Михаил Михайлович обладал редкой способностью математического анализа. С присущим ему юмором он рассказывал, как стал учителем «математических танцев». Удивленный, я переспросил и узнал, что в тридцатые годы проходил он курс западных танцев, вернее, серию курсов, поскольку оказался на редкость неспособным учеником. Однако, будучи незаурядным математиком и шахматистом, не привыкшим сдаваться в сложных положениях, он решил провести математический анализ всех танцевальных па, которые ему не давались. Составил уравнения и блестяще решил их. После этого дело пошло. Он уже не обступал «медвежьими лапами» туфелек своих партнерш и даже сам стал учить танцевать других и брал призы на балльных конкурсах.

— Неужели шахматы помогли? — изумился я.

— Научили всегда искать выход, — подтвердил профессор. — И математика, конечно. Кстати, о Станиславе Леме, телепатии и цыганках, — неожиданно перевел разговор Михаил Михайлович. — Конечно, закон причинности в природе нельзя обойти. Следствие не произойдет раньше причины, яйцо не появится прежде курицы, вылупившейся из него еще цыпленком. Физическое тело не может переместиться в воображаемой колоде трехмерных карт, смещенных во времени, но...

— Что «но»? — насторожился я.

— Передача нематериального сигнала как будто не противоречит закону причинности.

— Сигнала? — обрадовался я.

— Что вы имеете в виду? — испытующе спросил профессор.

— Обмен сигналами, скажем, с прошлым.

— Хотите рассказать предкам, что их ждет?

— Нет. Беседу на равных. Например, сыграть шахматную партию... ну с Морфи.

— Если бы вы не были фантастом, я бы возмутился, — улыбнулся мой собеседник.

— Но почему? Вы ведь всегда против догм. Я не знаю, можно ли передать сигнал во времени с помощью физических машин или аппаратов. А что, если попытаться сделать это с помощью ясновидцев, этих чудодеев нашего века? Они якобы видят на расстоянии даже содержимое несгораемых шкафов. О них писали и в прошлом. Может быть, кто-нибудь из них в состоянии установить контакт с подобным же медиумом девятнадцатого века и через него связаться с Полом Морфи!

— Морфи бросил играть в шахматы, — слабо сопротивлялся профессор.

— Это будет тайная партия. Вроде как бы оккультная.

— Оккультизм меня не интересует, но научные эксперименты, даже экстравагантные, привлекают,— признался Михаил Михайлович.— Только ради этого я помогу вам организовать «матч антимиров». Хорошо звучит? Однако отрицательный результат эксперимента, несомненно, будет позитивным вкладом в науку, для которой требуются однозначные решения.

— В науку? В шахматную, во всяком случае,— заверил я.

— Хорошо. После нашего с вами знакомства с самой могучей на Земле физической машиной под Москвой я дам вам окончательный ответ. Может быть, на международной конференции, на которую я уезжаю за рубеж, удастся кого-нибудь заинтересовать.

Мы осматривали исполинские залы синхрофазотрона-гиганта, а я все думал о ясновидящих. Все ли они шарлатаны? Есть ли явления, пока не понятые людьми, но которыми они пользуются веками?

Основная дорожка ускорителя элементарных частиц могла бы служить не только для их разгона, но и для испытаний скаковых лошадей. Однако чем же связана эта чудо-машина, помогающая проникнуть в тайны мироздания, с тайнами ясновидения? Что имел в виду профессор?

В Западной Европе есть некий ясновидец, который состоял даже на службе в полиции. Я сам видел документы и кинокадры его деятельности. К нему обращаются всякий раз, когда нужно найти исчезнувшего человека. И он, якобы видя погибшего, безошибочно описывает окружающую обстановку и в конце концов приводит сыщиков к его телу, где бы оно ни находилось — на земле или под водой. Чепуха какая-то, сказал бы Станислав Лем, да и Герберт Уэллс не поверил бы. Одно дело литературный прием (здесь все дозволено!), другое — реальное представление о соседствующих с нами антимирах, куда, как в окошко, заглядывают наделенные противостественными способностями медиумы. На Западе шарлатаны от ясновидения создали нечто вроде «индустрии предсказаний», извлекая из нее немалые барыши. И есть там прославленные дамы, с которыми советуются о грядущем даже видные политики, старающиеся не попасть впросак. Мне привелось, как и многим телезрителям, видеть фильмы кинематографистов ГДР, заснявших одну такую западногерманскую гадательницу. Она выглядела довольно вульгарно и уж во всяком случае менее романтично, чем любая цыганка из табора.

И все-таки, размышляя я, глядя на огромный зал камеры «Светлана», где мерно, громко и загадочно вздыхала от внутренних взрывов какая-то огромная труба, отсчитывая контакты с микромиром, неужели можно представить себе наш мир единым, но слоистым?.. Все в нем происходит с неумолимой последовательностью и даже одновременно для всех его слоев (я сам обрадовался этой спасительной мысли!), однако если «протыкать колоду карт» иглой под неким углом, то отверстия окажутся в разных местах воображаемой карты, соответствующих прошлому или будущему — под каким углом поставить иглу сигнала!

Только мысленно следя за ходом этих размышлений, можно было понять мой неожиданный вопрос бородатому физику, объяснявшему нам с профессором Поддьяковым суть открытого здесь «серпуховского эффекта» — элементарные частицы, оказывается, могут проникать одна сквозь другую.

И я спросил, думая о своем:

— А миры и антимир, смещенные во времени, не могут проникать один через другой, подобно элементарным частицам?

Профессор Поддьяков один понял меня, а бородатый физик удивился и хмуро заметил, что «серпуховский эффект» не подтвердился.

Михаил Михайлович заговорщически подмигнул мне.

«Серпуховский эффект» не подтвердился, элементарные частицы не проникают одна сквозь другую. А миры и антимир? А что видят ясновидящие? Возможна ли шахматная партия с Полом Морфи?

У прославленного гроссмейстера, к которому я обратился с фантастическим предложением, было богатое воображение.

— Не берусь спорить, возможно ли сыграть с Полом Морфи, но я с удовольствием сыграл бы, — сказал он.

Теперь дело было за мной и профессором Поддьяковым, находившимся в заграничной командировке. Я дал в адрес конгресса, в котором он участвовал, телеграмму: «Достойный партнер найден». И получил ответ: «Состязание состоится».

Признаться, я был взволнован. До конца я никак не мог поверить в телепатию и ясновидение. Но даже такой ученый, как Циолковский, утверждал, что нет в мире семьи, которая не могла бы припомнить хоть одного случая, объяснимого лишь признанием телепатии, этого загадочного общения людей на расстоянии.

Чем черт не шутит! Может быть, и в самом деле мир — полиинская колода карт, некое «слоистое образование» из трехмерных движущихся во времени пространств. И в этом «слоистом пироге», или «Книге Вселенной», нужно лишь под определенным углом направить луч сигнала, чтобы он «проткнул» нужный нам листок в прошлом или будущем...

И шахматам в этом историческом открытии будет принадлежать особая роль! С помощью ясновидящих? Пусть даже и с помощью перцепиентов, индукторов, медиумов, этих живых физических аппаратов, способных посылать и принимать сигналы. Пока мы еще не можем их смоделировать, но использовать вправе! Пользовалось же человечество электричеством, сто лет не зная толком, с чем имеет дело!

Предстояло найти ясновидящего. Может быть, на Западе это было бы легче. Пришлось обратиться к нашим энтузиастам телепатии.

Мне помогла страстная единомышленница парапсихологов, супруга недавно скончавшегося академика, полная и эффектная Дипа Марковна. Она познакомила меня с весьма нервной дамой, остро переживающей недавний разрыв с мужем, которого она, по собственному убеждению, направляла в жизни и вывела в лю-

ди. Проходя болезненный для женщин возрастной период, она стала нелюдимкой, подозревая всех, даже детей и мать, в недобром к себе отношении. Склонная к истерическому состоянию, она порой впадала в некий транс, когда в ней пробуждалось «ясновидение». К сожалению, она совершенно не знала шахмат. Это меня не остановило. Неуравновешенной даме предстояло сделать попытку связаться с ясновидящим, современником Пола Морфи, жившим за океаном, что, впрочем, для ясновидящих значения не имело. Что там какие-нибудь десять тысяч километров расстояния, когда речь идет больше чем о ста годах!..

Ясновидящий прошлого должен был уговорить Морфи сыграть шахматную партию с далеким его шахматным потомком.

Профессор Поддыаков запросил меня по телефону о найденной ясновидящей даме и почему-то остался очень доволен всем, что я о ней рассказал.

Через день он телеграфировал, что партию можно начинать.

Партия игралась в Центральном Доме литераторов, в комнате правления Дома. Она имела два входа: со стороны коридора второго этажа и с главной лестницы, ведущей в Большой зал, где начиналась демонстрация кинокартины «Солярис» по роману Станислава Лема (знаменательное совпадение!). Несколько ступенек надо было преодолеть уже в самой комнате. Они были отгорожены барьером. В углу комнаты стоял письменный стол директора ЦДЛ с телефонами, напротив, примыкая к перилам барьера, — большой, для членов правления, покрытый зеленым сукном. За ним мы не раз принимали именитых гостей. Помню, тут беседовали приезжавшие к нам Нильс Бор, Лео Сцилард, академик Несмеянов... Много раз сживали за ним прославленные космонавты.

Сейчас спиной к телевизору одиноко пристроился за шахматной доской наш любимый гроссмейстер.

С лестницы доносились голоса заполнявшей кинозал публики, которой предстояло увидеть на экране фантастическую ситуацию на другой планете с океаном-мозгом, а в скромной комнате правления ничто не выдавало готовящегося здесь события, по значению своему не меньшего, чем общение с океаном-мозгом Соляриса.

Впрочем, мы, участники события, говорили вполголоса, двинулись неслышными шагами, выражение лиц старались сделать торжественным. Все-таки матч антимиров! Общение с прошлым! Я пытался представить себе легендарного Пола Морфи в его родовой гашиенде, негра-невольника, входившего на цыпочках в его кабинет, где уже расставлены на старинном столике с инкрустациями шахматные фигуры. Может быть, негр поправляет дрова в камине? Впрочем, в Нью-Орлеане жарко...

Мне было определено жарко, хотя на улице стояла дождливая осень.

Ясновидящая дама на время сеанса потребовала полного уединения. Она лучше всего впадала в состояние ясновидения, когда поблизости никого не было. Она уже призналась, что установила общение с неким клерком нью-орлеанского банка, который

хорошо знает и уважает семью Морфи, даже помнит отца Пола, строгого судью.

Ясновидящая, безусловно, не знала подробностей биографии Пола Морфи! Я начал доверять ей. Но как же она будет передавать ходы, не зная шахматной нотации?

— Я воспринимаю только образы, — пояснила ясновидящая. — Я вижу доску и стоящие на ней фигуры. По телефону я сообщу, какая из них передвинется.

Для связи с нашей ясновидящей отвели кабинет заместителя директора, сообщавшийся с комнатой директора через помещение секретаря. У телефона дежурила Дина Марковна, которая буквально священнодействовала. По указанию ясновидящей она прижимала к уху телефонную трубку и переставляла фигуры на доске, а энтузиасты эксперимента — член правления Дома, главный редактор популярного молодежного журнала и два писателя-шахматиста, драматург и прозаик, оба отчаянные скептики и снобы, — сообщали гроссмейстеру на шахматном языке ход Морфи.

Никто из моих помощников в эксперимент не верил. Все ждали повода для того, чтобы посмеяться.

Профессор Подьяков по-прежнему был за океаном.

Что касается гроссмейстера, то он, подозревая подвох, все же был прост и спокоен, впрочем всегда готовый обратить происходящее в шутку.

Но никаких шуток не было.

Партия советского гроссмейстера с Полом Морфи, умершим сто лет назад, состоялась!

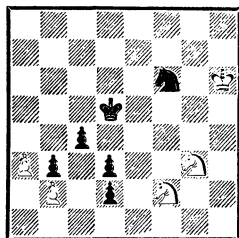
Представьте, Пол Морфи через банковского клерка предложил своему партнеру (это нашему-то гроссмейстеру!) фигуру вперед. Получив отказ, он извинился и, как истый джентльмен, пожелал играть черными.

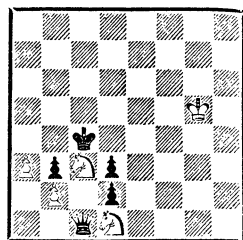
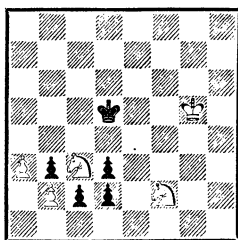
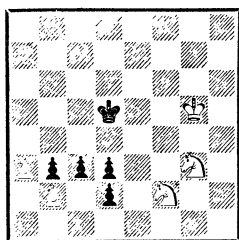
Я не буду приводить всей партии, чтобы не заставлять скептиков тщетно сличать ее со всеми известными из наследия Морфи. Могу сказать, что игрался один из малоизвестных в девятнадцатом веке закрытых дебютов, который современной теорией разработан достаточно полно. Вероятно, Пол Морфи не раз удивлялся своеобразным ходам своего партнера, избравшего неведомые для времен Морфи пути развития.

Однако Морфи остался самим собой, гениальным шахматистом атакующего стиля. Положение обострилось, и черные, отдав коня за пешки, рассчитывали на грозную лавину своих пешек. Белый король застрял далеко от своей столицы, куда рвались черные пехотинцы, непременно желавшие стать генералами.

Вот какое создалось на доске положение ¹³².

Позиция эта интересна тем, что нашему гроссмейстеру удалось также блеснуть своим комбинационным талантом и противопоставить наступавшему Морфи необыкновенную ничью! Та-

кой ничьей в девятнадцатом веке не знали! Позиционная ничья рождена современностью.

Предоставим же слово самим шахматным фигурам...

1. **Kd1!** Белые предвидят приготовленную Морфи жертву коня на g4 и в то же время предотвращают ход c4—c3. 1. . **Kg4** + 2. **Kpg5 Kf2!** Морфи все-таки жертвует коня, рассчитывая на неотвратимый прорыв пешки c3! Прорыв действительно неотвратим, но... белые противопоставляют плану черных тонкий замысел. Они припимают жертву. Легко видеть, что отказ от нее ведет к поражению, например: 3. **Kc3** +? Креб 4. **Kf1 d1Ф**, и черные легко выигрывают. Кстати, белые не могли на первом ходу сыграть 1. **Kf1**: черные ответили бы 1. . **Kg4** + 2. **K : g4**, и теперь 2. . . **d1K!** Избегая вилки и атакая на беспомощную белую пешку b2, черные легко выигрывают окончание. Итак, на третьем ходу белые принимают жертву коня.

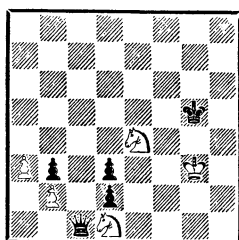
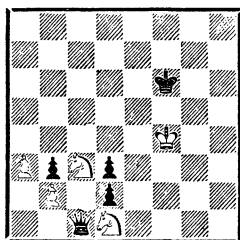
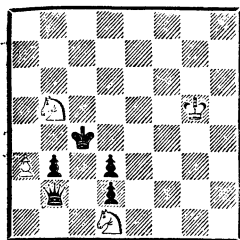
3. **K : f2 c3** ¹³³. Теперь пешку не остановить. Но и не падо! 4. **Kge4 c2** 5. **Kc3** + ¹³⁴ **Kpc4** 6. **Kfd1 c1Ф** ¹³⁵ — вот оно, желанное материальное преимущество — ферзь с грозной проходной пешкой против двух коней! Однако кони могут тревожить черного короля: 7. **Ke3** + **Kpd4** 8. **Ked1**. Надо вернуться, чтобы захлопнуть клетку, в которой оказался новорожденный ферзь.

Ясновидящая дама передала Дине Марковне по телефону, что Морфи пожал руку невидимому противнику в знак признания ничьей.

Я победоносно посмотрел на своих друзей-шахматистов, на прозаика и драматурга. Ну что?

Кстати, клетка, в которой мечется ферзь, довольно просторная — он безопасно может располагаться на четырех полях: c1, c2, a1, a2. Но не стоит ли черным пожертвовать своего незадачливого ферзя? Скажем, 8. . . **Ф : b2**, и теперь если белые возьмут ферзя конем — 9. **K : b2**, то 9. . . **Kp : c3** с выигрышем. Однако у белых есть лукавый промежуточный шах 9. **Kb5** + **Kpc4** ¹³⁶, и после 10. **K : b2** + уже черным надо думать о ничьей.

И все же психологически трудно примириться с бесполезностью такого материального преимущества, как ферзь, имеющий по крайней мере четыре поля для маневра. Ведь с его помощью черный король в дуэли с белым всегда будет иметь запасный темп для оттеснения. Королю черных достаточно достигнуть полей f4 или f3. Тогда можно отдать ферзя на d1 и прорваться ко-

ролем на e2 с выигрышем. Неужели черным не выполнить такого плана? Пусть на пятом ходу после шаха конем с c3 ¹³⁴ король пойдет иначе: 5. . . Kpe6 6. Kfd1 Kpe5 7. Kpg4 Kpf6 8. Kpf4 c1Ф! ¹³⁷ 9. Kpg4 Kpg6 10. Kpf4 Kph5! 11. Kpg3 Kpg5. Король отеснен, желанное поле f4 близко! Но у белых есть ресурс — 12. Ke4+ ¹³⁸ Kpf5 13. Kес3 Фа1 14. Ke3+Kpg5 15. Ked1 Kph5 16. Kph3 Kpg5 17. Kpg3 Фс1 18. Ke4+. Ничья!

Мы еще долго сидели в ЦДЛ, анализируя фантастическую партию из матча антимиров. В анализе деятельное участие принимал и главный редактор молодежного журнала. Он был человеком увлекающимся. С высоты своего огромного роста он с присущей ему энергией набросился на меня с требованием написать популярную статью о проведенном эксперименте. Он любил «научные сенсации», а меня считал мастаком по таким делам.

И на этот раз я, может быть, рискнул бы на выступление в печати, если бы не все то, что последовало за памятным вечером. Посмотрев на экране вымышленную ситуацию на вымышленной планете, кинозрители расходились, не подозревая, что рядом за дверью в самом деле произошло поистине фантастическое событие, но дальнейшее было еще фантастичнее...

Михаил Михайлович вызвал меня телеграммой в аэропорт, куда прилетел из командировки. Мы были с ним в очень хороших отношениях, но встречать его мне пока не приходилось, и я понял, что у него были на то веские основания.

Самолет «Панамерикэн» шел на посадку.

Мне удалось прорваться на летное поле вместе с почитателями наших спортсменов, удачно выступивших за рубежом.

Дальше все было как в одном из популярных фильмов. По трапу вереницей спускались молодые, дышащие здоровьем парни, на лету подхватывая брошенные им букеты цветов.

Михаил Михайлович, подлинный герой фантастической эпопеи, сошел никем не замеченный, одним из последних. Мы обменялись с ним рукопожатием.

— Но какова позиционная ничья! — сразу начал Поддьяков. — Два коня против ферзя! Каково?

Я недоуменно уставился на него. Откуда он знает? Я не сообщал ему текста партии!

— Гроссмейстер, — профессор назвал одно из самых громких

шахматных имен,— в восторге от выдумки своего противника. Она поистине достойна Морфи.

— Как так Морфи? — запротестовал я.— Морфи играл черными, а позиционную ничью сделали белые.

Михаил Михайлович улыбнулся:

— Это у вас тут Морфи играл черными, а там, за океаном, Морфи играл белыми. Черными согласился играть лучший гроссмейстер Запада.

— Он поверил в ясновидение?

— Там многие этому верят. А вот как у вас тут поверили... — и он с улыбкой развел руками.

Я почувствовал себя уничтоженным.

— Значит, гроссмейстеры играли не с Морфи, а между собой? — упавшим голосом спросил я.

— Конечно. Иначе партии бы не было! Ведь мы же договорились сделать вклад в шахматную науку.

— Как же передавались ходы? А клерк из Нового Орлеана?

— Этот банковский служащий нам очень помог. Вы, конечно, помните об опытах с подводными лодками? На борту их находились перцепиенты, угадывающие карты, которые предъявляли им на берегу индукторы, находящиеся за тысячи километров.

— Да, я слышал но не придавал им значения.

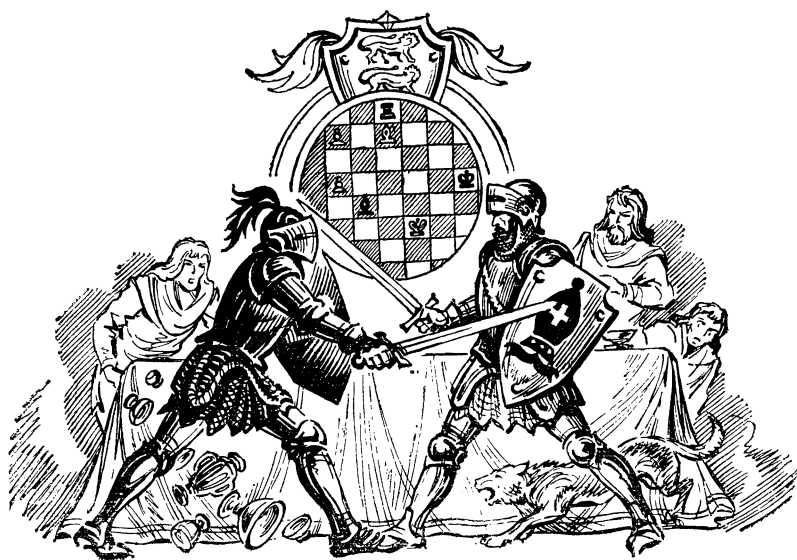
— И напрасно! Один из этих перцепиентов и был нашим банковским служащим. Ему удалось установить контакт с вашей телепаткой. Оба думали, что общаются с прошлым и передают ходы великого Морфи. Хотя на деле связь с прошлым и не была установлена, результат эксперимента едва ли нужно считать отрицательным. Тем более что аналогичный эксперимент был проведен одним из американских космонавтов, находившимся на Луне. Правда, есть сомнения в чистоте эксперимента...

— Но у нас! Есть же шахматная партия!

— Что бы ни случилось, она украсит шахматные издания. Отчет же об эксперименте — соответствующее отделение Академии наук.

— Кесарево — кесарю, — уныло сказал я и решил не писать для молодежного журнала статьи о победе над Временем.

Вместо нее я написал этот рассказ.

ЩИТ КОРОЛЯ АРТУРА

Воображение — это способность вызывать образы. Человек, лишенный этой способности, был бы курицей...

Д. Дидро

Подъемный мост не успели поднять. Король Артур во главе своих рыцарей подбежал к закрывающимся воротам и успел засунуть в их створ свой королевский щит. И в образовавшуюся щель король проник во двор замка к непокорному вассалу. Но первый рыцарь Круглого Стола оказался без щита. Увидев это, один из его воинов протянул монарху свой, с изображением епископской шапки. Король рукой в железной перчатке принял дар отважного служителя церкви, который тут же поплатился жизнью за свою рыцарскую преданность.

Но король жестоко отомстил за епископа-воина. Груды поверженных устлали королевский путь.

Двор укрепления был захвачен. Но мятежный вассал укрылся за толстыми стенами замка. Штурмующим предстояло пройти с мечом и щитом по узким проходам-улочкам, где на каждом перекрестке таилась засада.

Артур прикрывался от врагов слева епископским щитом так, что мечи скользили по нему, а нападающих справа крушил ударами меча, которым по преданиям разваливал даже наковальни.

И доспехи прогибались, щиты раскалывались, рыцари падали к королевским ногам.

Окровавленным железом вымостились повороты и переходы, ведущие в крепостное здание.

Не выдержали напора рыцарей Круглого Стола защитники главного входа.

Но самый страшный бой ожидал короля Артура в просторном зале замка.

На возвышении (пол здесь, как принято, был двух уровней), забившись за рыцарский стол, прикрытый снизу столом оруженосцев, укрылся владелец замка. Тщедушный, похожий в рыцарских доспехах на вырядившегося скомороха. Ему удавалось держать в повиновении всю округу лишь своим высокородством, а не личной доблестью. И вот теперь, когда рыцари Круглого Стола ворвались в его замок, он визгливым голосом вызвал короля Артура на единоборство. Законы рыцарской чести заставили всех воинов замереть в нижней части замка в ожидании битвы вождей.

Но как мог этот карлик в броне сравниться с олицетворяющим в себе власть и силу гигантом, который рассечет его надвое и выбросит тело собакам?

Однако среди рыцарства соблюдались непреложные законы.

Визгливым голосом мятежный вассал выкрикнул, что по законам чести вместо него, владетельного графа, биться с королем будет Черный Рыцарь, готовый пролить свою благородную кровь, равную королевской. Король, если струсит перед могучим противником, может выставить вместо себя любого из благородных рыцарей.

Король Артур вскипел от ярости, восприняв форму вызова непокорного вассала как оскорбление, неслыханное для короля и рыцаря.

А Черный Рыцарь, огромный, громыхающий доспехами из вороненой стали, неспешно спускался с возвышения в нижнюю часть зала.

Король Артур угрожающе двинулся ему навстречу. На сверкающем щите его противника красовалась черная крепостная башня. У Артура по-прежнему был щит бишона (так по-английски — «епископ»).

По щиту прелата пришелся первый удар Черного Рыцаря. Меч коснулся изображения епископской шапки с такой силой, что щит Артура звякнул по его доспехам. Но ответный удар короля был много страшнее. Черный Рыцарь пошатнулся, словно на него свалилась глыба с потолка, однако устоял. А главное, щит его не раскололся. Видно, ковали его в заморской кузне. И тотчас черной хищной кошкой боец в вороненых доспехах бросился на Первого рыцаря Британии. Он наносил удары сверху и сбоку, силясь свалить врага. Но Артур стоял, как столб, врытый в земляной пол зала. Искры снопами взлетали с звенящих доспехов. Щит прелата церкви словно призван был спасти короля Артура. Должно быть, освятили в церкви крепчайшую сталь, когда рыцарь принимал сан епископа, сохранив за собой право применять оружие. Не было еще в ту пору резкого деления

между воинами духа и тела. Потому теперь и выдерживал подаренный королю щит молотоподобные удары Черного Рыцаря.

Не уступал он ростом Артуру, но словно и не был закован в тяжелейшие доспехи. Так легко вскочил он вдруг на стол оруженосцев, чтобы Артур оказался ниже и тогда на него обрушить сверху разящие удары меча. Но Артур ничем не уступал своему врагу.

Звенели мечи, щиты, латы. Грохот стоял, как в оружейной кузнице, где сразу дюжина кузнецов ковала тяжелые доспехи. Казалось, что мечи от высекаемых искр нагреваются, как в горне, докрасна.

Час бились достойные друг друга противники. Рыцари Круглого Стола, замороженные невиданной красотой сраженья, молча дивились Черному незнакомцу, способному устоять против самого Артура.

А тщедушный, забившийся в угол послушник-вассал возносил к небу молитву за молитвой, призывая обрушить на Артура все кары небесные. Но напрасно возрадовался граф, когда разразилась за окнами замка гроза. Напрасно казалось ему, что Черный Рыцарь близок к победе и громы небесные возвестят об этом.

Случилось совсем иное. Когда сверкнула молния за стрельчатым окном, король Артур, оттеснив противника к краю помоста, неожиданно бросил свой щит с изображением шапки епископа на забрало противника, на миг ослепив Черного Рыцаря. И неотразим был нанесенный обоими руками удар меча, и рухнул Черный Рыцарь, ударившись доспехами о край помоста. Грохот падения смешался с гулом восторженных голосов, наблюдавших за боем.

Король Артур подошел к поверженному и железным носком сапога приподнял исковерканное забрало. Рыцари Круглого Стола, окружившие своего короля-победителя, ахнули. Под забралом было скрыто лицо темнокожего мавра.

Так вот кого выпустил вместо себя бесчестный владетельный граф! Одного из похитителей Гроба Господня!..

Король Артур поморщился и прикрыл убитого своим освященным церковью щитом, словно отдавая ей свою победу, и приказал подать ему к пиру победителей в этом зале поджаренную печень мавра. А мятежного вассала, нарушившего присягу королю, схватить и кинуть в кипящее масло.

Вечером за шумным пиром Рыцари Круглого Стола во главе со своим королем бражничали за верхним столом, их оруженосцы и простые воины сидели за нижним, бросая полуобглоданные кости собакам.

На почетном месте рядом с королем сидел оказавшийся в захваченном замке Белый Рыцарь в серебряных латах, посланник заморского короля.

Ему пришлось выпить кубок вина в честь победителей, с которыми собирался начать войну его государь, в чем мятежный граф должен был ему помочь.

В разгар пира королю Артуру подали на его щите с изображением шапки бишопа дымящуюся печень мавра: по укоренив-

шемуся среди рыцарей короля Артура поверью вместе со съеденной печенью к королю должны были перейти сила и отвага врага.

Когда же ему доложили, что владелец замка казнен, король Артур подмигнул Белому Рыцарю, намекая, не лучше ли будет двум королям-рыцарям вместо того, чтобы спорить на ристалище друг с другом, объединиться для освобождения Гроба Господня, уготовив его похитителям ту же участь, какую познал сегодня храбрый Черный Рыцарь.

Белый Рыцарь прекрасно понял, что черный цвет вполне может быть заменен белым. И ему не осталось в конце пира ничего иного, как использовать предоставленные ему государем полномочия и подписать с королем Артуром «ничейный мир».

Легенду эту о короле Артуре, Черном и Белом рыцарях рассказал нам во время посещения руин замка тех времен наш добровольный гид Генри Ломмер. Он призвал себе в помощь воображение своих друзей — шахматных композиторов, ежегодно собиравшихся на международный конгресс, заседание Постоянной Комиссии по шахматной композиции ФИДЕ.

Действительно, воображение требовалось!

Перед нами были лишь груды щебня, из которых силой фантазии мы должны были поднять высокие стены бывшего замка с залом, где пол был двух уровней и где происходил легендарный поединок. Что же касается рва, подъемного моста и ворот, в створе которых застрял королевский щит, то их нужно было просто выдумать, примерно представляя, где это могло находиться.

Руины поросли вереском, кое-где на возвышениях бывлых стен тянулись к серому небу одряхлевшие деревья. Закатное солнце освещало местность багровым светом, в котором мерещилась когда-то лившаяся здесь кровь.

Руины, которые вдохновили Ломмера на забавный рассказ, больше походили на остатки былой крепости, чем на замок со сводчатыми потолками, стрельчатыми окнами и бесчисленными комнатами с портретами прославленных предков.

Генри Ломмер смеялся и уверял, что он мог бы показать нам в Англии немало замков, о которых мы читали у Вальтера Скотта, но при одном условии (он был непревзойденным знатоком шахматных этюдов и любил ввертывать «этюдные задания» по самым необычным поводам): мы должны были ответить, почему современные лорды отказываются наследовать свои замки с портретами предков, привидениями и густыми парками?

Если мы, умеющие выдумывать за шахматной доской, с помощью Генри Ломмера вообразили себе штурм замка королем Артуром, то на вполне современный вопрос ответить не смогли. Тогда Ломмер сам рассказал нам, что английские замки не наследуются лордами потому, что лейбористское правительство, находясь у власти, сумело ввести налог на наследство, и почтенные лорды, наследуя звание пэра Англии (но не давно промотанные предками имения), должны были для вступления во владение замком внести в казну семьдесят пять процентов стоимости всех

строений. А ведь надо сказать, что лорды, нося громкие титулы, заседаая в палате, которую лейбористы намеревались, но не успели упразднить, не гнушаются тремя с четвертью фунтами стерлингов за каждое заседание, которое они посетят хотя бы для того, добавил Ломмер, чтобы выспаться. Он был весельчак, наш Ломмер. По дороге к ожидавшему нас автобусу он объяснил, что современным лордам куда выгоднее дарить наследственные замки государству для учреждения там музеев, а самим стать при них смотрителями, поселившись в одной из надворных построек, где жили прежде челядь и садовники. Зато по великолепному парку можно было разгуливать, как по своему собственному.

Генри Ломмер был прелестнейшим человеком, непревзойденным выдумщиком, говорившим на многих языках, что ему требовалось, когда он владел одним из английских клубов.

Теперь он жил, как говорил, на собственной пенсии и занимался шахматным этюдами. Мне лично Ломмер задал особый вопрос-этюд (по его выражению). Как случилось, что он, Ломмер, кстати, женатый на симпатичной латышке, чуть говорившей порусски, смог угадать, что первыми на Луну спустят свой аппарат советские люди?

Помню, было это в Висбадене, где проходили заседания нашей комиссии. Ломмер, ее эксперт по этюдам, спускаясь по лестнице сразу после радиосообщения о нашем луннике, кричал:

— Я, Генри Ломмер, ясновидец! Я — предсказатель, оракул! Приходите ко мне для гаданий!

Его загадку о луннике я разгадал очень просто, и он признал ответ правильным. Он верил в возможности советской науки и техники, открывших человечеству путь в космос.

Но руины замка, якобы захваченного когда-то королем Артуром, Ломмер показал нам, оказывается, не зря. В автобусе, когда мы ехали по городку, прижимаясь к левому тротуару, он возвестил, что задает нам новый «этюд». Решившие его получают ценный приз — щит короля Артура почти в натуральную величину!

Этюд-загадка сводился к следующему: почему англичане ездят по левой стороне?

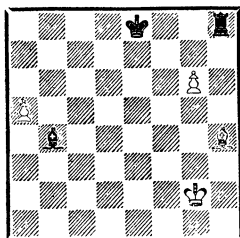
Было над чем подумать! Ездят по левой стороне! А правда, почему? Левшей, надо думать, в Англии не больше, чем в других странах. Тут что-то не то! Пожалуй, надо начать с приверженности англичан к традициям. Но к каким?

А Ломмер подзадоривал нас ценностью приза «почти в натуральную величину». А мне он шепнул: «Англосаксы говорят, что никогда не вредно сказать «почти». И он был прав!

Срок для ответа был небольшим — завтрашний день после заседания комиссии.

И. представьте, на следующий день никто из осматривавших старый «замок» не догадался, почему в Англии ездят по левой стороне.

— И вы, герр Казанцев, тоже не ответите? — спросил Ломмер по-немецки, не уставая удивляться моему безупречному произношению и необычайно скудному словарю.

— Именно поэтому я позволил себе дать ответ на международном языке.

— Эсперанто? — обрадовался Ломмер. Он был его неустанным проповедником.

— Нет. На шахматном.

— Это еще лучше! Но как же вы, герр Казанцев, будете ездить по шахматной доске с левой стороны?

— Вы сами это сделаете, если решите мой шахматный этюд. Вот он ¹³⁹.

Решать этюд принялись тут же и сообща.

— Сделать ничью? Хорошо бы захватить диагональ g1—a7, — предложил Виталий Гальберштадт, юрист из Франции, недурно владеющий русским языком (он часто вручал меня на заседаниях; мы с ним встречались во многих странах).

Его дружно принялись опровергать:

1. Cf2? Лг8 2. Крf3 Л : g6 3. а7 Ла6 ¹⁴⁰ 4. Крe4 Крd7 5. Крd5 Крc7 6. Крc4 С : а5 7. Крb5 Крb7, и черные, защитив поле а8 и освободив свою ладью, легко выигрывают. Гальберштадт согласился с этим. Это был выдающийся шахматный композитор, этюды которого отличались изяществом и служили пособием при изучении эндшпилей. Его участие в проверке моего нового произведения было для меня очень ценно.

Гальберштадт предпринял новую попытку.

— А если действовать «грубо, зримо», — предложил он. — 1. g7?

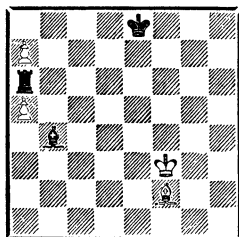
Я взялся сам ответить ему, показав: 1. . .Лг8 2. Cf6 Сс5.

И теперь после Крd7 черная ладья обретает свободу действий, а после неизбежного размена слонов на f6 — легкий выигрыш у черных.

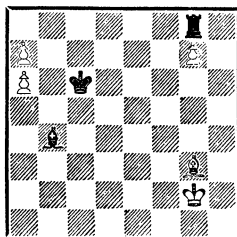
И опять Гальберштадт согласился (это был корректный и интеллигентный человек, расположивший меня к себе, в частности, и тем, что относился с большой симпатией к Советскому Союзу).

После двух попыток на королевском фланге по предложению голландца Питера тен-Кате из Антверпена занялись ферзевым. Тен-Кате работал в банке, считался дотошным работником. К шахматным произведениям он относился как к ценным бумагам, требуя безусловной точности. На заседаниях он выглядит свар-

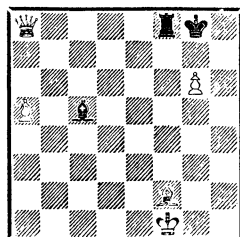
140

141

142

ливым и придирчивым, но в жизни превращался в благорасположенного и приятного человека. Когда много лет спустя я встречал его в Москве на Белорусском вокзале, мы обнялись как закадычные друзья.

Тен-Кате предложил: 1. а7 — и это был верный первый ход. Но Гальберштадт взялся опровергнуть его. В единоборство с ним вступил Ломмер, парируя его угрозы: 1. . . Крd7 2. Сg3, грозя ходом Сb8 отрезать поле а8, и тогда не спасет и Сс5. 2. . . Крс6, стремясь встать на b7 и освободить ладью, но 3. а6! Ла8 4. g7¹⁴¹ Сс5 5. Сb8 С : а7 6. g8Ф С : b8 (если Л : b8, то черные остаются с одним слоном). А теперь 7. Фс8+Крd6 8. Фb7, и белые даже выигрывают. Уф! Ломмер меня спас!

— Не 1. . . Крd7 надо, а рокировку, джентльмены! Она специально для этого изобретена! Во-первых, она перебросит черного короля поближе к опасной пешке «g» и, во-вторых, включит ладью на поле а8. К тому же, попав на f8, ладья отрежет белого короля от поля а8. Поэтому 1. . . 0—0!

— Браво! — подхватили все решатели этюда-загадки.

— А теперь, — продолжал Ломмер, который, видимо, кое о чем догадывался, — полезно захватить диагональ g1—а7. Не так ли?

И он водрузил слона — 2. Сf2. Второй ход был найден!

Гальберштадт стал играть за черных: 2. . . Кpg7, подбираясь к брошенной на произвол судьбы пешке «g». А Ломмер торжествующе поставил короля 3. Кpf1!

— Под защиту бишопа, — многозначительно заметил он, имея в виду, что по-английски шахматный слон носит такое название и в международном обозначении изображается епископской шапкой.

— Думаете, прозевал сэр Генри? — не без лукавства спросил он. — Сыграете безжалостно 3. . . Сс5, чтобы уничтожить связанную фигуру? О нет, джентльмены! 4. а8Ф!¹⁴² Л : а8 5. С : с5 — с теоретической ничьей. Разве не так? — обернулся он ко мне.

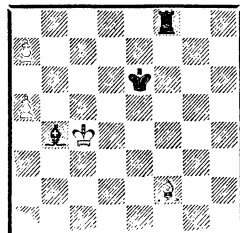
Я кивнул.

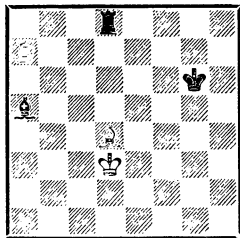
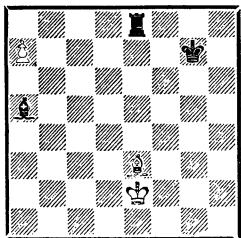
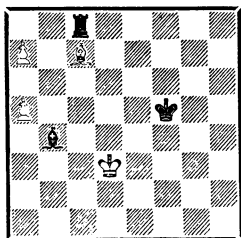
Ломмер пришел в буйно веселое настроение и даже захопал в ладоши.

— А если теперь взять пешку? — предложил тен-Кате. Тотчас на доске был разыгран вариант 3. . . Кр : g6 4. Кре2 Кpf5 5. Крd3 Кре6 6. Крс4¹⁴³. — Честное слово, я не понимаю, при чем здесь английская езда по левой стороне? Из-за того, что белый король бежит в левую часть доски? Так это ничего не доказывает! Можно ему отрезать путь и сыграть 4. . . Лd8.

Я узнавал тен-Кате, каким он выглядел в спорах на заседаниях комиссии, где он, по его выражению, проводил «западную линию».

— Левая часть доски, как и на карте, — западная? Вы это имеете в виду, мистер тен-Кате? — вмешался Ломмер. — Так я вам скажу, что здесь действительно кроется восточная хитрость. 5. Сb6 с нападением на ладью. А после 5. . . Лс8 6. Сс7! Взять-то слона нельзя, грозит Сb8, тогда не поможет и Сс5! Ничья!

— Зачем же 5...Cc5? — ворчливо возразил тен-Кате. — Сначала 5...Ла8, а уж потом Cc5.

— Тогда не надо торопиться с ходом Cc7, — вмешался молчаливый до сих пор Иенш, будущий президент нашей комиссии, страстный поборник полной бескорыстности нашего композиторского искусства. Оперный режиссер, музыкант, он вынужден был работать статистиком в концерне «Фарбениндустри». Я побывал в его гостеприимном доме в заводском поселке близ полуразрушенного американской авиацией Франкфурта-на-Майне. Заводской поселок находился словно в другой части света, тихий, нетронутый. Герр Иенш объяснил мне, что американцы владеют слишком большой частью акций химического концерна, чтобы позволить разрушать военным их имущество. Сам он, невысокий жгучий брюнет, будучи чистокровным немцем, мало напоминал представителя арийской расы, к тому же настоял на изучении сыновьями русского языка. Его супруга, обаятельная Марианна, всегда сопровождала его в поездках на конгрессы и не упускала случая улучшать мой скверный немецкий язык. Оба они оказались по-русски гостеприимными, когда русский попал к ним в дом. Сейчас Иенш убедительно показал на доске, что белые добиваются ничьей, если черные попробуют преградить им путь ладьей на d8. После указанного Ломмером 5. Cb6 Лс8 он двинул белого короля: 6. Kpd3 Kpf5 7. Cc7¹⁴⁴ Ла8 8. Cb8! Cc5 9. Kpc4 C : a7 10. C : a7 Л : a7 11. Kpb5, и ничья. Черный король слишком далеко!

— Прекрасная ветвь с яркими цветами! — воскликнул Ломмер. — Но нам нужен сам ствол решения. Уж если отрезать королю путь ладьей, так сразу же!

— Он поставил ладью после первых двух ходов решения — 3. Kpf1, и теперь 3...Ле8! и сам же сходил слоном 4. Се3! Бишоп защищает короля! 4...C : a5 5. Kpe2!¹⁴⁵ Не так ли?

Я снова кивнул.

— Продолжим! Король Артур наступает! А что я вам вчера говорил?

— Что англичане ездят по левой стороне, — не без ехидства заметил Питер тен-Кате.

Не обращая внимания на колкость, Ломмер продолжал решение 5...Лd8.

— Слона на b6 уже не поставить, — объяснил он.

— Тогда по вашему рецепту 6. **Cd4+**, — показал Иенш. — Черным шах, надо брать пешку 6. . . **Kp7: g6**.

— Прекрасно! 7. **Kpd3!** Полюбуйтесь. Белый король снова под защитой бисопа. Чем не щит? ¹⁴⁶

И ходы последовали один за другим: 7. . . **Le8** 8. **Ce5 Kpf5**. Король белых снова заслонился щитом с изображением шапки бисопа. 9. **Kpc4** ¹⁴⁷ **Kpe6** 10. **Kpb5 Cd8** 11. **Kpa6** — щит брошен, чтобы атаковать черную башню! 11. . . **Kpd7** 12. **Kpb7** ¹⁴⁸ — ничья.

— Bravo! — заключил Ломмер. — Мы обща, и, пожалуй, с помощью автора, решили его загадку. Но он мою не решил. Так почему англичане ездят по левой стороне?

— Вы только что продемонстрировали это на доске. И короля Артура, и его щит узнали, даже щит Черного Рыцаря с изображением черной башни. Поединок за «ничейный мир».

— Вы хотите сказать, что король Артур своим поединком в замке повлиял на правила уличного движения в Англии? — не без хитрости спросил Ломмер.

— Конечно. В основе этих правил традиция средневековой военной тактики, — ответил я. — Ведь рыцари, захватывая замок или город, вынуждены были на каждом перекрестке прикрываться от нападающих из засады щитом, который держали в левой руке, как ваш король Артур в легенде. Им выгоднее было прижиматься к левым домам, — словом, двигаться по левой стороне, имея свободное пространство справа, где они могли действовать мечом.

— Bravo, этюдист! Bravo! Вы заслужили приз! — провозгласил Ломмер и торжественно передал мне значок: крохотный щит, на котором был изображен шахматный слон в виде епископской шапки, бисоп. — Вы должны теперь посвятить свой новый этюд королю.

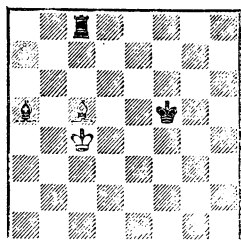
— Королю! Пожалуй. Вы чуть знаете русский язык. Я посвящу этюд не просто королю, а Королькову.

— О! Корольков! Это король шахматного этюда, гросмейстер! — восторженно воскликнул Ломмер.

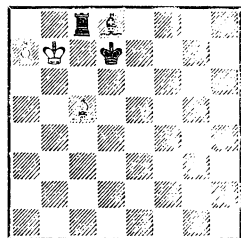
Он оказался действительно «провидцем», этот славный Ломмер! Спустя несколько лет ФИДЕ учредило звание международного гросмейстера по шахматной композиции. Одному из первых оно было присвоено нашему советскому этюдисту В. А. Королькову, которому я по праву посвятил «королевский этюд»!

Значок с изображением щита с шахматным слоном хранится у меня вместе с губкой, добытой со дна Эгейского моря, о чем речь впереди.

147

148

13-й ПОДВИГ ГЕРАКЛА

Оказывается, и один в поле воин!

Двадцать лет назад во время путешествия на теплоходе «Победа» вокруг Европы я побывал в Греции. Два десятилетия понадобилось мне, чтобы расшифровать загадку последнего мифа о Геракле, и лишь теперь я готов рассказать об этом.

Афины! Средоточие древнего эпоса, колыбель цивилизации. Здесь процветали высокие искусства, театр и поэзия в пору, когда другие народы теперешней Европы рядились в шкуры и жили в пещерах.

Над пестрой мозаикой городских крыш висит скала с плоской вершиной, над которой виднеется что-то вроде короны, похожей на ферзя с шахматной диаграммы. Бело-желтая, словно отлитая из сплава золота с платиной. Но это мрамор. И не зубцы короны, а колонны разрушенного храма.

Мы поднимались к Акрополю долго. Дорога оказалась трудной и длинной. Идя по ней, эллины во время священных шествий проникались благоговейным ожиданием чуда, прежде чем увидеть божественные строения.

Поразительно впечатление от величественного полуразрушенного здания Парфенона. В чем секрет? В строгой математической логике сооружения — восемь колонн на короткой стороне храма, семнадцать (именно $17 = 2 \times 8 + 1$) по длинному фасаду? В незаметном глазу наклоне колонн внутрь, который, скрадывая перспективу, как бы выравнивает их, не позволяет им при взгляде

снизу «развалиться»? Или в ощущении воздушной легкости и гармоничности храма, пробуждающего невольные воспоминания об Афине — богине Деве, чья исполинская статуя стояла здесь, сверкая золотом в солнечных лучах, хотя и была деревянной, но в драгоценном чехле, служившем древним афинянам «золотым запасом»? Теперь от нее осталось лишь место, где она стояла. Но путешествующие атеисты, католики, протестанты двадцатого века с их пылким воображением готовы были преклониться перед великолепным языческим идолом.

Боги Олимпа! Сколько превосходных сюжетов получили мы от наивных, но поэтических верований эллинов!

Зевс Громовержец! Сплотой воцарившийся среди богов. Неистовый сластолюбец, зорко высматривающий для себя земных красавиц.

Его покойно-величавая жена, непреклонная Гера, покровительница домашнего очага, беспощадная гонительница рожденных от прелюбодеяния, в том числе и Геракла, побочного сына своего державного супруга.

Бог света, враг зла, златокудрый, сияющий, но порой жестокий Аполлон с серебряным луком и не знающими промаха золотыми стрелами.

Богиня любви Афродита, воплощение женской красоты, вышедшая из морской пены...

И множество других «узкоспециализированных» богов светлого Олимпа, которым противостоит брат Зевса Аид, правящий скорбным царством теней.

Украдкой подобрали мы бесценные сувениры, крохотные хрустевшие под ногами кусочки мрамора. Лишь много лет спустя я узнал, что туда по ночам завозили на самосвалах битый мрамор из карьеров специально для легковых туристов.

Вспоминая известные с детства мифы, шли мы по шумным улицам древнейшей из европейских столиц. Афины, в отличие от Рима с его остатками Колизея и руинами иных памятников культуры прямо на улицах, ничем, казалось, не напоминали своего древнего прошлого, но...

На углу переполненного машинами проспекта стоял продавец губок, величественно запрокинув голову, словно рассматривая видимый отсюда Акрополь, и держал на плече палку с ворохом губок, не поддельных, а собранных ныряльщиками со дна морского, чем-то похожих на детские воздушные шарики.

Задержавшись у перекрестка, мы все еще говорили о богах Олимпа, об их борьбе с титанами за власть над миром. О том, как они влюблялись, рождали детей, вели вполне человеческий образ жизни и следили за людьми, помогали героям, а великого героя Геракла даже сделали бессмертным.

— Рад, что наши древние боги занимают вас, — на чистом русском языке обратился к нам продавец губок. — Жаль, не вижу вас, мои земляки.

— Но мы перед вами, — начал было поэт, но спохватился, поняв, что старик слеп.

— Я родился в Колхиде, — продолжал тот, — жил там на берегу вашего Черного моря и до сих пор своими уже незрячими глазами вижу Кавказские горы и ту скалу, к которой бегал еще мальчишкой, ту самую, к которой был прикован Прометей.

Он произнес это с таким серьезным видом, что мы переглянулись.

— Я мог бы многое рассказать вам о Колхиде, о золотом руне, об аргонавтах, об Одиссее, Геракле...

Старый грек заинтересовал нас.

— Вы давно перебрались на родину? — спросил поэт.

— На «родину предков», — отозвался старик и раздраженно махнул рукой. — Отсюда виден Акрополь, но, увы, не видна наша с вами родина.

— Вы тоскуете о ней?

— Потому и заговорил с вами, услышав знакомую речь.

— Да, мы под впечатлением Парфенона! Какой непревзойденный гений создал его? — испытующе спросил поэт.

— Великий зодчий Фидий, друг Перикла, оратора и воина, мечом и словом подчинявшего себе всех. Но, увы, уже без него, — вздохнул старик, — гениальный зодчий по навету врагов, приписавших ему хищения, умер в тюрьме. Но разве найдется в мире столько золота, чтобы оплатить его творения, которыми спустя двести пятьдесят веков любуются люди Земли?

— С вами интересно говорить, — признался поэт.

— Я мог бы вам рассказать много интересного, чего почти никто не знает.

— Может быть, мы пройдем в кафе напротив? — предложил художник.

— О нет, почтенные гости! Там «брачное кафе», туда приходят только люди, желающие вступить в брак, познакомиться. Боюсь, что нам с вами там делать нечего. Я проведу вас в другое место.

И он двинулся по тротуару. Мы шли за ним, видя, как колыхается за его спиной огромная связка губок.

Подшли к кафе с вынесенными на тротуаре, как в Париже, столиками. Усатый официант усадил нас за один из них, а мы, скинувшись своей туристской мелочью, хотели угостить нашего спутника, но он запротестовал, сказал несколько невучих слов официанту, и тот исчез.

Вскоре он вернулся, неся бокалы с чем-то ароматным, что нужно было потягивать через соломинки.

— Никак не могу освоиться с тем, что нахожусь на территории Древней Эллады, — сказал художник.

— Так посмотрите вокруг, — сказал слепец, словно видел все лучше нас. — Разве не найдете вы среди людей носатых и мясистых и тех, кто похож на древнегреческие статуи? Девушки, юноши... Представьте себе их с античными прическами, в спадающем складками одеянии... Не могу вам помочь в этом, но уверен...

Но он помог, помог! И был прав, слепец! Слепыми оказались

мы, зрячие! Люди, сидевшие за другими столиками, прохожие на тротуаре, если не все, то некоторые из них, стали восприниматься нами как дети Эллады.

Вот юноша! Если вообразить себе его в тунике, с лентой на лбу, удерживающей пряди волос, его копью можно было бы поставить на пьедестал в музее!

А эта девушка, что так заразительно хохочет с подружкой! Да обе они с удивительно правильными чертами лица, с линией лба, продолжающей нос, превратись они по волшебству в мрамор, могли бы поспорить с творениями древних мастеров!

Я сказал об этом слепому продавцу губок и еще больше расположил его к нам.

— Вы обязательно отыщете скалу Прометея в Колхиде. Я вам расскажу, как ее найти. Я мальчишкой лазил на нее и нашел выемку от кольца, к которому повелением Зевса приковали Прометея. На высоте ста локтей. И это кольцо разбил Геракл, освободивший титана.

В голосе старого грека звучало столько убежденности, он был так уверен в том, то говорил, что мы снова переглянулись.

Старик откинул голову. Его полуседые вьющиеся волосы, повязанные лентой, переходили в густую, тоже полуседую курчавую бороду, обрамлявшую неподвижное лицо.

Я подумал, что вот таким мог бы быть Гомер!

— Геракл освободил Прометея, приговоренного Зевсом Громовержцем за похищение огня с Олимпа и передачу его людям вместе с цепными знаниями. Но никто из ныне живущих не догадывается, что в числе этих знаний было и знакомство с божественной игрой, которой увлекались боги Олимпа, и прежде всего сам Зевс. Он сделал богиней этой игры свою дочь Каиссу, которую прижил с одной восточной богиней, передавшей ей знания игры.

— Что это была за игра? — живо заинтересовался я, услышав знакомое имя Каиссы.

— Не знаю, господа. Могу только сказать, что это была игра богов. В благодарность за свое освобождение титан Прометей обучил Геракла этой игре. И великий герой, плывя со спутниками во время похода аргонавтов, коротал за этой игрой долгие дни плавания.

— Это миф? — спросил поэт.

— А что такое миф? — в свою очередь, спросил слепец. — Это сказание о случившемся, переданное из поколения в поколение, может быть, и с видоизменениями. Ведь с тех пор прошла не одна тысяча лет. Так предания становились мифами. Кое-что забывалось. Например, конец мифа о великом герое Геракле, который завоевал бессмертие своими подвигами.

— Загладив ими тяжкие преступления, — напомнил поэт.

— Но боги, назначив ему искупление, учли одно важное обстоятельство. Я не всегда продавал губки. Было время — изучал историю. Первую жену Геракла звали Мегарой. А почему слово «мегера» на многих языках стало символом сквернейшего женского характера? Ведь произношение гласных изменчиво.

Отталкиваясь от этого, я сделал вывод о возможных причинах преступления Геракла. Почему не предположить, что герой был доведен своей сварливой супругой до иступленного состояния и, не желая, чтобы семья этой женщины жило в его поколениях, в припадке безумия способный и на самоубийство, уничтожил собственных детей? Нет, я не оправдываю его, но я пытаюсь понять его действия, что, очевидно, сделали и боги, позволив ему искупить свою вину. Не случись этого, не совершил бы он свои тринадцать подвигов, давших ему бессмертие.

— Двенадцать,— робко поправил я.

Слепец не обернулся в мою сторону. Вдохновенно глядя поверх голов прохожих, словно видя вездесущий в Афинах Акрополь, твердо сказал:

— Для людей двенадцать. Для богов Олимпа тринадцать. Об этом мало кто знает. Это результат моих исканий. Я был и археологом, и собирателем народных сказаний. А вот теперь губки...

— Если вы позволите, мы купим у вас по губке. Я хотел сказать, по две губки,— заверил художник.

Мы с поэтом кивнули.

— Признателен вам, господа. Я подарю вам их в память о тринадцатом подвиге Геракла.

И слепец заговорил чуть нараспев, словно аэд древности, аккомпанируя себе на струнах невидимой кефары. Иногда он переходил на гекзаметр древнегреческого стиха, а потом, как бы спохватываясь, продолжал мерное повествование по-русски.

Мы слушали как завороженные.

— Когда Геракл победно возвращался из своего последнего похода, жена его Даянира, мучимая ревностью, стараясь сохранить путем волшебства любовь мужа, послала ему великолепный плащ. Она пропитала его кровью кентавра Несса, пытавшегося когда-то ее похитить и сраженного стрелой Геракла. Коварный кентавр, стремясь из царства Аида отомстить Гераклу, сумел уговорить доверчивую женщину взять его кровь, которая якобы вернет ей любовь мужа, если пропитать ею его одежду. На самом же деле кровь эта была отравлена ядом Лейнерской гидры, уничтоженной Гераклом во время второго его подвига. Этот яд, которым Геракл придумал смазывать наконечники своих стрел, сделал кровь кентавра смертельной. И Геракл стал жертвой коварства мстящей ему тени. В великих мучениях вернулся он домой, где его несчастная жена, узнав о своем невольном преступлении, покончила с собой. Желая избежать дальнейших мук, Геракл потребовал от соратников положить себя на костер и поджечь его. И воспылал костер на высокой горе Оэте, взметнулось его пламя, но еще ярче засверкали молнии Зевса, призывающего к себе любимого сына. Громы прокатились по небу. На золотой колеснице пронеслась к костру Афина-Паллада и поспешила Геракла, прикрытого лишь шкурой когда-то убитого им во время первого подвига Немейского льва. А нарядный плащ его, пропитанный смесью яда гидры и кровью лукавого кентавра, продолжал гореть. И поднялся

от него ядовитый столб черного дыма ненависти и коварства, преградив путь золотой колеснице. То богиня Гера, преследовавшая героя всю его жизнь за то, что он был зачат Зевсом с земной женщиной, и теперь поставила перед ним преграду на пути к вершине светлого Олимпа. Да, герой, очистивший Землю от чудовищ и зла, заслужил обещанное ему бессмертие, но Зевс забыл сказать, где проведет он это бессмертие: на светлом Олимпе среди богов или в скорбном царстве Аида, служа там мрачному брату Зевса среди стонов и мучений теней усопших. И настояла Гера устроить Гераклу последнее испытание, потребовать с него еще один подвиг — сразиться в божественной игре с самим «Корченным» Тартаром, вызванным для этого из бездны тьмы. Там, за медными воротами, содержал он неугодных Зевсу титанов, похищая из царства Аида попавших туда прославленных земных мудрецов, которых злоеущий Тартар сперва обучал божественной игре, а потом, победив, ибо искусен был в ней, всячески издевался над ними, ввергая в конце концов в свою бездну мрака. Он, Тартар, породивший чудовище Тифона и адских многоголовых псов, не знал лучшей радости, чем торжествовать над кем-нибудь победу в божественной игре. Сам Тартар был порождением бога Обмана и богини Измены. Он исходил злобой на всех, корчась от безысходного гнева и неприязни. Такого противника предстояло Гераклу сокрушить, ничья означала для него поражение, иначе не было ему пути на светлый Олимп.

Олимпийские боги очень любили божественную игру и чтили богиню Каиссу за ее способность воспитывать игрой волю, отвагу, твердость духа и способность расчетливо находить жизненно важные решения.

Корченный Тартар знал, что освобожденный Гераклом Прометей обучил своего спасителя искусству божественной игры, и даже сам хитроумный Одиссей на обратном пути из Колхиды, научившись играть, нередко проигрывал Гераклу. Но злобный Тартар не боялся никого.

Поединок должен был состояться у подножья Олимпа, там, где каждые четыре года проводились игры атлетов. Но никто из смертных не должен был быть свидетелем этой битвы богов (Геракл уже стал равным им!). Боги же Олимпа сошли с его вершины, чтобы насладиться поединком, ибо нет большей радости, чем видеть борьбу умов.

Сам Зевс явился со своей супругой Герой и даже поспорил с ней об заклад, ставя на Геракла, а она на Тартара. Закладом были сокровища пещер далекого Востока, откуда прибыла богиня Каисса, назначенная теперь Зевсом беспристрастным судьей этого поединка. В помощь к ней пришла богиня Фемида, сменившая свои все правосудия на сосуд, из которого она должна была наливать через узкое горлышко воду — попеременно в чашу того из противников, кто обдумывал свои действия. И горе тому, чья чаша переполнится раньше, чем кончится бой, он будет считаться поверженным.

Остальные боги разместились вокруг игрового поля, расчерченного на разноцветные клетки, на которых по краям стояли в

два ряда фигуры из белого и черного мрамора. Фигуры по указанию сражающихся должны были переносить с клетки на клетку карлики-керкопы.

Чтобы смертные не приблизились к сонму богов, любующихся схваткой, Зевс-«собиратель туч» нагнал их столько, что почернело небо, и сверкающие молнии не только освещали игровое поле, но смертельно пугали всех окрестных жителей, которые не смели показаться из жилищ.

И под грозовые раскаты начался бой.

Тартар, царь мрака, огромный, хромой, весь перекошенный набок, взял себе черные фигуры. Геракл распоряжался светлыми.

Противники смотрели на игровое поле со стороны, обмениваясь колкими словами, и для очередного хода подходили к богиням. Фемида, услышав распоряжение о сделанном ходе, тотчас начинала наполнять чашу другого противника, а Каисса передавала приказ карликам-керкопам передвинуть нужную фигуру на указанную клетку.

Корченный насмехался над своим противником, который, «видя, не привык упражняться в игре ума». «Здесь мало подставить свои плечи под небесный свод вместо титана Атланта, мало оторвать от земли титана Антея, который набирался от нее сил». «Не пригодятся в игре ума отравленные Гераклом стрелы, одной из которых в конечном счете он глупо отравил самого себя!» «И не поможет здесь навозная выдумка «промыть Авгиевы конюшни повернутой в них рекой». «И уж совсем ни к чему верный глаз стрелка или разрубающий скалы удар меча!» «Думать надо уметь, думать! Головой играть, а не мускулами!»

Так издевался Тартар над Гераклом, стараясь унижить и запугать своего врага.

Конечно, Тартар был искусен в божественной игре. Но ему хотелось не только выиграть сражение, но еще и унижить Геракла подобно царице Ливии Омфале, которой герой во искупление минутной вспышки гнева добровольно продал себя в рабство на три года. Вздорная женщина старалась вволю насладиться за этот срок, глумясь над сильнейшим из сильнейших. Она унижительно наряжала его в женские платья, заставляла ткать и прясть, но так и не смогла сломить терпение и выдержку героя.

Но здесь перед лицом всех богов обидные выкрики Корченного Тартара достигли цели, лишив Геракла спокойствия и ясности мысли. Слишком он был вспыльчив и горяч.

Неоправданная поспешность Геракла позволила Тартару, даже не вводя в бой всех своих сил, добиться значительного материального преимущества.

Богиня Гера сказала эгидодержавному супругу:

— Смотри, Зевс, твой сын потерял тяжелую колесницу. Любо́й оракул предречет теперь ему поражение.

Ничего не ответил Зевс, свел только грозно брови, и еще пуще засверкали молнии из сгустившихся туч.

А Корченный Тартар кричал:

— Смотри, герой, носивший бабьи платья, это не просто сгущаются тучи над тобой, это растет моя черная рать!

Смолчал Геракл, только глубокие морщины прорезали его лоб.

— Я заставлю тебя плясать в моей бездне! И загоню тебя туда еще на игровом поле! — грозил Корченный, приплясывая и припадая на одну ногу.

Искусными ходами вынудил он царя беломраморных фигур перейти все игровое поле и вступить в «край мрака», где в начале игры построена была черная рать.

Вздохи прокатились по подножью Олимпа. Переживали боги. Многие любили Геракла, но коль скоро дело доходит до заклада, приходится считаться с мрачной силой Корченного, который перешел на самые отвратительные оскорбления противника:

— Не сын ты Зевса, а помет азиатского раба, прельстившего твою мать Алкмену. Анатолиец ты!

Вскипел Геракл, схватил рукой камень, чтобы бросить им в оскорбителя, но оплавился камень в его ладони, словно был он осколком прозрачной глыбы, встречающейся под белой шапкой высоко в горах за Колхидой или в царстве великанов на далеком Севере.

Рассыпался в горячей руке оплавленный камень, и вспомнил Геракл, что бьется с богом Мрака, сыном Обмана и Измены, бьется на игровом поле. И сдержался он, сказав, как когда-то так же оскорблявшему его великану:

— Пусть на словах ты победишь. Посмотрим, кто победит на деле.

Восхитилась богиня Каисса Гераклом, не выдержало женское сердце бесстрастной богини. Воспользовавшись тем, что Корченный продолжал кричать обидные для Геракла слова, обращаясь к наблюдавшим за игрой богам, она шепнула Гераклу:

— Герой, я не могу как судья подсказать тебе план борьбы, но как богиня божественной игры я вижу, что хоть и меньше у тебя светлых сил, чем сил мрака, все же ты можешь одолеть их, если совершишь свой тринадцатый подвиг на тринадцатом ходу...

Геракл гордо прервал ее:

— Я сражаюсь один на один.

— Да, один ты и одолеешь врага, если рискнешь после пяти ходов остаться на игровом поле один против всей черной рати, если отважишься принести в жертву богине Победы всех беломраморных воинов, чтобы один лишь светлый царь со стрелами выстоял против сонма врагов семь ходов и еще один ход, не защищаясь, а нападая.

— Семь ходов и еще один одному против всех? — отозвался Геракл. — Но так даже в бою не бывает!

— Это не просто бой, это твоя жизнь на Олимпе, это бессмертие! Я сказала тебе, что ты можешь сделать за тринадцать ходов, но не сказала как. И тем не преступила клятвы судьи.

И она отошла к богине Фемиде, лившей воду в чашу задумавшегося Геракла, который смотрел на игровое поле, заполненное беломраморными и смольно-черными фигурами. Он думал; а струй-

ка воды из узкого горлышка кувшина Фемиды грозила переполнить его чашу.

«Богиня Каисса все видит на игровом поле, но как увидеть смертному на пороге бессмертия то, что доступно ей?»

Так думал Геракл, пока яркой молнией не озарился его ум.

Когда герой сделал свой ход, боги ахнули. Бог сна Гипнос даже вскочил с каменной скамьи, ибо такого не увидишь и во сне!

Ворвавшийся в стан светлых герой черных фигур уже уничтожил тяжелые беломраморные колесницы, копьеносца и грозил убить кентавра. Но Геракл не только оставил того на погибель, а бросил и второго своего кентавра в самую гущу вражеских сил.

Однако хитрый Тартар разгадал уготовленную ему западню и вместо того, чтобы сразить ворвавшегося в его лагерь кентавра, уничтожил другого, которого загнал перед тем в безысходность.

Геракл же, осененный открывшимся ему планом, на этот раз поставил следующим ходом под удар своего копьеносца, дерзко грозя копьем царю Корченного Тартара, который сам же ограничил свободу его действий, допустил к нему в лагерь царя беломраморных. К тому же и жадно сберегаемые Корченным в резерве огромные силы черных тоже стесняли их царя.

Наглого копьеносца, конечно, можно было сразить, и Корченный, не задумываясь, сделал это.

Тогда Геракл нацелил одну из оставшихся у светлого царя стрел прямо в грудь черному царю. Пришлось Корченному бросить на помощь ему героя черных, который прикрыл бы своей силой черного царя.

И тут Геракл обрушил на противника столь свойственные ему при совершении подвигов удары, каждый из которых дорого стоил ему. Сначала в жертву богине Нике принесен был кентавр, еще глубже врезавшийся в толпу врагов, затем пал там и сам герой светлых, оставив белого царя одного в поле.

Некому было теперь его защищать.

Но по воле Геракла он не защищался, а нападал, используя оставшиеся в его колчане стрелы. И ход за ходом, а было их семь и еще один, Геракл так сжал вражескую рать, словно заползшую в его колыбель змею, или как бы придавил к земле адского пса Кербера, или Критского быка, или Немеяского льва, шкура которого украшала теперь его могучий торс.

Корченный смолк. Он уже не выкрикивал оскорблений Гераклу, а хрипло отсчитывал ходы, не отходя от своей переполнявшейся водой времени чаши.

Семь ходов и еще один, как предрекла богиня, понадобились Гераклу, чтобы бросить на колени врага, сделать неизбежным появление на поле беломраморных воинов, в которых волшебю превращались достигшие края поля стрелы.

Богиня Победы Ника опустила на игровое поле и коснулась великого героя своим крылом.

Боги расплачивались друг с другом оговоренными закладами. Зевс сказал Гере:

— Нет, не бесценные сокровища далеких пещер передашь ты мне. Раз ты проиграла, то должна отказаться от своей несправедливости к Гераклу, который совершил свой тринадцатый подвиг и взойдет теперь на кручи Олимпа.

Гера поникла головой:

— Хорошо, Зевс, считай, что твой сын Геракл, став бессмертным на Олимпе, выиграл в своем тринадцатом поединке и мою любовь, которая, клянусь богиней Правды и врагов Обмана, будет так же глубока, как и бывала моя несправедливость, сопровождавшая всю его жизнь на Земле. И мы дадим ему в жены богиню.

— Каиссу, — решил Зевс.

Боги встали.

Корченый Тартар шумел:

— Я требую переиграть! — вопил он. — Богиня Каисса постыдно шепталась с Гераклом, а продавшийся им бог Гипнос сидел на четвертой скамье и смотрел на меня, навевая сон. Я проспал последние ходы, и только потому Гераклу удалось довести до конца свой нелепый и ложный план.

Но богиня Фемида, за которой было последнее слово, объявила претензии Корченного Тартара презренными.

Богиня же Каисса, передвигая с помощью карликов-керкопов беломраморные и смолисто-черные фигуры, показала всем, что, как бы ни играл Тартар, победа Геракла была неизбежной.

Слепой старец кончил свой невучий рассказ о последнем подвиге Геракла. Он сидел спокойный, величавый, и пальцы его шевелились, словно перебирали струны невидимой кефары.

— Неужели это были шахматы? — спросил я.

— Я не играю в них, — вздохнул старик. — Я только передал ход игры, как рассказывали прадеды, а им их прадеды. Это такое же повествование, как путешествие Одиссея или осада Трои.

— Трою раскопали, пользуясь указаниями поэмы Гомера, — заметил художник.

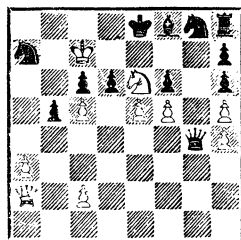
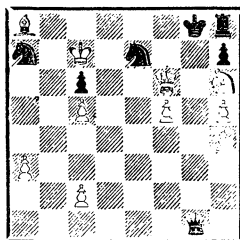
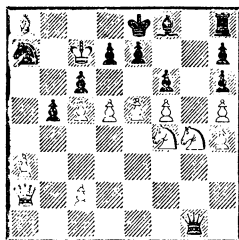
— Да. Шлиман! — кивнул слепец. — Может быть, и сейчас найдется кто-нибудь, кто по моему рассказу раскопает «игровую Трою», разгадает, что произошло на игровом поле богов у подножья Олимпа.

Мы расстались с нашим удивительным продавцом губок.

Подаренная им губка вот уже двадцать лет лежит у меня на столе, напоминающая о встрече с «ожившим Гомером», лежит укором мне, поэту шахмат, все еще не расшифровавшему игры, в которой ее богиня Каисса не устояла перед обаянием героя.

Понадобились два десятилетия, чтобы я все-таки откопал «шахматную Трою», чтобы мог теперь предложить вниманию читателей свой вариант того, что произошло на игровом поле под Олимпом после слов Каиссы.

Вот какая позиция могла сложиться в шахматах (если это были шахматы!) в результате самонадеянной игры Корченного Тартара и неопытного Геракла, у которого все же нашлось достаточно воли и ума, чтобы разгадать скрытый путь к выигрышу.

В этой позиции белые могут выиграть единственным этюдным путем, описанным в мифе о Геракле ¹⁴⁹.

Первым ходом они жертвуют коня (кентавра), вторгаясь в стан черных.

1. Кe6!

Но черные разгадывают ловушку, связанную со взятием этого коня: 1. . . de 2.d6 — и атака белых неотразима: 2. . . Фd4 3.Ф:e6 Фd5 4.d7 и выигрывают. Или: 2. . . ed 3.Ф:e6 + Се7 4.dc Кpf8 5.de + К:e7 6. Ф:f6 + Кpg8 7.К:h6, и мат ¹⁵⁰.

Потому-то черные и взяли другого коня, не видя непосредственной угрозы и увеличивая материальное преимущество.

Но теперь их ошеломляет новый удар слона (копыеносца), грозящего непосредственно черному королю:

1. . .Ф:g4 2.С:c6!

Слона приходится брать, ибо отход короля 2. . . Кpf7 ведет к разгрому черных — 3.d6, и уже не спастись. Попытка же ввести в бой ферзя обречена — 2. . . Ф:f5 3.Cd7 + Кpf7 4.Kd8 + — и выигрыш белых! Если же 2. . . Ф:h5, то 3.С:d7 + Кpf7 4.d6, то черные или теряют ферзя, или получают мат ферзем на f7. Но чем взять дерзкого слона? Если конем 2. . . К:c6, то последует 3.dc dc 4.К:d8 Фc4 5. Ф : c4 Ёс 6.e6 с выигрышем или 4. . . Фg7 5. Фе6, и мат следующим ходом.

Безопаснее взять слона пешкой:

2. . .dc.

Но теперь освободился путь для броска белой пешки с серьезной угрозой черному королю:

3.d6.

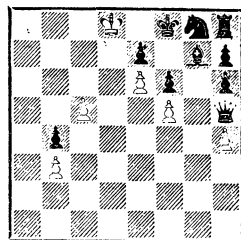
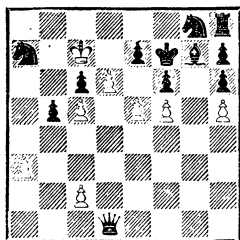
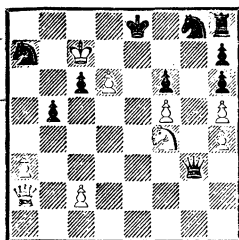
Взятие этой пешки развязывает неотразимую атаку белых: 3. . . ed ¹⁵¹ 4.cd С : d6 5.ed Фg3 6.Kf4 ¹⁵² Ф:f4 7.Фe6 + Кpf8 8.Кpb7, и у черных нет защиты. Если 8. . . Фc5, то 9. d7 Ф:e6 10. fe Кре7 11. Крс7 и выигрывают.

Вот почему Корченый Тартар вынужден был вмешательством ферзя отвести удар белой пешки (стрелы) с поля g7.

3.Фd1.

Но белые планомерно освобождают диагональ для действия своего ферзя, чтобы провести комбинацию «удушения» черных.

Ферзь уже не контролирует поле g7, и Геракл может пожертвовать сначала на g7 коня, а потом на f7 ферзя (героя).

4.Kg7+ C:g7 5.Фf7+ Kp:f7.

Итак, король белых остался один на доске против черного воинства: короля, ферзя, ладьи, слона и двух коней! По рассказу слепого грека, царю светлых предстоит целых семь ходов и один ход быть в поле одному, вооруженному лишь «стрелами» (пешками), и не только выстоять, но и победить противника! ¹⁵²

6. e6+ Kpf8 7.d7 — вот он, смертельный зажим!

Тартар делает попытку вырваться хотя бы конем. Но у Геракла мертвая хватка, которую не раз познавали враги:

7. . .b4 8.a4.

Тартар лукав и пытается оплести противника коварной сестью.

8. . .b3!

Никак нельзя сейчас **9.d8Ф?** **Ф:d8 10.Kp:d8** бс, и Геракл повержен! Но сила Великого Героя не только в гневном напоре, но и в ледяном спокойствии:

9.cb Kb5+.

Тартар отдает своего коня идя на все!

10.ab cb 11. d8Ф+ Ф:d8+ 12.Kp:d8 b4! ¹⁵³

Вот каково дно черного замысла! Сыграй здесь Геракл торжествующе **9.cb?**, и черным пат — ничья, закрывающая Герою путь на светлый Олимп!

Однако Геракл настороже и не оставляет врагу никаких шансов. Своим тринадцатым ходом он завершает свой тринадцатый подвиг.

13.Kpс7!

Черный король распатован, и белая пешка неизбежно пройдет на край доски, матуя черного короля.

Вот здесь богиня Победы Нике, очевидно, и опустилась на игровое поле, коснувшись крылом Геракла.

Корченый Тартар скандалил, пытаясь доказать, что план Геракла был ложным и опровержению помешал бог Гипнос, усыпивший бдительность Корченного Тартара.

Тогда богиня Каисса показала, что, если бы Корченый Тартар на восьмом ходу играл бы иначе, это не помогло бы ему:

8. . .Ф:h5 ¹⁵⁴ **9.d8Ф+ Фе8 10.h5!**

Но, конечно, не **10.Ф:e8**, как показывал Корченый, после чего ему хотелось провести **10. . .Kp:e8 11.h5 Cf8! 12.Kpb7 Kpd8**

13. Кр:а7 Крс7 — и пичья! При внимательной же игре будет совсем не так!

10. . . Kb5+ 11. ab b3 12. cb cb 13. Ф:e8+, и снова выигрыш на тринадцатом ходу!

Поскольку мне после двадцатипятилетних усилий удалось воспроизвести на шахматной доске «шахматную Троию», описанную «Гомером XX века» битву богов на склоне Олимпа, во мне утвердилось убеждение, что шахматная игра, завезенная с Востока, была известна и древним грекам, найдя даже свое отражение в одном из мифов. И возможно, что старинные ограничения действий фигур были последующими искажениями ее первоначальных «божественных» правил, восстановленных ныне полностью.

Пусть это лишь гипотеза, но, может быть, она придется кому-нибудь по сердцу!

ПОДАРОК ШАМБАЛЫ

*Летели воздушные
корабли,
Лился жидкий огонь.
Сверкала
искра жизни и смерти.*

Н. К. Рерих. «Письмена»

С Михаилом Николаевичем Новиковым я познакомился в ЦДКЖ во время одного из шахматных турниров. Потом он стал бывать у меня, оказавшись милым, оригинально мыслящим и разносторонним человеком.

Шахматы были его страстью. И не просто страстью, а ведущей (вернее сказать, зовущей) идеей. Было ему лет тридцать. Жизнерадостный, деликатный, сын пианиста, он сам неплохо играл на рояле и даже сочинял музыку.

Во время легких шахматных партий он признался мне, что верит в существование единого алгоритма шахматной игры, основанного, как ему казалось, не на многомиллионных пересчетах всех возможных вариантов, что доступно лишь электронно-вычислительным машинам, а на некой геометрической основе.

Я искренне сомневался в надежности такого подхода, когда даже эвристический метод программирования электронного «гроссмейстера», разрабатываемый прославленным шахматистом и ученым М. М. Ботвинником, должен был бы отступить на второй план.

Большинство партий М. Н. Новиков мне проигрывал.

Но однажды он запасся бланком для записи партии (серьезных партий с часами я давно не играю, запретив это себе) и попросил у меня разрешения условно ставить фигуру на выбранное поле, геометрически анализировать создавшееся на доске положение и, если потребуется, выбирать другое поле или иную фигуру. Поскольку это был эксперимент, я, конечно, согласился. И представьте — проиграл по всем статьям!

Я-то знал, что Михаил Николаевич уже не раз пытался играть со мной по своей «системе», но его хватало лишь на первые ходы, а затем он становился обычным шахматистом, что далеко не всегда приносило ему успех.

А тут я чувствовал себя раздавленным неведомой мне машиной, которой в физическом смысле не существовало.

Я решил, что просто плохо провел партию и будь на моем месте, скажем, гроссмейстер, партия так не закончилась бы.

Михаил Николаевич с редким энтузиазмом уверял меня, что ошибки быть не могло, ибо алгоритм, который он ищет, безусловен, универсален и исходит из самой сути шахмат.

Мне хотелось проникнуть в психологию настойчивого искателя, и я осторожно расспрашивал его. Он пообещал принести мне в следующий раз «доказательство», которое убедит меня в его правоте.

И однажды он пришел с истрепанной, выдавшей виды старой тетрадью, побывавшей и в костре, и в воде, со сморщенными страницами и расплывшимися строчками, даже с обгоревшим углом. Словом, с «документом» весьма романтического вида.

С внутренней усмешкой я раскрыл загадочную тетрадь и... перенеся, как в машине времени, на сорок с лишним лет назад... в Нью-Йорк, на Всемирную выставку 1939 года «Мир завтра», в советский ее павильон, в устройстве которого я, как инженер, принимал тогда участие.

В его просторных и прохладных в нью-йоркскую жару залах, где звучал набатным колоколом несравненный бас Поля Робсона, исполнявшего «Полюшко, поле» и другие советские песни, я наблюдал множество американцев, пытавшихся увидеть в советском павильоне свой завтрашний день, поскольку в других павильонах им показывали преимущественно рекламу завтрашней продукции различных фирм.

Наш павильон представлял собой великолепное подковообразное здание, увенчанное знаменитой статуей рабочего со звездой в поднятой руке.

В числе людей, осматривавших павильон снаружи, мне довелось повидать даже английского короля Георга VI, тогда еще не отрекшегося от престола в пользу своей дочери Елизаветы из-за желания жениться не на особе королевской крови, а на американской актрисе. Видел и самого президента Рузвельта с непокрытой головой и внимательными глазами, сидевшего в открытом автомобиле, сопровождаемом конным эскортом.

Но теперь перед моим мысленным взором стоял другой посетитель, седой, с белой остроконечной бородкой. Он с выражением

спокойной задумчивости на иконописном лице подолгу простаивал перед экспонатами и старался представить себе, какой стала его любимая Родина после двух преобразивших ее пятилеток.

Это был Николай Константинович Рерих, замечательный русский художник, ученый, археолог, этнограф, писатель, поэт, величайший знаток Гималаев, которые он исследовал, организуя экспедиции с ведома молодой Советской республики. Им в равной степени гордятся как в СССР, так и в дружественной нам Индии, ставшей его второй родиной.

Если бы я знал, что спустя сорок с лишним лет встречу с документом, относящимся к одной из его экспедиций и затрагивающем историю любимых мной шахмат, я бы решился подойти к нему, расспросить. Но в те годы ничего этого я не знал. И лишь теперь образ живого Рериха, каким я видел его, предстал передо мной, когда я разбирал полустертые строки ветхой тетради.

На первой обгоревшей странице отрывок стихотворения Н. К. Рериха из цикла, названного А. М. Горьким «Письмена»:

Дал ли Рерих из России — Примите.

Дал ли Аллал-Минг-
Шри-Ишвара из Тибета — Примите.

Многие страницы прочесть было невозможно, но вот...

«...Николай Константинович решил писать портрет Учителя, «махатма», как он себя именует, утверждая, что он из Шамбалы, путь куда так настойчиво мы ищем уже который год!

Говорят, что дорога в эту сказочную страну мудрецов, мужчин и женщин, живущих общиной, не зная зла и несправедливости, частной собственности и угнетения, откроется якобы только людям с чистой совестью и светлым умом. Неужели это мы, спутники Рериха, почитаемого всеми, кто знал его, мешали ему достичь Шамбалы? Ведь ему-то путь туда несомненно открылся бы! Недаром навстречу вышел этот Учитель, махатм, вручивший Рериху послание гималайских мудрецов его Родине!»

Старый документ взбудоражил мне память.

Шамбала! Кто не слышал этого загадочного названия страны, о которой говорят многие, но которую не знает почти никто! Она носит множество имен в различных легендах: Шамбала, Тебу, Беловодье (это у нас в алтайских легендах), Калапа... Но суть страны с этими названиями одна и та же! Обитель мудрецов, ведущих свой род от тех, кто якобы прилетел на Землю из созвездия Ориона. Они хранят и умножают необыкновенно глубокие знания во всех областях жизни, в особенности в космогонии и законах природы. Эти знания передаются из поколения в поколение. И там есть башня Шамбалы, где хранится камень Чинтамани, доставленный на Землю в шкатулке вместе с тремя другими необыкновенными предметами на «Крылатом коне» Лунг-та, способном пересекать Вселенную (надо думать, на звездолете!). Камень Чинтамани обладает удивительным свойством влиять на человеческую психику, излучая внутренний жар (быть может, радиа-

ция?). Отдельные его части, не теряющие якобы связи с основным камнем, появлялись в различных местах земного шара, когда там происходили важнейшие события, начиналась новая эра или зарождалась новая цивилизация.

Я словно прикоснулся к этому чудесному камню, когда несколько лет назад вместе со своим другом художником Сергеем Павловичем Викторовым стоял рядом с сыном Николая Константиновича Рериха Николаем Николаевичем перед картиной, на которой его отец воспроизвел доставку камня Чинтамази в башню Шамбалы. Маленький пони несет на себе заветную шкатулку, идя по глубокому ущелью. Сопровождающие его люди знают дорогу к башне Шамбалы, где хранится и ныне чудесный камень. Я почти физически ощущал изображенное Рерихом свечение, издаваемое шкатулкой.

И даже Николая Николаевича Рериха, тоже незаурядного художника, с которым познакомились мы с Викторовым, не мог я расспросить о беседе его отца с посланцем Шамбалы, не знал еще об этом!

Позже прочел я, что махатм передал Рериху письмо из коммуны гималайских мудрецов правительству молодой Советской республики. Об этом сообщалось в журнале «Международная жизнь» (№ 1, 1965; полный текст послания приведен в творческой биографии Н. К. Рериха, написанной Валентином Сидоровым в книге «На вершинах», изданной в 1977 году).

Николай Константинович Рерих привез послание в Советскую Россию и встретился для его передачи с Г. В. Чичериным и А. В. Луначарским.

В послании говорилось, что в Гималаях махатмы знают об уничтожении в новой России частной собственности и власти денег, об упразднении церкви, как рассадника лжи, закрытии притонов. Кончается послание словами: «Привет вам, ищущим общего блага!»

Видно, по душе мудрецам Шамбалы пришлись принципы Великой Октябрьской революции, которые потрясли мир. Не ради ли этих принципов ходили в мир посланцы Шамбалы? Они учили жить и предостерегали от катастроф. Не с их ли слов появились в старинных индийских рукописях записи, суть которых не могла быть известна древним жителям Земли.

Я приведу несколько переводов с санскритского советского индолога А. Горбовского (в том числе из «Махабхараты»).

«Сверкающий спаряд, обладающий сиянием огня, лишённого дыма, был выпущен. Густой туман внезапно покрыл войско. Все стороны горизонта погрузились во мрак. Поднялись несущие зло вихри. Тучи с ревом устремились в высоту неба. Казалось, даже солнце закружилось...» Войско было сожжено, испепелено на месте этим страшным взрывом. Примененное же оружие внешне было похоже на огромную железную стрелу, воспринимаемую как посланца Смерти. Чтобы обезвредить одну такую неиспользованную стрелу, ее требовалось истолочь в порошок и утопить в море. Уцелевшие воины сразу после взрыва должны были спешить к реке,

чтобы омыть одежду и оружие (избавиться от радиоактивности?).

И об этом писали тысячелетия назад! Чем, как не перескажем пережитых на иных планетах ядерных войн, была эта запись? Как иначе объяснить древнее сообщение о «летательных аппаратах», молниями поражавших с воздуха некий неизвестный в земной истории «Тройной Город»? Не это ли вдохновило поэта Рериха на стихи?

Летели воздушные
корабли.
Лился жидкий огонь.
Сверкала
искра жизни и смерти.

Чудовищное оружие, о котором и знать не могли люди в давние времена, тем не менее упоминается в Индии под названием «пламя Индры», в Южной Америке — «оружие Машмак» (фонетически перекликается со словом махатм) и даже в кельтской мифологии как «оружие Грома»...

Я оставляю современные легенды о неопознанных летающих объектах (НЛО, УФО), чуть ли не вылетающих из Шамбалы и возвращающихся туда, на совести распространяющих эти рассказы, но я все же, опираясь на древние рукописи разных народов, не могу исключить общения мудрецов Шамбалы с древними людьми, не могу не вспомнить их предостережений о грозной опасности, которая ныне, как всем известно, реально висит над всей планетой!

То, что Н. К. Рерих считал Шамбалу отнюдь не мифической страной, доказывает его обращение в Наркомат иностранных дел, возглавлявшийся Чичериным, с просьбой о предоставлении «экспедиционного паспорта». Благожелательное с советской стороны отношение к Рериху и его исследовательской деятельности в Гималаях позволило ему посвятить этому важнейшему делу двадцать пять лет своей жизни.

Всего лишь об одном дне из этого двадцатипятилетия повествует сейчас потрепанный дневник. Переписываю из него то, что могу разобрать.

«Махатм из Шамбалы, угадав желание Рериха написать его портрет, сказал, что он лишь тень мудрости, пославшей его, и не достоин быть увековеченным в красках. Тогда Николай Константинович принял неожиданное решение изобразить махатма в виде тени на скале. А краски будут вокруг».

Отодвигаю дневник. Я ведь видел вместе с Викторовым эту картину! Видел на выставке произведений Н. К. Рериха на Кропоткинской улице в семидесятых годах! Неземное, бледное небо. На его фоне многоцветные, синие и желтоватые скалы. На переднем плане удивительно ровный срез скалы, как бы приваленной к груде исполинских камней. И на этом срезе — отброшенная едва взшедшим солнцем тень старца в ниспадающем одеянии, с остроконечной бородой, напоминающей ту, что носил сам Рерих.

Вот оно — документальное доказательство встречи Рериха с гималайским мудрецом, посланцем Шамбалы!

40	31	38	29	33	26	35	28
41	18	43	20	48	23	46	21
56	15	54	11	49	10	51	12
57	2	59	4	64	7	62	5
32	39	30	37	25	34	27	36
17	42	19	44	24	47	22	45
16	55	14	53	9	50	11	52
1	58	1	60	6	63	6	61

Когда картина с тенью на скале была написана, махатм и Рерих уселись друг против друга на корточках. Между ними оказалась шахматная доска с цифрами на каждой клетке и с набором шахматных фигур.

Удивительно, но Рерих с махатмом не играли, а рассуждали о математическом квадрате, известном в Индии с древнейших времен как «индийский насик». В Европе лишь спустя тысячелетия появился «магический квадрат», названный так за его необъяснимо волшебные свойства.

Одним из позднейших его исследователей стал великий математик XVII века Пьер Ферма.

Не знаю, были ли высказанные некоторыми авторами мысли о родстве шахмат с магическим квадратом отголосками беседы Рериха с мудрецом в Гималаях или авторы эти самостоятельно пришли к аналогичным выводам, но для меня важно, что идеи эти уже высказывались. Так, в 1969 году в издательстве «Просвещение» вышла книга П. Рудина (ждавшая своего издания более сорока лет!), она вызвала весьма противоречивые отклики. А еще в 1929 году в журнале «64, шахматы и шашки в рабочем клубе» появилась статья В. Нейштадта на ту же тему. Понадобилось судебное разбирательство, чтобы установить, что книга Рудина была написана ранее статьи Нейштадта (не указавшего источника).

Не моя задача установить этот источник! Я лишь, призывая воображение, переносусь в Гималаи.

Горы! Вокруг непостижимо чистый воздух, сквозь который даже далекие предметы кажутся близкими, а цвета скал ничем не смягчены.

Вот откуда бралась непостижимая палитра красок Н. К. Рериха! Склоны синие, желтые, резко граничащие, небо малиновое... Такой пейзаж можно представить себе где-нибудь на Марсе с воздухом, разреженным до необычайности! Или на Луне с теньями резкими, как у Рериха, где грани горных образований ничем не сглажены.

Два человека, по-разному одетые, но чем-то похожие друг на друга, сидят по обе стороны шахматной доски.

Махатм говорит размеренно, неторопливо. Его движения замедленны, но уверенны:

— Слава мудрым! Ваши знатоки цифр познали тайны скопления цифр в квадратах. Но напрасно они именуют их «магическими». Магии нет в мире! Нет ее и в цифрах! Все в науках, как и в природе, определяется непреложными законами. Мы, живущие, способны лишь их выявлять. В цифровом квадрате 155, будем так называть его, числа расставлены в расчете, что их сумма в любом

горизонтальном или вертикальном ряду всегда одна и та же. Для квадрата «назик» с 64 клетками сумма равна 260. Это легко проверить. $1+58+3+60+63+8+6+61=260$ или $28+21+12+5+36+45+52+61=260$.

Махатм говорил на превосходном английском языке с безукоризненным произношением, правда, порой растягивая гласные, что придавало его речи певучесть.

— Ты не удивишься, мой мудрый друг, когда две соседние двойки дадут в сумме 4. Но расставить цифры в квадрате, чтобы сумма их во всех рядах и диагоналях была постоянной, куда сложнее. Честь вашим знатокам цифр, нашедшим формулы для решения таких задач. Но пока, к сожалению, лишь для квадратов с печетным числом полей. «Насик» с его 64 клетками можно построить с помощью специальных фигур.

— Математических символов?

— Скорее «мер», которыми отмеряют расстояние между порядковыми цифрами. У нас в Шамбале поразились, узнав, что наши подсобные математические фигуры послужили для создания великомудрой игры, в которой противоборствуют умы. Восхищения достойна красота, рожденная мудростью. Это закономерно, ибо в основе красоты — порядок, целесообразность, совершенство. А математика со своими фигурами передала игре именно эти свойства.

— Какими же были эти старые фигуры?

— Им не требовалось иметь те удлиненные ходы, которые придали мудрой игре глубину. Но король (главная фигура) имел доступ ко всем прилегающим к его полю клеткам. Ферзь же ограничивался лишь соседним полем по диагонали. Слон (я применяю ваши, современные названия) был подвижнее и мог ходить через клетку по диагонали. Ладья же — через клетку по горизонтали или вертикали.

— А пешка или конь?

— Их ходы остались прежними, но пешка не имела права делать два хода с начального поля, а конь не перепрыгивал через фигуры. Не было в этом надобности. Если хочешь, построим «назик» с помощью этих фигур. Ты можешь записать ходы, как это делают шахматисты.

— Я слаб в шахматах. Тем более в записи.

— У тебя есть помощник с тетрадью. Итак, поставим на a1—1. И он показал *.

— Итак, мудрый мой друг, «назик» готов наполовину. Не составит труда заполнить и оставшиеся поля. Тогда он отразит бесконечные законы математики.

— Бесконечные? — удивился Рерих.

— Он и сам станет бесконечным, как Вселенная, надо лишь угодить его кругу, чтобы он соприкасался сам с собой всеми своими сторонами.

— Как это может быть?

* См. стр. 230.

— Очень просто. Сложи квадрат пополам по вертикальной линии между рядами «d» и «e». Полученную полоску с квадратами полей сверни трубкой¹⁵⁶ и получишь кольцо. Поле a1 соседствует в нем с полем h1 на переходе с внешней стороны кольца на внутреннюю. Первый же горизонтальный ряд соприкасается с восьмым на обеих сторонах кольца. Как видишь, квадрат может примыкать к самому себе всеми сторонами. Я замечаю, ты все понял и даже нарисовал получившуюся фигуру в тетради ученика.

— Я смотрел на твой перстень, Учитель, и нарисовал его с цифрами на нанесенных квадратах.

— Если бы ты на самом деле увидел на моем перстне цифры, ты принял бы его за талисман? Так знай: суеверие хуже религии, которая хоть в первоначальной форме основывалась на сотворении добра другим. Суеверие служит лишь для тебя самого.

— Ты поистине мудр, махатм!

— Я лишь тень нашей мудрости, обратившаяся к твоему народу со словами: «Привет вам, ищущим общего блага».

И он ушел, оставив Рериха размышлять обо всем услышанном. Ушел, легко перепрыгивая с камня на камень, взбираясь все выше и выше, пока не скрылся исчезающей тенью в тумане, который со дна ущелья казался облаком.

На этом закончилась вызванная моим воображением картина, следствие которой, если хотите, можно рассматривать как гипотезу о чудесном математическом квадрате, что получается с помощью шахматных фигур.

* Каждые три хода действуют белая ладья и черный конь:

1. Ла1—a3 Ka3—b5 b5—2

2. Лb5—b3 Kb3—c1 c1—3

3. Лc1—c3 Kc3—d5 d5—4

Теперь сдвигка в сторону двумя ладьями:

4. Лd5—f5 Лf5—h5 h5—5

Снова три хода ладьей и конем:

5. Лh5—h3 Kh3—g1 g1—6

6. Лg1—g3 Kg3—f5 f5—7

7. Лf5—f3 Kf3—e1 e1—8

Мы достигли королевского поля. Теперь сдвигка по вертикали на один ряд королем и ферзем:

8. Kpe1—d1 Фd1—e2 e2—9

Опять три хода ладьи и коня:

9. Лe2—e4 Ke4—f6 f6—10

10. Лf6—f4 Kf4—g2 g2—11

11. Лg2—g4 Kg4—h6 h6—12

Переброска по горизонтали на этот раз слонами:

12. Ch6—f8 Cf8—d6 d6—13

За дело взялись ладья и конь:

13. Лd6—d4 Kd4—c2 c2—14

14. Лc2—c4 Kc4—b6 b6—15

15. Лb6—b4 Kb4—d2 a2—16

Передвижка построения на ряд

по вертикали с помощью встречных ходов ладьи и пешки:

16. Ла2—a4 a4—a3 a3—17

17. Ла3—a5 Ka5—b7 b7—18

18. Лb7—b5 Kb5—c3 c3—19

19. Лc3—c5 Kc5—d7 d7—20

Теперь для переброски на край доски настала очередь коней:

20. Rd7—f8 Kf8—h7 h7—21

21. Лh7—h5 Kh5—g3 g3—22

22. Лg3—g5 Kg5—f7 f7—23

23. Лf7—f5 Kf5—c3 c3—24

Новая комбинация встречных ходов для сдвигки на этот раз слона и коня:

24. Ce3—g5 Kg5—e4 e4—25

25. Ле4—e6 Ke6—f8 f8—26

26. Лf8—f6 Kf6—g4 g4—27

27. Лg4—g6 Kg6—h8 h8—28

Цикл завершается ладьями, до которых снова дошла очередь:

28. Лh8—f8 Лf8—d8 d8—29

29. Лd8—d6 Kd6—c4 c4—30

30. Лc4—c6 Kc6—b8 b8—31

31. Лb8—b6 Kb6—a4 a4—32

Довершают первую половину построения, перевода его на поле черного короля, два слона:

32. Ca4—c6 Ce6—e8 e8—33

Мы с Михаилом Николаевичем построили его, заглядывая в старую тетрадь и подсчитывая суммы цифр вдоль и поперек, яростно щелкая на счетах, как заправские кассиры.

— Ну и что? — спросил я, откидываясь на спинку стула, — бухгалтерия ясна. Но при чем тут ваш алгоритм?

А я ведь тайно жаждал реванша с неведомой алгоритмической «машиной».

— Как при чем? — вспыхнул Михаил Николаевич. — Алгоритм вытекает из закономерностей, которые вы сейчас увидите.

— Какая связь? — пожал я плечами.

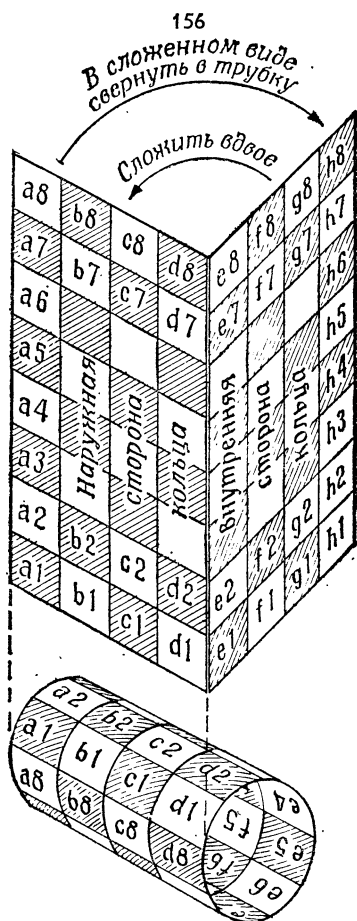
— Как вы не понимаете! — в отчаянии воскликнул Михаил Николаевич.

Мне даже стало жалко моего энтузиаста. Я ведь прикидывался, будто не понимаю, а на самом деле не прочь был овладеть алгоритмом. Чтобы выиграть у любого партнера? Что со мной? Ведь я всегда ценил в шахматах процесс игры, ее красоту, а не результат! Зачем же этот антихудожественный алгоритм? И в состоянии внутренней борьбы узнавал я о преследованиях шахматной жар-птицы.

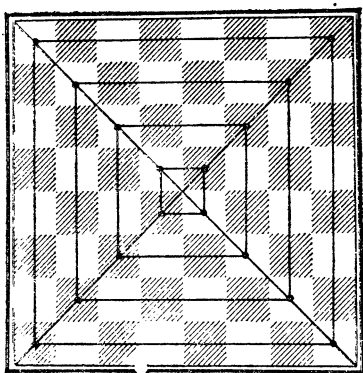
— «Насик», — объяснял Михаил Николаевич, — обладает более совершенными свойствами, чем обычные магические квадраты. В поисках алгоритма я проверил все...все!

«Сейчас проговорится!» — чуть ли не с опаской подумал я, не пропуская ни слова.

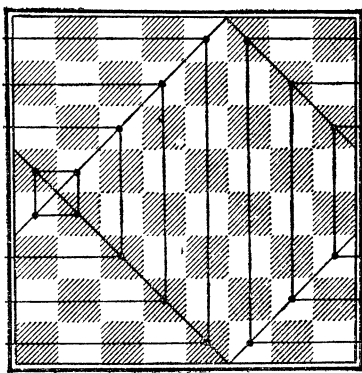
— В «насике» не только вертикальные и горизонтальные ряды, но также и любые диагонали, так остроумно превращенные математиком в спирали, дают сумму цифр восьми полей равную 260! Но это далеко не все! Вокруг центрального квадратика из четырех полей ¹⁵⁷ можно построить квадраты из 16, 36 и, наконец, из 64 полей. И сумма цифр угловых полей на всех этих квадратах будет 130! И все это построение можно сдвинуть в любую сторону. Ничего не изменится! ¹⁵⁸ Самое интересное, что на «насик» можно нанести сетку прямоугольную ¹⁵⁹ и сетку диагональную ¹⁶⁰. В узлах, отмеченных на сетках, окажутся определен-

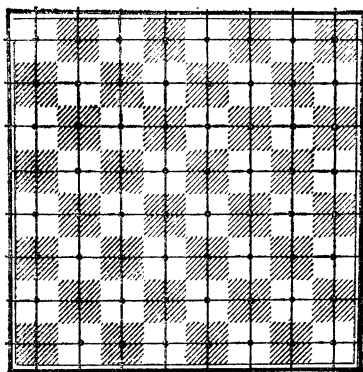
157

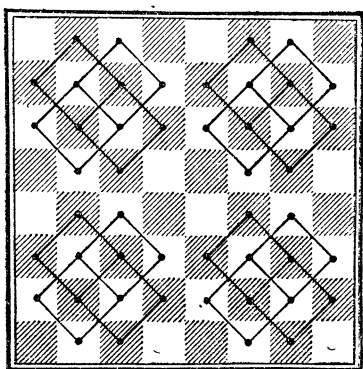
158

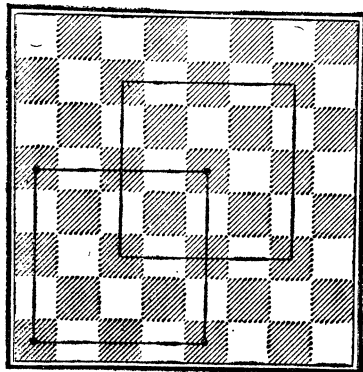
159

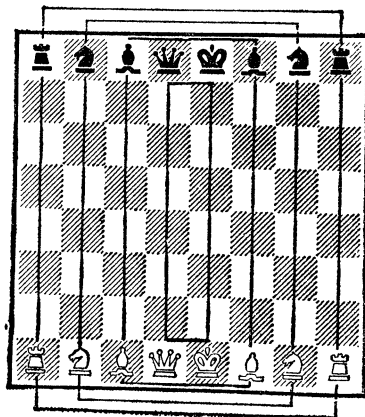
160

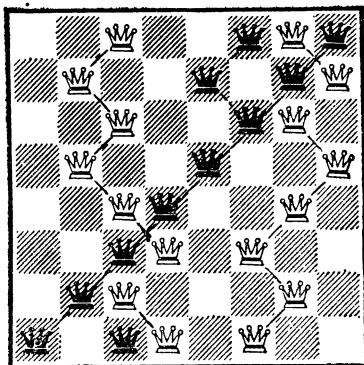
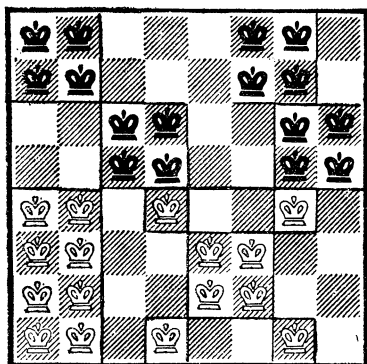

161

162

ные цифры. Их сумма в любом квадрате из 2, 4, 6 и 8 полей в стороне всегда равна 130. Но есть еще особый случай: квадрат с пятью полями! ¹⁶¹ На первом ряду он отмечен полем e1 (на котором, заметим, поставлен белый король!). Это как бы золотое сечение: 5 полей и 3 поля слева и справа в горизонтальном ряду дают суммы два раза по 130! Такую же сумму 130 дают и узловые поля пятиполюсного квадрата, где бы он ни был расположен в «насики». Диагональная сетка выражена двумя прямоугольниками, расположенными крест-накрест в каждой четверти (квадрата) «насики». Прямоугольники складываются из двух квадратов каждый. Отмеченные на них узлы приходятся на цифры, которые для каждого диагонального квадрата дают те же 130!

— Преклоняюсь перед волшебством. Но при чем тут шахматы?

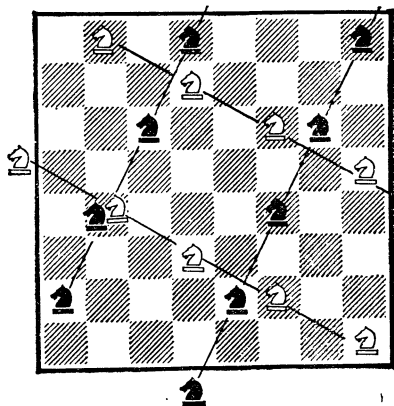
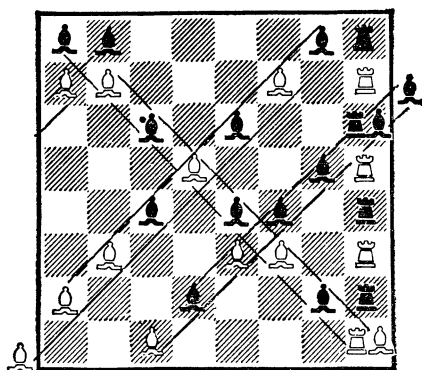
В том-то и дело, что не только шахматы. Сетка-то напоминает кристаллическую решетку! Но начнем с шахмат. С расстановки фигур ¹⁶². Цифры на полях a1, h1, a8 и h8 в сумме дают 130! Это для ладей! Но то же самое и для слонов: b1, f1, b8, f8, и для коней: b1, g1, b8, g8, и, наконец, для короля и ферзя суммы цифр опять будут 130! Все фигуры занимают целиком ряд с константой 260, точно так же, как и каждый из рядов пешек.

— Случайность,—с деланным равнодушием заметил я.— Просто фигуры поставлены в ряд, где цифры подобраны.

— Какая же это случайность, когда можно рассмотреть ходы фигур, а не только их первоначальное положение? Король! Вы же заметили, что каждые четыре поля в любом квадратике доски дают сумму цифр 130. А если поставить рядом два таких квадратика, можно и со сдвигом на одну клетку (или даже на две)? В восьми полях будет сумма 260! А что это за восемь полей ¹⁶³? Это же поля, которые может последовательно занять король при своих семи ходах! Так что и ему в движении присуща та же константа. Так ведь и с другими фигурами та же история!

— Вы так думаете?

— Знаю! Ферзь. Поставим его в угол на a1 ¹⁶⁴. Восемь последовательных полей, которые он займет при семи ходах в одном направлении, дадут сумму цифр 260, как в полной диагонали.

А если она спиральная, то начинать можно в любом месте «насики» и двигаться в любую сторону. Более того! Если ферзь начнет путешествовать по узлам диагональной сетки, похожей на кристаллическую решетку, то может обойти получившиеся фигуры так, чтобы пройти оба квадрата по восьми полям, что в сумме цифр опять даст 260. Может ферзь пройти и другими путями, которые видны на диаграмме. Ну как?

— Совпадение.

— Тогда что вы скажете о ладьях ¹⁶⁵? Двигаясь навстречу друг другу в любом месте «насики», они займут весь ряд с его константой 260. Современные ладьи дают тот же результат и без встречного движения. Причем ладья может начинать с любого поля доски.

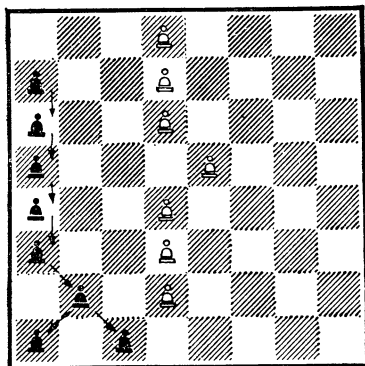
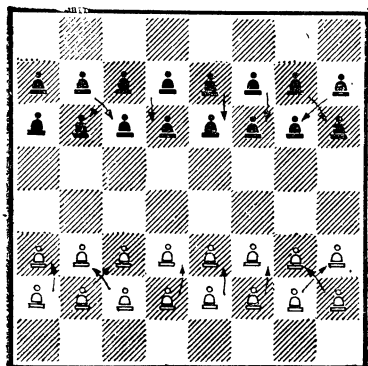
— Уже доски?

— А что вы скажете о слонах, которые, двигаясь по спиральным диагоналям навстречу друг другу, опять-таки дают константу? Современные ходы лишь облегчают получение константы. Например: 1. Ch8, 2. Cb2, 3. Cg7, 4. Cc3, 5. Cf6, 6. Cd5, 7. Ce5. Остались еще конь и пешки!

— Я вас понял. В старом анекдоте во время экзамена поп старался выдать из семинариста слово «чудо» и спрашивал: «Что это такое, когда человек упал с колокольни и остался жив?» «Случайность», — ответил растерявшийся семинарист. Упрямый поп все наводил семинариста на верный ответ: «Ну, а если второй раз человек упал с колокольни и остался жив? Что это такое?» «Совпадение, ваше преподобие», — еле вымолвил вспотевший семинарист. Поп рассвирепел, затряс гривой: «А ежели в третий раз человек упал с колокольни и жив остался, что это такое? Ответствуй!» Тут семинарист выпрямился и отчеканил: «Привычка!» — и стал несостоявшимся попином.

— Так вы хотите сказать, что с конем и пешкой это уже «привычка»? — вскипел Михаил Николаевич.

— Вы все хотите, чтобы я произнес «чудо»? — пытался я улыбкой успокоить его.

— Так я вам покажу нечто непривычное. В пифагорову теорему верите?

— Я кивнул.

— Неверна она тут для коневой диагонали!

— Это как же? Ее как будто тоже в Индии доказали.

И я вспомнил это доказательство ^{108, 109}.

— Совершенно верно. Как известно, Пифагор бывал в Индии и мог узнать о доказательстве, принесенном из Шамбалы.

— Опять Шамбала?

— Конечно! Все, что я рассказывал,—все из Шамбалы. Так вот! Конь! Коневая диагональ ¹⁶⁶, проведенная через поля, по которым пройдет конь, затронет за один оборот спирали четыре поля и восемь — за два, когда квадрат будет пройден от края до края, сумма цифр при этом будет $130 + 130 = 260$! И что самое интересное, если строить после трех ходов коня треугольник на его диагонали, как на гипотенузе, с катетами на сторонах квадрата, то сумма цифр гипотенузы будет просто равна сумме цифр малого катета. Вот вам и Пифагор!

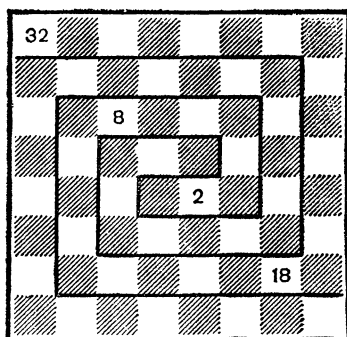
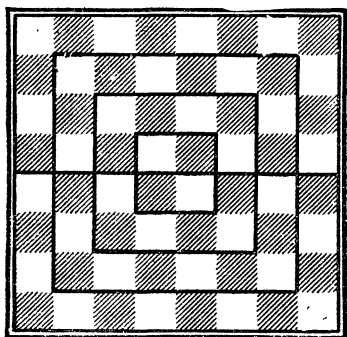
— Так то сумма цифр, а не длина! Это что-то новое.

— Новое — значит непривычное. А вы говорите «привычка»! Теперь пешки! Выстроенные в ряд, они дают константу. Но если они передвинутся и две из них побьют в разные стороны, то новый ряд снова даст константу ¹⁶⁷. Движение же центральной пешки ¹⁶⁸ — d3—d4—e4—d5—d6—d7—d8 дает ту же сумму цифр 260. Или черная пешка a7. Она идет по полям a6—a5—a4—a3—b2, и теперь взятие или на a1 или на c1. В одном случае сумма цифр будет 259, а в другом 261. В среднем та же константа 260, хотя пешки проходят не восемь, а лишь семь полей.

Я еще не признался, не произнес слово «чудо», но оно могло бы произойти, если бы Михаил Николаевич открыл тайну алгоритма. Но он не скрывал ее (если знал!).

Увлеченный моей фантазией, он уверял меня, что махатм сказал Рериху много больше, чем я вообразил.

Но этого не записано в дневнике.

— Тем не менее в шахматах отражены не только математические, но и биологические константы. Одно сходство слов: «шахматы» и «махатмы» чего стоит!

— Ну, это вы уж слишком!

— Нисколько! Число возможных первых ходов фигур и пешек равно числу аминокислот — 20. Если разделить число полей центральных квадратов пополам ¹⁶⁹, то получится ряд: 2—8—18—32. Это равно числу электронов на устойчивых орбитах (в физике!). Махатмы все знали, все! 2, 8, 18, 32 и обратно 32, 18, 8, 2 — строение оболочек элементов (химия!).

— Почему же этого нет в дневнике?

— Потому что автор записи ничего в этом не понимал.

— А что это за сакраментальные цифры 260 и 64?

— 64! Это 4 в кубе! 4 — символизирует аденин (А), гуанин (Г), цитозин (Ц) и тимин (Т). Для 20 аминокислот, требуемых человеку, нужны 64 тройки оснований, так как код их триплетен. Необходимо $4^3=64$. Кстати, $260=4 \times 65$, а 65 — сумма угловых цифр по диагоналям четырех квадратов «насики». $1+64$, $28+37$, $40+25$, $61+4$! И еще...—Михайла Николаевича уже невозможно было остановить. Он рисовал в «насики» спираль ¹⁷⁰.

— Это двойная спираль биологического кода.—объяснял он,— с числом полей по большой диагонали — 2, 8, 18, 32! Это как бы 32 группы симметрии в кристаллографии. Кстати, вспомните сетку на «насики», так напоминающую кристаллическую решетку. Или кристаллические фигуры диагональных квадратов! Но двойная спираль еще и астрономический символ, скажем, схема строения галактик. Но вернемся к учению о жизни. Заметим, что ДНК — это АГЦТ, РНК — АГЦУ. У — урацил — аналог тимина. Строение ДНК и РНК, то есть дезоксирибонуклеиновая и рибонуклеиновая кислоты, составляющие основу наследственного кода любого существа: и комара, и слона, и человека—по своему строению одинаковы и отражены (пусть символически) в шахматах!

— Сдаюсь! — поднял я руки.—Остановите часы. Впрочем, с часами я не играю. Одно мне ясно, если шахматы хоть в какой-то

мере зиждятся на математических или биологических основах, то...

— И астрономических! космических! Они отражают химические реакции, ядерный процесс, синтез белка, рождение и смерть звезд!..

— Стоп, стоп, стоп! Как же вы можете искать алгоритм шахмат? Вы же убьете их!

— Почему же? Подъемные краны и экскаваторы не уничтожили тяжелую атлетику. Алгоритм пригодится и в теории шахмат, и при анализах. И, может быть, заставит шахматистов искать пути сохранения единоборства. Скажем, так изменить регламент игры, чтобы заканчивать партию за один прием. Разве не лучше, чтобы в состязании участвовали только сами шахматисты-соперники, а не их команды секундантов и помощников.

— Мысль не нова. Ее выдвигал еще гроссмейстер Давид Бронштейн. Разве что угроза применения вашего алгоритма поможет? Честное слово, я боюсь, что он умертвит живую мудрую игру. И вам ли, покушающемуся своим алгоритмом на основу шахматной борьбы, пещься о чистоте единоборства шахматистов, обязанных торопливо закончить партию в один прием? Что ж, публикуйте тогда свой алгоритм. Публикуйте!

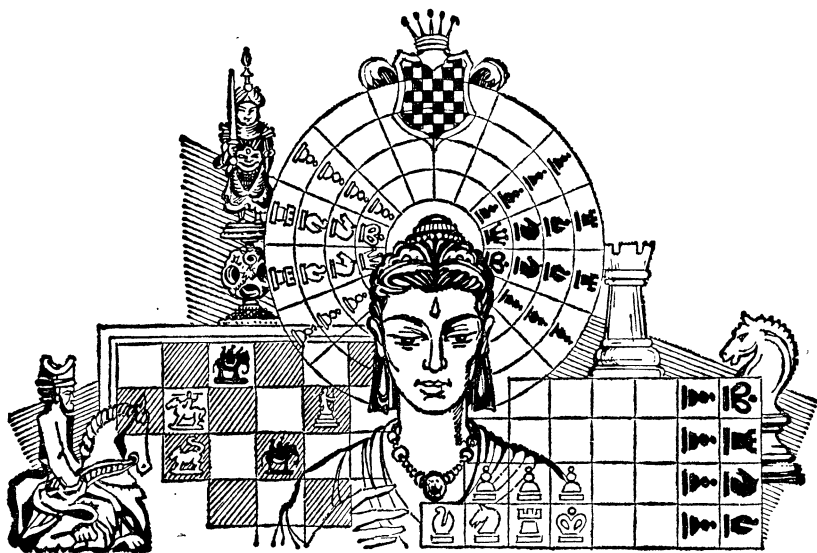
— Не раньше чем выиграю у гроссмейстера.

— Благодарю вас за оценку проигранной мной партии.

— Но она же была экспериментальная,—попытался он утешить меня.

— Нет, нет! Я вполне согласен с вашей оценкой моей игры. Но я от души благодарю вас за этот эксперимент.

— А я благодарю за шахмат, за беседу Рериха с ним. За то, что сумели убедить меня в причастности шахмат к объективным законам математики и природы. Может быть, потому они так жизненны? Я не боюсь применить к ним желанное вами слово «ч у д о».

ПОЭТЫ НЕ УМИРАЮТ

*Чтобы постигнуть бездонные
глубины мысли, возьми клетчатую
доску, расставь на ней разные
фигуры и оживи их в борьбе.
Читатель! Последуй этому совету
и достаешь шахматы.*

Богиня Каисса слыла в жилище богов лучшей художницей. Она умела ваять такие скульптуры, что они готовы были ожить, писать такие картины, что изображенная на них листва дрожала от незримого ветерка, а вода в ручьях журчала и ее хотелось испить. Но богиня стремилась к большему. Она мечтала отразить саму жизнь. И она решила создать волшебное зеркало из палисандрового дерева, разделив его на шестьдесят четыре квадрата. По этим полированным клеткам она заставила двигаться отражения человеческих страстей. Как проникновенный художник, она изучила жизнь людей и... полюбила их. И она отдала им лучшее, что сумела сделать, — свое волшебное зеркало с движущимися тенями живого. И научила, как им пользоваться: двум соперникам достаточно было сесть по обе стороны и противоборствовать. На волшебных клетках закипали людские страсти.

Люди приняли дар богини, но скоро забыли о ней, приписав изобретение шахмат восточным мудрецам. Однако дар Каиссы остался у людей и верно служит им.

Волшебное зеркало богини! А нельзя ли запечатлеть на нем

картины отраженной жизни, подобные тем, какие она сама писала с натуры?

На это решились художники шахмат и создали их поэзию. Богиня Каисса приняла в свой храм шахматных композиторов как певцов. Но творения их отдала на самый строгий суд подвластного ей мира. Никогда не прощает богиня ошибок. Если произведение поэта ложно (не единственно решение и не безусловно!), Каисса карает это лжетворение суровой казнью — испепеленное, оно перестает существовать.

Я стал жрецом Каиссы, охваченный шахматной лихорадкой 1925 года, во время московского международного шахматного турнира с участием Ласкера, Капабланки и других шахматных корифеев того времени.

Во имя красоты я стал писать с шахматной натуры, но писал урывками. За полвека я создал едва пятьдесят творений, но в каждом старался угодить богине. И потому, используя в этой книге лучшие из них, я назвал ее «Дар Каиссы».

В поисках достойной ее темы я брался за самое трудное, казалось бы невыполнимое, возвращаясь к этому в случае неудачи или частичного воплощения и через десять, и через двадцать, и даже через тридцать лет. И мне удавалось порой находить все новые и новые возможности для более яркого и полного воплощения трудного замысла.

В этом служении шахматам я бывал не одинок. «Двоим достаточно сесть по обе стороны волшебного зеркала, противоборствуя...» А если не противоборствовать между собой, а сложить творческие усилия, противостоя вместе всему миру богини? Вот тогда можно ждать от нее даров!

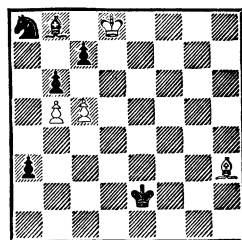
Может быть, потому мне особенно дороги совместные усилия с прославленными художниками шахмат, хотя порой своего маститого соратника я никогда и не встречал в жизни.

Так было с этюдом, над которым мы трудились еще студентами в двадцатых годах вместе с моим другом Леонидом Дмитриевичем Староверовым в Томске, впоследствии главным геологом Западной Сибири. Мы оттолкнулись тогда от моего этюда, в котором я сочетал «крепость» по Симховичу с тремя патами¹²¹.

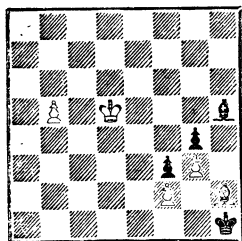
Белые стремятся создать крепость с пешками на b5 и c6 и слон на a6. Ферзь тогда будет бессилен. Черные пытаются помешать этому, но... 1. c6! a2 2. Крс8 a1Ф 3. Кр : b8 Фе5 4. Сс8 Ф : b5 5. Са6 Ф : a6 — пат! Или 4...Фh8 5. Кра7 Ф : c8 — второй пат. Можно и 2... Са7 3. Крb7 a1Ф 4. Сс8 Фа5 5. Кр : a8 Ф : b5 6. Са6 Ф : a6 — третий пат.

Мы со Староверовым задумали помешать созданию крепости (скажем, черным) тем, что белая пешка ради выигрыша превратится не в ферзя, а в ладью! Уже в Москве к на-

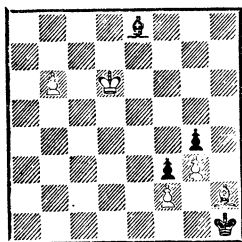
171

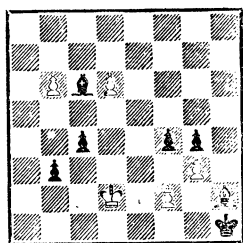
Ничья

Выигрыш

Выигрыш

Выигрыш

этому сырому еще произведению приложил мастерскую руку несравненный, ныне покойный, этюдист Марк Савельевич Либуркин. Созданное произведение долгие годы считалось удачей трех авторов ¹⁷².

1. b6 Ce8, стремясь через b5 и f1 к полю h3 и крепости. 2. Kpc5!, приближая своего короля к месту осады. 2. ... Cg6 3. Kpd4! Ce8 4. b7 Cb5 5. b8Л! Если 5. b8Ф?, то 5...Cf1 6. Фb1 Kp : h2 7. Ф : f1 — пат! 5. ... Cf1 6. Лb1 Kpg2 7. Кре3 Cc4 8. Лb4 Ce6 9. Лb6 Cd7 10. Лb6 Ce8 11. f4 Cd7 12. Kpf4 Kp : f2 13. Л : g4 C : g4 14. Kp : g4 Kpg2 15. Cg1, и белые выигрывают!

В Швейцарии жил в своей вилле прославленный этюдист и аналитик Шерон. Он истово служил Каиссе, испытывая на верность посвященные ей творения. И он обнаружил, что в нашей признанной позиции не все ладно. Оказывается, белым королем можно не предпринимать «тонкого маневра» приближения. Выиграть можно и «издали»: 1. b6 Ce8 2. b7! Cd5 3. d8Л! Cf1 4. Лb1 Kpg2 5. Кре4 Kp : f2 6. Kpf4 Kpg2 7. Кре3 Cc4 8. Лg1+ Kp : h2 9. Kpf2 и выигрывают!

Шерон не хотел гибели произведения, и он исправил его ¹⁷³.

Теперь все было в порядке: 1. Кре5 Cg6 2. Kpd4! Ce8 3. b7 Cb5 4. b8Л! Cf1 5. Лb1 Kpg2 6. Кре3, и выигрыш. И теперь не проходило досадное 1. b7? Cb5 2. b8Л! Ce2! (а не 2. ... Cf1) 3. Кре5 Kp : h2 4. Kpf4 Kpg2 5. Лb2 Kph3! с ничьей!

Во время очередного приезда в Москву Л. Д. Староверова мы с ним посмотрели «дар жреца Каиссы». Он был по-джентльменски щедрым и корректным. Произведение почти не изменилось с виду. И тут мы обрушились сами на себя за то, что крепость была заготовлена еще в начальном положении. Уж если перерабатывать этюд, то авторам надлежит поставить перед собой задачу не только исправления, но и улучшения. Надо создать крепость в процессе игры, решили мы. Но выполнить такое задание оказалось чрезвычайно трудно. Несчетные редакции оказывались неверными, и мы были бы обращены богиней Каиссой в пепел, обнародуй мы их. Но терпение и труд все перетрут. В конце концов удалось довести до завершения и старый и новый замысел, опровержение же Шерона входило органически в один из вариантов.

Но понадобилось еще немало переработок, в том числе редакций в первом издании этой книги в 1975 году, прежде чем появи-

ся окончательный вариант этюда, приведенный в книге Р. Кофмана, исследователя творчества М. С. Либуркина¹⁷⁴. Его решение я сопровождаю комментариями Р. Кофмана:

«Проходные пешки белых представляют грозную силу, в то время как пешки черных могут быть легко задержаны. И все же форсировать события опасно. Например: 1. d7? b2 2. d8Ф b1Ф 3. gf Фb2+ 4. Крe1 Сf3 или 2. Крс2 c3 3. d8Ф Се4+ 4. Кр : c3 b1Ф 5. gf Фc2+ 6. Крb4 Ф : f2, и о выигрыше белым нечего и мечтать. Нельзя и 1. gf? b2 2. Крс2 c3 3. b7 Се4+ и т. д.

1. **Крс3 g3**. Запирая намертво королевский фланг, черные намечают построение крепости, перебросив слона через f1 на h3. Если 1. . . Кр : h2, то 2. gf Кpg2 3. f5 Кр : f2 4. f6 g3 5. f7 g2 6. f8Ф, и выигрывают.

2. **d7!** Перед белыми дилемма: какую из пешек жертвовать, чтобы провести вторую в ферзи? В случае 2. b7? С : b7 3. d7 b2! 4. Кр : b2 c3+ 5. Кр : c3 Са6 6. d8Л черные успевают забрать слона — 6. . . Кр : h2 и добиваются ничьей. В главном же варианте именно этого темпа им не хватает!

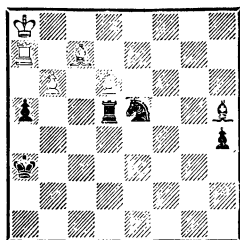
2. . . **b2**. Спеша расчистить диагональ для слона. Если черные, отказавшись от создания крепости, попытаются играть на сохранение пешек «b» и «c», то выигрыш не представит затруднений. 2. . . С : d7 3. b7 Кpg2 4. b8Ф Кр : f2 5. Фb6+ и т. д.

3. **Кр : b2 c3+ 4. Кр : c3 С : d7 5. b7 Сb5 6. b8Л!** Пападая на слона и заставляя черных потерять важный темп.

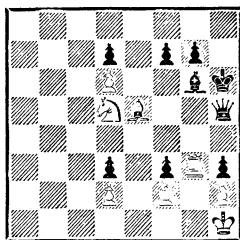
6. . . Сf1 7. Лb1 Кр : h2 8. Л : f1 Кpg2 9. Ла1 Кр : f2 10. Крд2 Кр : g3 11. Лg1+ Кph3 (f4) 12. Крс3 (e1) или 6. . . Cd7 7. Лh8 Кpg2 8. Крд4 Кр : f2 9. Лf8 Кpg2 10. Крс3 Кр : b2 11. Кpf2 или наконец 8. . . Се6 9. Крс3 Cd7 10. Лh4 Се6 11. Кpf4 Cd7 12. Л : g4 С : g4 13. Кр : g4 Кpg2 14. Сg1!, и выигрывают».

Таким стал наш коллективный этюд, объединивший столь различных людей спустя сорок лет после публикации первого его варианта.

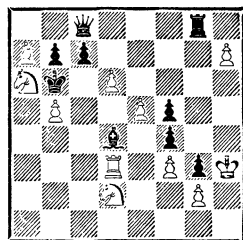
Любопытна история моего заочного сотрудничества с одним из виднейших избранников Каиссы, ныне международным гроссмейстером по шахматной композиции, неоднократно завоевывавшим неофициальное звание чемпиона мира по этюдам, Генрихом Моисеевичем Каспаряном. Много лет назад (около двадцати!) я, как международный арбитр, судил международный конкурс составления шахматных этюдов. Анализируя этюды, авторов которых я не знал, я, не слишком вникая в позицию, опроверг один этюд на занимательную тему. Накануне же публикации результатов конкурса я получил письмо от Г. М. Каспаряна, где он раздраженно сетовал на устроителей конкурса, которые прислали ему невразумительное опровержение его этюда. Опровергнуть самого Каспаряна — дело нешуточное. Я узнал первые ходы своего анализа, который целиком не был приведен. Однако после этих первых ходов опровержение трещало по всем швам. На карту был поставлен престиж судьи. Я засел за этюд, казалось бы, в безнадежном для себя положении. И все-таки в очень интересной позиции удалось найти чисто этюдный путь, который опровергал

Ничья

Ничья

Ничья

присланную на конкурс редакцию. Я написал Каспаряну о своей находке в его этюде и получил восхищенный ответ. Ему очень понравилось, как опровергался его этюд. И он даже предложил мне составить коллективный этюд на основе этой неожиданной идеи. Мы долго переписывались с ним, сочинили целых два этюда, из которых верным оказался только один. Он получил специальный приз в журнале «Шахматы в СССР» за 1961 г. и признание ¹⁷⁵.

Я приведу комментарии к этому этюду большого поклонника творчества Каспаряна мастера Ан. Кузнецова, опубликованные им в 1961 г.

1. b7 Cf3 2. С : а5.

«Око за око! На установку «батарей» Cf3 — Jd5 белые отвечают выводом на боевые рубежи «орудия» Ла7 — Са5.

2. . . Kpb2 3. Ce1 h3 4. Cg3 Kd7.

Пара взаимных выстрелов-шахов: 5. b8Ф+Лb5+ 6. Фb7 Cd5!, и на доске возникла удивительная позиция. Хотя у белых ферзь всего лишь за легкую фигуру, все их силы скованы: король «арестован» на а8, слон привязан к защите ферзя, последний не может взять назойливого черного слона из-за Лb8 мат. Черные постепенно начинают усиливать свою позицию. Их первая задача — увести короля с линии «b».

7. Ch2 Kpb1 8. Cf4 Лb2 9. Cg3. Слон d5 косвенно защищен: нельзя 9. Ла1+Кр : а1 10. Ф : d5 Kb6+ 11. Кра7 К : d5 12. d7 Ke7!, и новая вилка на c6 решает.

9. . . Kpc2 10. Ch2 Cf3 11. Cg3!

Если до сих пор белые просто выжидали, то теперь необходима безукоризненная точность! Оказывается, при неосторожном 11. Cf4? Ch1! они попадают в пугцванг, и черный король благополучно «переправляется» через вертикаль «d» на поле e2: 12. Cg3 Kpd2 13. Cf4+Kpe2 14. Cg3 Cd5! 15. Ch2 Cc6! Наконец коварный план черных осуществлен, и после 16. Cg3 Л : b7 17. Л : b7 Kpf3! 18. Ch2 Kpg2 19. Cf4 Kc5 20. Кра7 К : b7 21. Kpb6 Kd8 22. Kpc7 Ke6+они выигрывают. Вот с каким почти неосязаемым призраком приходится белым вести борьбу!

11. . . Ch1! 12. Cf4! А теперь в пугцванге черные. 12. . . Cg2 13. Ch2. Вновь препятствуя 13. . . Kpd2 14. Ф : g2+ с шахом!

13. . . Cf3 14. Cg3! Ch1.

Не помогает и 14. . .Kpd2 15. Cf4+ Kpe2 16. Ф : f3+ —опять с шахом. 15. Cf4. Позиционная ничья».

Маневр черного короля, пытавшегося под прикрытием поставленной для этого на b2 ладьи совершить «победный марш» к вражеской пешке «h», как раз и был идеей опровержения этюда, который я судил. Но какое оформление получила здесь эта идея! Гроссмейстерское!

К сотрудничеству с международным мастером по шахматной композиции Эрнстом Леоновичем Погосянцем меня привело опять же судейство. Но судил на этот раз не я, а он, оставив за флагом конкурса «64» за 1969 г. такой мой этюд ¹⁷⁶.

Его решение: 1. Cf4+Kph7 2. Cg5 Kpg8, освобождая место для атакующего ферзя. 3. Kf4 Fh8 4. Л : h3 Ch7 5. Kg6 fg 6. Л : f3, и черным пат при замурованных ферзе и слоне.

Строгий судья нашел решение темы громоздким, но механизм этюда привлек его внимание. И он предложил мне попробовать создать совместные произведения с использованием финальной комбинации. Оказывается, она могла служить не только для этюда с запатованием черных, но и для выигрыша. Мы начали работать над выбранной темой, и работать довольно своеобразно. Общались мы только по телефону, приводя в ужас членов семей и добрых знакомых, тщетно пытавшихся дозвониться по нашим телефонам.

Мой соавтор, этюдист сверхъестественной производительности, обрушил на меня такой творческий жар, что выплавил в нем несметное количество позиций, вытекавших из моего малоудачного этюда. После долгой и тщательной работы наш актив пополнился семью (!) новыми этюдами, составившими целое тематическое семейство. Однако все они были разными и имели право на самостоятельное существование. Вот два из них ¹⁷⁷.

Это многоплановый этюд, сочетающий различные фантастические идеи. Белый король уязвим по линии «h», где ему при случае могут дать мат и ладья, и ферзь черных. Поэтому надо сразу действовать активно.

1. d7.

Теперь не пройдет, скажем, 1. . .Лg6 из-за 2. dcK+! Авторы реализовали уже одно превращение пешки в слабую фигуру. Черные отступают ферзем так, чтобы грозить матом по линии «h».

1. . .Фf8 2. hgK! — вторая пешка превращается в коня! В ферзя нельзя из-за мата на h6.

2. . .Ф : g8 3. d8Ф (препятствуя мату и еще раз отдавая свою проходную) 3. . . Ф : d8 4. a8Ф! (только ферзь, а не конь из-за 4. . .Кра7, и белым нет спасения от мата ферзем на h8) 4. . . Ф : a8 5. Kc4+ Кра7 6. Kb3!!

Ключевой ход! Ферзем нельзя брать коня из-за 7. Ла3×. Приходится брать королем, отрезая выход из угла ферзю.

6... Кр : b8 7. Ла3 (надо закрываться, чтобы спасти ферзя) 7...Са7 (обидно, но так!) 8. Kb6!

Вот он, тематический ход. Он оставляет черным выбор: чем взять? Пешкой? 8. Лс3, и черным пат. А если слоном? 8. Л : a8

Кр : a8 9. e6 Сс5 10. b6! Крb8 11. e7 С : e7 12. bc+ Кр : c7 —
белым пат.

Итак, «большой джентльменский набор» — превращение двух пешек в коней, замуравание ферзя и слона, взаимопат белым и черным. Все это органически слито в этом «симфоническом», как решили авторы, этюде.

Но, оказывается, в появившемся семействе был «гадкий утенок».

Этюд этот не походил на своих собратьев по семейству. Но его механизм все-таки получился из уже знакомого нам положения, хотя суть его в ином. Желание получить «тиски», в которые попадают черные в процессе игры, перенесло нас в середину воображаемой партии. Зато «тиски» получились дважды.

Материальное преимущество черных так велико, что белым впору сдаваться.

Однако они бросаются в решающую атаку ¹⁷⁸. **1. Фh7!!**

Ради чего отдается ферзь? Оказывается, лишь ради того, чтобы завлечь слона на h7, чтобы он там заперся и запер бы еще и ладью. Сейчас грозит взятие ладьи на g8 с матом. Но вместе с тем грозит еще после взятия ферзя слоном и **2. Kg6+** и мат ладьей, или на e8 при взятии коня слоном, или на f1 при взятии коня пешкой «f». И черные отвечают на жертву ферзя белыми жертвой собственного ферзя, да впридачу еще и коня, для того чтобы привлечь ладью на пятую горизонталь, откуда она не сможет дать мат по линии «f».

1. . .Ф : d7+ 2. Кр : d7 Кe5+ 3. Л : e5.

Вот теперь можно спокойно забрать белого ферзя.

3. . .С : h7.

Но белые все-таки жертвуют коня, чтобы вскрыть линию «f».

4. Kg6+ fg 5. Ле1! (ошибкой было бы **5. Ле2 b1Ф 6. Лf2+ Фf5!**, и белые проиграют) **5. . .Лh8** (у черных нет другой возможности защититься от немедленного мата по линии «f») **6. Лf1+ Kpg8 7. Кре7.**

Белые загнали черные фигуры в угол, намертво заперли их на замок. Все стремление черных будет теперь направлено на то, чтобы любой ценой развязаться, сломать уготовленный им запор. К тому же им грозит мат ладьей на f8.

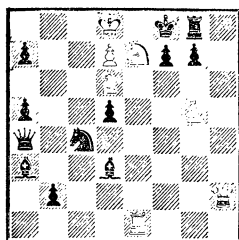
7. . .С : d6+ 8. Кр : d6.

Теперь еще одно отвлечение, еще одна жертва превращенного ферзя: **8...b1Ф 9. Л : b1 Kpf7** (наконец-то!) **10. Лb7+ Кре8 11. Лb8+ Kpf7 12. Л : h8 Сg8 13. Кр : d5.**

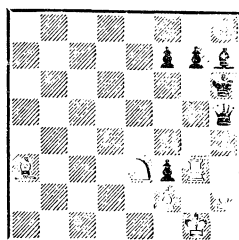
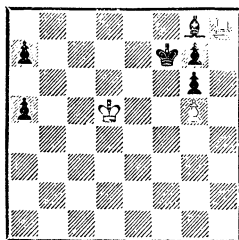
Черные освободились от одного замка, а попали под другой. Они снова заперты. Король должен защищать слона с двух сторон — f7 и f8, в одном случае перекрывая слона, а в другом делая его связанным. Оставив черного короля сторожить зажатого в тиски слона, белые должны расправиться с черными проходными пешками ¹⁷⁹.

Начинается заключительная фаза борьбы, где от белых требуются выдержка, самообладание и точный расчет!

13. . .Kpf8+ 14. Крс5!

Выигрыш

Ничья

При неосторожном 14. Kpd4? a4 15. Kpc3 a3! 16. Kpc2 a2 17. Kpb2 a6! (очень важный выигрыш темпа) 18. Кра1 a5 19. Kpb2 a4 20. Кра1 a3 белые попадают в цугцванг, вынуждены развязать слона и признать ничью. После же расчетливого хода королем на c5 в цугцванг попадут уже не белые, а черные.

14. . .a6 15. Kpd4 a4 16. Kpc3 a3 17. Kpc2 a5!

Ставя перед белыми, казалось бы, пустяковую дилемму. Не все ли равно, куда пойти королем — на c1 или на b1? Но на эту оплошность вся надежда черных! При бездумном ходе 18. Kpc1? a2 19. Kpb2 a4 20. Кра1 a3 черные снова поставили бы белых в цугцванг, разбивая «узел» на королевском фланге.

18. Kpb1! a2+ 19. Кра1 (но никак не на b2, тогда белые попадут в цугцванг) 19...a4 20. Kpb2 a3+ 21. Кра1 Kpf7 22. Кр : a2 Kpf8+ 23. Кр : a3 Kpf7.

Как беспомощны, однако, черные! Они скованы защитой слона, и белые спокойно могут подойти своим королем для решающего штурма позиции.

24. Kpb4 Kpf8 25. Kpc5 Kpf7 26. Kpd6 Kpf8 27. Kpd7 и выигрывают, например: 27...Kpf7 28. Лh1 Kpf8 29. Лf1+ Cf7 30. Лf2 Kpg8 31. Kpe7 Cd5 32. Лf8+ Kph7 33. Лc8 Ce6 34. Kpf8 Cd5 35. Лc7.

Так сложились творческие усилия «жрецов Каиссы» за «волшебной доской палисандрового дерева». Любопытно, что у Погосьянца этот этюд получил порядковый номер 1000-й, а у меня 50-й.

Однако на этом не кончается творческая эпопея с замурованием черного ферзя со слоном. Быть может, молодым составителям шахматных этюдов и любителям шахматной композиции будет интересно, к каким выводам пришел я в результате более чем полувекового опыта в этом жанре. «Творческая работа над этюдной темой никогда не кончается!» Сколько бы я не обращался к уже созданным прежде этюдам, порой десятилетия спустя, очень часто я обнаруживал новые возможности для более полного художественного воплощения замысла.

Пожалуй, уместно будет высказать в этой связи некоторые суждения о проблеме «предшественников». Прежде всего оговорюсь, что когда предшественник другого автора служит отправной позицией для улучшения и углубления, то совершенно необходима ссылка на первоисточник: скажем, «по такому-то» или

произведение такого-то «переработано таким-то», исправлено «таким-то» (как это делал тот же Шерон!). Но если речь идет о схожей идее в малоизвестном этюде, то при оценке художественности произведения, на мой взгляд, неправомерен «примат новизны», который уместен в изобретательском деле, но не в искусстве. Оценка прежде всего по новизне едва ли отвечает требованию развития художественности этюда, и сплошь и рядом может быть установлена лишь с помощью столь же полных, как и редких, коллекций этюдов, недоступных рядовому композитору. Обращаясь к литературе и искусству, можно заметить, что при их оценке не должна превалировать новизна! Ведь с таких позиций придется отбросить все произведения о любви как в прозе, так и в поэзии. Было уже использовано! Надо ли говорить, что такой порочный подход питает стремления к «авангардизму» и прочим течениям, где главным считается «неважно что и как, но лишь бы не так, как раньше!» Возвращаясь к шахматам, хотел бы, чтобы в нашем уголке «шахматной поэзии» первостепенным была бы не столько «новизна», сколько художественность и красота. Еще более нелепо звучит это по отношению к своим прежним произведениям как к предшественникам, то есть к промежуточным редакциям этюда, автор которого десятилетиями продолжает искать наиболее художественное воплощение темы. В этой моей книге приведено немало этюдов, созданных в течение нескольких десятилетий путем повторного возвращения к уже сделанному и даже признанному (например, совместный этюд с Либуркиным и Староверовым и др.). Так, работая над новым изданием книги «Дар Каиссы», вдохновленный совместной с Э. Погосянцем работой над темой замурованного ферзя, я вернулся к истокам как бы двигаясь по спирали, а потому уже на другом уровне, и неожиданно увидел скрытые прежде от меня возможности. И появилась новая редакция старого этюда, которая и должна остаться жить вместо него¹⁸⁰. Впервые эта тема опубликована мной в выпуске 8 «Задачи и этюды» (1930).

Если в прежней редакции у черных почти не было выбора ходов, а следовательно и борьбы фигур, то в новой редакции, где на пять фигур меньше, игру удалось обогатить.

Не ведет к ничьей в начальном положении 1. Kg4? Kpg5 2. Ke3+ Kpf6 3. Cb2+ Kpe6 4. C:g7? f5! 5. C~f4, черные выигрывают; 5. Kc4 f4, черные выигрывают; 4. Л:g7 Cg6 5. Лg8 Фb5 6. Cc3 Фb1+ 7. Kf1 Kpd7 8. h3 Cd3 и черные выигрывают.

Чтобы добиться ничьей, белые первым ходом ставят слона в засаду: 1. Ce1! Cg6 (иначе при 1. . .Фc5? 2. Kf5++ Kph5 3. Лg5 мат; 1. . .Ce4 2. Kf5++ Kph7 3. Л:g7+ Kph8 4. Cb2 f6! 5. C:f5 Ф:f5 6. Ca1 Фh7 — ппаче безвозмездная потеря ферзя! — 7. Л:h7 Kp:h7, ничья) 2. Kd5+ Kph7 3. Cg5! Kpg8, освобождая ферзю путь на спасительное поле h8 4. Kf4 Фh8 5. Лh3 Ch7 6. Kg6!! (только так, ибо 6.Л:f3+Cf5, сразу освобождаясь при ферзе за ладью: 7.Ла3 Kph7 8. Ла7 Фb8 9. Л:f7 Фb1+ 10. Kpg2 Ce4+ 11. f3 Фа2+, черные выиграли) 6. . .fg 7. Л:f3, черным пат! Промедление здесь недопустимо: 7. Kpg1? Kpf7 8. Л:f3+ Kpe6 9. Le3+ Kpf5 10. f4, подготовли-

вая h3 и Лe5 с матом, но у черных ферзь против ладьи и надежное укрытие для короля: 9. . . Kpg4 10. h3+, Kph5, черные выигрывают.

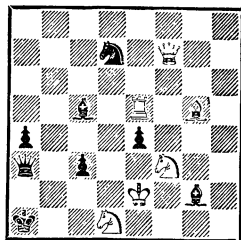
И опять же судейство породило еще одно, увы кратковременное, творческое содружество. Мне привелось давать заключение для присуждения звания мастера спорта СССР по шахматной композиции видному советскому ученому, члену-корреспонденту Академии наук СССР, доктору наук, профессору Борису Андреевичу Сахарову. Директор крупнейшего научно-исследовательского института, он все же находил время для шахматных этюдов, возглавлял советских шахматных композиторов, представлял их в ФИДЕ.

Я был рад, когда после моего заключения Б. А. Сахарову было присуждено звание мастера спорта СССР по шахматной композиции. При изучении его творчества меня заинтересовал один из его ранних этюдов, отмеченный на конкурсе двадцатипятилетия ВЛКСМ. В заключительном положении мат давался одним слоном при блокировании полей вокруг черного короля черными пешками. Правда, не все они двигались в процессе игры, но конечное положение впечатляло. Я предложил Сахарову составить совместный этюд, в котором черный ферзь, слон и пешки блокировали бы поля вокруг собственного короля, а мат давался единственным белым слоном. Борис Андреевич с энтузиазмом согласился. Мы немало поработали над этюдом, который никак нам не давался. Борис Андреевич, большой знаток музыки, ученик Генриха Нейгауза, своеобразно относился к шахматным этюдам. Они для него «звучали» и были источниками такого же наслаждения, как и музыка. И вот наш этюд никак не хотел звучать.

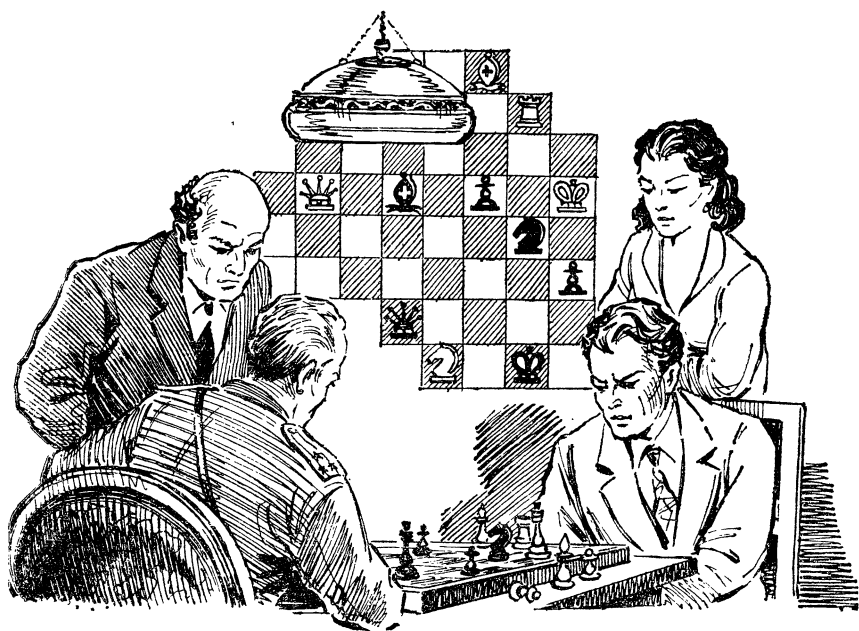
Замечательный советский ученый и тонкий ценитель шахматной красоты Б. А. Сахаров безвременно ушел от нас, он умер, не завершив многого из своих замыслов, в том числе и наш коллективный этюд. Уже после смерти Б. А. Сахарова я считал дружеским долгом завершить наш общий труд.

1. Ke1 Cf3+ 2. Kpf1! (2. K : f3? ef+ 3. Kp : f3 K : e5+; 3. Kpf1 K : e5 4. Фd5 Фb4 5. Ф : e5 Фb5+ 6. Kpe1 Cf2+) 2. . . . С : d1 3. Ф : d7 e2 (3. . . . Сb3 4. Л : e4 Фb2 5. Kd3; 4. . . . c2 5. Фd2) 4. Л : c5 Ф : c5 5. Ф : a4+ Kpb2 6. Kd3+ (или 5. Cf6+ Kpc1 и 7. Kd3+) 6. . . . ed 7. Cf6+Kpc1 8. Фа1+ Kpd2 9. Фc3+ Ф : c3 10. Сg5 мат.

Совместный этюд завершен, но идея поэта не умирает. Она воплотилась в моем новом, приведенном в этой книге рассказе: «Блестящий проигрыш».

Выигрыш

БЛЕСТЯЩИЙ ПРОИГРЫШ

Тогда еще не был построен Центральный Дом литераторов. Клуб писателей помещался в старинном особняке на улице Воровского, рядом с домом Союза писателей, где поселил когда-то Великий Толстой семью графа Ростова в «Войне и мире».

Матч шахматистов «писатели — ученые», организованный Клубом писателей и Московским Домом ученых, должен был состояться в нижней гостиной с камином, примыкавшей к большому «дубовому залу» с винтовой лестницей на антресоли. С нее якобы однажды свалился подвыпивший император Александр III. Ныне это ресторанный зал Центрального Дома литераторов.

Матч состоялся на десяти досках. В ту пору я не считался еще мастером, ни тем более международным мастером, но играл, быть может, сильнее, чем теперь, когда этими почетными званиями награжден за этудную композицию.

Меня посадили на третью доску. На первой честь литераторов защищал капитан команды А. А., полный тезка великого Алексея, «человек неожиданностей». Он считался неукротимым игроком в блиц, обладал феноменальной памятью, зная, когда и в каком турнире какое место занял любой его участник. И любил сверкать остроумием и знанием необыкновенных событий из шахматной и не только шахматной жизни. Это о нем, ходячем энциклопедисте, кажется, сам Виктор Борисович Шкловский говорил, что ежели А. А. чего-нибудь не знает, надо послать за слесарем. Слыл А. А. большим чудаком и словно ставил своей целью удивлять людей.

Так, спустя несколько лет после матча, о котором пойдет речь, он удивил, более того, поразил и ошеломил работников Мосгаза, потребовав отключения своей холостяцкой квартиры в многоэтажном доме близ Смоленской площади от газа. Оказалось, что выполнить такое несуразное требование куда труднее, чем газифицировать новостройку. Потребовались несчетные согласования, разрешения, резолюции... И только упрямая настойчивость нашего шахматного капитана позволила ему настоять на своем праве жить в Москве без газа!

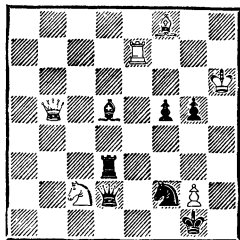
Эта настойчивость и способность удивлять, несомненно, помогали его шахматным успехам. Проигрывать он не любил и всякий раз удивлялся этому сам.

К шахматам он относился прежде всего как к спорту. «Очко любой ценой!» — вот его девиз. Правило «пъес туше, пъес жуе» он почитал в шахматах основным, чем часто огорчал нашего шахматиста-поэта, игравшего на десятой доске, который обычно просил у капитана ход обратно, но слышал неумолимое: «Тронул пешку — бей!». Играл же Поэт скверно, но незабвенно! Уже пожилой в то время, высокий, грузноватый и совсем седой, он обладал настоящим юмором и был всеобщим любимцем, расточая шуточные стишки и эпиграммы по любому поводу. Это он поддразнивал в двадцатых годах Маяковского в споре с поэтом Адуевым — «Ату его, Адуева!»

Особенно сильных шахматистов среди нашей команды не было, и наибольшей известностью в шахматном мире пользовался писатель Абрам Соломонович Гурвич. Ныне он признанный классик шахматного этюда, разработавший его эстетику. Тогда же, после перенесенной болезни, ограничившей его подвижность, играть он не стал, а пристроился у моей доски, как собрат по этюдам, наблюдателем. Когда он был здоров, то прославился не только как первый театральный критик, гроза драматургов и режиссеров, но и как непревзойденный бильярдист. Помню рассказы о нем Константина Георгиевича Паустовского, обучавшего меня не только писательской, но и бильярдной премудрости. Гурвич, оказываясь, мог кончить бильярдную партию (американку) «с одного кия». То есть, не давая партнеру хоть раз ударить по шару. Разумеется, в том случае, когда первый удар был за ним.

Первый удар на моей доске был не за мной. Моим противником оказался стройный инженер-полковник, который, в отличие от меня, уже снявшего полковничьи погоны, явился к нам вместе с профессорами и доцентами в полной военной форме. Я удивился, что полковник играет за Дом ученых, когда война уже кончилась. Его фамилия ничего мне не сказала. Он крепко, по-мужски, до боли в моей кисти пожал мне руку и уселся за белые фигуры. Молодое лицо оттенялось совершенно седыми волосами. А ему едва ли стукнуло сорок лет!

Много позже я узнал, что это ему, незадолго до войны закончившему курс Института тонкой химической технологии, за его студенческую работу присвоили не только звание инженера, но и

ученую степень кандидата химических наук! Его ждало блестящее научное будущее! А шахматное?..

Партия наша складывалась своеобразно. Короли взаимно вторглись в пределы противника, белые ради этого даже пожертвовали пешку, которая, однако, не сулила мне каких-либо шансов. Наш капитан выиграл, вызвав примененным дебютом удивление партнера. Его примеру последовали еще три наших писателя, двое сделали ничьи. Поэт, конечно же, проиграл, потому что брать

ходы обратно в матче не полагалось. Правда, он нашел иное оправдание своему поражению, заявив, что его погубила слишком красивая девушка, стоявшая за спиной у противника и наблюдавшая за игрой.

Это была моя молодая жена, с которой я не успел познакомиться Поэта. Кстати говоря, она совсем не знала шахмат.

Великолепный седовласый Поэт поднялся во весь свой могучий рост и протянул руку выигравшему у него старичку:

Поздравляю от души,
Приготовьте беляши!

И добавил:

— Страсть как их люблю. Непременно приду!

Вместе со своим противником и «девушкой, погубившей его «смертную» (в отличие от бессмертной Андерсеновской) партию», Поэт перекочевал к моей доске, где борьба должна была решить исход матча, ибо после окончания девяти партий литераторы вели в счете с преимуществом в одно очко.

Я слышал, как за моей спиной наш капитан А. А. громко рассуждал о великом искусстве незабвенного Капабланки делать ничьи, угрожая тем самым самому существованию шахмат. Капитан старался, чтобы я услышал его и понял, что обязан сделать ничью любой ценой.

Впрочем, положение на доске, пожалуй, было равное, несмотря на недостачу белой пешки. Во всяком случае, мне беспокоиться, казалось бы, не приходилось ¹⁸².

Белые сыграли: 37. Ke1, напад на мою ладью и грозя вторжением своей ладьи на e2. Легко убедиться, что шах ладьей 37. Le1 + вел просто к потере пешки g2 и давал мало шансов на продолжение атаки. Ходом коня противник и защищал (по крайней мере от короля) пешку g2, и вселял надежды на многообещающую атаку. Спокойной игрой свести эти шансы к нулю, вероятно, не составило бы труда. Скажем: 37. . . Le3, и на 38. Фb1—38. . . Фd1 39. Ф:f5 Ф:e1 40. Л:e3 Ф:e3 41. Ф:d5 g4+ 42. Kph5 gh 43. gh Ф:h3+ — ничья!

Все это я рассчитал, времени до контроля у меня было достаточно (в отличие от моего противника!), но. . . Вариант показался длинным и скучным. К тому же рядом со мной сидел художник шахмат Гурвич, а напротив стояла, смотря не столько на доску, сколько на меня, вызывая мой ответный взгляд влюбленного, слыш-

ком красивая, по словам Поэта, девушка», моя молодая жена. И мне захотелось покрасоваться перед нею и блеснуть замашками этюдиста. Пусть, в отличие от Гурвича, она не поймет отражения своей красоты на шахматной доске, но, быть может, услышит восторженные восклицания окружающих! У партнера на часах ожил флажок. И я сделал безумный цейтнотный ход — пожертвовал «на ровном месте» ладью! Все ахнули.

37. . . Лh3+.

Противник мой вздрогнул. Ход был неожиданным. Флажок на его часах грозно поднимался, а он думал...

План мой, как мне казалось, был ярок и верен: оживить черную пешку g5, с темпом перебросить ее на h3, откуда она будет стремиться превратиться в ферзя на h1!

Молодой полковник с седой головой взглянул на часы и нерешительно взял ладью пешкой.

38. gh.

Собственно, ничего другого ему и не оставалось. И совершенно напрасно возвышавшийся над зрителями наш Поэт внятно с расстановкой по слогам произнес:

Не вижу тут лад я,
Коль гибнет тут ладья!

Я взглянул на Гурвича. Он был непроницаем, но мне показалось, что он укоризненно качнул головой.

Я не давал опомниться загнанному в цейтнот противнику. Вот позиция, стоявшая тогда на доске ¹⁸³. Ход черных. Но есть ли у белых выигрыш? Неужели моему дерзкому плану оживления пешки можно противопоставить другой план?

И я стал выполнять свой план: 38. . . g4+ 39. Kph5!

Противник сыграл быстро. У него не было времени. Я и теперь не знаю, почему он двинул королем вперед, а не отошел назад? Тогда не получился бы финал, который он не мог (честное слово!), не мог видеть в цейтноте! — 39. . . gh.

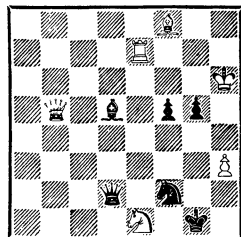
Я осуществил свой замысел. Пешка превратилась в грозную проходную, но... «нашла коса на камень». На доске, по существу, завязалась не только борьба фигур, но и борьба планов! Чей план окажется дальновиднее и результативнее? Конечно, король мой открылся. Ладья могла его шаховать. Но я предвидел это и считал, что закроюсь от шаха конем, который надежно подкреплён пешкой f5. Так оно и случилось. Партнер мой сделал последний до истечения времени ход: 40. Lg7+ Kg4! — как и было задумано!

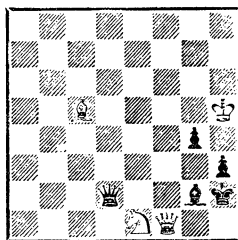
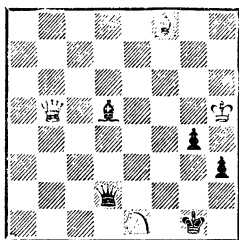
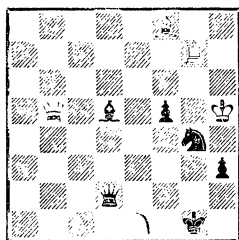
Казалось, все в порядке! Моя ожившая пешка на h3 доставит белым достаточно хлопот. Как теперь они пойдут? Какой ход будет записан при откладывании партии? Ждать придется до завтра!

Я осмотрел зрителей. Жена улыбнулась мне, и я был вознагражден за свое шахматное ухарство. Капитан А. А. хлопнул меня по плечу и, наклонившись к моему уху, шепнул:

— Ничь! Молоток! Правда, не капабланковская. Вычурная...

183

Моей ничьей было достаточно для выигрыша матча.

Я встал и вместе с друзьями отошел к камину, огромному, глубокому, где когда-то заворачивающе пылали угли. Гурвич захватил шахматную доску и, засунув ее в камин, поставил там на решетку (чтоб не видны были варианты?) и расставил отложенную позицию ¹⁸⁴.

— Ничья, говорите? — обратился он к А. А. — Подождите, как бы атака не привела к мату.

— К мату? — презрительно усмехнулся капитан. — Ваши маты бывают только в задачах. Лойд там... или, куда ни шло, наш Петров. Еще Пушкину нравилась его задачка — «Бегство Наполеона из Москвы». Здесь Наполеоном, извините, не пахнет. Анахронизм это, с позволения сказать!

— Но позволения как раз и нет! — отпарировал Гурвич. — Все результативные партии заканчиваются матом. Правда, не все доводятся до него. Но мат венчает удачную атаку на короля.

— Атака, говорите? Так она захлебнется, как котенок в колоде, — продолжал капитан, — одна пешка «h» чего стоит!

Жена понимала, что спорят из-за меня, что я взбудоражил всех, но что все равно пора идти домой. И она передала это взглядом. Но я сделал вид, что не понял.

К камину подошел Поэт и продекламировал, глядя на мою жену:

А как он ловко съел ладью!
Пешочкой р-раз — и нет, адью!

Капитан наблюдал, как полковник заклеивает и передает судье конверт:

— Интересно, какой ход он записал?

— Скорее всего 41.Л:g4+, — отозвался Гурвич.

— Что? Жертва качества? — удивился капитан. — Зачем? — и он взял белую ладью черной пешкой: 41. . .fg. — И что же? ¹⁸⁵

— А вот теперь шах слоном, чтобы затормозить пешку, — показал Гурвич: 42.Сс5+ Kph2.

— Собака не лает, когда зарыта. Так, где? — спросил капитан.

— Все дело в том, знает ли он этюды, есть ли у него эстетический шахматный глаз; — загадочно произнес Гурвич.

— Это что еще за «клеточная эстетика»? — возмутился А. А.

— Надеваю «эстетические очки», не подыщу рифмы. Что надо видеть? — спросил Поэт.

— Блестящую матовую комбинацию, — заверил Гурвич.

— Да что он, Алехин, что ли? — возмущился капитан. — Или все мы тут слепые котят?

— Просто вам нужна ничья, вот вы ее и видите. Алехин, конечно, разгадал бы позицию! Решил бы этюд!

— Он не Алехин, а Сахаров, Борис Андреевич, — вмешался я.

— Мы прежде с ним не встречались. Не знаю его отношения к этюдам, но нам с Абрамом Соломоновичем, этюдистам, в отложенной позиции действительно видится мат.

— Видится, кажется! Раньше в таком случае крестились. А теперь все — басурманы. Так что за нечистая сила здесь? Покажите, — потребовал капитан.

— Покажем? — спросил меня Гурвич.

Я молча кивнул и двинул вражеского ферзя на f1, грозя матом на g1 — 43. Фf1!

Капитан оттеснил меня от каминя и стукнул фигурой по доске:

— Есть защита! — 43. . . Cg2! На-те, выкусите! Пожалуйста бриться! Какой уж тут выигрыш! Не до жиру...

Друзья впоследствии подтрунивали над ним, говоря, что он потому отказался от газовой плиты, что грел чайник темпераментом.

Все смотрели в камин на «пылающую там позицию» и переглядывались¹³⁵.

— Так ради какой псевдоэстетики жертвовали вы ладью на g1? Покажите нам, несмышленышам, — требовал капитан.

— Покажем? — опять спросил меня Гурвич.

Я снова молча кивнул и дал шах собственному королю коном: 44. Kf3+.

— Ну уж позвольте. мушкетеры! — возопил, втискивая свое громоздкое тело в камин Поэт. — Знаем мы этих этюдистов, стрекулистов. У них все пострасно, как у рыбаков, на приманке. Ключнет рыбка, и он ее вытащит. А мы не ключнем — и тогда «дырка» — опровержение этюда!

— Бывает, конечно, — согласился Гурвич. — Хотите отойти коном, пойти на размен? Пожалуйста.

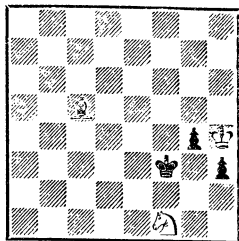
— Хода обратно не попрошу, — заявил Поэт — 44. Kpg3.

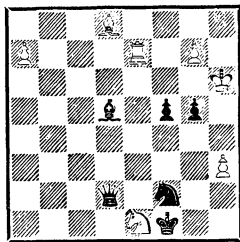
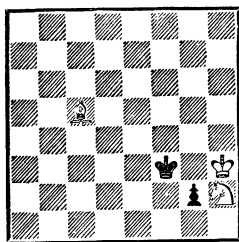
Гурвич усмехнулся и показал вариант:

— 45. K : d2 C : f1 46. K : f1 + Kpf3! 47. Kph4! — это очень важный ход¹⁸⁷ — 47. . . Kpg2 48. Ke3+ Kpf3 49. K : g4 Kpg2 50. Cd6 — и белые выигрывают!

— Ишь какой хитрец! Беру этот ход обратно после вашего важного хода коном¹⁸⁷. 47. . . g3! — попробуйте-ка взять пешку? А?

— А мы другую возьмем, — улыбнулся Гурвич. — 48. Kp:h3 g2 49. Kh2+¹⁸⁸, и вы, черные, проиграли.

Выигрыш

— Черные не «вы», а «мы»! — вмешался капитан. — Вернемся назад. Благо, шахматисты, единственные, кто владеет «машинной времени», и могут начинать сначала, при анализе разумеется. Значит, придется после шаха конем на f3 брать его пешкой ¹⁸⁶.

— Тогда последует заключительная фаза комбинации, — показал я. — 44. . . g1 45. Фg1+ Kpg3 46. Фf2+.

— Ферзя-то зачем звать? — крикнул Поэт и, дотянувшись длинной рукой до доски, схватил белого ферзя.

Я поставил на его место черного и объявил:

— Cd6 мат!

— Обратите внимание, — заметил Гурвич. — Все фигуры передвинулись. Целых четыре поля вокруг черного короля заняты его пришедшими на эти места фигурами: двумя пешками, слоном и даже ферзем — четыре активных блокирования! И белый король оказался на месте, чтобы принять участие в матовой картине.

— Неужели он видел ее, когда пошел королем вперед? — прошептал я.

— Все это позволило белым, — не слушая меня, продолжал Гурвич, — дать мат единственным оставшимся у них слоном. Не без помощи защитников, заметьте. Совсем как при досадном голе на футбольном поле.

— Вы бы еще пенальти перенесли на шахматную доску, — сердито буркнул капитан.

— И мат дан не на краю доски. Это тоже красивее, — продолжал Гурвич. — Вот в этом и заключается эстетика на клетчатой доске, — и он взглянул на капитана. — Высшая красота, как и в жизни, в торжестве мысли над грубой силой! — и Гурвич назидательно постучал пальцем по сгрудившимся у короля черным фигурам.

— Эстетика, эстетика! Чего тут восхищаться? — вскипел капитан. — Мы же проиграли эту партию! И матч не выиграли!

— Но зато какой мат получили! — улыбнулся Гурвич.

— Блестящий проигрыш! — всплеснул руками капитан, вложив в эти слова весь сарказм, на который был способен.

Поэт заключил спор тут же придуманным четверостишьем:

Кто бывает рад,
Когда получит мат?

Конечно, этюдист!
Попробуй, разберись!

Мы разобрались в позиции и стали расходиться. Жене хотелось домой. Она и так стоически провела здесь вечер, утверждая, что ей были интересны люди и их переживания, а не фигурки, переставляемые на доске. Однако меня что-то удерживало. Мы прошли через дубовый зал, и я заметил молодежанина, но седого полковника. Он кого-то ожидал. Оказывается, меня!

Подойдя к нам и извинившись перед моей женой, он несколько застенчиво обратился ко мне:

— Я очень рад, что встретился за доской с этюдистом.

— Почему? Вас интересуют этюды или способность этюдиста к практической игре?

— Видите ли... Я сам немного этюдист. Хочется показать вам некоторые мои слабенькие этюды.

Мы переглянулись с женой и вернулись в гостиную, где столбиком стояли на столе еще не унесенные комплекты шахмат.

— Какие же этюды вы составляете, Борис Андреевич? — поинтересовался я.

— Стремлюсь выразить что-нибудь необыкновенное, хотя я совсем не «гений, парадоксов друг». Вот, например, мой самый первый этюд — мат одним конем в середине доски.

— Представьте, мой первый этюд тоже был на такую тему, только конь был превращенный. А еще какие темы вас занимали?

— Да вот еще... этюд несовременный, конечно, не все поля вокруг короля активно блокируются пешками, но все-таки получился мат в середине доски одним слоном.

— Одним слоном? — не веря ушам, переспросил я.

— Да. Но вокруг черного короля, к сожалению, одни лишь пешки, фигур нет.

Я ужаснулся. Только жена заметила это, но, как и я, постаралась не подать виду. Она наблюдала, какие страсти владеют людьми, всего лишь смотрящими на шахматную доску. Ей было непонятно, но занятно.

— Мне очень нравятся этюды Гурвича. Жаль, что он не играл сегодня, — продолжал Сахаров. — Мне близки его взгляды на этюды.

— У нас общие вкусы, — заметил я, пристально глядя в лицо недавнему своему противнику. И я решил. — Скажите, Борис Андреевич, почему вы так долго думали над записанным ходом? Увидели этюд?

— Знаете, так бывает в шахматах. Вдруг покажется... Хотите, я назову вам записанный ход?

— Нет! Зачем же! — запротестовал я. — Это против правил!

— Эти правила для игроков, а мы с вами этюдисты, художники!

— Если хотите оказать мне доверие, то я им не воспользуюсь.

Но я воспользовался! Неожиданно для себя воспользовался, едва он назвал записанный ход — 41.Л:g4+!

— Если вы записанным ходом жертвуете мне качество, то я сдаю партию, — объявил я.

— Что вы! Зачем? — запротестовал он. — Там предстоит еще сложная игра!

— Даже красивая, этюдная. Я покажу мат одним слоном!

— Вы решили подшутить надо мной! — седой полковник стал сразу серьезным, подобранным, почти оскорбленным.

— Отнюдь нет! — И я быстро расставил на доске отложенную позицию и показал наше с Гурвичем ее решение.

— Мат одним слоном при четырех активных блокированийх, — торжествующе сказал я. — Пешками, слоном и даже ферзем!

Борис Андреевич нахмурился.

— Я не видел этого финала, — отрезал он. — Вы зря сдали партию. Могли бы встретиться завтра.

— Мы встретимся! Еще встретимся! — пообещал я.

Он снова жестко пожал мне ладонь и учтиво поцеловал жене руку. Она смотрела на него, стройного, удаляющегося с высоко поднятой белой головой.

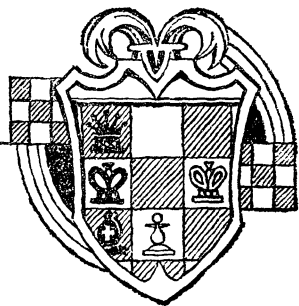
— Зачем же было обыгрывать самого себя? — обернулась ко мне жена. Ей действительно было непонятно. А понял ли я? Я до сих пор не знаю, зачем Сахаров пожертвовал ладью на g4.

Директор одного из крупнейших научно-исследовательских институтов, доктор химических наук, профессор, член-корреспондент Академии Наук СССР, лауреат Ленинской премии и вместе с тем мастер спорта СССР по шахматной композиции Борис Андреевич Сахаров не оставил любимые шахматы. Случилось так, что ему пришлось заменить меня на посту руководителя советских шахматных композиторов и вице-президента Постоянной комиссии по шахматной композиции ФИДЕ.

Когда четверть века спустя я предложил Борису Андреевичу вернуться к его «детскому этюду» с матом одним слоном на середине доски, отразившемся на сыгранной нами когда-то партии, он охотно согласился на совместное творчество.

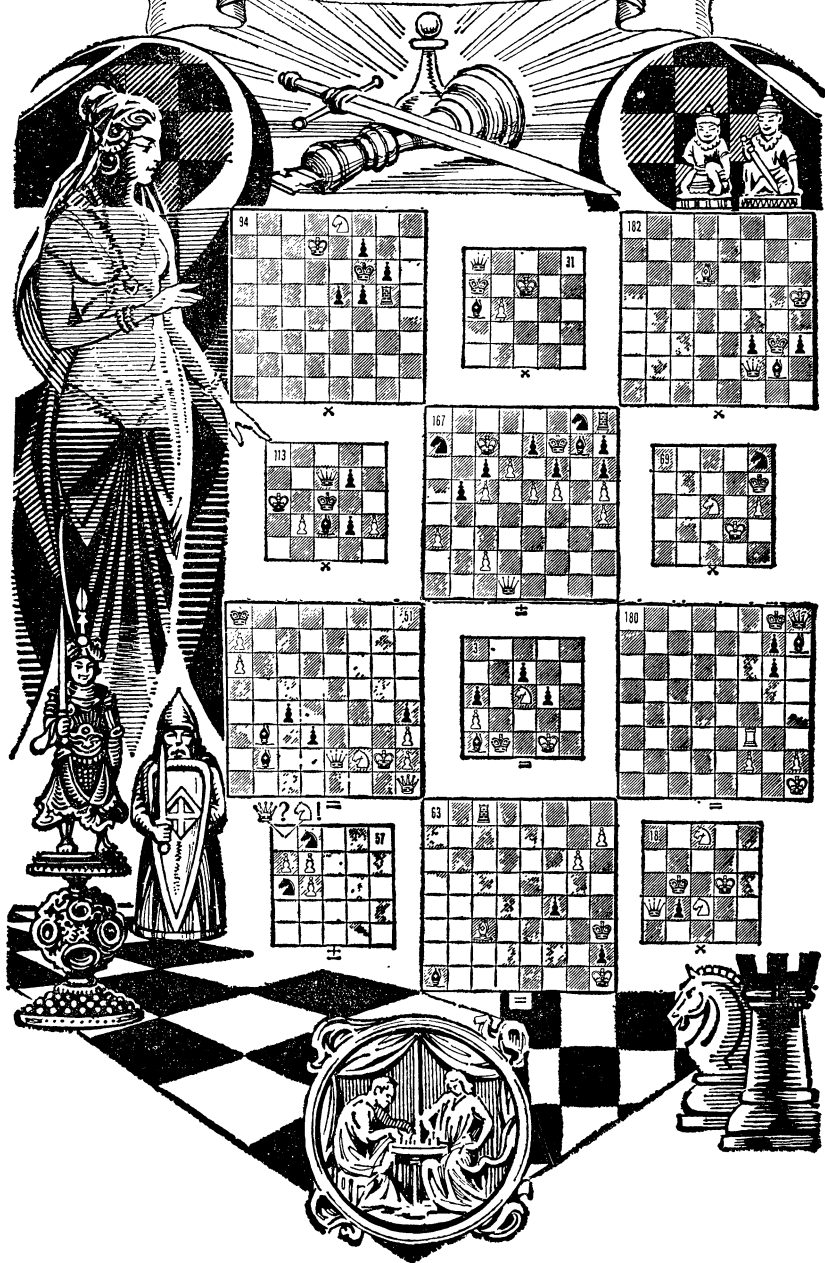
Наша партия не сохранилась в записи, хотя Гурвич советовал мне убрать все лишние фигуры и представить идею в чистом, этюдном виде. Вдвоем с Сахаровым мы много работали над этой сверкнувшей идеей и, смею сказать, подружились. Но воплотить в корректной форме наш замысел нам никак не удавалось. И уже после его безвременной кончины, всегда помня о нем, я опубликовал в своей книге «Дар Каиссы» в очерке «Поэты не умирают» получившуюся у нас позицию. Гурвича уже не было, чтобы оценить, насколько в ней воплощены его идеи о шахматной эстетике. Но сам я не слишком одобрял наш общий этюд. И все пытался найти иное воплощение замысла, но терпел крушение.

Мне удалось выполнить пожелание Гурвича и создать этюд памяти Б. А. Сахарова¹⁸⁹. Вот его решение: 1. a8Ф g4+ 2. Kph5 C:a8 3. g8Ф gh 4. Фc4+ Kpg1 5. Лg7+ Kg4 и т. д.

ПРИЛОЖЕНИЕ

УДИВИТЕЛЬНОЕ НА ШАХМАТНОЙ ДОСКЕ
(мои любимые финалы)

ЭТЮДЫ, ПРЕМИРОВАННЫЕ НА КОНКУРСЕ «64» ПО СЛУЧАЮ СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЯ А. П. КАЗАНЦЕВА

*Шахматная композиция —
это поэзия шахмат.*

А. Гурвич

Шахматный еженедельник «64» объявил в 1976 году юбилейный конкурс по случаю семидесятилетия Александра Петровича Казанцева.

В № 52 за 1976 год «64» поместил такой материал о предварительном присуждении конкурса шахматных этюдов:

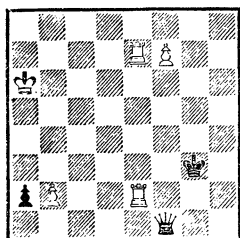
«Публикуем предварительные итоги конкурса составления этюдов, посвященного семидесятилетию известного советского этюдиста, международного мастера Александра Петровича Казанцева. Судьей конкурса был сам юбиляр. Замечания по присуждению принимаются в течение двух месяцев после опубликования.

Итак, слово арбитру:

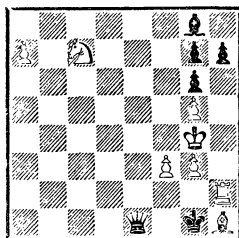
Как судья-юбиляр, я был не только обрадован, но и потрясен тем, что на конкурс поступило 144 этюда... вместо ожидавшихся мной 30—40. Такое внимание этюдистов к конкурсу я рассматриваю не только как дань уважения юбиляру, за что я безмерно признателен своим товарищам по искусству, но и как показатель распространения этого искусства, развитию которого я старался содействовать.

Присудить такой конкурс оказалось делом нелегким, спра-

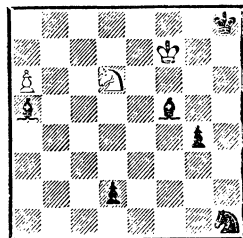
190

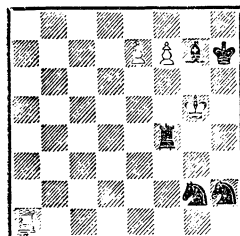
191

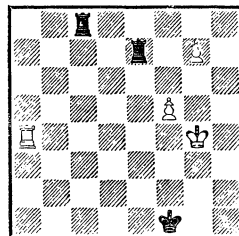
192

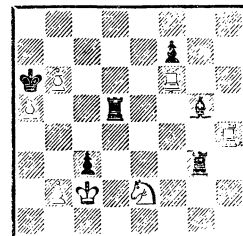
193

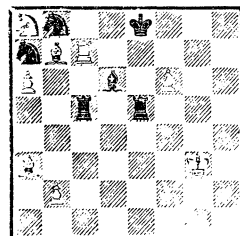
194

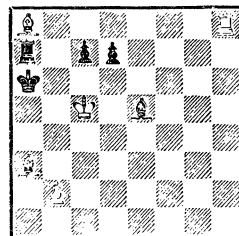
195

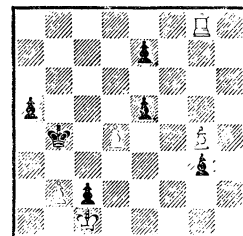
196

197

198

виться без помощи моих друзей-этюдистов Москвы мне не удалось бы. Пользуюсь случаем поблагодарить их.

И, конечно же, нет слов, чтобы выразить мое чувство благодарности самим участникам конкурса, не только приняв в нем участие, оказав тем мне честь, но и посвящая мне свои этюды и присылая мне свои теплые послания.

С горьким сожалением вынужден был я исключить из столь представительного конкурса очень понравившиеся мне произведения, заслуживающие высоких отличий как в этом, так и в любом другом конкурсе. Авторами этих неправильных этюдов оказались: Х. Осадник (Польша), С. Белоконь, Ф. Бондаренко, М. Берденюк и А. П. Кузнецов, Т. Гюргиев (Kpf5, e8), А. Грин, Г. Заходякин (Kpf1, f7), (Кра6, d2) и (Kpd7, h5), А. Кузнецов, Л. Котов и Л. Митрофанов, А. Садыков (Kpe5, g6), (Кра3, a8), В. Шаньшин (Kpb4, e4), (Kpe3, b4), А. Фроловский (Kpd2, a4).

Не меньшие огорчения вызвало у меня и наличие предшественников у ряда превосходных этюдов. Авторы их могли сб этим и

не знать: Т. Гордиев (Кра5, с6), А. Грин и В. Якимчик, В. Коваленко, Л. Кацнельсон и Л. Митрофанов, В. Пейдзе, Марина и Миша Корбаповы (Kpf4, h4), (Кра4, d3), Г. Заходякин (Kpg1, f8), (Kph5, h7), Ю. Соловьев, А. Сочнев, В. Столяров.

Из оставшихся этюдов я отобрал наиболее полюбившиеся мне произведения, чтобы присудить им премии, почетные и похвальные отзывы, все «на правах юбиляра» — на равных, то есть без распределения на 1-е, 2-е, 3-е и т. д. места.

Авторы премированных этюдов в дополнение к моему восхищению получают собрание моих сочинений (1-й том в начале 1977 г. с подпиской на два остальных в 1977 и 1978 гг.), а также книгу «Дар Каиссы».

Фамилии авторов приведены в алфавитном порядке.

Д. Г у р г е н и д з е и В. К а л а н д а д з е (Грузия) ¹⁹⁰ — *приз* за редкостное сочетание широты размаха, четкости геометрического движения с изящной простотой конечного положения, так характерных для грузинского этюдного искусства.

1. Л7е3+ Кpg4 2. Ле4+ Кpg5 3. Ле5+ Кpg6 4. Ле6+ (и раньше, и сейчас еще нельзя 4. f8Ф? Ф:f8 5. Ле6+ Kpf7!) 4. . Кpg7 5. f8Ф+! — пора! 5. . Ф:f8 (в случае 5. . Кр:f8? 6. Ле2+ — вечный шах) 6. Ле7+ Кpg6. Теперь шахует другая ладья: 7. Л2е6+! Кpg5 8. Ле5+ Кpg4 9. Ле4+ Кpg3 10. Ле3+ Кpg2 11. Ле2+ Кpg1! 12. Ле1+ Фf1+. Похоже, что черные перехитрили белых. 13. Л: f1+ Кр:f1 14. Лf7+. Началась еще одна серия шахов. 14. . Кpe2 15. Ле7+ Kpd2 16. Лd7+ Кpe2 17. Ле7+ Крb1!. Наконец-то король спрятался, но перекрыта первая горизонталь — 18. Ле5! a1Ф+ 19. Ла5 Ф:b2 20. Лb5, ничья.

А н. К у з н е ц о в — *приз* ¹⁹¹ за высокохудожественное выполнение предложенной Ломмером темы «разлетающихся от черного короля фигур», уже вдали строящих свои козпи, выбрав для этого строго определенные поля отхода. Динамичная, изобретательная игра фигур, словно фехтующих угрозой и парированием пата черным, делает этот этюд прекрасным подарком юбиляру.

1. Лb2!! (1. a8Ф? Кр:h2) 1. . Cd5! Или 1. . h6!!? 2. Крh3! (черные потеряли темп) 2. . Се6+ 3. К:e6 Ф:e6+ 4. g4 Фа6 5. Кpg3 Крf1 6. f4 Ф:a7 7. Cf3 Фа1 8. Лf2+! Кpe1 9. Кpg2! Фа6 (иначе 10. Ле2+, и удар навскрышку) 10. gh gh 11. Ле2+ Ф:e2+ 12. С:e2 Кр:e2 13. f5 и т. д. 2. К:d5 Фе6+ 3. Крh4 Ф:d5 4. Лb1+ Крh2! 5. f4 (5. Ла1? h6! 6. f4 hg+ 7. fg Фd4+ 8. g4 Фf2, мат) 5. . h5. Соль контригры черных: 6. С:d5? — пат, 6. gh? (на проходе Фh5, мат) 6. a8Ф! Но не 6. Лf1!? (рассчитывая на 6. . Фе4! 7. a8Ф! Ф:a8 8. Cf3 Фа1! 9. Лd1! Фc1 10. g4 — выигрыш) Из-за 6. . Фd7 7. Лf2+ Кpg1! 8. Cf3 Ф:a7 — ничья. 6. . Ф:a8 7. Сb7! Фа1! (грозило 8. Лh1, мат) 8. Се4! (не 8. Лh1+? Ф:h1 9. С:h1 Кр:h1 10. g4 hg 11. Кр:g4 Кpg2 12. f5 gf+ 13. Кр:f5 Кpg3 14. g6 Крh4!, ничья), и выигрыш. Тематическим ложным следом является 1. Лc2!? («не до удаления»!) С той же игрой и ничьей после 7. Сс6! Фа1!, так как поле c1 черного цвета и слон не может поддержать ладью.

Л. М и т р о ф а н о в и Э. П о г о с я н ц ¹⁹² — *приз* за пре-

красную иллюстрацию силы беззащитного коня, обезоруживающего черного ферзя, а потом принимающего участие в решающей матовой атаке.

Чудесный сплав мастерства, этюдного наследия и фантазии, рожденной шахматной жизнью!

1. **a7 Ce4!** Нет 1. . . **d1Ф?** 2. **a8Ф+ Kph7** 3. **Фg8+ Kph6** 4. **К:f5+ Kph5** 5. **Фg6**, мат. 2. **К:e4 d1Ф** 3. **Kd2!!** (3. **a8Ф+?** **Фd8**) 3. . . **Kph7!** (нет 3. . . **Фb3**, **Фf3**, **Фf1** нет 3. . . **Ф:d2?** 4. **a8Ф+ и** 5. **Ф:h1+**) 4. **a8Ф Kph6** 5. **Фh8+**. Начиная заключительную атаку. 5. . . **Kpg5** 6. **Фe5+ Kph4** 7. **Фh2+ Kpg5** 8. **Ke4+ Kpf5** 9. **Kd6+!** Решающее перестроение сил. 9. . . **Kpg5** 10. **Фe5+ Kph4** 11. **Kf5+!** **Kph3** (11. . . **Kpg5** 12. **Ke3+ и** 13. **К:d1**) 12. **Фh8+!** Размашистые маневры ферзем! 12. . . **Kpg2** 13. **Ke3+ и** 14. **К:d1**, выигрыш.

Г. Н а д а р е и ш в и л и (Тбилиси) ¹⁹³ — *приз* за этюд, отражающий в полной мере грузинское изящество в сочетании с безукоризненностью формы, присущей этому видному художнику, истинному жрецу Каиссы, ныне международному гроссмейстеру по шахматной композиции.

1. **f8К+!** **С:f8** (1. . . **Kpg8** 2. **Ла8!** — ничья) 2. **efК+!** Снова в коня! — 2. **efФ?** **Кf3+** 3. **Kph5 Лh4**, мат. 2. . . **Л:f8** 3. **Лh1 Лg8+ 4. Kpf6!** (4. **Кpf5? Кh4+** и 5. . . **Кf3**, 4. **Кph5? Кf4+** и 5. . . **Лg4**, мат) 4. . . **Лg6+ 5. Kpf7! Лh6**. Оба превращенных белых коня погибли, оба черных коня — уцелели. 6. **Лg1! Лg6**. Выясняется, что конь с g2 уйти не может — 6. . . **Кg2 ∞** 7. **Лg7+ Kph8** 8. **Лg8+ Kph7** 9. **Лg7+**, с вечным шахом. 7. **Лh1! Лh6** 8. **Лg1**, позиционная ничья вечным нападением.

Э. П о г о с я н ц (Москва) ¹⁹⁴ — *приз* за редкостную паходку, которая заинтересует любого гроссмейстера, любого мастера практической игры, не говоря уже о достигнутом им в этюде «обаянии простоты», как одного из высших проявлений красоты в миниатюре.

1. **f6 Лg8!** В случае отхода ладьи с e7 белые выигрывают, приблизив короля к проходным пешкам. 2. **fe Л:g7+ 3. Kph3!** И нет 3. . . **Л:e7?** 4. **Ла1+**. 3. . . **Лh7+!** 4. **Kpg3 Лg7+!** 5. **Kpf2!** И нет 5. . . **Л:e7?** 6. **Лh4**, мат. 5. . . **Лf7+!** 6. **Лf4!** Разрубая узел! 6. . . **Л:f4 7. Кре3**, и выигрыш.

Специальные премии в виде собрания сочинений получают:

А. З а х а р о в (Ленинград) ¹⁹⁵ — спецприз за воплощение в чистом виде столь милого сердцу юбиляра мата одной пешкой при заблокированных черными фигурами двух полей. Достигнуто это «кровопролитной борьбой», завершением замысла, но какой ценой!..

Почти все фигуры под боем. 1. **b7+!** **Кр:b7**. Не принять жертвы пешки нельзя: 1. . . **Кра7?** 2. **b8Ф+ Кр:b8** 3. **Лh8+**, 4. **Л:f7+** и 5. **К:g3**. 2. **a6+ Кра7** 3. **Л:f7+ Кр:a6** (3. . . **Крb6?** 4. **Лb4+ Крe5** 5. **К:g3 Кр:b4** 6. **a7 Ла5** 7. **bc+ Кра4** 8. **Лf5**) 4. **Ла4+ Крb5** 5. **К:c3+ Л:c3+!** 6. **Кр:c3 Кр:a4** 7. **Крe4! Ла5!** (иначе 8. **Ла7+**) 8. **Лf3!** Но не 8. **Лf1?** **Лc5+!** 9. **Кр:c5 Крb3**, и гибнет пешка b2. 8. . . **Ce7!** И все-таки 9. **Ла3+!** **С:a3** 10. **b3**, мат!

А. Копии (Москва) ¹⁹⁶ — спецприз за очень сложный этюд с дебрями вариантов, доказывающих, что невозможное возможно. Идею Гальберштадта — Горгиева — Гурвича, моих давних друзей, удалось здесь удвоить, расширив поле брани на добрую половину доски. И отважный король по всему полю преследует ладью в двух эхо-вариантах.

1. f7+! Не сразу 1. Л:с5? С:с5! 2. Kpf4 Kbc6 3. Kc7+ Kpf7! 1. . . Kpf8 2. Л:с5 Л:с5+. В случае 2. . . С:с5 3. Kpf4 Lh5 4. Kpg4! Ле5 5. Kpf4 Kbc6 6. С:с6 К:с6 7. Kb6! Кр:f7 8. а7! Се3+ 9. Kpf3! Kd4+ 10. Kpg4 Lg5+ 11. Kph3! У черных только вечный шах.

3. Kph3 Lh5+ 4. Kpg4 Lh6 5. Kpg5 Ле6 6. Kpf5 Ле5 (иначе «вечность» Ле6—h6, Kpf5—g5) 7. Kpf4! Ld5+ 8. Kpe3! Сс5+! (8. . . Ljd1 9. Kpe2 Ljd4 10. Kpe3, и «вечность» Ljd4—d1, Kpe3 — e2) 9. Kpf4! Ljd4+ 10. Kpe3! Лс4+ 11. Kpd3 Лс1 12. Kpd2 Лс4 13. Kpd3 Ljd4+ (иначе «вечность» Лс4 — c1, Kpd3 — d2) 14. Kpe3! Ld5+ 15. Kpf4! Cd6+ 16. Kpe3 Ле5+ 17. Kpf4! Ле6+ 18. Kpf5 Lh6 19. Kpg5 и т. д. с вечным повторением ходов.

А. Фроловский ¹⁹² — спецприз за решение той же проблемы, но при одном лишь активном блокировании и черной пешке, не участвующей в матовом рисунке. Однако игра в этюде оставляет самое лучшее впечатление. Оно усиливается взаимным цугцвангом белых и черных.

1. Лb8! Если пойти иначе, последует 1. . . Cd6+, 2. . . С:а3 и 3. . . с6!, запирая слона на а8 и добиваясь позиционной ничьей. 1. . . Cd6+ 2. Kpd5! С:а3 3. Се6!! Вместо того чтобы остаться с лишней фигурой, белые сами жертвуют! 3. . . de+. Любопытно и 3. . . Кра5!? 4. Лb5+ Кра6 (4. . . Кра4? 5. b3, мат!) 5. b4! С:b4 6. Л:b4 Кра5 7. Лb5+ Кра4 8. Лb1+! dc+ 9. Kpc4! Кра5 10. Kpc5 Кра6 11. Кр:с6. 4. Кр:с6 Се5! 5. b3! Не попадаясь на вариант 5. b4? Сb6!, и цугцванг у белых. 5. . . Сb6 (увы, позиция взаимного цугцванга) 6. b4! А теперь в цугцванге черные. 6. . . Се3 7. Лb5 Сb6 8. Ла5+! (медлить нельзя — 8. . . Ла8) 8. . . С:а5 9. b5, мат!

Почетные отзывы в сопровождении авторского подарка — книги «Дар Каиссы» — получают:

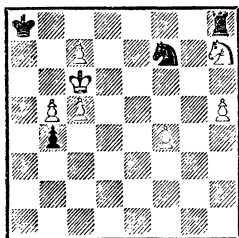
Л. Кацнельсон (Ленинград) ¹⁹³, которому удалось создать в этюде любопытное положение цугцванга: две обычно столь желанные проходные пешки могут перекрыть защитную линию ферзя и вызвать мат себе. До чего же досадно черным!

1. Лb8+ Кра4 2. Кр:c2 g2 3. Kpb1! g1Ф+ 4. Кра2 Фh2! 5. d5! c4 6. d6! ed 7. g5 d5 8. Лb7 e3 9. g6 d4 10. g7 Фg2 11. Лb8 (b6) d3 12. Лb6 (b8) d2 13. b3, мат. 9. . . Фc2 10. g7 e2 11. g8Ф e1Ф 12. Фg4+ Фc4+ 13. b3, мат.

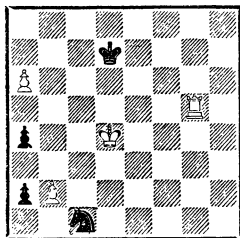
В. Козырев ¹⁹⁹ — за этюд, где неожиданное превращение белой пешки в ладью на 9-м (!) ходу начинает дуэль между этой ладьей и превращенным ферзем черных, заканчивающуюся в пользу белых. Превращение в слабую фигуру радует противников рутины, в особенности когда вновь появившаяся фигура принимает активное участие в завязавшейся на доске борьбе.

1. Kf8! Л:f8 2. b6 Kd8+ 3. Kpd7! Kb7! 4. e8Ф+ Л:c8 5. Кр:c8

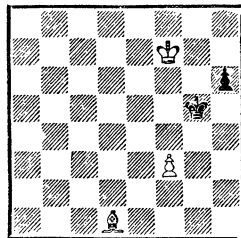
199

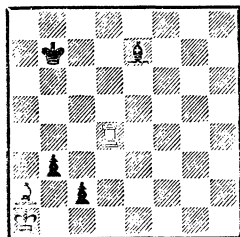
200

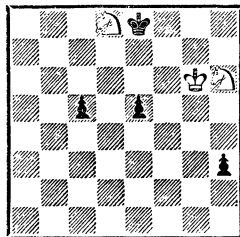
201

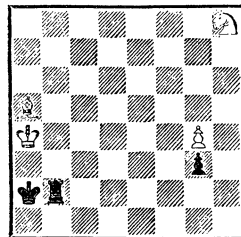
202

203

204

б3 6. h6 b2 7. h7 b1Ф 8. h8Л! Фb2 9. Лg8! Фb3 10. Лf8! Кd8 11. Л: d8 Фf7 12. c6, и выигрывают.

Л. Митрофанов и А. Губанов (Ленинград) ²⁰⁰ — за очень экономную позицию, дающую начало борьбе слабой стороны с сильной при почти пустой доске. Но беспомощны на ней и черный ферзь, и конь! Примечательный парадокс, важный для решающей победы над шаблоном.

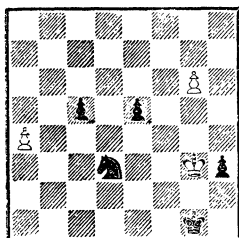
1. Крd5! Крс7 2. а7 Крb7 3. а8Ф+! Кр:а8 4. Крс6 а1Ф 5. Крс7! Кb3 6. Крb6!, и выигрывают.

Ю. Сейпан (Ворошиловград) ²⁰¹ — за прелестную «малютку», полную глубокого смысла. К ней нельзя остаться равнодушным любому любителю шахмат. Останавливает на себе внимание ход 6. Крh8!, ключевой в замысле белых. Экономность в материале доведена здесь до предела. А нестандартный расчет и выдумка торжествуют, казалось бы, «на ровном месте», а не в чашобе фигур.

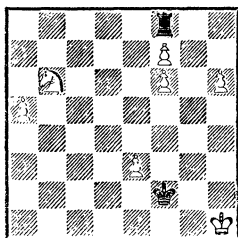
1. Сс2 h5 2. Cf1 h4 3. Cg2 Крf5 4. Крg7 Крg5 5. Крh7 Крh5 6. Крh8! Крh6 7. f4!, и выигрывают.

Э. Погосянц ²⁰² — за миниатюру маститого автора, поражающего знатоков своей феноменальной производительностью. Здесь он встроил в изящную миниатюру не только свой авторский замысел, но еще и «этюд в этюде» в виде ложного следа с превращением ради выигрыша черных их пешки в слабую фигуру. Зато в авторском варианте, когда она превращается в ферзя, позволяя черному слону грозить матом, белые все-таки спасаются благодаря «вдумчиво-бешеной ладье», умело гоняющей короля так, что в поисках укрытия от назойливого преследования он отдает и слона, и пешку, после чего угроза мата исчезает. Можно спорить, какой

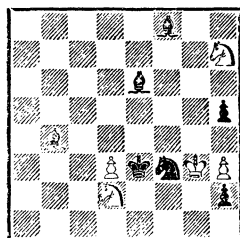
205

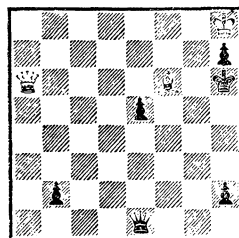
206

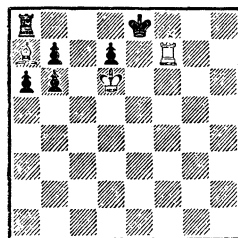
207

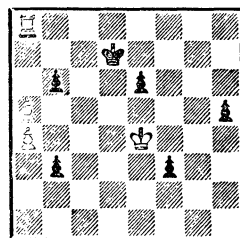
208

209

210

из двух этюдов Погосьянца лучше: призовой или этот, но... с судьями не спорят, разве что сам судья поспорит сам с собой!

1. Сb1! c1Ф 2. Лd7+ Крe8 3. Лd8+ Крb7 4. Лd7+! Крb6 5. Лb7+! Крe5 6. Лc7+! Крb4 7. Лb7+ Кра3 8. Ла7+ Крb4 9. Лb7+ Крe4 10. Лc7+ Крd5 11. Лd7+ Cd6! 12. Л:d6+ Крe5 13. Лd5+ Крe6 14. Лd6+ Крe5 15. Лd5+ Крf4 16. Лd4+ Крe3 17. Лd3+ Крe2 18. Л:b3! — ничья.

Л. С п л а с е в ²⁰³ — за борьбу двух коней против ферзя. Покойный М. Либуркин считал, что в большинстве случаев они делают ничью, но у черных есть резерв в виде двух проходных. И все-таки «конская сила» создает вечную угрозу мата, от которой бесспорен убежать своего короля и могучий ферзь. Победа сплоченности и остроумия над грубой силой не может не привлекать, учит искать этого и в шахматах и в жизни.

1. Кc6! h2 2. Kg4! h1Ф 3. Kf6+ Крf8 4. Kh7+ Крg8 5. Кe7+ Крh8 6. Kg5! Фg2 7. Kph6! Фf1 8. Кpg6! Фb1+ 9. Крf7! Фа2+ 10. Кpg6! Фа6+ 11. Крf7! Фb7 12. Крf8! Фа6 13. Крf7 Фf1+ 14. Кpg6 Фg2 15. Крh6 — позиционная ничья.

Похвальные отзывы присуждены лишь некоторым этюдам из числа многих, заслуживающих похвалу, поскольку нет возможности отметить их все. Поэтому приходится ограничиваться похвальными отзывами, которые заслужили своими этюдами:

Э. А с а б а (Москва) ²⁰⁴.

1. Сe7! g2 2. Ch2 Лb1! 3. Kg6 Лh1 4. Сg1 Л:g1 5. Kh4! Теперь, когда ладья и конь прикованы к пешке g2, начинается новая фаза этюда — поединок королей. 5... Кра1 6. Кра5! (6. Кра3? Лc1 7. К:g2 Лg1 8. Kh4 Лg3 — с выигрышем). 6... Крb1 7. Крb5 Крe1 8. Крe4. 8. Крe5? Крd1 9. Крd4 Крe2 10. Крe4 Крf2 11. Крf5 Крg3

12. K:g2 Л:g2. 8. . .Kpd1 9. Kpd3 Kpe1 10. Kpe3 Kpf1 11. Kf3! Лh1 12. Kd2+ Kpg1 13. Kf3+ Kpf1 14. Kd2+ Kpe1 15. Kf3+ — ничья. 8. . .Kpc2 9. g5! Ле1 10. K:g2 Ле2 11. Kh4 Ле4+ 12. Kpd5 Л:h4 13. Kpe6 — ничья.

Р. Винокур (Москва) ²⁰⁵.

1. g7 h2 2. g8Ф h1Ф 3. Фа2! Фе4! 4. Фb1+ Фе1+ 5. Ф:e1 K:e1 6. a5 e4 7. a6 e3 8. a7 e2 9. a8Ф Kf3! 10. Kp:f3! e1Ф 11. Фg8+ Фg3+ 12. Ф:g3+. Любопытный поединок двух пар ферзей!

С. Захаров (Ленинград) ²⁰⁶.

1. h7! Лh8 2. f8K! Л:f8 3. f7 Лh8 4. f8K! Л:f8 5. Kd7 Лh8 6. Kf6! Kp:e3 7. a6 Kpf4 8. a7 Kpe5 9. a8Ф! Л:a8 10. Kg8! или 8. . .Kpg5 9. Kd7! Kpg6 10. Kpg2 (g1) Ла8 11. a8Ф! Л:h8 12. Kb8! Два симметричных финала объединены интересной вступительной игрой.

В. Коваленко (Приморский край) ²⁰⁷.

1. Kf1+ Kpe2 2. K:h2 h4+! 3. Kpg2 Ke1+ 4. C:e1 Cd5+ 5. Kf3! C:f3+ 6. Kpg1! Ce5+ 7. d4! C:d4+ 8. Kph2 Ce5+ 9. Kpg1 Kp:e1 10. Kg5! Cd4+ 11. Kph2 Ce5+ (11. . .Cd5 12. Kf3+ C:f3 — пат. Вот почему белые играли 7. d4!) 12. Kpg1 — позиционная ничья из-за угрозы вечного пата.

В. Разуменко и Л. Митрофанов (Ленинград) ²⁰⁸.

1. Фd3! b1Ф (1. . .e4 2. Фh3+ Kpg6 3. Фе6! Фf1 4. Cd8+ Kph5 5. Kp:h7!, и черные получают мат) 2. Фh3+ Kpg6 3. Cd8! h1Ф. У черных три (!) ферзя. 4. Фg4+ Kpf7 5. Фg8, мат.

В. Самило (Харьков) ²⁰⁹.

1. Лh7! Л:a7. Нельзя 1. . .0—0—0, так как король или ладья черных уже ходили. 2. Kpc7 a5! 3. Kpb8 Ла6 (3. . .Kpd8 4. Лh8+ Kpe7 5. Kp:a7 Kpd6 6. Kp:b6) 4. Kp:b7 с выигрышем.

Р. Тавариани (Тбилиси) ²¹⁰.

1. Ла7+ Kpd8! 2. Kpe5 Kpc8 3. Kpd6 Kpb8 4. Лg7! f2 5. Kpc6 f1Ф 6. Лg8+ Кра7 7. ab+. 2. . .b2 3. Kpd6 Kpc8 4. Kpc6 Kpb8 5. Лb7+ Кра8 6. Kpc7! b1Ф 7. Лb8+ Кра7 8. ab+ Ф:b6+ 9. Л:b6. 1. . .Kpc8 2. Kpd3! e5! 3. Лf7! e4+ 4. Kpc3 h4 5. ab h3 6. a5 h2 7. a6 h1Ф 8. b7+. Два тонких, чисто игровых варианта разветвляются после первого хода черных.

В заключение хочу признаться в том, что я отдавал предпочтение этюдам, где первый ход за белыми, и белый король не стоит под шахом. Авторы некоторых произведений могли и не знать этой моей «ортодоксальности», но она, на мой взгляд, вынуждает художников искать наилучшее воплощение идей, соблюдая принятые «правила игры», как соблюдает их поэт, рифмуя строки и вкладывая поэтическое содержание в прокрустово ложе строк. А ведь шахматная композиция — это поэзия шахмат!

Сердечно благодарю еженедельник «64» за проведение юбилейного конкурса, посвященного моему семидесятилетию, и еще раз всех этюдистов, участвовавших в нем.

*Александр Казанцев, международный
мастер и арбитр по шахматной композиции
7 декабря 1976 г. Москва.*

К ИТОГАМ ЮБИЛЕЙНОГО КОНКУРСА ЭТЮДОВ, ПОСВЯЩЕННОГО СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО МАСТЕРА А. П. КАЗАНЦЕВА

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ПРИСУЖДЕНИЕ

К сожалению, высказанная мной когда-то мысль, что шахматный этюд — это позиция, авторский замысел которой еще не опровергнут, начинает обретать права афоризма. Читатели «64», стоящие на страже непреложных законов Каиссы, оказали мне, как судье конкурса, помощь при подведении окончательных итогов соревнования («64», 1976, № 52). Этюд Ан. Кузнецова не решается после 1. .h6 2. Kph3 Ce6+ 3. K:e6+ Ф:e6+ 4. g4 Фа6 5. Kpg3 Фd6+! 6. f4 Фа3! 7. Cf3 Ф:b2, а этюд Л. Митрофанова и Э. Погосянца — после 1. a7 Kph7! 2.a8Ф Cg6+. Этюд С. Захарова имеет близких предшественников (В. Коваленко, «Шахматы в СССР», 1966; и А. Сарычев, «Червоный гырник», 1974).

Итак, призы на равных присуждаются композициям Д. Гургенидзе и В. Каландадзе, Г. Надареишвили и Э. Погосянцу, специальные призы — этюдам А. Коппина и А. Фроловского. Остальные отличия не изменены.

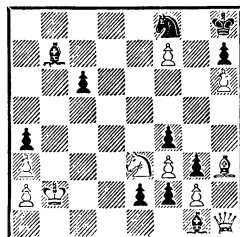
*Александр Казанцев,
международный арбитр
«64», 1977, 24 ноября, № 47,*

ШАХМАТНЫЕ АВТОРИТЕТЫ ОБ ЭТЮДАХ АВТОРА

Присуждение заслуженным деятелем искусств РСФСР А. Троицким международного конкурса имени А. А. Троицкого (1930): «...V приз, «Курган-1», А. П. Казанцев²¹¹.

Та же тема, как и в следующем этюде (I почетный отзыв, Л. Богатырев, Москва.—А.К.), но здесь замурованы две фигуры (в том числе ферзь!) и одна связывается. Неприятна громоздкость позиции (особенно скопление пешек в правом нижнем углу), объясняемая, конечно, грандиозностью самой темы. Первый ход 1. Ch3—f5 не дурец, но он «хорош только на половину». Я хочу отметить, что цель хода двойкая: 1) при угрозе матом в два хода (Фh1—h4—f6) отвечать на 1...e1Ф 2. Фh4 Фе2 3. Cc2! Фb5+ 4. Cb3! и т. д., а на 1...f1Ф 2. Фh4 Фа1+ 3. Kр:a1 e1Ф+ 4. Kpb2 Фd2+ 5. Kpb1 (теперь слон f5 предупреждает 5...Фd3+) и 2) на 1...Ch2 2. Фа1 e1Ф отвечать 3. Cb1, чтобы угроза матом оставалась

211
А. Казанцев (Томск)
«Задачи и этюды»
№ 8, 1930
V приз
международного
конкурса
имени А. А. Троицкого

Ничья

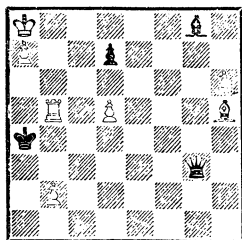
в смысле. Вот если бы совсем отсутствовала первая цель хода Sf5, а ход мотивировался бы лишь необходимостью 3. Сb1, то он был бы подготовительным исключительно к мату, но не к мату. Очень желательно, чтобы автор еще раз вернулся к этой теме и поискал более простой позиции. Последнее слово, по-видимому, еще не сказано!»

Так отзывался корифей шахматного этюда о первой попытке молодого тогда автора осилить «невероятное», поставив этот оцененный им высоко этюд (выше этюдов Л. Богатырева, Т. Горгиева, А. Гуляева, Р. Рети, Г. Кона и др.), но не только с указанием его достоинств, но и недостатков, с отеческим советом вернуться к этой теме.

Понадобилось 24 года, чтобы автор выполнил завещание

31

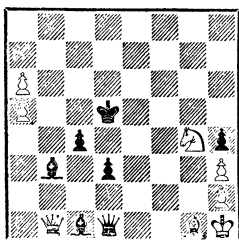
А. Казанцев
I приз
«Шахматы в СССР»,
1953

Выигрыш

53

А. Казанцев (Москва)
IV приз
международного
конкурса
в Чехословакии,
1954

Ничья

А. А. Троицкого и создал позицию, приведенную в этой книге⁵³, отмеченную IV призом Чехословацкого конкурса. Работа над этим этюдом определила стиль автора, который тем же способом многократного возвращения к разрабатываемой теме создал этюд³¹, отмеченный I призом журнала «Шахматы в СССР» в 1953 г.

Особо ценны для автора комментарии к этому этюду чемпиона мира по шахматам *Анатолия Карпова*:

«Позиция выглядит обоюдоострой. Формально черные имеют даже некоторый материальный перевес: ферзь за ладью и три пешки. Однако пешки белых далеко продвинуты, а король противника отнесен на крайнюю линию.

1. Лb7! Во-первых, уводя ладью из-под боя, во-вторых, защищая короля от шахов по диагонали, в третьих, — главное (!) — создавая матовую угрозу неприятельскому королю: 2. Cd1+ Кра5 3. b4+ Кра6 4. Ce2+. 1...Фe5. После 1...Фh2 белые могут продолжать как в главном варианте, или выиграть путем 2. Cd1+ Кра5 3. b4+ Кра6 4. Ca4 с угрозой 5. Сb5 ×. На 1...Ch7 решает 2. Cd1+ Кра5 3. b4+ Кра6 4. Ce2+ Cd3. 5. h7. На 1...Кра5 белые играют 2. Cd1 Кра6 3. b4, и черным все равно приходится пойти на 3...Фe5.

2. Cd1+ Кра5 3. b4+ Кра6 4. Ce2+ Ф : e2 5. Kpb8! Наконец очередь дошла до короля. 5...Фe5+ 6. Kpc8 Фe8+ 7. Kpc7 С : d5. Король убегает от шахов в случае 7...Фe5+ 8. d6 Фс3+ 9. Kpb8 с угрозой 10. a8 ×, а попытка пожертвовать ферзя — 8...Ф : d6+ 9. Кр : d6 Кр : b7 — не спасает от поражения: 10. b5 (ши в косм

случае не 10. Кр : d7? Кр : a7 11. Крс7 Краб 12. Крсб Кра7 и ничья) 10...Кр : a7 11. Крс7.

Выигрывают белые и после 7...d6 8. a8Ф+! Ф : a8 9. Лб6+ Кра7 10. b5 Фd8+ 11. Кр : d8 Кр : b6 12. Крд7 Крс5 13. Крс7.

Сейчас же кажется, что силы белых истощены, и им впору сдаваться. Но следует изумительный финал!!

8. a8Ф+!! Заманивая ферзя черных на пассивную позицию. 8...Ф : a8 9. Лб6+ Кра7 10. b5. Прекрасно! Ферзь и слон черных бессильны в борьбе против ладьи и пешки! Пока нужно защищаться от угрозы мата на a6. 10...Сb7. Простая защита, и вроде бы белые могут сдать. Однако... приглядимся внимательнее. 11. Ла6+! С : a6 12. b6×.

Этюд заслуживает самой высокой похвалы. Изящный финал, которому предшествует интересная и строгая иступительная игра.

А вот комментарии к другому этюду ¹⁰³ международного гроссмейстера, доктора психологических наук, профессора *Н. В. Крзюса*.

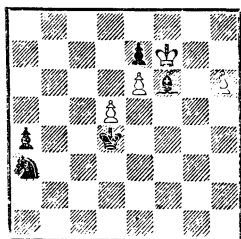
«Миллионы читателей увлекаются научно-фантастическими романами известного советского писателя А. П. Казанцева. Но музы одарили щедрый талант Александра Петровича способностью создавать фантастические сюжеты не только в литературе. Для этого достаточно познакомиться с приведенным этюдом, который можно назвать «шахматной феерией».

На первый взгляд ничто не может спасти белых, но... 1. d6 Kb5. Другой путь, связанный с 1...Kc4, будет рассмотрен ниже. 2. de Kpe5 вынужденно. После 2...Ce5 3. e8Ф Kd6+ 4. Kpf8 K : e8 5. Кр : e8 a3 6. Kpf7 a2 7. e7 a1Ф ничья очевидна. 3. e8K! Первое чудесное превращение. Конечно, проигрывало 3. e8Ф из-за 3...Kd6+ 4. Kpf8 K : e8 5. Кр : e8 Кр : e6. 3...Ch8. Лучшего не видно. В случае 3...a3—4. h7! Дело сводится к основному варианту. 4. h7 a3 5. Kpg8 Кр : e6! Черные тоже на высоте, создают белым максимальные трудности. После 5...a2 6. Кр : h8 a1Ф 7. Kpg8 Фg1+ 8. Kg7 Kpf6 9. h8Ф Фg5 10. Kpf8 Фc5+ 11. Kpf8 Фc5+ 12. Kpg8 черным не удастся усилить позицию. 6. Кр : h8 Kpf7 7. Kd6+. Не столько прозрачный расчет на 7...K : d6 с матом, сколько прелюдия к последующим удивительным событиям. 7...Kpf8 8. K : b5 a2 9. Kd4! В этом соль: 9...a1Ф ведет к пату. Но черные находят новый ресурс. 9...a1Л! Второе чудесное превращение. Теперь пат нет, а король белых в опасности. 10. Ke6+ Kpf7 11. Kd8+ Kpg6. Если 11...Kpf6, то 12. Kpg8 Лg1+ 13. Kpf8 с ничьей. 12. Kpg8 Ла8 13. h8K+! Появление третьего волшебника, которое приводит драму к благополучному финалу. 13...Kpf6 14. Khf7 — и ничья.

Красив и другой вариант: 1...Kc4 2. de Kpb5 3. e8K Ch8 4. h7

108

А. Казанцев
Первенство СССР,
1947—1948
4-е место

Ничья

а3 5. Kpg8 Kp : e6 6. Kp : h8 Kpf7 7. Kd6+ Kpf8 8. K : c4 a2
9. Ke5! a1Л 10. Kd7+ с ничьей.

Этот этюд, который не побоюсь назвать подлинным шедевром, не только приносит большое эстетическое наслаждение и сообщает полезные сведения о приемах игры в эндшпиль. Значение его гораздо шире.

Думаю, что он не может не воодушевлять, не заражать оптимизмом. Он демонстрирует, как то, что казалось невозможным, становится возможным. Нужно лишь всегда бороться и искать».

ПЕРЕЧЕНЬ ЭТЮДОВ АВТОРА, ПРИВЕДЕННЫХ В КНИГЕ

(Номера соответствуют номерам диаграмм)

64, 1933	№ 1
Конкурс памяти Шота Руставели, IV приз, переработка, 1974	№ 3
<i>Шахматы в СССР</i> , 1952—1953, I почетный отзыв	№ 10
<i>Запорожская правда</i> , 1964, I—II приз	№ 18
<i>Шахматы в СССР</i> , 1950, II приз	№ 22
<i>Шахматы в СССР</i> , 1947, IV приз	№ 26
<i>Шахматы в СССР</i> , 1953, I приз	№ 31
64, 1935, I приз, переработка, 1980	№ 40
<i>Проблем</i> , 1963, переработка, 1980	№ 45
Конкурс в Чехословакии, 1954, IV приз	№ 51
Первенство СССР, 1953, 8-е место, переработка, 1954	№ 57
Первенство СССР, 1953, 4-е место, конкурс памяти М. П. Чигорина, I приз	№ 63
Конкурс «Мерани», 1968, I—II приз	№ 69
«Дар Каиссы», 1975	№ 77
<i>Физкультура и спорт</i> , 1981	№ 88
Оригинальный	№ 94
<i>Шахматы в СССР</i> , 1970	№ 101
<i>Шахматы в СССР</i> , 1947, первенство СССР, 1947—1948, 4-е место	№ 108
<i>Бюллетень ЦШК</i> , 1973, посв. Е. Умнову	№ 116
Олимпийский конкурс, 1963, I—II приз, переработка <i>Проблем</i>	№ 125
<i>Шахматы в СССР</i> , 1978	№ 137
<i>Физкультура и спорт</i> , 1978	№ 149
64, 1933, I почетный отзыв	№ 171
<i>Шахматы в СССР</i> , 1933, совм. с М. Либуркиным и Л. Староверовым	№ 172
Шерон. Учебная и карманная книга по эндшпилям, 1957—1958	№ 173
Оригинальный, переработка совм. с М. Либуркиным и Л. Староверовым	№ 174
64, 1961, специальный приз, совм. с Г. Каспаряном	№ 175
64, 1969	№ 176
«Дар Каиссы», 1975, совм. с Э. Погосянцем	№ 177
«Дар Каиссы», 1975, совм. с Э. Погосянцем	№ 178
Оригинальная редакция этюда, 1982	№ 180
«Дар Каиссы», 1975, совм. с Б. Сахаровым	№ 181
<i>Шахматы в СССР</i> , 1982	№ 183
Этюд памяти Б. А. Сахарова (оригинальный), 1983	№ 189

СОДЕРЖАНИЕ

Дар Каиссы. Повесть	5
Шахматы на дне колодца. Повесть	115
Гость Бастилии. Повесть	139
Рассказы	157
Роковая мина	159
Пластинка из слоновой кости	168
Ныряющий остров	177
Марсианская партия	184
Матч антимиров	191
Щит короля Артура	201
13-й подвиг Геракла	210
Подарок Шамбалы	223
Поэты не умирают	238
Блестящий проигрыш	248
Приложение	257
Этюды, премпированные на конкурсе «64» по случаю семидесяти- летия А. П. Казанцева	259
Шахматные авторитеты об этюдах автора	267
Перечень этюдов автора, приведенных в книге	270

Александр Петрович Казанцев

ДАР КАССЫ

2-е издание, дополненное

Заведующий редакцией

В. И. ЧЕПИЖНЫЙ

Редактор

Ф. М. МАЛКИН

Художник

Ю. Г. МАКАРОВ

Художественный редактор

В. А. ЖИГАРЕВ

Технический редактор

Т. Ф. ЕВСЕНИНА

Корректор

Р. Б. ШУШИКОВА

ИБ № 1476. Сдано в набор 06.01.83. Подписано
в печати 07.07.83. А 09729. Формат 60×90/16. Бумага
тип. № 1. Гарнитура «Литературная». Высокая печать.
Усл. печ. л. 17,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л.
18,75. Тираж 100000 экз. Издат. № 6845. Заказ № 1165.
Цена 1 р. 30 к.

Ордена «Знак Почета» издательство «Физкультура
и спорт» Государственного комитета СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
101421, Москва, Калевская ул., 27.

Ордена Октябрьской Революции
и ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-54, Ваволова, 28.

1 р. 30 к.

